

Государственный комитет
по охране культурного наследия
Республики Крым

Историческое Наследие Крыма

Сборник статей

Симферополь
2014

ББК 63
УБК 087
И 90

И 90 Историческое наследие Крыма / Гос. комитет по охране культурного наследия Республики Крым : сб. ст. — Симферополь : ООО «Антиква», 2014. — 250 с. : ил.

ISBN 978-5-9906277-2-7

Главный редактор
Н. О. Гриненко,
председатель Государственного комитета
по охране культурного наследия Республики Крым

Редколлегия:

Айбабин Александр Ильич, доктор исторических наук, руководитель Крымского отделения Института востоковедения
Герцен Александр Германович, кандидат исторических наук, декан исторического факультета ТНУ им. В. И. Вернадского
Гржибовская Галина Николаевна, заслуженный работник культуры Крыма, заведующая редакционно-издательским отделом Крымского университета культуры, искусств и туризма
Зарубин Вячеслав Георгиевич, зампредела Госкомитета по охране культурного наследия Республики Крым
Киселёв Сергей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент ТНУ им. В. И. Вернадского
Лаптев Юрий Николаевич, директор Крымского этнографического музея
Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук, замдиректора по научной работе Крымского филиала Института археологии
Мальгин Андрей Витальевич, кандидат филологических наук, генеральный директор Центрального музея Тавриды
Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор ТНУ им. В. И. Вернадского
Орехов Владимир Викторович, доктор филологических наук, профессор ТНУ им. В. И. Вернадского
Орехова Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор ТНУ им. В. И. Вернадского
Романько Олег Валентинович, доктор исторических наук, профессор КГМУ им. С. И. Георгиевского
Руев Владимир Леонидович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Госкомитета Республики Крым по охране культурного наследия
Хливнюк Александр Витальевич, кандидат исторических наук, руководитель Научно-исследовательского центра памятникоохранных исследований

ББК 63
УБК 087

**Редакционная коллегия благодарит авторов за сотрудничество
и просит отправлять статьи для публикации в следующих выпусках
на e-mail: antikva07@mail.ru или monuments@ark.gov.ua**

ISBN 978-5-9906277-2-7

© Издательство «Антиква», оригинал-макет, 2014
© Государственный комитет по охране культурного наследия Республики Крым, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Н. О. Гриненко. Новое время — новые горизонты 5

Современная история Крыма

А. В. Мальгин

Крымская весна. Хронология событий. 21 февраля — 21 марта 2014 года 7

Материалы Первого регионального крымского фестиваля «Культурное наследие Крыма»

Е. Ремизова

О полифонии архитектуры Крыма 21

А. Остах

Многообразие стилевых черт в архитектуре Ливадийского дворца 24

И. Климов

Исторический генезис православного храмового зодчества Крыма 26

Н. Кудряшова

Нереализованный проект дворца в Ореанде архитектора К.-Ф. Шинкеля 28

А. Коломоец

«Архитектор Краснов — удивительный молодец»..... 31

Исторические портреты

Д. А. Прохоров

Эпистолярное наследие И. С. Шмелёва как источник по реконструкции биографий
представителей караимской эмиграции во Франции 33

И. В. Похвалин

Размышление у могилы А. К. Абрамова в Симферополе..... 46

В. Н. Гуркович

Письмо гидрогеолога И. М. Педдакаса из Алушты товарищу Сталину 51

«...Есть жажда жизни и творчества!» Письма Рюрика Ивнева — Григорию Петникову

Предисловие и подготовка материала Сергея Скорого и Алексея Тимиргазина 55

Военная история Крыма

В. И. Павленков, Н. В. Павленкова

Великий русский полководец в Крыму. К 285-летию со дня рождения А. В. Суворова 82

Минный заградитель «Прут»: бунт и гибель. Новое из истории Черноморского флота. К 100-летию
начала Первой мировой войны

Предисловие и подготовка материала А. С. Бачинской, А. А. Бачинской 98

В. Н. Гуркович

Первое захоронение воинов Русской армии за всю эпоху советской власти. К 95-летию окончания

Гражданской войны 121

С. Н. Ткаченко

«Результат боя всех подразделений...». К вопросу о событиях в районе Васильковской балки

(Зуйские леса) в январе 1944 года. К 70-летию Великой Победы 124

Перекрыстки истории

Л. А. Науменко

О традиционной русской культуре в Крыму: коллекция самоваров и предметов чайной церемонии

из фондов Крымского этнографического музея 131

<i>В. Г. Зарубин</i> Проблема статуса русского и других языков в Крыму в первой половине XX века	138
<i>Д. А. Борисов</i> «Занимайся физкультурой!» История становления физической культуры и спорта в Крыму в 1919–1923 годах	146
<i>История одной семьи</i> <i>Предисловие и подготовка материала В. В. Орехова</i>	152
<i>Историческое краеведение</i>	
<i>С. А. Андросов</i> Основные тенденции музейного строительства в Крыму в 1930-е годы	168
<i>А. Д. Попов</i> Эволюция туристского сервиса в Крыму: страницы истории (1945–1991 гг.)	181
<i>Археологические и полевые исследования в Крыму</i>	
<i>С. Б. Ланцов, В. П. Власов, С. Л. Смекалов, М. С. Шапцев</i> Археологические исследования на некрополе городища Джан-Баба	191
<i>С. Ю. Внуков, С. Б. Ланцов, В. П. Власов, С. Л. Смекалов, М. С. Шапцев</i> Раскопки на территории Кульчукского и Беляусского городищ и некрополей	192
<i>А. А. Масленников, А. А. Супренков, А. В. Ковальчук, Н. В. Кузина</i> Работы Восточно-Крымской археологической экспедиции Института археологии РАН.....	194
<i>М. С. Шапцев</i> Археологические разведки в Сакском и Черноморском районах Крыма в 2013–2014 годах	199
<i>С. В. Ушаков</i> О раскопках в северо-восточном районе Херсонеса.....	200
<i>А. Г. Герцен, В. Е. Науменко, А. А. Душенко, В. В. Лавров</i> Археологические раскопки Мангупского городища	203
<i>А. В. Лысенко, В. И. Мордвинцева, Н. И. Сударев, В. Ю. Юрочкин</i> Исследования могильника римского времени Лучистое-II в Южном Крыму	210
<i>Т. В. Егорова</i> Исследования Крымской археологической экспедиции МГУ на городище Чайка	211
<i>С. Ю. Внуков</i> Исследования греко-скифского городища Кара-Тобе	213
<i>О. В. Шаров, В. Ю. Юрочкин</i> Разведки в Бахчисарайском районе	215
<i>Ю. П. Зайцев, И. И. Шкрибляк</i> Археологические исследования на территории Белогорского района	216
<i>А. А. Супренков</i> К проблемам сохранения памятников археологии Керченского полуострова (предварительные итоги работ 2014 г.)	219
<i>Н. Ф. Федосеев</i> Археологические исследования в районе Царского кургана в Керчи	222
<i>Календарь событий</i>	
<i>Н. В. Кармазина, А. В. Хливнюк</i> Общественные инициативы в охране культурного наследия Республики Крым	225
<i>Поздравляем с 70-летним юбилеем! Владимир Николаевич Гуркович</i>	228
<i>Новое в законодательстве Республики Крым по охране культурного наследия</i>	
<i>Закон Республики Крым «Об объектах культурного наследия в Республике Крым»</i>	231

Новое время — новые горизонты

Дорогие читатели!

После четырёхлетнего «молчания» Государственный комитет по охране культурного наследия Республики Крым возобновляет выпуск издания «Историческое наследие Крыма», популярного не только у крымской читательской аудитории, но и за пределами полуострова.

Я горжусь тем, что нам удалось это сделать, и теперь вы вновь будете открывать неизвестные страницы истории нашего края, узнавать новое о замечательных памятниках, о личностях, внёсших огромный вклад в развитие Крыма. Четыре года — небольшой период для истории, но он был насыщен разными интересными и знаковыми событиями, в том числе в сфере сохранения, популяризации культурного и исторического наследия.

Вот краткий перечень этих событий.

2010 год. В Ливадийском дворце прошёл первый международный фестиваль по охране культурного наследия Крыма с участием историков, учёных и исследователей из России, Украины, Казахстана, Италии, Франции, Великобритании, Польши, США.

В декабре Верховным советом АР Крым утверждена Программа развития культуры и сохранения культурного наследия на 2011–2015 годы.

2011 год. Создан историко-археологический заповедник «Неаполь Скифский»; популярный туристический объект «Дворец-замок «Ласточкино гнездо» снова стал объектом культурно-туристической сферы.

2012 год (август). Создан Черноморский центр подводных исследований, и в Феодосии, на территории памятника национального значения «Дача Стамболи», открыт единственный на Украине реставрационно-выставочный центр объектов подводной археологии.

2013 год. Советом министров АР Крым принято постановление о проведении ежегодной всекрымской акции «Сохраним культурное наследие вместе», в рамках которой реализованы информационно-просветительские проекты «Ремесленный городок — кузница счастья» и «Новая жизнь древней столицы».

2013 год (4 июля). Северо-западнее мыса Тарханкут сотрудниками КРУ «Черноморский центр подводных исследований» обнаружена затонувшая в 1944 году советская подводная лодка Щ-216.

В предварительный Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО включены крымские памятники «Херсонес Таврический», Судакская крепость, пещерный город Чуфут-Кале, Салачик и Ханский дворец.

2014 год. Крым вернулся в Россию. Началась новая эпоха его развития.

21 мая. На пленарном заседании Государственного совета Республики Крым утверждён проект постановления «О мерах, направленных на сохранение объектов культурного наследия на территории Республики Крым в переходный период».

27 июня. Постановлением Совета министров Республики Крым утверждено Положение о Государственном комитете по охране культурного наследия Республики Крым.

20–21 июля. Председатель Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым Наталия Гриненко приняла участие в V парламентском форуме «Историко-культурное наследие России» во Владимире, организованном Советом Федерации Федерального собрания Российской Федерации.

8 августа. Государственный совет Республики Крым принял закон «Об объектах культурного наследия Республики Крым».

20–25 октября. Председатель Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым Наталия Гриненко приняла участие в крупнейшем всероссийском форуме — IV Всероссийском археологическом съезде в Казани, где выступила с докладом о проблемах сохранения археологического наследия Крыма.

21 ноября. Состоялась научно-практическая конференция «Сохраним археологическое наследие Крыма. Итоги полевого сезона».

Перед Государственным комитетом по охране культурного наследия Республики Крым сегодня стоят сложные задачи. Это прежде всего быстрее вхождение в правовое поле России, сохранение, использование, популяризация и государственная охрана объектов культурного наследия, в том числе борьба с грабительскими археологическими раскопками.

Выпуск данного издания — это долгожданное продолжение накопления сокровищницы наших знаний о прошлом Крымского полуострова. Это издание, на протяжении многих лет зарекомендовавшее себя как надёжный источник информации и сборник трудов специалистов-историков, займёт достойное место среди литературы по археологии, истории и краеведению. Новое время открывает нам новые горизонты. Редакцией принято решение о создании новой рубрики — «Современная история Крыма. Крымская весна».

Сборник «Историческое наследие Крыма» становится нашим главным рупором в деле популяризации и сохранения памятников истории и культуры в Республике Крым.

Н. О. Гриненко,
председатель Государственного комитета
по охране культурного наследия
Республики Крым

Современная история Крыма

А. В. Мальгин

Крымская весна. Хронология событий

21 февраля — 21 марта 2014 года

21 февраля

Киев. После кровавых событий в городе президент Украины Виктор Янукович и лидеры оппозиции Арсений Яценюк, Олег Тягнибок и Виталий Кличко подписали соглашение об урегулировании кризиса в стране. Соглашение было заключено при участии министров иностранных дел Франции, Германии, Польши и специального представителя Российской Федерации (который, однако, документ не подписал). Несмотря на то что соглашение предусматривало обоюдную деэскалацию конфликта и переходный период, силы радикальной оппозиции начали захват административных зданий. Президент Украины покинул Киев.

22 февраля

В Харькове прошёл съезд депутатов всех уровней юго-восточных регионов Украины, резко осудивший захват власти в Киеве экстремистами. Съезд призвал

население на местах к самоорганизации для противодействия экстремистским силам, а местные органы власти — взять всю полноту ответственности за положение в регионах страны.

Новое большинство в Верховной раде избрало председателем ВР Александра Турчинова, которого на следующий день «в связи с самоустранением президента от власти» назначило и. о. президента страны.

23 февраля

Крым. В 13:00 у здания представительства президента Украины в Симферополе состоялся митинг меджлиса, формально посвящённый годовщине гибели (23 февраля 1918 г.) деятеля крымскотатарского национального движения Нумана Челебиджихана. Митинг, в котором приняли участие также представители украинских организаций и радикальные группы «Правого сектора», призвал к роспуску крымского парламента, изменению Конституции Крыма

и потребовал от властей Симферополя в десятидневный срок снести памятник Ленину. Ряд крымскотатарских организаций, в частности «Себат», призвали крымских татар не принимать участие в митинге.

В этот же день состоялся митинг партии «Русское единство» на площади Ленина в Симферополе, на котором началось формирование народных дружин. Было сформировано десять рот народного ополчения различной численности.

Севастополь. На многолюдном митинге председателем городского исполнительного комитета был избран бизнесмен и деятель культуры Алексей Чалый, которому передал свои полномочия бывший глава администрации Владимир Яцуба. Митинг заявил о непризнании власти в Киве.

В Симферополе состоялись похороны трёх бойцов «Беркута», погибших во время столкновений в Киве.

Верховная рада Украины объявила об отмене закона о региональных языках.

24 февраля

Крым. В ряде городов полуострова прошли митинги против захвата власти в Киве. В Керчи митингующие сняли с флагштока перед горсоветом украинский флаг и подняли российский.

В Крым прибыли новоназначенные министр внутренних дел Арсен Аваков и председатель СБУ Валентин Наливайченко.

В посёлке Зуя неизвестные ночью снесли памятник Ленину.

25 февраля

У стен Верховного совета АРК состоялся митинг и были проведены пикеты с требованием к крымским властям не признавать новую администрацию в Киве. Симферопольский горсовет назначил на 1 марта опрос горожан о судьбе памятника Ленину.

Крым посетила делегация Госдумы Российской Федерации во главе с председателем комитета Государственной думы по делам СНГ Леонидом Слуцким. Выступая в Верховном совете АРК, Слуцкий заявил, что Госдума может рассмотреть вопрос о Крыме, «если противоречия на Украине будут углубляться» и «народ выскажется об этом на референдуме».

26 февраля

Симферополь. Президиум Верховного совета АРК назначил заседание парламента. На повестке дня вопросы об общественно-политической ситуации на Украине и об отчёте правительства Крыма.

26 февраля. Митинги сторонников и противников воссоединения Крыма с Россией у здания Верховного совета АРК

26 февраля. Кульминационный момент противостояния митингующих. В центре – С. В. Аксёнов

Предполагалось, что ВС АРК должен заявить об отказе подчиняться киевским властям и объявит референдум о расширении полномочий автономии, а также отправит правительство Анатолия Могилёва в отставку. Во многих СМИ распространяется информация о том, что крымский парламент готов объявить о присоединении Крыма к России, однако выступивший в этот день спикер Владимир Константинов опроверг эти заявления, назвав их провокационными.

Заявки на проведение митингов у стен Верховного совета подали меджлис (с протестом против проведения сессии) и «Русское единство» (в поддержку сессии) на 11 и 14 часов соответственно. Начавшие прибывать крымские татары заняли всю площадь перед парламентом, оттеснив активистов пророссийских организаций к дверям здания и скандируя лозунги «Крым — не Россия», «Банду — геть!», «Крым — Украина», «Аллах акбар!». Появился красно-чёрный бандеровский флаг, под которым выступает «Правый сектор».

К 14:00 на площади стали собираться активисты «Русского единства». Постепенно количество людей с обеих сторон достигает 10 тысяч человек. Начались стычки и локальные драки с применением палок,

камней, бутылок. Из здания периодически выходят глава меджлиса Рефат Чубаров и лидер «Русского единства» Сергей Аксёнов, которые призывают людей к спокойствию, однако обстановка накаляется.

Внутри здания спикер парламента Владимир Константинов не смог открыть сессию из-за отсутствия кворума (в зале находилось 49 депутатов вместо необходимых 51). Пока на площади идёт противостояние, в сессионном зале представитель Киева народный депутат Украины Андрей Сенченко и Рефат Чубаров убеждают Владимира Константинова отложить сессию. В конце концов объявляется перенос сессии. В этот момент сторонники меджлиса, применив слезоточивый газ и вытеснив активистов «Русского единства» с площади перед зданием, ворвались в холл через один из боковых входов. Однако, поскольку сессия не была открыта, Рефат Чубаров призвал своих сторонников покинуть здание и организованно разойтись по домам, говоря, что «Крым победил» и «сепаратистская сессия сорвана».

Как оказалось впоследствии, жертвами столкновений стали два человека: мужчина умер от сердечного приступа, а женщину затоптали во время давки. Всего пострадали 35 человек, госпитализировано шестеро.

Один из многочисленных митингов в поддержку референдума в Симферополе

Возле здания Совета министров Крыма

27 февраля

Симферополь. В 4:30 утра неизвестными вооружёнными людьми в масках заняты здания Совета министров и Верховного совета Крыма. Находившиеся в зданиях работники милиции, обслуживающий персонал были выпущены, двери забаррикадированы, над зданиями вместо украинских вывешены российские триколоры. Неизвестные, назвавшие себя представителями «самообороны русскоязычных граждан Крыма», никаких требований не выдвигали, от каких-либо переговоров с властями отказались. Когда в здание Совмина попытались прорваться журналисты, была взорвана световомувая граната.

Несколько позже в здание Верховного совета были допущены председатель ВС Владимир Константинов, члены президиума и депутаты. Президиум ВС принял Обращение к гражданам республики, в котором назвал захват оппозицией власти в Киеве неконституционным и объявил о проведении референдума о расширении прав Крыма, назначив его на 25 мая 2014 года.

Состоявшаяся вскоре внеочередная сессия парламента отправила в отставку правительство Анатолия Могилёва и назначила премьер-министром Крыма лидера партии «Русское единство» Сергея Аксёнова.

На Перекопском перешейке и Чонгаре установлены посты из бойцов расформированного накануне спецподразделения «Беркут», отказавшегося выполнять приказы из Киева.

28 февраля

Ночью вооружёнными людьми в армейском обмундировании без знаков различия и в масках взяты под контроль аэропорт Симферополь, а затем — госпредприятие «Крымаэроорух», обеспечивающее авиационную навигацию над территорией полуострова. Никаких изменений в работе аэропорта не произошло, рейсы выполняются в обычном режиме.

У представительства президента Украины в автономии пикет активистов-афганцев, чтобы не допустить в здание Сергея Куницына, назначенного Киевом своим представителем.

Верховный совет АРК утвердил новый состав правительства.

Флаг Украины спущен с администрации Севастополя.

Отряды народного ополчения Крыма и военные блокируют все пограничные пункты на территории автономии и большую часть воинских частей украинской армии в целях недопущения захвата и использования оружия этих частей экстремистами.

Взята под контроль республиканская телерадиокомпания — ГТРК «Крым».

В Крым прибыла делегация Татарстана, которая встретилась с руководством меджлиса.

Митингующие прогнали от здания парламента Крыма украинского бизнесмена и политика Петра

«Вежливые люди» взяли под охрану здание Совета министров Крыма

Порошенко — одного из организаторов смены власти в стране.

«Любые попытки вторжения на территорию Украины будут иметь серьёзные последствия», — заявил во время брифинга временно исполняющий обязанности президента Украины, спикер Верховной рады Александр Турчинов.

1 марта

Премьер-министр Крыма Сергей Аксёнов переподчинил себе все силовые структуры республики. Проведение референдума перенесено на 30 марта.

Отвечая на вопрос журналистов о присутствии российских войск на полуострове, постоянный представитель России при ООН Виталий Чуркин заявил

«Вежливые люди». Симферополь

Пикет симферопольцев возле украинской воинской части

ИТАР-ТАСС: «Россия в Крыму действует в рамках подписанного с Украиной соглашения о базировании Черноморского флота».

Ракетные катера и крейсер Черноморского флота блокировали украинские суда береговой охраны, находившиеся в Балаклавской бухте.

Исполняющий обязанности президента Украины Александр Турчинов издал указ о незаконности избрания новым премьером Крыма Сергея Аксёнова.

Президент России Владимир Путин обратился к Совету Федерации за разрешением об использовании вооружённых сил на территории Украины, в Автономной Республике Крым, которое вскоре было получено.

Ночью состоялся телефонный разговор президентов России и США. *«В ответ на проявленную Барак Обама озабоченность планами возможного использования российских вооружённых сил на территории Украины Владимир Путин привлёк внимание к провокационным, преступным действиям ультранационалистических элементов, по сути поощряемых нынешними властями в Киеве, — говорилось в сообщении на сайте Кремля. — Президент России акцентировал наличие реальных угроз жизни и здоровью граждан России и многочисленных соотечественников, находящихся на украинской территории, и подчеркнул, что в случае дальнейшего распространения насилия на восточные регионы Украины и Крым Россия оставляет за собой право защитить свои интересы и проживающее там русскоязычное население».*

Митинг в Симферополе

2 марта

Все пограничные пункты на территории Крыма перешли под контроль властей республики. Узлы связи выведены из строя. Командующий военными силами Украины Денис Березовский пригнул «на верность крымскому народу».

Госсекретарь США Джон Керри осудил действия России в Крыму, назвав их «невероятным актом агрессии». Керри подчеркнул, что действия России могут иметь «очень серьёзные последствия» со стороны Соединённых Штатов и других стран. В частности, он не исключил введение санкций для «экономической изоляции» России.

Часть кораблей морской охраны Украины передислоцированы из Крыма в Одессу и Мариуполь.

На Манежной площади в Москве прошёл антивоенный митинг с осуждением «действий Кремля».

Силами народного ополчения Крыма при поддержке подразделений Черноморского флота блокированы почти все воинские части Украины на полуострове. Всем военнослужащим предложено принять присягу на верность «народу Крыма», не желающим — вернуть оружие на склады. Отрядам народного ополчения и военнослужащим приказано обеспечить совместное патрулирование улиц.

3 марта

На Украине объявлена всеобщая мобилизация.

Ночью силами народного ополчения и Черноморского флота взят под

Пикет в Бахчисарае, организованный меджлисом

контроль аэропорт Бельбек в Севастополе. Около двенадцати часов ночи были слышны взрыв и четыре выстрела, никто не пострадал. В Севастополе корабли ЧФ заблокировали выход боевых судов ВМСУ. Сергей Аксёнов заявил о создании военно-морских сил АРК, назначив их командующим контр-адмирала Дениса Березовского.

Общее число военных, принявших присягу на верность народу Крыма, превысило три тысячи (1,5 тысячи военнослужащих внутренних войск и около 1,7 тысячи сотрудников Государственной пограничной службы Украины).

Оппозиционный телеканал ЧТРК в Симферополе прекратил вещание.

Силами народного ополчения блокировано здание Прокуратуры АРК.

4 марта

Ново-Огарёво. Президент Российской Федерации Владимир Путин дал пресс-конференцию о ситуации на Украине.

Говоря о возможном введении войск на территорию республики, он отметил: «Пока такой необходимости нет, но возможность такая есть. Наши учения, которые были проведены недавно, никак не связаны с событиями на Украине. Использование военных — крайний случай. Но у нас есть прямое обращение легитимного президента Украины Януковича о военной помощи для защиты граждан Украины. Мы видим разгул неонацистов, на-

Митинг в поддержку референдума на площади Ленина в Симферополе

ционалистов, антисемитов, который происходит в некоторых частях Украины, в том числе в Киеве. Введение войск — это крайняя мера. Мы считаем, что Украина — наш ближайший сосед, братская республика. Наши вооружённые силы — это товарищи по оружию, друзья. Я уверен, что украинские военнослужащие и российские военнослужащие будут по одну сторону баррикад. Примерно то же самое происходит сейчас и в Крыму. Не было ни одного боестолкновения, не было ни одного выстрела. Единственное, что мы сделали, — усилили охрану наших объектов. Мы не собираемся вмешиваться, но мы считаем, что всем гражданам Украины должны быть предоставлены одинаковые права для участия в жизни страны и для определения будущего этой страны».

Отвечая на вопрос о возможном присоединении Крыма, Владимир Путин сказал: «Вопрос присоединения Крыма к российской территории не рассматривается. Жители Крыма в условиях свободы волеизъявления имеют право определять свою судьбу. Право нации на самоопределение никто не отменял. Мы ни в коем случае не будем никого провоцировать и не будем подогревать такие настроения. Только сами граждане, проживающие на определённых территориях, имеют право определять свою судьбу».

Обеспечение порядка добровольцами-дружинниками во время массовых акций в Симферополе. Пикет у гостиницы «Украина»

5 марта

Симферополь. Руководители крымских силовиков присягнули на верность новой власти. Активисты пикетировали гостиницу «Украина» в Симферополе, где проходила встреча представителя ОБСЕ по вопросам свободы слова Дуньи Миятович с редакторами местных средств массовой информации и общественными деятелями.

Глава Кабинета министров Украины Арсений Яценюк заявил, что Крым должен остаться в составе Украины, а также получить большие права для автономии.

Шевченковский районный суд Киева вынес постановление о задержании председателя Верховного совета Крыма Владимира Константинова и депутата Сергея Аксёнова. Российские боевые корабли заблокировали вход на украинскую военную базу на озере Донузлав.

6 марта

Верховный совет Крыма принял постановление о вхождении полуострова в состав Российской Федерации. На внеочередной сессии крымского парламента принято также решение перенести дату референдума на 16 марта 2014 года и утверждено

Временное положение о проведении референдума в Автономной Республике Крым.

7 марта

Центральная избирательная комиссия Украины заблокировала доступ к базе данных реестра избирателей Крыма. В парке имени Шевченко прошёл немногочисленный митинг сторонников территориальной целостности Украины «За мир!».

Исполняющий обязанности президента Украины Александр Турчинов подписал указ «О прекращении действия постановления Верховного совета Автономной Республики Крым от 6 марта 2014 года № 1702–6/14 «О проведении общекрымского референдума».

8 марта

В Севастополе имели место попытки проникновения военнослужащих без опознавательных знаков, бойцов местного ополчения и казаков в одну из украинских воинских частей.

Народное ополчение Крыма взяло под контроль республиканский военкомат.

В ряде населённых пунктов Крыма прошли многочисленные акции «Женщины за мир».

Общекрымский митинг в поддержку референдума на площади Ленина в Симферополе

Сергей Аксёнов и Владимир Константинов призывают крымчан сделать правильный выбор на референдуме

Председатель межлиса крымскотатарского народа Рефат Чубаров высказался против проведения референдума. Власти Бахчисарайского и Белогорского районов отказались обеспечить проведение референдума на своих территориях. Межлис организовал ряд пикетов на автодорогах Крыма с при-

зывами «Мы за единую Украину!», «Референдуму — бойкот!».

На полуострове вещание большинства украинских телевизионных каналов заменено на российское, хотя все они по-прежнему доступны через спутниковую трансляцию.

9 марта

Силами народного ополчения при поддержке военных взят под контроль аэродром морской авиационной бригады ВМС Украины. Работники линейной милиции на вокзале в Симферополе задержали одного из лидеров проукраинского движения Андрея Щекуна. Задержаны ещё несколько украинских активистов.

На границу с Крымом активно стягиваются украинские войска. Председатель Верховного совета АРК Владимир Константинов обратился к крымчанам. Он заявил, что передача Крыма Украине 60 лет назад без согласия местных жителей представляла собой «вопиющую несправедливость» и призвал жителей АРК «не упустить шанс, оставаясь крымчанами, никуда не переезжая, вернуться домой — в Россию».

Отряд народного ополчения на площади Ленина в Симферополе

10 марта

Силы народного ополчения и военные заняли украинскую ракетную часть в посёлке Черноморское.

Киев отключил электронную систему крымских управлений Госказначейства и заблокировал все счета автономии. Об этом заявил вице-премьер республики Рустам Темиргалиев.

Власти Крыма заявили о намерении забрать в собственность автономии государственные предприятия, расположенные на территории полуострова. В разных районах Симферополя, по слухам, замечены неизвестные, которые под предлогом переписи населения отбирают у жителей паспорта.

В сквере Победы в Симферополе во время мартовских событий

11 марта

Верховный совет Крыма принял Декларацию о независимости полуострова и подтвердил намерение войти в состав России. Было решено, что Крым как суверенное независимое государство после проведения референдума обратится к Российской Федерации с предложением о вхождении в состав РФ в качестве субъекта. Проект поддержали семьдесят во-

семь депутатов из ста. Верховный совет республики принял постановление «О гарантиях восстановления прав крымскотатарского народа и его интеграции в крымское общество».

Задержаны люди, которые под видом работников милиции забирали и уничтожали паспорта в Саках и Симферополе. Как правило, они выбирали

Принятие присяги бойцами народного ополчения

Боец народного ополчения

дома крымских татар для того, чтобы не допустить их участия в референдуме. Задержанных на границе с Крымом активистов Автомайдана выпустили.

Москва. Более восьмидесяти деятелей культуры подписали коллективное письмо в поддержку позиции президента РФ Владимира Путина по Украине и Крыму. Действия Российской Федерации одобрили актёр Алексей Баталов, режиссёры Павел Лунгин, Алексей Учитель, Фёдор Бондарчук, музыканты Владимир Спиваков, Денис Мацуев, Игорь Бутман, директор Литературного музея Дмитрий Бак и многие другие известные люди.

12 марта

МИД Украины назвал решение об объявлении независимости, принятое парламентом Крыма, «антиконституционным, незаконным и юридически ничтожным». Внешнеполитическое ведомство Украины также выразило протест в связи с заявлением Министерства иностранных дел России, в котором декларация о независимости Крыма признаётся правомерной.

«Вежливые люди» взяли под контроль ключевые объекты в Крыму

Президент РФ Владимир Путин провёл телефонные переговоры с народным депутатом Украины Мустафой Джемилевым, приехавшим в Москву по приглашению экс-президента Татарстана Минтимера Шаймиева. Президент сообщил, что окончательное решение по Крыму будет принято после референдума, и гарантировал соблюдение прав крымских татар. В крымском парламенте большинство депутатов вошли в межфракционное объединение «За новый российский Крым!».

13 марта

Правительство Крыма поручило готовить банки к национализации. Спикер Верховного совета АРК заявил о намерении национализировать Международный детский центр «Артек» и объявить его собственностью Крыма.

14 марта

Конституционный суд Украины принял решение о признании не соответствующим Конституции Украины постановления Верховного совета Автономной Республики Крым о проведении общекрымского референдума.

На протяжении всех дней кризиса на Юго-Востоке Украины в Харькове, Донецке, Луганске, Одессе проходили многочисленные митинги против новой киевской власти с требованием федерализации, с лозунгами о поддержке Крыма и России.

В ряде мест были выбраны «народные губернаторы», которые, как и многие другие активисты, подверглись репрессиям со стороны Службы безопасности Украины.

15 марта

Крым. День тишины перед общекрымским референдумом.

Совет безопасности ООН провёл голосование по подготовленному США проекту резолюции о незаконности референдума в Крыму. Россия проголосовала против проекта. Китай воздержался.

Крым. Высадившийся на Арабатской стрелке, в районе села Стрелкового, десант вооружённых людей без опознавательных знаков предотвратил теракт на газопроводе, подающем газ на Крымский полуостров.

В небе над Крымом перехвачен американский беспилотник MQ-5B.

Верховная рада Украины приняла постановление о досрочном роспуске парламента Крыма.

16 марта

В республике проходит общекрымский референдум. В бюллетенях два вопроса: «Вы за воссо-

единение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?» или «Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?». Вопросы сформулированы на русском, крымскотатарском и украинском языках. Отмечается небывалая активность избирателей.

Всего в референдуме приняло участие:

- по Крыму — 83,01% (1 млн 274 тыс. 096) избирателей;

- по Севастополю — 89,5%.

За вхождение в состав Российской Федерации проголосовало:

- по Крыму — 96,77%;

- по Севастополю — 95,6%.

За автономию в составе Украины высказались:

- в Крыму — 2,51%;

- в Севастополе — 3,37%.

США, ЕС, ООН, НАТО, ряд европейских стран распространили заявление о непризнании референдума в Крыму.

На площади Ленина в Симферополе состоялся концерт в честь завершения референдума — множество людей вышли с флагами РФ и скандировали «Россия!».

17 марта

Москва. Президент РФ Владимир Путин подписал указ «О признании Республики Крым».

Евросоюз обнародовал список санкций против ряда российских и украинских официальных лиц.

Власти Крыма национализировали расположенные на полуострове активы Черноморнефтегаза, Укртрансгаза и Феодосийского предприятия по обеспечению нефтепродуктами.

Созданы погранслужба и ряд других ведомств Крыма.

Крымский парламент принял постановление об официальном наименовании органов власти республики, в соответствии с которым Верховный совет Крыма переименован в Государственный совет Республики Крым.

18 марта

В Симферополе, возле одной из украинских воинских частей, был открыт огонь, предположительно, из снайперской винтовки. Убиты один украинский военнослужащий и боец народного ополчения, ещё два человека получили ранения. В Прокуратуре Республики Крым пришли к мнению, что стрелял снайпер в провокационных целях.

Более 100 тысяч человек собрались в Москве на митинг в честь вхождения Крыма в состав Российской Федерации.

Демонтаж вывесок со старыми наименованиями на здании Госсовета Республики Крым

Президент России Владимир Путин выступил перед Федеральным собранием РФ с обращением («Крымская речь» Путина) о принятии Крыма в состав России.

Владимир Путин, председатель Государственного совета Крыма Владимир Константинов, премьер-министр Крыма Сергей Аксёнов и председатель Севастопольского городского совета Алексей Чалый подписали Договор о вступлении Крыма в состав РФ.

Всё имущество и вооружение воинских частей Вооружённых сил Украины в Крыму становится государственной собственностью Республики Крым.

19 марта

Владимир Путин поручил Министерству труда РФ в кратчайшие сроки увеличить пенсии жителям Крыма.

Над штабом ВМС Украины в Севастополе и Главным военным комиссариатом в Симферополе поднят российский флаг. Задержан командующий ВМС Украины контр-адмирал Сергей Гайдук.

20 марта

Госдума РФ приняла Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

Генсек ООН Пан Ги Мун на встрече с Владимиром Путиным выразил озабоченность в связи с событиями в Крыму.

Верховная рада Украины приняла в первом чтении закон «О Крыме как временно оккупированной территории» и заявила «о гарантиях прав крымско-татарского народа в составе Украинского государства».

Командующего ВМС Украины Сергея Гайдуга и ещё семерых активистов украинских организаций отпустили в Крыму.

21 марта

Лидеры Евросоюза приняли решение о введении экономических санкций в отношении Крыма.

Владимир Путин подписал указ о создании Крымского федерального округа в составе двух субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Полпредом президента РФ в Крымском федеральном округе назначен Олег Белавенцев.

Владимир Путин подписал законы о вхождении Крыма и города Севастополя в состав Российской Федерации.

Фото А. Ченской, М. Рябцева, И. Охрименко, В. Сергиенко, А. Лётчика, О. Белоплатовой

Е. И. Ремизова

О полифонии архитектуры Крыма

В изысканиях архитектуры Крыма назрела необходимость пересмотреть исследовательские позиции. Давно пора отбросить старый подход отнесения сооружений к тому или иному стилю и навешивания стилевых ярлыков, восходящий к формальной архитектурной теории.

В путеводителях и даже научных статьях о крымских памятниках мы часто сталкиваемся с такими формулировками, как «здание выполнено в стиле ренессанс». Но что такое стиль ренессанс? Такого понятия нет! Есть эпохи раннего, высокого и позднего итальянского Ренессанса. Есть флорентийская, римская и венецианская школы. Есть Брунеллески, Альберти и другие, а есть палладианская школа. Только в Ливадийском дворце мы насчитываем три-четыре разновидности «итальянского ренессанса», а ещё к ним примешивается арабская линия, но в таком соединении их невозможно увидеть нигде в Италии. А, например, выражение «Алупкинский дворец в основном выдержан в стиле Тюдор с добавлением мавританского стиля» не выдерживает критики. Гаспринские дворцы княгини С. В. Паниной и «Ласточкино гнездо» легче отнести к английскому Средневековью [1]. Не менее спорными в стилистическом отношении являются дачи «Мечта» и «Селям» в Симеизе, «Стамболи» и «Виктория» в Феодосии, «Дюльбер» в Кореизе, дворец эмира Бухарского в Ялте и т. д. Таким образом, если отказаться от формалистических убеждений и взглянуть с современных позиций, то можно предположить, что в Крыму XIX — начала XX века нет сооружений чистого стиля, а попытки отнести то или иное сооружение к «стилю» чаще всего оказываются неудачными или компромиссными, содержащими множество оговорок.

И это не случайно. Теория стилей, восходящая к И. И. Винкельману, сложившаяся во второй половине XVIII столетия и широко распространившаяся

в XIX веке, была современником освоения Южного берега Крыма Российской империей. С современных научных позиций два явления — теоретическая мысль и практическая деятельность — должны рассматриваться в единстве, так как развивались параллельно. Теоретические концепции и убеждения того времени формировали проектный метод. Период второй половины XVIII — начала XX века, базировавшийся на идеях европейского Просвещения, романтичен и эклектичен одновременно. Ему внутренне присуща идея возрождения прошлого, но не одного стиля или периода, а прошлого как воспоминания о исторических ценностях разных культур и народов. Недаром Е. Кириченко назвала архитектуру XIX века архитектурой выбора [2]. Конечно, этот выбор базировался на теории и истории стилей, которые создавались в XVIII–XIX веках. Но с высоты современной архитектурной теории представляется совершенно недостаточным и неперспективным ограничивать исследование теорией стилей. Архитектура Крыма XIX века невероятно разнообразна, и это наталкивает на мысль о том, что предметом изучения должен стать необычайно богатый и разнообразный художественный язык крымской архитектуры.

Выдвинем гипотезу о том, что архитектуру Крыма XIX — начала XX века можно рассматривать как уникальное явление, обладающее художественной целостностью. Для того чтобы это подтвердить, наметим основные линии анализа: особенности места; предпочтения заказчиков; архитекторы и их образование; предпочтительные сюжеты и сценарии; формальная и синтаксическая линии.

Итак, своеобразие места. Природа Крыма с его мягким климатом, скалистым характером рельефа, извилистой береговой линией чередующихся мысов и бухт схожа с природой и ландшафтом Средиземноморья, особенно Италии и Греции. Всё это разно-

образе создаёт необычные сказочные впечатления, вызывающие романтические образы.

Хотя Крым был завоёван Российской империей в 1783 году, активное курортное освоение крымского побережья приходится в основном на XIX век, а рассматриваемый возрастной диапазон составляет не более ста пятидесяти лет.

Возникает вопрос: как осуществлялся выбор художественного образа и чем руководствовался архитектор? В первую очередь — вкусовыми предпочтениями заказчиков, которые формировались образованием, путешествиями, романтической литературой и т. п.

Даже неполный перечень заказчиков говорит о том, что это были люди высшего света, высокообразованные, эрудированные, много видевшие, знакомые с памятниками мировой культуры: императоры Александр II, Александр III, Николай II и члены их семей, высокопоставленные чиновники, видные государственные деятели князь Л. С. Голицын, граф Л. С. Потоцкий, барон В. Штейнгель, граф Ф. Ф. Юсупов, княгиня С. В. Панина, князь С. М. Воронцов, министр императорского двора барон В. Б. Фредерикс и др. Их социальное положение и образование определили уровень художественных претензий к архитектуре.

Исполнителями их заказов были в основном иностранцы по происхождению, некоторые из них родились в России, имели высшее специальное образование, путешествовали по Европе и другим местам: итальянский архитектор Ф. К. Боффо (учился в Туринском университете), итальянский скульптор Дж. Боннани, англичане-архитекторы Т. Харрисон, Э. Блэр, Ф. Ф. Эльсон, В. Гунт, немцы — садовод-ботаник К. А. Кебах, архитектор М. Е. Месмахер (окончил Императорскую академию художеств, посетил Италию, Бельгию, Германию, Испанию, Грецию и Турцию), инженер и скульптор Л. В. Шервуд, архитектор Е. Ф. Шреттер, француз Э. Бушар и, наконец, русские архитекторы И. Г. Тарасов, Н. П. Краснов (окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества), инженер Я. П. Семёнов.

Если говорить об образной стороне крымской архитектуры, то при сильном обобщении просматриваются две основные линии влияния — Запад и Восток. Причём западное влияние — в первую очередь итальянское, а глубже — античное, но не только. Итальянские образы никогда не были единственными прототипами. Французский Ренессанс, как и английская готика, оказали не менее мощное влияние на сложение самых ярких ансамблей Крыма. Исторические прототипы всплывали из воспоминаний о путешествиях как в Европу (Италия, Франция, Англия, Испания), так и в страны Магриба (Марокко, Мавритания, Алжир, Тунис), Ближнего Востока (Египет, Турция, Иран) и даже в Индию.

Собственное историческое прошлое и местные памятники также оказывали влияние на характер будущих сооружений, на настроения проектировщиков и их заказчиков, ведь им были известны античные постройки Херсонеса и генуэзские крепости в Севастополе, Судак, Феодосии, армянские монастыри, бахчисарайские дворцы... И конечно же, могли возникнуть романтические интерпретации, которые сближали новую архитектуру с историческим прошлым Крыма.

Образ жизни и поведения хозяев определяет функцию или сюжетную линию сооружения, а отвечающие им знаковые формы заимствуются из исторических прототипов.

Тема неприступной крепости выражалась такими знаковыми формами, как круглые и прямоугольные донжоны с зубцами, бойницами и воротами, крутые скатные крыши, мощные стены, имитирующие каменную кладку, маленькие окна, разнообразные арки. Для реализации этой темы как нельзя лучше подходили образы английских, испанских и французских замков. Например, в Алушкинском дворце доминируют формы так называемого стиля Тюдор, очень схожие с формами генуэзских бастионов Крыма, в синтезе с испано-мавританскими мотивами. Вертикали дымовых труб печного отопления ассоциируются с вертикалями минаретов, что создаёт необычные изрезанные силуэты. Ярким контрастом замкнутости дворца-крепости является его южный фасад, открывающийся на море огромной экседрой (или айваном), заключённой в подковообразную арку. В резьбе по гипсу переплетаются рисунок тюдоровского цветка и мотив лотоса, а в фризе шестикратно повторяется арабская надпись: «*И нет Бога, кроме Аллаха*». Возникает вопрос: кто в семье Воронцовых исповедовал ислам, а кто — протестантизм?

Романтическая тема раскрывается при помощи садовой архитектуры. Здесь доминируют приёмы английского пейзажного парка, подчёркивающие природный характер места, включающий в себя пейзажные картины вершин Ай-Петри.

Тема неприступности ещё острее раскрывается в «Ласточкином гнезде» на мысе Ай-Тодор, во дворце графини С. В. Паниной в Гаспре, в Юсуповском дворце в Кореизе. Бывшая объектом интереса и гордости португальских романтиков Белемская башня в Лиссабоне (крепость начала XVI в.), возможно, вдохновила создателей дворца «Ласточкино гнездо».

Тема замкнутости, интимного пространства ассоциировалась с формами как ренессансных, так и арабских внутренних двориц с водой, глухими стенами, аркадами.

Тема культовой архитектуры соединяется с дворцовым сооружением при помощи такой знаковой формы, как купол. Однако купол заимствуется не

из православной архитектуры, а из индийской (вторичное влияние английской колонии — Индии), а башни корреспондируются с арабскими минаретами (Египет, Иран).

Парадно-репрезентативные темы в основном были характерны для царских дворцов. Они выражались двойно: романтически (при помощи огромных восточных порталов и арок) и классически (при помощи античной ордерной системы, колоннад, аркад, лоджий, дворов, партеров и т. п.). Черты «итальянских ренессансов» сливались с образами классицизма, как, например, в Ливадийском дворце. Этот характер был определен и указан архитектором Н. П. Краснову самим императором Николаем II после его поездки в Италию [3]. Однако и здесь не ставилась задача соблюдения чистоты стиля. Один дворик выполнен в формах итальянского кватроченто, а другой — в арабских, на главном фасаде большие дорические колоннады свободно сочетаются с ионическими аркадами и башнеобразными ризалитами, детали раннего, высокого и позднего Ренессанса коллажируются с барочными и арабскими.

Образ французского загородного дворца предполагал большую свободу и романтику. Так, например, в Массандровском дворце Этьен Бушар использовал стиль французского ренессанса Людовика XIII. Здание напоминает загородные дворцы Франсиска I в Блуа, замки Фонтенбло, Анэ. В Массандре появляются характерные французские высокие крыши с люкарнями, донжоны с коническими завершениями, высокие дымовые трубы и одновре-

менно итальянские открытые галереи с дорической колоннадой, парадные криволинейные лестницы. В то же время немецкий садовник Карл Кебах заложил в Массандре парк в английском стиле. Таким образом, ощущается свободное обращение со стилем, столь характерное для XIX века.

В целом нами поставлено больше вопросов, чем дано ответов. И это естественно, потому что мы хотим познать такой феномен, как крымская архитектура. Это не просто камни, а способ мышления и самовыражения. Синтез различных характеров, диалог разных культур, эпох, времён и настроений — всё это вместе составляет суть языка крымской архитектуры XIX века.

Можно ли тогда говорить о стиле как таковом? Очевидно, нет, если учесть, что в крымских объектах «перемальвается» итальянская, английская, французская, арабская архитектура, причём не в отдельных фрагментах, а в пространственных построениях целых комплексов и парков! Стиль, даже взятый как язык, не используется в чистом виде. Он всегда, особенно в Крыму, достаточно вольно интерпретируется. Формы вступают в диалог друг с другом, стиль — со стилем, здание — со своим окружением. Языковая система архитектуры Крыма полифонична, то есть разнообразна, многословна, использует множество сюжетов и сценариев, изобилует различными композиционными приёмами. Исследование синтеза художественных языков позволит нам выявить особенности уникального явления, которое мы называем крымской архитектурой.

1. Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР : иллюстрированный справочник-каталог. — Т. 2. — Киев : Будівельник, 1985. — 336 с.

2. Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830–1910-х годов. — М. : Искусство, 1978. — 399 с.

3. Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М. Архитектор Высочайшего Двора. — Симферополь : Бизнес-Информ, 2003. — 200 с.

А. Остах

Многообразии стилевых черт в архитектуре Ливадийского дворца

Во многих источниках говорится о том, что Ливадийский дворец выполнен в стиле архитектуры итальянского Возрождения, но мы постараемся показать, что в архитектуре дворца не наблюдается чистоты стиля.

В XIX–XX веках подход к проектированию значительно изменился по отношению к периоду эпохи Возрождения. Если раньше, в классической архитектуре, вначале определялись характер фасада и основные параметры здания, куда затем вписывались интерьеры, то теперь проектирование жилых зданий начиналось с разработки определённого сценария жизни внутри пространства объекта. Перед Н. П. Красновым стояла задача совместить личные помещения для отдыха царской семьи и парадные помещения для приёма гостей в одном дворце. Это стало причиной сложной системы организации жизни здания, что повлекло за собой увеличение его масштаба. Таким образом, процесс проектирования проходил путь из внутренней жизни здания в объёмно-пространственную форму.

Если проанализировать композицию Ливадийского дворца, можно сразу заметить отклонения от принципов и идеалов классицистической архитектуры, где главными определяющими были порядок, геометрия, пропорциональность и симметрия.

После изучения композиции планировочной структуры дворца на первый взгляд может показаться, что в её основе лежит принцип ренессансных палаццо, когда в центре находится просторный двор для прогулок и отдыха, а вокруг него в пропорциональной и геометрической закономерности располагаются жилые помещения. Однако здесь этот принцип нарушается. Функциональные ячейки здания комбинируются вокруг нескольких дворов разного назначения.

Сравнивая план Ливадийского дворца с планами построек эпохи Возрождения, можно обнаружить, что отсутствует чистота симметрии плана, парадный

вход, обычно обозначенный направлением центральной оси, сбит на угол, а парные элементы расположены асимметрично.

Восточный фасад дворца также выглядит асимметрично, а если присмотреться к входу, то даже количество колонн и оконных проёмов относительно центральной оси разное. Правильнее даже было бы сказать, что элементы фасада расположены в ритмической закономерности. Аналогичная ситуация и с северным фасадом, где оба угловых эркера имеют совершенно разную форму в плане.

Сильно выступающий карниз второго этажа, опоясывающий всё здание и прерывающийся в местах выступа пилястр с балюстрадой над ним, — излюбленный приём Андреа Палладио, что говорит об обращении автора дворца к архитектуре позднего Ренессанса. На втором этаже одного из ризалитов восточного фасада можно обнаружить приём, когда небольшие пилястры поддерживают разорванный антаблемент, в который вписано арочное окно. Точно такой же приём Палладио использовал в своей знаменитой Лоджии дель Капитанио в Виченце.

Открытая лоджия с колоннадой первого этажа восточного фасада подчёркивает ордерный характер деления — мотив, введённый в практику Леоном Баттистой Альберти на заре Ренессанса. Он использовался в таких известных объектах, как Воспитательный дом во Флоренции архитектора Филиппо Брунеллески и Палаццо Ручеллаи Альберти.

Период высокого Возрождения в истории архитектуры отличается изяществом деталей, отделкой, орнаментацией карнизов, окон и дверей. Следы подобных украшений можно обнаружить в этом замечательном сооружении.

Характерными приёмами для архитектуры позднего Возрождения являются выделение центрального входа восточного фасада выступающим немного вперёд балконом-белведером и портик восточного

фасада из трёх ажурных арок, украшенных растительным орнаментом. Арки опираются на спаренные коринфские колонны и фланкированы по бокам двумя большими пилястрами, которые подчеркнуты сверху обрывающимся карнизом с балюстрадой над ним.

Сам же входной портал украшен декоративными мраморными колоннами с богато декорированным рельефами тимпаном. Такой портал характерен для кватроченто. Над центральным входом восточного фасада расположено так называемое брамантово окно, отмеченное порталом. В Ливадийском дворце это явилось излюбленной темой Н. П. Краснова.

Под западной лестницей можно обнаружить необычную колонну, исполненную в стиле маньеризма.

Оформление всех четырёх фасадов значительно отличается, хотя общий архитектурный стиль выдержан в манере ренессансных дворцов высокого и позднего Возрождения.

Пройдя сквозь аркаду западного фасада, мы попадаем в ядро композиции дворца — итальянский дворик. Мы проникаем туда через ажурные кованые ворота итальянской работы. Как сами ворота, так и входной портал богато и изящно украшены растительным рельефом и орнаментом, напоминающим стилистику кватроченто.

С четырёх сторон дворик окружает аркада. Мерный ритм её стройных колонн строгого тосканского ордера, рельефные медальоны, украшающие тимпаны арок, чёткость горизонтальной линии тонкого вытянутого карниза напоминают Воспитательный дом Филиппо Брунеллески во Флоренции. Органически вписались в общий ансамбль и мраморные диваны с высокими спинками, покрытыми рельефным растительным орнаментом, и подлокотниками в виде грифонов. Восемь дорожек ведут к круглой чаше фонтана. Всё это создаёт античные воспоминания, к которым так стремились архитекторы эпохи Возрождения.

В этой композиции вызывают удивление пучки из трёх колонн, обозначающие угол аркады галереи. Такой приём использовал Палладио в фасаде базилики в Виченце позднего Возрождения. Здесь же он интерпретирован по-своему.

Примечательно, что в Ливадийском дворце, помимо слияния разных периодов эпохи Возрождения, также присутствует слияние стилей, характерных

для данной местности в XX веке. В это время в Крыму сильно ощущалось татарское и арабское влияние.

Один из двориков выполнен в арабской манере. Он был задуман как конструктивный элемент для проникновения света во внутренние помещения. Стены первого этажа покрыты майоликовыми плитками иранского орнамента. Дополняет это оформление резной мраморный пристенный фонтан, который раньше находился в старом дворце.

В западной части дворца расположена часовня со звонницей, выполненные в неовизантийском стиле. Они сохранились здесь ещё со времён старой постройки. Между ними и дворцом расположился ещё один дворик с интересными колоннами, капители которых напоминают мавританскую стилистику.

Самым необычным в композиции дворца является бельведер, открытый для солнца. На первый взгляд может показаться, что эта расположенная на третьем этаже беседка похожа на античную колоннаду с архитравом по периметру, но, не имея завершения, она сильно выбивается из общей стилистики, напоминая мотивы античной Греции.

Интерьеры дворца также сочетают в себе элементы нескольких стилей, в том числе популярного в XX веке стиля модерн. Эпоха Возрождения представлена здесь кессонным покрытием потолков, использованием декоративных пилястр и карнизов, богатыми рельефными украшениями и инкрустацией мебели.

В заключение можно сказать, что в Ливадийском дворце собрана стилистика разных периодов эпохи Возрождения и других стилей. Это связано в первую очередь с тем, что период строительства дворца пришёлся на начало XX века, когда популярным было смешение стилей. В частности, в Крыму — архитектура Средиземноморья и арабских стран Ближнего Востока. Эти два направления оказали наиболее сильное влияние на архитектуру дворца, что хорошо прослеживается в композиции. Рельеф и особый климат местности заставили Краснова отойти от чётких принципов стиля эпохи Возрождения. Главную задачу он видел в том, чтобы сделать дворец комфортным для проживания и представительным для гостей царской семьи.

Ливадийский дворец стал шедевром крымской архитектуры и одним из немногих объектов архитектуры Возрождения в Крыму.

И. О. Климов

Исторический генезис православного храмового зодчества Крыма

История и культура Крыма глубоки и разносторонни. На протяжении многовекового периода одна общая черта определяет специфику полуострова — множество этносов и связанных с ними культурных традиций постоянно сосуществовали на компактной территории, лежащей на перекрёстке торговых и культурных путей. Киммерийцы, скифы, сарматы, эллины, готы, печенеги, русы, татары — это далеко не полный перечень народов на исторических картах Тавриды. Уникальность географического положения Крыма определила интерес к нему в разные исторические периоды колонистов Эллады, ромеев (византийцев), хазар, варягов Руси, итальянцев — генуэзцев и венецианцев, Золотой Орды и т. д. Такая насыщенная история послужила предпосылкой богатого историко-культурного наследия Крыма, многогранности его этнических и культурных традиций.

Велико историческое значение греко-византийских колоний Крымского полуострова в христианизации и в сопутствии распространению греко-византийской культуры в Киевской Руси на первых порах её становления. Ещё со времён Юстиниана I важнейшим форпостом Византии в Тавриде был Херсонес, греческий город на юго-западном берегу (византийцы называли его Херсоном, а славяне — Корсунем). Согласно летописи, в 988 году (по некоторым источникам, в 989-м) в Херсонесе (Корсуне) киевский князь Владимир крестился и вступил в брак с царевной Анной, сестрой византийских императоров македонской династии Василия II Булгароктона и Константина VIII. Оттуда же, из Херсонеса, Владимир привёз в Киев и первых духовных лиц — священнослужителей, и необходимые принадлежности для христианского богослужения.

Крещение и распространение на Руси христианства сопровождалось учреждением и укреплением церковной иерархии, ростом числа церквей и мона-

стырей. Русь стала одной из митрополий (Киевской) Константинопольского патриархата. В Новгороде, Белгороде Киевском, Переяславле и Чернигове позднее были образованы епархии. Согласно историческим источникам, первыми духовными иерархами в Киевской Руси были «греки» — византийцы, ординируемые на службу Константинополем.

Таким же образом на Русь направлялись и знакомые с христианскими канонами византийские зодчие-храмостроители, мозаичисты и иконописцы как проводники византийских традиций на новообращённых славянских землях. Соответственно, на Руси быстро распространялся новый тип сакральных сооружений — греко-византийский крестовокупольный храм, сформировавшийся в Византии и странах христианского Востока в V–VIII веках, ставший господствующим в архитектуре Византии с IX столетия.

Для греко-византийской традиции храмового зодчества, насчитывавшей к тому времени уже несколько веков и укрепившейся в определённый устойчивый тип, канон, характерен вполне отличный морфологический и семантический порядок. Такой тип храмовой архитектуры и поныне является наиболее распространённым на Балканах, в Греции, на Кикладах, Кипре, в Малой Азии, Антиохии. Греко-византийскому типу очень близки традиции храмовой архитектуры Грузии и Армении, практически без особых изменений сохранившиеся на протяжении многих веков вплоть до наших дней. Греко-византийский тип широко распространён в древних храмовых сооружениях Крыма, часть которых дошла до наших дней уже в перестроенном виде, в виде фрагментированных артефактов или же описаний.

Греко-византийский тип отличает ряд характерных морфологических особенностей. Прежде всего существенным является различие высот боковых и центральных нефов. Нижний ярус таких храмов

представляет собой прямоугольное основание, образованное объёмом боковых нефов. Активное доминирование растущих из объёма центральных нефов определяет чётко прочитываемую проекцию креста. Над крестом центральных нефов поднимается квадратное основание стронгелона (барабана), формирующего главу — собранный из плоских граней (как правило, восьми) октогон. Грани стронгелона обычно имеют полукруглые арочные завершения. Главы греко-византийских храмов имеют яйцевидное купольное завершение. Таким образом, по мере движения снизу вверх прочитывается семантическая иерархия морфологические архетипов-символов: большой квадрат — крест — малый квадрат — октогон — круг.

Поначалу греческие черты безоговорочно присутствуют в формах первых русских каменных храмов наряду с греко-византийскими технологиями кладки стен и устройства сводов и куполов. Но по мере усвоения греко-византийского опыта русскими мастерами, освоения местных строительных материалов, по мере переосмысления морфологии и семантики храмов сквозь призму славянского мирозерцания и славянской эстетики формы храмов и их детали стали претерпевать значительные модифи-

кации. Ещё в домонгольский период на Руси появляются отличные от византийских цилиндрические барабаны — шлемовидные главы с заострёнными завершениями. К XV веку с «огненными» храмами появились и распространились пламенеющие завершения глав — маковицы, символизирующие небесные огни. На протяжении своего исторического генезиса русские православные храмы всегда отличались разнообразием в архитектурных решениях в сравнении с их византийскими предшественниками. Среди характерных особенностей русского архитектурного многообразия выделяются «огненные», столпные, шатровые, ярусные, кубастые типы православных храмов. Яркой излюбленной чертой русской храмовой архитектуры является тяга к многоглавию, полихромии, свету.

Традиции православной архитектуры Крыма имеют и греко-византийскую, и русскую составляющие. В современной архитектурной практике игнорирование историко-культурной идентификации региона ведёт к обезличиванию архитектурной среды, утрате неповторимости, что сейчас усугубляется массивной атакой типовой коммерческой архитектурой «евроремонта», заполонившей наиболее престижную застройку.

И. Кудряшова

Нереализованный проект дворца в Ореанде архитектора К.-Ф. Шинкеля

Первым грандиозным опытом, отражающим романтические искания российского императора Николая I, стал парк Александрия на окраине петергофского ансамбля. Работы, начатые в 1825 году, проводились с большим размахом. Сердцем нового парка стал Коттедж — «сельский дворец», как его называет историк Петергофа [2, с. 41]. Причудливые формы дворца, чугунные решётки, готические интерьеры переносят посетителя в средневековую Англию. Именно в этом новом мире император начинает эксперимент по созданию «Прусской России». Во время пребывания в Берлине он встречается с архитектором Карлом Фридрихом Шинкелем и заказывает ему проект сельской церкви для Александрии. В романтической обстановке Александрии, над склоном, уходящим к морю, Капелла стала частью живой картины, напоминающей пейзажные полотна Каспара Давида Фридриха. Ещё одним сооружением, выполненным в формах европейского Средневековья, стала Белая башня архитектора Адама Минеласа, построенная в Царском Селе по заказу Николая I.

Характерно, что особенно ярко романтические тенденции в русской архитектуре проявлялись при строительстве загородных резиденций. Одним из убедительных примеров романтизма в архитектуре можно считать проектирование первой масштабной царской резиденции в Крыму, в Ореанде. До приезда в Ореанду её владельца, императора Николая Павловича, имение находилось под надзором графа М. С. Воронцова. В нём было решено устроить парк, который получил статус «Императорского сада» в имении Ореанда. Основание этого прекрасного «сада» связано с именами садовников Фельдмана, В. Росса, К. Кебаха и Н. Гартвиса, бывшего тогда директором Никитского сада.

В 1837 году Николай I с семьёй приезжает в Крым, августейшее семейство проживает в алупкинском имении М. С. Воронцова и дважды посещает

Ореанду. Ореанда понравилась Александре Фёдоровне, и Николай I сразу же по приезде объявил, что дарит её «любезнейшей супруге нашей». Решено было построить здесь дворец для летнего отдыха и лечения императрицы.

История строительства дворца связана с именем великого немецкого архитектора Карла Фридриха Шинкеля. Связи с немецкой культурой стали особенно важными для России в эпоху романтизма. Германия была не только ближайшим западноевропейским соседом, но и источником учёности, философской и эзотерической культуры, жизненно необходимой для интеллигенции русского Просвещения. Творческое наследие Шинкеля к тому времени было широко известно в России и включало множество реализованных архитектурных проектов, теоретические труды, великолепно выполненные архитектурные эскизы, графические рисунки, эскизы фресок и декораций, ландшафтные картины и разработки мебели. Сотрудничество архитектора с российским императорским двором прослеживается с 1826 года, когда он, как придворный архитектор короля, ведёт строительство церкви для русской колонии в Потсдаме. Проект православного храма создал петербургский архитектор Василий Петрович Стасов, уменьшив и изменив «византийские» формы Десятинной церкви, которую он в это время проектировал для Киева. Шинкель разрабатывает интерьер церкви, выдержав его в духе привычного для него классицизма. В 1829 году архитектор подарил императрице Александре Фёдоровне проект готической капеллы в честь святого Александра Невского. Она была возведена в 1833 году в Александрии — в резиденции российских императоров около Петергофа.

По прибытии из Крыма в Петербург Александра Фёдоровна обратилась через своего брата, прусского кронпринца Фридриха-Вильгельма, к Шинкелю с предложением составить проект дома в Ореанде.

Императрица хотела иметь на Южном берегу небольшой дворец, подобный дворцу Шарлоттенхоф, построенному архитектором в Потсдаме в 1827 году в стиле «римской виллы», известной по описанию Плиния-младшего. Уже в марте следующего года в Берлин отправляют топографическую съёмку места строительства с образцами пород камня, использовавшихся строителями в Крыму. Изучив исходные материалы, Шинкель предложил проект, совершенно отличающийся от того, что желала иметь императрица. В конце 1839 года Александра Фёдоровна получила около 40 листов проекта, который вызвал удивление и неоднократно обсуждался в царской семье. Это уже была не уютная «римская вилла», а грандиозное сооружение, опирающееся на многочисленные прототипы, существовавшие в Греции, Египте и Вавилоне. В объяснении к проекту Шинкель писал: *«Я придерживаюсь в архитектуре чисто греческого стиля, простого и благородного, который в своём уверенном развитии отрицает любые чужеродные элементы. В противоположность современным творческим направлениям он сохраняет для нас целомудренный характер, используя в полной мере духовную силу и талант во всех сферах искусства при совершенствовании глубинных свойств. Однако, безусловно, этот идеальный стиль во многом противоречит новым жизненным условиям, вследствие чего он должен быть соответственно видоизменён»* [3, с. 62].

Окончательный вариант проекта был разработан Шинкелем не сразу. Характерным для творческой манеры архитектора было то, что обычно он выполнял два варианта эскизов к проекту в античном и готическом стилях. В случае с дворцом в Ореанде круг использованных архитектором прототипов был гораздо более обширен.

По сравнению с окончательным вариантом первый эскиз представлял собой более живописную композицию с общим силуэтом, повторяющим абрис ближайших гор. Угловые элементы башен скорее отсылали к архитектуре средневековых европейских замков, чем к античным прототипам. В дальнейшем Шинкель корректирует своё решение и композиция окончательного варианта построена на противопоставлении лаконичного и величественного объёма дворца и сложной пластики гор. Основной корпус дворца планировалось расположить на обширной террасе крутого склона Чёрного моря на высоте 500 метров. Драматический диалог природного окружения и дворца развивает излюбленную тему романтического искусства — тему, в которой природа *«растворённая в абсолютном универсуме и есть Бог в его бесконечной утверждённости»* [4, с. 77]. Один из важнейших принципов романтической архитектуры — принцип органичности — подразуме-

вал понимание сооружения как целостной структуры, аналогичной природному организму. Подобный взгляд предполагал включённость архитектурного сооружения в более глобальную, общую природно-культурную систему и наличие множественных связей, обеспечивающих их взаимодействие. Тема взаимопроникновения природного окружения и архитектурной формы, трансформации архитектурной формы под воздействием природного ландшафта и, наоборот, ландшафта под воздействием архитектуры — любимая тема архитекторов-романтиков, и Шинкеля в том числе. Немецкий философ Фридрих Шеллинг в своей книге «Идеи философии природы» рассматривает природу как великий организм, в котором противоположности гармонически разрешаются в единство. Природу он представляет как абсолютное, а не индивидуальное «я» [4]. В крымской Ореанде природа не только формирует внешнюю канву сооружения, но и проникает во внутренние дворы садами, прорастает деревьями через многочисленные аркады, экзотическими растениями сопровождает анфилады парадных лестниц. Великолепие фонтанов и бассейнов дополняют раскрытие природной темы.

Функциональная программа дворца осмысливается Шинкелем в духе исканий романтической эпохи. Кроме обязательных апартаментов и обслуживающих их помещений, архитектор мыслит дворец как вместилище духовных и культурных ценностей. Храм в стиле античности и обширные музейные пространства иллюстрируют высокую воспитательную роль искусства и соответствуют общеевропейской тенденции становления музейного дела в начале XIX века. По словам Н. Смолиной, *«архитектор соединяет в проекте по сути две программы: резиденции и музея. В его замысле культура как бы поддерживает власть»*.

Приём сценирования является одним из самых древних способов организации пространства. Применялся он начиная с древней культовой архитектуры Египта и Ассирии. Затем был широко распространён в художественно-пластической системе барокко, а в эпоху Просвещения вытеснен в сферу садово-паркового искусства. Блестящее владение этим приёмом Шинкель продемонстрировал при проектировании дворцового комплекса в Ореанде. Вдохновляясь восточными дворцами древности архитектор предлагает сложный и насыщенный сценарий взаимопроникновения различных по пластике пространств: многочисленных двориков, галерей, колоннад, величественных лестниц. Композиция дворца носит регулярный, строго симметричный характер. Анфилада основных пространств развивается по основной оси. Кульминацией композиционного решения является площадка — терраса, нависающая над морем. В ос-

новой корпус двора можно попасть минуя большой входной атриум, фланкированный двумя хозяйственными корпусами. Сам дворец представляет собой огромный двор, в центральной части которого и расположен дворец-сад. По периметру двора архитектор размещает апартаменты царской семьи, кабинеты, спальни, комнаты для гостей. Над центральной частью дворца, на верхней платформе, Шинкель устраивает греческий храм, окружённый деревьями. Именно он и становится пиком вертикального развития композиции и возвышается над всем сооружением.

Проект Шинкеля поражал своим великолепием: богатейшая роспись стен, колоннады, скульптура из различных видов мрамора в атриуме и галереях, фонтаны, тропическая зелень двориков по замыслу зодчего должны были подчёркивать необычность и роскошь императорской резиденции в Ореанде.

Грандиозный проект Шинкеля так и не был реализован. Архитектурное решение мастера вызвало у Александры Фёдоровны недоумение и досаду. Она пишет брату в Берлин: «Почему было ему не создать более скромную возможность вместо этой невоз-

можности, которая сулит славу наследников Митридата, но в которой никакой нет радости жить, и мы должны состариться, прежде чем завершим постройку» [5]. В итоге Шинкель получил гонорар и перстень с бриллиантом, а переработку проекта поручают российскому архитектору А. И. Штакеншнейдеру, который уменьшил размеры дворца в несколько раз и придал ему строгие классические формы, знакомые нам по петергофскому Бельведеру. Примечательно, что архитектура Штакеншнейдера к этому времени воспринимается как шинкелевская: «Дворец на Южном берегу Крымского полуострова известен всем по великолению, описанному многими в разных газетах и изданиях. Он построен в греческом, шинкелевском стиле. Постройка в натуре представляет величественный вид, напоминающий древнюю Тавриду с её богатыми сооружениями греческих колоний» [6]. Нереализованный проект Шинкеля замыслился с расчётом на безграничные амбиции и ресурсы российского двора и стал одной из масштабнейших попыток воплощения в жизнь идеальной концепции романтизма.

1. Кириченко Е. И. Архитектурные теории XIX века в России : монография. — М. : Искусство, 1986. — 344 с.

2. Гейрот А. Ф. Описание Петергофа. — СПб., 1868. — С. 116.

3. Смолина Н. И. К.-Ф. Шинкель в Крыму : тема Востока в проекте дворца для Николая I. Материалы конференции «Запад — Восток : взаимодействие традиций

в архитектуре» // Архитектура мира. — М. : Architectura, 1993. — Вып. 2. — С. 62–69.

4. Шеллинг Ф. В. Философия искусства : монография / пер. с нем., общ. ред., вступ. ст. М. Ф. Овсянникова. — М. : Мысль, 1999. — 607 с.

5. Steffens M. Schinkel. — Köln, 2003. — S. 85.

6. Соколов Б. Русская Пруссия, или Рождение романтического сада // Наше наследие. — 2008. — № 87.

П. Коломоец

«Архитектор Краснов — удивительный молодец»

Начнём с исторических фактов. 6 октября 1909 года император Николай II отбывает в Италию с целью нанести визит королю Виктору-Эммануилу III, который принимает высокого гостя в загородном дворце Раккониджи (Castello Reale di Rasconigi) близ Кунео — резиденции пьемонтских монархов, построенной во второй половине XVII столетия и реконструированной в конце XVIII века в стиле классицизма.

По возвращении домой, через две недели, император встречается с архитектором Николаем Петровичем Красновым для обсуждения постройки новой загородной усадьбы царской семьи — Ливадийского дворца. Существует версия, что Николай II высказал пожелание о постройке нового дворца в стиле итальянского ренессанса. Так ли это? У нас нет возможности проверить эти слова, но мы можем поискать ответ в самом Ливадийском дворце.

Итак, перед архитектором Н. П. Красновым стоит воистину непростая задача: в невероятно даже по сегодняшним меркам короткий срок (в 16 месяцев) построить дворец для царской семьи, который одновременно станет официальной летней резиденцией и загородным домом, будет отражать высочайшее положение заказчика и останется при этом уютным местом отдыха.

В 1913 году академик Ф. Г. Беренштам писал о постройке Ливадии: *«...приходилось считаться с требованиями загородного дворца и современного комфорта. Надо было, сохраняя строгую красоту дворцовой архитектуры, дать уют и интимность дачи, соединить величавое впечатление дворца с мягким покоем загородного дома, расположить здание так, чтобы некоторые части его были особенно открыты солнцу и воздуху, а крыши использовались для террас, бельведеров и вышек».*

Припоминая, что Николай II возвратился из итальянкой виллы Раккониджи, невольно отыски-

ваем сходные черты между этими дворцом и Ливадийским. В обоих сооружениях обращают на себя внимание горизонтально решённый главный фасад, ризолиты, разновысокие объёмы с чёткими поясами этажей... Но в фасадах Ливадийского дворца нет зеркальной симметрии, а изучив его план, понимаем, что Н. П. Краснов не руководствовался принципами классицизма — геометрической правильностью, упорядоченностью частей и строго симметричным их расположением.

Что же принималось во внимание архитектором при решении планировки? Не в последнюю очередь — сложный рельеф местности, не позволяющий, например, вытянуть здание вдоль единственной главной оси. Н. Калинин и М. Земляниченко в своей статье отмечают: *«...сопоставив размеры нового дворца со старым, запечатлённым на старинных фотографиях, можно заметить, как рационально Н. П. Краснов разместил довольно большое здание на весьма ограниченной площадке горного склона, ранее занятой гораздо меньшим дворцом...»*

Ещё одной непростой задачей архитектора было функциональное решение дворца. В основу композиции плана Н. П. Красновым заложен довольно большой квадратный внутренний дворик, впоследствии названный «итальянским». Дворики такого типа, называемые патио, — характерная особенность дворцов Флоренции и Венеции XV–XVI веков. Но этим сходство с планировкой ренессансных дворцов ограничивается. *«Архитектоника составляющих его [Ливадийского дворца] частей — совершенно не свойственна итальянским палаццо, зато характерна для модного в конце XIX — начале XX века стиля модерн»*, — полагают Н. Калинин и М. Земляниченко.

В отличие от классицистических сооружений с центрально-осевой симметричной композицией, с закрытыми, замкнутыми пространствами, то есть

зданий с планировкой скорее символически-формальной, планировка Ливадийского дворца, предложенная Красновым скорее напоминает коллаж. В этом коллаже свободные парадные помещения сочетаются с небольшими уютными комнатами и открытыми пространствами внутренних двориков. Ведь проектируя дом для царской семьи, необходимо было учитывать высокий официальный статус заказчика, предполагающий наличие во дворце парадных помещений, и в то же время требования приватности и комфорта: усадьба предназначалась для летнего отдыха. Сложный сценарий жизни во дворце и система устройства самого организма здания определяют набор помещений. Доминируют комнаты с официальными функциями — эта часть плана свободная и открытая (южная сторона и галереи восточной стороны), в то время как комнаты приватной зоны плотно сбиты и более хаотичны. Планировка асимметрична: на всём плане дворца можно проследить лишь несколько небольших осей симметрии — каждая ось скорее для одного или нескольких помещений, чем для сооружения в целом.

Таким образом, проектирование дворца происходит «изнутри наружу» — от жизни к объёмно-пространственной форме. Появляются разновысокие объёмы, некоторые из них своим масштабом подчёркивают доминирующее значение отдельных помещений.

В образовании, полученном Н. П. Красновым, не могло много времени не уделяться изучению архитектурных стилей и способов их комбинации. Сам архитектор писал о Ливадийском дворце так: *«Проектирован и выполнен в стиле итальянского Ренессанса из штучного инкерманского камня... имеет 116 отдельных помещений, один большой внутрен-*

ний двор и три малых световых двора. Парадные официальные комнаты дворца отделаны и меблированы в том же стиле». Однако Краснов не уточняет деталей. А ведь колоннада Итальянского дворика характерна для раннего Ренессанса, а другие части тяготеют к высокому и позднему Ренессансу (парадный вход на западном фасаде, ризалиты и колоннады северного фасада, выступающий карниз второго этажа, опоясывающий здание по всему периметру и множество других элементов, деталей и орнаментов).

Хотя планировка и внутреннее устройство усадьбы не предполагают следования строгости и правильности идеалов Возрождения и даже сочетают в себе несколько стилей, общее впечатление, оставляемое дворцом, оказывается весьма романтическим, говорящим о итальянских образах Средиземноморья. По-видимому, этот чудесный эффект достигнут Н. П. Красновым в соответствии с пожеланиями заказчика: если Николай II заказывал дворец, построенный в стилистике итальянского Ренессанса, то, скорее всего, предполагал создание образа такого сооружения, и образа достоверного, но не более. И вот в письме Николая II матери читаем: *«Мы не находим слов, чтобы выразить нашу радость и удовольствие иметь такой дом, выстроенный именно так, как хотели. Архитектор Краснов — удивительный молодец».*

В наше время стиль ренессанс стал обобщённым «лицом» Ливадийского дворца, привычным, а потому легко воспринимаемым. Но можно предположить, что для архитектора Краснова, а в последствии и для царской семьи, ренессанс был не образцом, не идеей, а воспоминанием, одним из многих переплетающихся мотивов Ливадии.

Д. А. Прохоров

Эпистолярное наследие И. С. Шмелёва как источник по реконструкции биографий представителей караимской эмиграции во Франции

В результате изучения творческого наследия и научной реконструкции биографии выдающегося русского писателя Ивана Сергеевича Шмелёва в печати появилось много заметок, статей и монографий, в которых рассматриваются различные эпизоды его жизни и деятельности. Пристальный интерес у исследователей вызывает период, когда писатель находился в эмиграции. Вопросам контактов И. С. Шмелёва с некоторыми членами крымской караимской общины, также оказавшихся в 1920-х годах вдали от родины, было посвящено несколько публикаций [1]. Тем не менее ряд вопросов, связанных с составлением биографий отдельных представителей караимской эмиграции, до сих пор оставались вне поля зрения исследователей.

Сегодня изучение прошлого крымских караимов открывает перед учёными широкий пласт малоизвестных фактов и не выявленных ранее эпизодов из их истории. Внимание специалистов привлекают биографии деятелей караимского просвещения, науки, культуры, благотворителей и меценатов; значительные лакуны имеются в изучении истории представителей караимской эмиграции. В статье использованы архивные документы, хранящиеся в Государственном архиве Республики Крым (Симферополь), сведения, содержащиеся в различных биографических справочниках, мемуары современников И. С. Шмелёва, материалы, относящиеся к эпистолярному наследию писателя. Существенную помощь в подготовке публикации оказали потомки семьи Пастак — Валерия и Аркадий Румянцевы (Санкт-

Петербург), предоставившие редкие документы из семейного архива, за что автор выражает им искреннюю признательность.

После Октябрьской революции 1917 года [2], которую караимы в большинстве своём не приняли, многие из них перешли на сторону белых. С окончанием Гражданской войны в 1920-х годах часть крымских караимов эмигрировала из России в страны Западной Европы: Польшу, Францию, Германию и Турцию, а также в Венгрию, Чехословакию, Югославию и Болгарию. Одним из основных центров эмиграции крымских караимов стала Франция, где в 1930-х годах численность караимских общин составляла примерно 270–300 человек, которые проживали в основном в Париже, Ницце и Марселе.

Во Франции караимы создали различные благотворительные организации, культурные общества, поддерживали тесные деловые и дружеские контакты с другими эмигрантами из России. Ценные сведения о жизни С. И. Шмелёва в эмиграции и о судьбе некоторых караимов сохранились в эпистолярном наследии писателя — например, в его переписке с Ольгой Александровной Бредиус-Субботиной, начавшейся ещё в 1939 году, в письмах И. С. Шмелёва, адресованных Е. С. Гелелович, русскому философу, писателю и публицисту И. А. Ильину, а также доктору С. М. Серову [3]. В этих письмах приведены малоизвестные факты, относящиеся к биографиям городского головы Евпатории Симхи (Сергея) Эзровича Дувана (1870, Евпатория, Крым — 5 февраля 1957, Больё-сюр-Мер, департамент Приморские

Альпы), его дочерей Екатерины Гелелович (урожд. Дуван; 1901–1969), Анны Будо (урожд. Дуван) и внука Рустема Гелеловича; в круг знакомых С. И. Шмелёва входили караимы Я. Б. Катлама, С. Шамаш, И. М. Сараф, председатель общества караимов в Париже зубной врач С. М. Казас, караимский газзан А. Фарумда, врач Ефетов и др. [4]

Бликие отношения связывали И. С. Шмелёва с братьями Исааком и Шаббатаем Пастаками. Их отец — известный в Крыму и за его пределами учёный, садовод и общественный деятель Абрам Ильич Пастак (1861–1932), член Симферопольского отделения Императорского Российского общества садоводов, один из основателей помолого-садоводческой станции «Салгирка» в Симферополе, инициатор создания и директор (с 1911 по 1920 г.) первого в Крыму Сельскохозяйственного общества взаимного кредита и банка взаимного кредита, благотворитель и меценат [5]. Мать И. А. и Ш. А. Пастаков — Вера (Беруха) Самойловна (Самуиловна) Пастак (в девичестве — Крым; Феодо-

Абрам Ильич Пастак с сыном Шаббатаем, офицером Добровольческой армии юга России

сия, 8 сентября 1871 — Симферополь, 1954) — дочь видного караимского общественного деятеля, одного из учредителей Таврического университета, депутата Государственной думы и главы Второго Крымского краевого правительства, учёного и агронома Соломона Самойловича Крыма (25 июня 1867, а по другим сведениям, 25 июля 1868, Феодосия — 6 сентября 1936, Маронье Комб, под Тулоном). В. С. Пастак также занималась благотворительной деятельностью, некоторое время состояла председателем Симферопольского караимского благотворительного общества. Современники отмечали, что Вера Самойловна отличалась «редкой интеллигентностью, патриотизмом, простотой и доступностью, гостеприимством» и пользовалась среди всех слоев населения глубоким уважением [6].

В семье Пастаков было семеро детей: Исаак, Шаббатай, Эстер, Софья, Анна, Илья и Елизавета.

Исаак Абрамович Пастак (13 сентября 1894, Симферополь, а по другим сведениям — Ялта [7] — 14 октября 1965, Париж; похоронен в Сент-Женевьев-де-Буа) в 1911 году окончил Симферопольскую мужскую казённую гимназию, а затем физико-математический и впоследствии химический факультет Петроградского университета [8]. Он продолжил дело отца, став известным учёным; работал в должности химика в центральной лаборатории Артиллерийского ведомства. В 1918 году И. А. Пастак был мобилизован в Добровольческую армию Вооружённых сил юга России (ВСЮР), служил в артиллерии в чине поручика (в одном полку с сыном И. С. Шмелёва Сергеем). В 1920 году И. А. Пастак был эвакуирован в Галлиполи (ныне город Гелиболу в Турции), затем эмигрировал в Стамбул, потом — в Чехословакию, где в 1922 году окончил Политехникум в Праге (старейший гражданский технический вуз Европы и мира) и получил степень доктора химии. Являлся членом Союза

Семья А. И. Пастака. Верхний ряд: София, Эстер, Себастьян, Анна. Нижний ряд: Вера Самойловна Пастак, неизвестная женщина, Абрам Ильич Пастак

русских студентов. В 1924-м защитил докторскую диссертацию с присвоением учёной степени доктора технических наук. Исаак Абрамович стал инициатором создания в 1924 году Общества русских химиков в Брно и был одним из его руководителей; занимал должность редактора сборника, выпускавшегося этим объединением учёных. Им же был разработан курс органической химии, изданный на русском языке в Праге в 1924 году.

В 1925-м он переехал в Париж, где устроился работать преподавателем в одно из лучших учебно-исследовательских учреждений Франции — Коллеж де Франс (College de France); там Пастак занялся изучением процессов окисления органических соединений. С 1929 года он организовал и более тридцати лет возглавлял лабораторию красителей и агрохимических веществ при Обществе продуктов агрохимии известной фирмы Ж. Трюффо в Версале, являлся вице-председателем Общества русских химиков во Франции (1925 г.) и даже занимал должность вице-председателя этой организации; он сделал более шестидесяти докладов по различным аспектам развития и применения химии в медицине, военном деле, сельском хозяйстве и др. Помимо этого, его избрали членом общества садоводов во Франции, а также различных сельскохозяйственных товариществ и химических объединений других стран, в том числе Американского химического общества [9]. Он выступал с докладами и лекциями в Союзе русских дипломированных инженеров и Русском научно-философском обществе, также состоя его членом. На протяжении многих лет И. А. Пастак являлся активным деятелем Общества охранения русских культурных ценностей, где неоднократно представлял свои доклады и сообщения. Во время Второй мировой войны И. А. Пастак работал в центральном департаменте Франции, занимаясь вопросами производства пороха (в частности, заведовал лабораторией одного из пороховых заводов).

Исаак Абрамович Пастак

Учёный постоянно был занят самообразованием, знал шесть языков. Ему принадлежит ряд патентов на изобретения и технические решения. Он — автор более 100 научных работ в области агрономии и химии (в том числе о применении химических продуктов в сельском хозяйстве), фармацевтики и фармакологии. К тому же И. А. Пастак состоял корреспондентом общеевропейского русскоязычного издания «Русская мысль», печатавшегося на русском языке в Париже. Исаак Абрамович создал ряд препаратов для борьбы с онкологическими заболеваниями, а также медикаменты для лечения кожных и тропических заболеваний. 14 января 1951 года состоялось чествование учёного в связи с 25-летием его научно-технической деятельности во Франции, которое было организовано Обществом русских химиков [10]. За свои достижения в области науки и сельского хозяйства И. А. Пастак был удостоен званий «Кавалер ордена Франции» (1948), «Кавалер ордена Почётного Легиона» (1954) и знака «За заслуги в исследованиях и изобретениях» (1964); ему также были вручены золотая медаль Общества поощрения национальной промышленности и золотая медаль Химического общества (1939) [11].

Медаль, которой был награждён Исаак Пастак в 1929 г.

Шаббатай Пастак (Симферополь, 7 марта 1896 — Париж, 20 (?) ноября 1985) также окончил Петроградский университет, затем, в 1919 году, был мобилизован в Добровольческую армию ВСЮР. В 1920-м он, как и брат, эмигрировал в Стамбул, позднее в Чехословакию; впоследствии оказался во Франции, в Париже, где работал инженером-электриком. Состоял членом Союза русских дипломированных инженеров и Объединения санкт-петербургских политехников во Франции. В 1958 году вместе с И. А. Пастаком изготовил памятную медаль к 100-летию со дня рождения учёного-этнографа А. А. Башмакова; он же представлял эту награду в Обществе охранения русских культурных ценностей, демонстрировал до-

Братья Исаак (крайний справа) и Шаббатай Пастаки (в центре) в лаборатории во Франции

кументы, фотографии. Как и его брат, печатался в газете «Русская мысль». Помимо этого, Ш. А. Пастак живо интересовался вопросами этногенеза караимов, а его статья «Караимы» была даже напечатана в 16-м томе «Большой американской энциклопедии» в 1950 году [12]

Жили Исаак и Шаббатай (или, как называли последнего в эмиграции, Себастьян) Пастаки в Вирофле. Работали они, как уже упоминалось, на сельскохозяйственном предприятии Ж. Трюффо в Версале; оба были холостяками. По воспоминаниям Р. С. Гелеловича (внука городского головы Евпатории С. Э. Дувана), Исаак Пастак «много работал с химическими препаратами и всегда был покрыт разными пятнами, главным образом жёлтого цвета». Друзья очень ценили Исаака и Шаббатая Пастака как простых, сердечных и достойных людей. «Всегда одеты как попало, не в лохмотья, но всё как-то висело, если не было пояса, то завязывалось верёвочкой, туфли с дырками. <...> Таких оригиналов больше свет не носит <...> Они всегда ездили на велосипедах, поэтому подвязывали себе ещё брюки верёвочками», — вспоминал о братьях Р. С. Гелелович [13].

Братья Пастаки часто приезжали к Шмелёву в Париж, на улицу Буало, а затем и в Сен-Реми-ле-Шеврёз (предместье Парижа), куда писатель вынужден был перебраться после бомбёжки города во Вторую мировую войну [14]. В своём письме О. А. Бредиус-Субботиной от 27 апреля 1942 года И. С. Шмелёв сообщал: «Потом поехали под Вер-

саль, к соратникам моего Серёжечки <...> Там обедали, у друзей Серёжечкиных, — два брата инженеры-крымчаки, фамилия Пастак» [15]; «это товарищи моего Серёжечки, мои молодые — 45 л.[ет]! — друзья» [16]. О них И. С. Шмелёв всегда отзывался с большой симпатией. Например, в письме от 22 апреля 1942 года О. А. Бредиус-Субботиной он замечал: «Сейчас был инженер, однополчанин моего Серёжечки, мой младший друг <...> и е¹ христианин, караим, честнейший человек, никогда не преувеличивающий, всегда прямой» [17]. Исаака Пастака Иван Шмелёв характеризовал так: «Малоразговорчивый, большой химик, чудесное сердце» [18]. 8 января 1943 года Иван Сергеевич адресовал Ольге Александровне следующие строки: «С первого дня Нового года, когда

приехал инженер [Исаак] Пастак, товарищ по оружию в белой борьбе моего Сержика, и сказал: «вот привёз... — хмуро так! — пустяков вам... морковь... сейчас натру, жмите и пейте... у Вас нехватка всех витаминов, Вы все едите варёным, так нельзя... и позволю двоюродной сестре, она, кажется — ! — хороший врач» [19]. Шмелёв, поначалу отнёсшийся к предложению Пастака довольно скептически, затем с энтузиазмом сообщал: «Утром, 2-го [декабря 1942 года], является докторша. Старая девушка, лет 40, некрасивая. Умная. Исследовала, всё расспросила». И далее: «Она п о д н я л а² меня! И сейчас, и ночью — ни ощущения болей, ничего <...> Я верю, что она меня воздвигнет» [20].

В вышеприведённом фрагменте речь идёт о двоюродной сестре Пастаков, Кларе (Клэр) Абрамовне Крым (5 февраля 1902, Феодосия — 8 июня 1965, Париж; похоронена на кладбище Баньё), дочери феодосийского врача-хирурга Абрама Самойловича Крыма (24 декабря 1865 — 1910?) и Федосеи (Феодосии) Самуиловны Крым (? — Феодосия, ок. 1910) [21]. В 1925 году она эмигрировала во Францию; поселилась в Марселе, состояла на службе переводчицей в одной из контор. К. А. Пастак, представитель династии врачей (кроме отца, делу медицины посвятили себя также её родной брат и тётя), окончила медицинский факультет в Монпелье с присвоением степени доктора медицины; успешно лечила И. С. Шмелёва в эмиграции [22]. В 1940-х годах она проживала в Париже, на улице Сен-Саен, 15. Клара Абрамовна — участник Вто-

¹ Разрядка в тексте письма И. С. Шмелёва авторская.

² Разрядка И. С. Шмелёва.

рой мировой войны, работала в санитарных поездах, причём нередко на территориях, находившихся под обстрелом. По окончании войны получила от французского правительства разрешение заниматься медицинской практикой (до войны иностранцы, проживавшие на территории Франции, были этого права лишены) [23].

Вообще, И. С. Шмелёв неоднократно прибегал к услугам врачей из числа членов караимской общины Франции, к мнению которых он внимательно прислушивался. Вот что он писал 24 июня 1942 года: «7 вечера. Сейчас от доктора, одного из наших лучших! дал какое-то растирание. Надо лучше питаться. Дал средства усиленные <...> сразу помог прошлым летом от болей у сердца и груди, во время ходьбы <...> Сейчас, в 5 ч., пойду к доктору, это серьёзнейший, караим он, — и завтра уезжает на отдых. Что он скажет?» [24].

Речь идёт о караиме Илье Иосифовиче Очане, благодаря медикаментозному вмешательству которого, по словам Ивана Шмелёва, у него «все боли кончились, ночь спал, — и это от одного, умно найденного доктором Очаном, средства!» [25]. «Какой удивительный человек, — продолжал И. С. Шмелёв в письме О. А. Бредиус-Субботиной в июне 1942 года, — какая выдержка! Знаешь, он точно знает, что приговорён: у него страшная болезнь — злокачественная опухоль прямой кишки! Две операции. В прошлом году он помог мне... за три дня до оперирования его <...> Новый рецидив возможен. И он ровен, по виду не узнать... а в душе — о, какая тоска, должно быть! Единственная радость — он женатый — внучка или две... — светлая его радость, последняя... В прошлом году, придя к нему по совету друзей, я и не предполагал, что он как бы «перед приговором». А он знал. И теперь... ласков, вдумчив, сосредоточен на пациенте, не на своём, трагическом!» [26].

Впоследствии И. С. Шмелёв замечал, что И. И. Очан — «умнейший, чудный доктор» [27], его «очень чтут свои (а «свои» — богатый народ), на которого чуть ли не молятся (он мне помог в [19]41 г. против спазма в груди) и сам с хорошими средствами, должен был подвергнуться очень се-

рьёзной операции, почти безнадёжной. Его привезли в этот американский (лучший, м. б., в Европе) госпиталь (июнь [19]41 г.). Известный хирург — его друг — делал операцию, — словом в с ё³ и вся — сплошная забота о нём. И... когда поправлялся после удачной операции — не смог бы окрепнуть — из-за скуд-но-го⁴ питания! Каждый день кто-нибудь из друзей и пациентов благодарных привозил ему то курицу, то утку, то бифитексы» [28].

Илья Иосифович (Осипович) Очан родился 18 марта 1883 года в Киеве. Он окончил медицинский факультет Киевского университета, затем защитил докторскую диссертацию, после чего ему была присвоена степень доктора медицины. Являясь специалистом по внутренним болезням, Илья Иосифович имел обширную врачебную практику в Киеве. Был известен также своей общественной и благотворительной деятельностью. В начале Первой мировой войны И. И. Очана призвали по мобилизации Киевским по воинской повинности присутствием в 1914 году. Находился на должности военного врача в действующей армии; в январе 1915-го по болезни был откомандирован в Полтаву [29]. По окончании войны, в 1919 году, эмигрировал во Францию, обосновался в Париже, где открыл частную врачебную практику. Состоял членом Общества русских врачей имени Мечникова, в 1938 году избран казначеем,

Илья Иосифович (Осипович) Очан

а в 1940-м — членом правления этой организации. И. И. Очан неоднократно выступал с лекциями об инфекционных и эпидемических заболеваниях на «общедоступных курсах медицинских знаний», организованных при вышеупомянутом обществе. Был одним из активных членов караимской общины Франции; являлся действительным членом Общества Тургеневской библиотеки, входил в Общество караимов. По некоторым сведениям, в 1920–1930-х годах состоял в масонской ложе «Северная Звезда» [30]. В это же время вместе с супругой Анной Очан (16 марта 1889, Гути, Богодуховский район, Харьковская область — 1978, Париж; похоронена на кладбище Пер-Лашез) содержал пансион «Мельница» на острове Ре (департамент Приморская Шаранта), где ежегодно принимал на отдых караимских и русских детей, а также всех нуждавшихся [31].

³ Разрядка И. С. Шмелёва.

⁴ Так в письме И. С. Шмелёва.

И. И. Очан умер 16 августа 1943 года в городе Тарб, административном центре департамента Верхние Пиренеи; был похоронен в Париже на кладбище Пер-Лашез [32]. Дочь супругов Очан, Наталья Ильинична Очан (в первом браке Пташкина, во втором — Бажу; р. 15 февраля 1913, Киев — ум. 1 января 2008; похоронена в Ла Куард, остров Ре, департамент Приморская Шаранта), в 1919 году вместе с родителями эмигрировала во Францию. Окончила престижную школу искусств в Париже. В 1957-м получила диплом филолога в университете города Ренн (департамент Иль и Вилен), где до 1965 года преподавала русский язык. В 1965–1970 годах вела преподавательскую деятельность в Париже. С детства занималась шахматами, даже выиграла чемпионат Парижа (1945). Состояла членом Общества караимов; в 1930-х годах принимала активное участие в его вечерах и собраниях. В 1993 году в Париже опубликовала книгу мемуаров «Une petite fille dansait» («Девочка танцевала») [33].

Судьба многих караимов, оставшихся в Крыму во время войны, продолжала интересоваться писателя. 9 октября 1943 года И. С. Шмелёв сообщал О. А. Бредиус-Субботиной, что «у Пастаков сёстры пропали там, в Евпатории, три! в дни временного «ухода» оккупационных войск. А матушка жива и не знает ничего. Уж из Берлина племянница написала — «пропали». Одна была химик, заведовала курортом «Саки», под немецкой оккупацией. И теперь — нет следа, очевидно, «товарищи»... порешили» [34]. Данный пассаж требует уточнения. Одна из сестёр И. А. и Ш. А. Пастаков — Софья Абрамовна Пастак (1898, Симферополь — 7 июля 1942, Евпатория) — окончила физико-математическое отделение Бестужевских высших женских курсов в Санкт-Петербурге. Впоследствии она устроилась наблюдателем (а затем, с 1929 по 1941 г., работала заведующей) гидропоста на реке Салгир, занималась изучением водных ресурсов степной части Крыма. Во время немецко-фашистской оккупации Крыма, 4 июля 1942 года, С. А. Пастак добровольно пошла на расстрел, сопровождая детей-евреев (причём среди них была и 16-летняя дочь её родной сестры, Анны). 25 сентября 2001 года на здании Сакской гидрологической станции в присутствии представителей караимской общественности и жителей города была открыта мемориальная доска в память о Софье Абрамовне Пастак [35].

Вторая сестра Пастаков, Елизавета Абрамовна Пастак (27 февраля 1906 — 1993), по данным архива НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург), училась, а затем работала внештатным химиком в Ленинградском гидрологическом институте; имела неоконченное высшее образование; была беспартийной. Проживала по адресу: Ленинград, ул. Ракова, 6, кв. 25. По

доносу на мужа, химика Анатолия Горинова, Елизавета Пастак была арестована 2 октября 1937 года в ходе «чисток» соваппарата с формулировкой «член семьи изменника Родины» и 2 ноября 1937 года приговорена ОС НКВД СССР к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. В 1942 году была освобождена по отбытии срока и, выехав с мест заключения, вновь встретилась с мужем. Вскоре у них родилась дочь София, у которой впоследствии хранился личный архив семьи Пастак. Е. А. Пастак была реабилитирована военным трибуналом Ленинградского военного округа 19 сентября 1956 года; впоследствии проживала в Ленинграде [36].

Эстер Пастак (1897, Симферополь — 1953, Ленинград), как отец и старший брат, стала агрономом. Работала бухгалтером, во время Великой Отечественной войны находилась в блокадном Ленинграде, где и прожила до конца своих дней. Об Анне Пастак (1900–1942; Симферополь) сведений практически не сохранилось, однако известно, что она вышла замуж за известного в то время дирижёра Аркадия Борисовича Брискина (еврея по национальности), у них было трое детей. После замужества братья Пастаки, офицеры врангелевской и деникинской армий, прервали с ней отношения [37]. Илья Пастак (1902–1936) получил техническое образование, работал инженером; погиб в железнодорожной катастрофе недалеко от Москвы.

Необходимо заметить, что не только проблемы, связанные с устройством личного быта и заботой о собственном здоровье, связывали И. С. Шмелёва с членами караимской общины Франции. Его деятельность как писателя и драматурга вызывала живой интерес у видных представителей театрального и кинематографического искусства. Так, например, в июне 1942 года он сообщал О. А. Бредиус-Субботиной, что был «снова поднят вопрос о покупке экранного воспроизведения «Неупиваемой» [38]. Приедет крупный деятель, двоюродный брат караимочки [39], Дуван... — сын артиста Дуван-Торцова... [40] Он захвачен «Чашей», только что прочитал» [41]. По всей вероятности, речь идёт об Илье Исааковиче Дуване (1898–1976), сыне Исаака Эзровича Дувана-Торцова, который был актёром и режиссёром в театре своего отца. В середине 1920-х он увлёкся антропософией, выступал на театральных подмостках в Германии и Швейцарии (Берн), куда переехал в 1942 году [42]. И. С. Шмелёв полагал, что И. И. Дуван является серьёзным специалистом и большим знатоком искусства: «Он человек с большим художественным дарованием. Это меня успокаивает. Но я решительно возражаю против постановки европейской: и не поймут «Неупиваемой чаши», и нет главной артистки (не найти — нигде!). Только русская женщина может дать Анастасию <...> Изучая

все данные и связи г. [Господина] Дувана, — было умолкнувшего, с год уже! — вижу, что что-то начинает изменяться в отношении русского экрана. Дай Бог. Когда большевизм будет раздавлен (помоги, Боже!), жизнь очистится, обновится... — и моя «Неупиваемая» — ч и с т а я — встретит чутких слушателей-зрителей, родных, ч и с т ы х⁵ очистившихся» [43].

Исаак Эзрович Дуван-Торцов (1873, Евпатория — 27 сентября 1939, Париж), брат евпаторийского городского головы Симхи Эзровича Дувана, был известным российским актёром, режиссёром, антрепренёром. Обучался сначала в Евпаторийской прогимназии, затем — в Симферопольской мужской казённой гимназии, окончив которую поступил на юридический факультет Киевского университета. В 1896 году получил диплом этого учебного заведения и через три года выдержал экзамен на должность старшего кандидата при Киевской судебной палате [44]. С 1901 года Исаак Эзрович состоял присяжным поверенным Киевского судебного округа. Однако юриспруденция не привлекала его; вскоре он решил посвятить себя театру, которому отдавал свободное время ещё будучи студентом [45]. В 1901 году И. Э. Дуван-Торцов был приглашён в театр известного антрепренёра Н. Н. Соловцова, а затем, в том же году, — в театр Киевского общества грамотности, в антрепризу М. М. Бородая, поступив при этом ещё и в драматическую школу Киевского общества искусства и литературы. С 1904 по 1910 год И. Э. Дуван-Торцов служил антрепренёром и режиссёром в театрах в Вильно и Киеве [46]. С 1906 года он руководит одновременно театром «Н. Н. Соловцов»

Симха (Сергей) Эзрович Дуван, городской голова Евпатории

[49]. Служил он и в театре Суходольского в Москве, был директором-распорядителем Московского драматического театра [50]. После 1917 года И. Э. Дуван-Торцов эмигрировал в Болгарию, там работал

Исаак Эзрович Дуван-Торцов, актёр и режиссёр

и театром Киевского общества грамотности, однако спустя пять лет, «вследствие расстроенного здоровья», Исаак Эзрович вынужден был отказаться от антрепренёрской деятельности, передав управление театром М. Ф. Богрову, и остался у него на службе в качестве актёра [47]. В 1911-м, как сам Дуван-Торцов сообщил белградской газете «Русский голос» в 1931 году, он «передал театр Синельникову и поехал «учиться» в Москву», где был приглашён в качестве актёра в Московский художественный театр (МХТ) К. С. Станиславского [48].

И. Э. Дуван-Торцов, помимо работы в театре, снимался в кино (в киевском ателье «Художественный экран» и Одесском — у К. Боржова) и преподавал в драматической школе в главном режиссёром Национального театра в Софии. Снялся в главных ролях в фильмах «Хозяин жизни», «Хозяин и работник» и «Яшка-скакун» (1919). В 1921 году переехал в Берлин. Выступал как режиссёр и артист в театре «Синяя птица», служил в «Пражской группе» МХТ, основал русский театр миниатюр «Маски», гастролировал с ним по Европе и Южной Америке, принимал участие в зарубежном турне русской актрисы Е. А. Полевицкой (в 1923–1925 гг.).

Театральный деятель и педагог В. В. Шверубович, один из основателей театра «Современник», вспоминая И. Э. Дувана-Торцова, писал: «Какой-то лысый, толстощёкий человек... Это Дуван, наш Исаак Эзрович Дуван-Торцов, бывший актёр МХТ, один из основателей Вто-

⁵ Разрядка И. С. Шмелёва.

рой студии... Дуван был крупным провинциальным режиссёром-антрепренёром, одно время даже «держал сезон» в Киеве, но потом передал свои коммерческие дела каким-то компаньонам, а сам переехал в Москву и вступил в труппу МХТ. Играл он очень мало и держал себя чрезвычайно скромно, даже робко... После революции он каким-то образом оказался в Софии, где его пригласили на должность главного режиссёра драматической труппы» [51].

С 1925 года И. Э. Дуван-Торцов проживал в Париже; в 1933-м он, вместе с А. Ф. Череповым, основал Русский общенародный театр, который разместился в Русском доме, носившем имя последнего российского императора Николая II; в репертуаре театра, имевшего, по словам современников, «великолепный театральный зал», были представлены в основном классика и патриотические пьесы. Известность получили такие постановки, как «Дети Ванюшина» С. Найдёнова, «Комедия брака» С. Юшкевича, «Первая муха» В. Крылова и др.) [52]. В новом здании за первый сезон было представлено более 25 пьес (57 спектаклей) [53]. И. Э. Дуван-Торцов вновь приглашался для работы в кино и в 1925 году снялся в фильме М. Л'Эрбье «Feu Mathias Pascal» («Покойный Матиас Паскаль»). В том же году Исаака Эзровича избрали председателем Русского литературно-артистического кружка, и он неоднократно участвовал в программах этого творческого объединения. И. Э. Дуван-Торцов занимал пост казначея правления и товарища (заместителя) председателя так называемого суда чести Союза сценических и кинематографических деятелей во Франции (в 1927 г.). Неоднократно выступал в «Русском клубе», «Очаге друзей русской культуры», «Тургеневском артистическом обществе» [54]. В 1927 году стал организатором двух вечеров юмора, в которых сам принимал участие. В 1930-м играл в Театре драмы и комедии под управлением О. В. Барановской. И. Э. Дуван-Торцов трагически погиб 27 августа 1939 года под колёсами автомобиля в Париже (по другой версии — 27 сентября в Лондоне) [55].

Имена Елизаветы Семёновны Гелелович (урожд. Дуван) и её сестры Анны Будо, племянниц И. Э. Дувана-Торцова, в переписке И. С. Шмелёва и О. А. Бредиус-Субботиной фигурировали довольно часто; Е. С. Гелелович (она проживала с семьёй в Париже по адресу: ул. Микеланджело, 108, где её муж, Сулейман Гелелович, содержал собственную лавку) писатель по-дружески называл «караимочкой» [56] и сообщал, что «она некрасива, но — порой — прелестна. И очень неправильные черты. Скульцы, очень толстые губы, очень большие глаза. Это лучшее, всё искупающее. <...> Очень идёт ей чёрное. Когда обледнит лицо — глаза живут. Очень хруп-

кая, совсем миниатюрная, худенькая <...> Любит моё искусство, ценит, и чуть переносит на меня, но именно как «ценящая писателя». Ей 40. Она неглупа» [57]. Очевидно, что находившихся многие годы вдали от родины, близких по духу и взглядам людей неизбежно тянуло друг к другу. «Я так чувствую, что мне недостаёт Ваших таких бодрящих бесед... Вы даёте мне столько светлых минут», — делилась Е. С. Гелелович с И. С. Шмелёвым после того, как он в июле 1942 года несколько дней гостил в имении её сестры, А. С. Будо (Дуван) [58].

Елизавета Семёновна и её близкие старались всячески поддерживать писателя — помогали продуктами, следили за состоянием его здоровья, консультировали у врачей [59]. 7 августа 1942 года И. С. Шмелёв написал, что «вот уже вторую неделю, с некоторыми перерывами, хожу завтракать к милым моим караимам. Заставили. Половину забот с меня сняли. Сегодня ел свежую разварную камбалу — или почти камбалу, с картофелем, суп-лапшу, бефтекс, персики. У них очень хорошая девушка-француженка — евангелистка... чисто готовит, вкусно. Вот какие друзья... нежные, заботливые, чуткие... — это семья караимочки» [60]. «Сейчас написал Елизавете Семёновне, чтобы запросила доктора: я должен быть у него только через месяц!» — сообщал И. С. Шмелёв 26 октября 1942 года [61] Сестру Е. С. Гелелович, А. С. Будо, которая часто передавала писателю необходимые лекарства [62], И. С. Шмелёв описывал как «даму сырую, тучную», однако замечал, что «она очень приятная, «мягкая», — и у-мная! — красивы голубые глаза. <...> Елизавета Семёновна совсем мненьтюрка, как бы не доразвилась в женщину, совершенно резко-другой тип!» [63]

В сентябре 1943 года, во время одного из авианалётов авиации союзников, прямым попаданием бомбы были разрушены госпиталь и несколько домов на улице Микеланджело. В квартире, которую занимал И. С. Шмелёв, выбиты все окна, сорвана надоконная деревянная обшивка, серьёзно пострадала внутренняя обстановка. Значительно сильнее пострадал дом, где жили Гелеловичи: три верхних этажа были снесены, испорчено крыльцо, выбиты все окна и сорваны двери [64]. И. С. Шмелёв взволнованно сообщал об этом событии в письме О. А. Бредиус-Субботиной 9 сентября 1943 года: «Видел караимочку, она извелась... У ней тил кофе со... сметаной, вернулась на пепелище без окон. В их доме десять убито. Против меня — 7. Кругом... — ну, нечего тут описывать. Пока — промчалось» [65]. Сама Елизавета Семёновна некоторое время жила в пригороде Парижа, Фонтенбло, где проходила курс лечения, а когда заболел её сын Рустем, вынуждена была отправиться с ним на восток Фран-

ции. «У Елизаветы Семёновны великая скорбь, её сын Рустем — кандидат на чахотку, везут его, и она едет — в санаторий в Шамони. Очень он долгий и худой, потемнение в лёгких, температура на полдесятую по вечерам. Она — вся — трепет. А у самой сердце — никуда», — взволнованно замечал И. С. Шмелёв [66]. Впоследствии диагноз врачей, к счастью, не подтвердился, однако сама Е. С. Гелелович тяжело заболела воспалением лёгких и «едва выжила, с помощью Божией, конечно; в частности, благодаря применению пенициллина» [67].

С деятельностью некоторых кругов российского эмигрантского движения в жизни И. С. Шмелёва связан один довольно неприятный и получивший в прессе того времени широкую огласку эпизод.

В номере американской газеты «Новое русское слово» от 24 апреля 1947 года была опубликована заметка о контактах И. С. Шмелёва с нацистами: писателю вменялось в вину, что он сотрудничал с газетой «Парижский вестник», известной своими связями с фашистами, а также в том, что он принимал участие в молебне, организованном в связи с победой немцев в Крыму летом 1942 года. В частности, в одном из номеров «Нового русского слова» упоминалось «воззвание, в котором Шмелёв приглашал русских людей на благодарственный молебен по случаю «освобождения немцами Крыма» [68]. Факт участия в этом молебне послужил одним из оснований для обвинения И. С. Шмелёва в коллаборационизме — 25 мая 1947 года Московское радио оповестило, что он «работал с немцами» во время оккупации, а на следующий день в советской «Правде» писатель был назван «фашиствующим элементом» (вместе с Берберовой и Арсеньевым) [69]. 31 мая того же года парижская «Русская мысль» поместила заметку И. С. Шмелёва под названием «Необходимый ответ», а 6 июня 1947 года ещё одна парижская газета «Русские новости» опубликовала материал против писателя, процитировав статьи из «Парижского вестника», «Правды», а также ответ «Нового русского слова» на письмо литературоведа Г. П. Струве, выступившего в защиту Ивана Сергеевича.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на то что в жизни писателя незаживающей раной оставалась память

Екатерина Семёновна Гелелович (Дуван)
с сыном Рустемом

о единственном сыне Сергее, расстрелянном большевиками в январе 1921 года, он всегда оставался истинным патриотом своей страны. Конечно, И. С. Шмелёва трудно было заподозрить в симпатиях к советскому строю. Так, например, в письмах, адресованных О. А. Бредиус-Суботиной, он, искренне переживавший за судьбы России, с горечью размышлял: «...силы русской эмиграции дремлют втуне, не привлечены к великому делу всеобщего освобождения и обновления <...> Я глубоко верю в предназначение Божие, карающий и очистительный «меч» был вложен в руку Германии... так дано в историческом течении, Высшею Волею, избран достойный сего» [70]. Однако в ответ на обвинения недругов в своём письме учредите-

лю и председателю Фонда Л. Н. Толстого, графине Александре Львовне Толстой, отправленном им в Нью-Йорк 10 августа 1948 года, И. С. Шмелёв в свою защиту приводил мысль о том, что «не мог выставлять на злую потеху палачей России — большевиков и их приспешников моё сокровенное, мою неизбывную боль: опровергая клевету, я должен был раскрыть личное моё, объяснять злорадствующим всё то, что вынудило меня дать подпись под «воззванием группы бывших жителей Крыма» и присутствовать на поминовении о многих тысячах российских людей, убиенных в Крыму большевиками, и вознести благодарение Господу за освобождение Крыма, — священной могилы жертв большевицкого террора, — от богоборческой власти — насилия» [71].

Реакция самого И. С. Шмелёва на высказанные в его адрес обвинения и некоторые подробности вышеприведённых событий писатель сообщал в своём послании И. И. Ильину от 24 июня 1947 года. Это весьма важное свидетельство, поэтому приведём отрывок из него полностью. «Никогда я не составлял «воззвания» к русским людям — якобы приглашая их благодарить Бога за завоёванный немцами Крым! Надо знать всю правду, Вам я скажу её... В июне-июле [19]42 года раза три приставали ко мне товарищи по бел[ой] армии моего Серёжи, инженеры-караимы-крымчаки, гг.[оспода] Пастаки, примкнуть к их крымской группе в обращении её

к «крымчакам», — помолиться благодарственно «за освобождение Крыма от богоборческой власти». В обращении не было сказано — «немцами». Им нужно было моё имя. Я дважды отклонил, и у меня есть этому свидетель [72]. Я в те недели ужасно страдал от вспыхнувшей язвы, и всегда в эти «приступы» болей я утрачивал спокойствие и волю... И вот в начале июля П[астаки] снова явились <...> И на сей раз я отклонил. Тогда... мне бросили: «но ведь там ваш Сережа!..» Ножом в сердце! Я испугался — будто я забыл... слова были мне как бы укором. И я, в изнеможении! — о! какие были боли, всегда обострившиеся, когда взвинтятся нервы! — я, потеряв все силы сопротивления, выдал из себя: «пишите... я приду молиться...» Они включили моё имя — а самих себя не включили! — в ряд имён. Не думаю, чтобы это была провокация... они — порядочные люди, и своё «отсутствие» объясняли после, что «никто их не знает!» Неверно это. Я был на молебне и возгласении вечной памяти «умученным в Крыму от богоборч[еской] власти». Никакого моления «о немцах» не было, ни словом не упомянуто. За что я благодарил Господа?.. За отнятие Крыма от палачей и бесов, от мучителей, и мне тогда было всё равно: отняли у бесов Кр[ым] немцы, союзники, белые ли войска... одно было в душе: умученные не в их власти, не в их злобе!.. <...> Не могу больше... так всё гадко, грязно. Меня «полоскали». Одни — м[ожет] б[ыть], за то, что я шёл всегда своей дорогой, а не общей... другие — отплатить, что жизнь меня ещё не смолола» [73].

Единственный, пожалуй, наиболее близкий И. С. Шмелёву человек, О. А. Бредиус-Субботина, сопереживала писателю в эти трудные для него минуты жизни и поддерживала его. «От людей, по твоему же определению, дружески к тебе настроенных, — писала она И. С. Шмелёву 12 июня 1947 года, — я слышала в Париже, как они говорили о твоих проявлениях себя в дни и годы оккупации: «Ну зачем он в политику втягивать себя давал? Караимы, например, затеяли служить благодарственный молебен и огласили, что и И.[ван] С.[ергеевич] Ш.[мелёв] с ними... Он-то пришёл, а те — в кусты...» Елизавету Семёновну [Гелелович], прости, я не извиняю» [74].

В письме И. С. Шмелёва К. В. Деникиной от 29 января 1948 года есть такие строки: «В Америке, как и в Париже, меня пытались опорочить. Знаю. Всё знаю. Созвучно с Кремлём — бесами, до доношения по радио. Я ответил публично <...> И не

кучке «совпатриотов» и по её клевете — не некоторой группе введённых в заблуждение людей в Нью-Йорке — учить меня чести и любви к Родине. Я более полувека — русский писатель и знаю, что такое русский писатель и каков его долг <...> Мне грустно, что в числе поверивших клевете и подлогу могли оказаться чистые, достойные русские люди, кого я и посейчас почитаю, радуясь их служению обездоленным... Было создано «замешательство», создано сознательно-злостно, на радость бесам. Ну, время придёт, и если это надо, с помощью Божьей, — всё откроется» [75].

Русское эмиграционное движение в составе своём, конечно же, было неоднородным. Люди, испытавшие гонения, видевшие войну, смерть, голод и разруху послереволюционной России и вынужденные оставить свою родину, тем не менее не теряли надежды когда-нибудь туда вернуться. Нелёгкие испытания, которые судьба приготовила эмигрантам на чужбине, кого-то из них ожесточили. Виной всему они видели советскую власть, с уничтожением которой могло бы измениться к лучшему в том числе очень многое и в их собственной жизни. Подавляющее большинство русских белоэмигрантов выступали против советского строя — точка зрения, которой они придерживались, заключалась в том, чтобы использовать любую возможность для продолжения борьбы с этим режимом. В изгнании с особой остротой они чувствовали необходимость что-то предпринять для достижения этой цели, действуя порой вопреки чувству патриотизма в подлинном понимании этого слова. Однако в своих поступках эти люди руководствовались прежде всего собственным пониманием степени полезности своей родине и верности долгу. В то же время значительное число российских эмигрантов приняло участие во французском Сопротивлении — например, в ряды «Сражающейся Франции» вступило около трёх тысяч русских эмигрантов, а в партизанские отряды «Сопротивления» — несколько сотен человек [76].

Сегодня в рамках активного развития такого направления исторических исследований, как «новая биографическая», или «персональная», история, пристальное внимание исследователей обращено на изучение жизни и деятельности представителей российской эмигрантской среды. Эпистолярное наследие И. С. Шмелёва является ценным источником по реконструкции биографий многих членов караимских общин России, находившихся в 1920–1940-х годах в эмиграции.

1. *Батозский К. С., Павленкова Н. В.* Иван Шмелёв и крымские караимы в Париже (из писем И. С. Шмелёва Е. С. Гелелович) // И. С. Шмелёв и литературный процесс накануне XXI века. 125 лет со дня рождения И. С. Шмелёва. VII Крымские международные Шмелёвские чтения : сб. материалов междунар. науч. конф. — Симферополь — Алушта, 1998. — С. 74–78 ; *Батозский К., Павленкова Н.* Я возвращаю себе Россию : Иван Шмелёв и крымские караимы в Париже // Литературная Россия. — М., 2000. — № 48. — 1 дек. — С. 12–13 ; *Батозский К. С., Павленкова Н. В.* Иван Шмелёв и крымские караимы в Париже (из писем И. С. Шмелёва Е. С. Гелелович) // Венки Шмелёву. — М., 2001. — С. 319–323.
2. В последние годы в ряде изданий применяется термин «октябрьский переворот 1917 г.» [Гражданская война в России : энциклопедия катастрофы / сост. и ред. Д. М. Володихин ; науч. ред. С. В. Волков. — М. : Сибирский цирюльник, 2010. — С. 43].
3. *Батозский К. С., Павленкова Н. В.* Иван Шмелёв и крымские караимы в Париже. — С. 74–78 ; И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 1 / предисл., подгот. текста и коммент. О. В. Лексисной, С. А. Мартьяновой, Л. В. Хачатурян. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003 ; *Ильин И. А.* Собрание сочинений. Переписка двух Иванов : в 3 кн. / И. А. Ильин, И. С. Шмелёв ; сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы ; расшифр. и текстол. подгот. писем И. С. Шмелёва О. В. Лисицы. — М. : Русская книга, 2000. — Доп. т. к собр. соч. : в 10 т. [доп. т. 3] : кн. 1 : 1927–1934. — 560 с. ; [доп. т. 4] : кн. 2 : 1935–1946. — 576 с. ; [доп. т. 5] : кн. 3 : 1947–1950. — 528 с. ; Письма И. С. Шмелёва доктору С. М. Серову — прототипу врача в романе «Иностранец» / предисл., сост. и подгот. текста Н. П. Белевцевой // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. — М., 2010. — С. 385–476.
4. И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 1. — С. 39 ; *Корляков А.* Русская эмиграция в фотографиях : Франция, 1917–1947. — Париж : ИМКА-ПРЕСС, 1999. — 160 с. ; *Корляков А.* Они сохранили достоинство и честь : Русская эмиграция в фотографиях, Франция, 1917–1947. — Париж : ИМКА-ПРЕСС, 2001. — 410 с. ; *Корляков А.* На пути к успеху : Русская эмиграция в фотографиях, 1917–1947. — Париж : ИМКА-ПРЕСС, 2005. — 464 с.
5. *Прохоров Д. А.* История караимской общины Крыма в персоналиях : учёный, садовод и благотворитель А. И. Пастак // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии ; отв. ред. : А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. — Симферополь — Керчь, 2013. — Вып. 18. — С. 541–581.
6. *Ельяшевич Б. С.* Пастак Вера (Беруха) Самойловна (Самуиловна) (род. 8/IX–1871 г., ум. пожилой) // Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.) // Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» ; под ред. М. Н. Губогло, А. И. Кузнецова, Л. И. Миссоновой. — М., 1993. — Вып. 14, кн. 2. — С. 160.
7. Пастак Исаакий Абрамович // Российское зарубежье во Франции. 1919–2000 : биограф. словарь : в 3 т. / под. общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. — М. : Наука ; Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. — Т. 2. — С. 407 ; *Корляков А.* На пути к успеху : Русская эмиграция в фотографиях. — С. 265.
8. Хроника текущей жизни. Симферополь. Окончившие // Караимская жизнь. — М., 1911. — Кн. 2, июль. — С. 93.
9. И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 1. — С. 747, прим. 712 ; Пастак Исаакий Абрамович // Российское зарубежье во Франции. — С. 407.
10. Пастак Исаакий Абрамович // Российское зарубежье во Франции. — С. 407.
11. Труженики сельского хозяйства : Пастак Исаак (1894–1965) // Караимская народная энциклопедия : в 6 т. — СПб., 2006. — Т. 5 : Культура крымских караимов (тюрков). — С. 387 ; Пастак Исаакий Абрамович // Российское зарубежье во Франции. — С. 407.
12. Пастак Исаакий Абрамович // Российское зарубежье во Франции. — С. 407 ; *Корляков А.* На пути к успеху : Русская эмиграция в фотографиях. — С. 265.
13. *Батозский К. С., Павленкова Н. В.* Иван Шмелёв и крымские караимы в Париже. — С. 75, 76.
14. *Батозский К., Павленкова Н.* Я возвращаю себе Россию : Иван Шмелёв и крымские караимы в Париже. — С. 12, 13 ; И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 2. — С. 226 ; Шмелёв И. С. Переписка с О. А. Бредиус-Субботиной. Известные редакции произведений. — Т. 3 (доп.), ч. 1. — С. 369, 378.
15. И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 1. — С. 634.
16. Шмелёв И. С. Переписка с О. А. Бредиус-Субботиной. Известные редакции произведений. — Т. 3 (доп.), ч. 1. — С. 320.
17. И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 1. — С. 621.
18. Шмелёв И. С. Переписка с О. А. Бредиус-Субботиной. Известные редакции произведений. — Т. 3 (доп.), ч. 1. — С. 564.
19. И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 2. — С. 121 ; Шмелёв И. С. Переписка с О. А. Бредиус-Субботиной. Известные редакции произведений. — Т. 3 (доп.), ч. 1. — С. 564.
20. Шмелёв И. С. Переписка с О. А. Бредиус-Субботиной. Известные редакции произведений. — Т. 3 (доп.), ч. 1. — С. 565.
21. Купченко В. П. Кто был кто в Феодосии и Феодосийском уезде, включая гостей полуострова : 1783 — первая треть XX в. : опыт биографического справочника (рукопись). — С. 18 ; *Кизилов М. Б.* Караим Соломон Крым : жизнь и судьба // Историческое наследие Крыма. — Симферополь, 2005. — № 10. — С. 90.
22. Шмелёв И. С. Переписка с О. А. Бредиус-Субботиной. Известные редакции произведений. — Т. 3 (доп.), ч. 1. — С. 564, 565.
23. Крым Клара Абрамовна // Российское зарубежье во Франции. 1919–2000 : биограф. словарь : в 3 т. / под. общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. — М. : Наука ; Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. — Т. 1. — С. 765 ; Крым Клара Абрамовна // Незабываемые могилы : Россий-

- ское зарубежье : некрологи 1917–2001 : в 6 т. / Рос. гос. б-ка ; сост. В. Н. Чуваков ; под ред. Е. В. Макаревич. — М., 2001. — Т. 3 : И–К. — С. 579.
24. И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 2. — С. 32, 35.
25. Там же. — С. 37.
26. Там же. — С. 38.
27. Шмелёв И. С. Переписка с О. А. Бредиус-Субботиной. Неизвестные редакции произведений. — Т. 3 (доп.), ч. 1. — С. 368.
28. Там же. — С. 533.
29. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 241, д. 1287, оп. 1, л. 51.
30. Платонов О. А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1731–1996. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Родник, 1996. — С. 294 ; Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Биографический словарь. — Харьков : Калейдоскоп ; М. : Прогресс-Традиция, 1997. — С. 86.
31. Корляков А. На пути к успеху : Русская эмиграция в фотографиях. — С. 265, 267.
32. Очан Илья Иосифович (Осипович) ; Очан (урожд. Бриль) Анна // Российское зарубежье во Франции. 1919–2000 : биогр. словарь : в 3 т. / под. общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. — М. : Наука ; Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. — Т. 2. — С. 374.
33. Очан Наталья Ильинична // Российское зарубежье во Франции. 1919–2000 : биогр. словарь : в 3 т. / под. общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. — М. : Наука ; Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. — Т. 2. — С. 374 ; Корляков А. На пути к успеху : Русская эмиграция в фотографиях. — С. 265.
34. Корляков А. На пути к успеху : Русская эмиграция в фотографиях. — С. 226.
35. Полканова А. Из карайского рода Пастак // Караимские вести. — 2002. — № 1 (66), янв. — С. 1.
36. Кизлов М. Б. Караим Соломон Крым : жизнь и судьба. — С. 90 ; [Szyzmański S.] La famille Krym // Bulletin d'études Karaites. — Paris, 1993. — № 3. — S. 94 ; Пастак Елизавета Абрамовна : Жертвы политического террора в СССР. Архив НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург). [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://lists.memo.ru/d25/f493.htm> (01.12.2014).
37. Имас С. Секреты Караимов : Международная общественная организация еврейский общинный центр «Мигдаль». [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.migdal.ru/times/11/940/115> (01.12.2014) ; Румянцев А. Копия письма в адрес сайта «Центральный еврейский ресурс : Международная общественная организация еврейский общинный центр «Мигдаль» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.migdal.ru/forum/940/> (01.12.2014).
38. Имеется в виду произведение И. С. Шмелёва «Неупиваемая чаша», которое входит в рамки традиционной для автора религиозной православной тематики [Шмелёв И. С. Неупиваемая чаша // Сочинения : в 2 т. — Т. 1 : Повести и рассказы / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. О. Михайлова. — М. : Худож. лит., 1989].
39. В приведённом фрагменте речь идёт о Елизавете Семёновне Гелелович (урожд. Дуван).
40. Дочь И. Э. Дувана-Торцова Анна Исааковна Дуван (1903–1969) также была актрисой [Деятели театра и кино : Дуван-Торцов Исаак Эзрович // Караимская народная энциклопедия : в 6 т. — СПб., 2006. — Т. 5 : Культура крымских караимов (тюрков). — С. 280].
41. И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 2. — С. 34.
42. Деятели театра и кино : Дуван-Торцов Исаак Эзрович // Караимская народная энциклопедия. — С. 280.
43. И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 3 (доп.). — С. 603.
44. Караимы в искусстве : И. Э. Дуван-Торцов // Караимская жизнь. — М., 1912. — Кн. 8–9, янв. — февр. — С. 92, 93
45. Караимы в искусстве : И. Э. Дуван-Торцов. — С. 93 ; Дуван Исаак Эзрович, псевдоним Торцов // Ельяшевич Б. С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.) // Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» ; под ред. М. Н. Губогло, А. И. Кузнецова, Л. И. Миссоновой. — М., 1993. — Вып. 14, кн. 2. — С. 44, 45.
46. Караимы в искусстве : И. Э. Дуван-Торцов. — С. 93.
47. Там же.
48. Косик В. И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. — Ч. 1. / Ин-т славяноведения РАН. — М. : Ин-т славяноведения РАН, 2007. — С. 103 ; Дуван-Торцов Исаак Эзрович // Российское зарубежье во Франции. 1919–2000 : биогр. словарь : в 3 т. / под. общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. — М. : Наука ; Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. — Т. 1. — С. 515 ; Дуван С. Э. Я люблю Евпаторию / сост. и авт. вступ. ст. М. В. Кутайсова, В. А. Кутайсов. — 2-е изд. — Симферополь : Феникс, 2013. — С. 31, 32.
49. Дуван С. Э. Я люблю Евпаторию. — С. 31.
50. Дуван-Торцов Исаак Эзрович // Российское зарубежье во Франции. — С. 515 ; Дуван-Торцов Исаак Эзрович // Незабываемые могилы : Российское зарубежье : некрологи 1917–2001 : в 6 т. / Рос. гос. б-ка ; сост. В. Н. Чуваков ; под ред. Е. В. Макаревич. — М., 1999. — Т. 2 : «Г–З». — С. 437.
51. Косик В. И. Что мне до вас, мостовые Белграда? — С. 103.
52. Косик В. И. Что мне до вас, мостовые Белграда? — С. 76–78 ; Дуван (Дуван-Торцов) Исаак Эзрович // Кино-Театр. Актёры Российской империи [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.kino-teatr.ru/kino/acter/m/empire/273092/bio/> (01.12.2014).
53. Косик В. И. Что мне до вас, мостовые Белграда? — С. 104.
54. Корляков А. На пути к успеху : Русская эмиграция в фотографиях. — С. 272.
55. Косик В. И. Что мне до вас, мостовые Белграда? — С. 103 ; Дуван-Торцов Исаак Эзрович // Российское зарубежье во Франции. — С. 515 ; Дуван С. Э. Я люблю Евпаторию. — С. 32 ; Дуван-Торцов Исаак Эзрович // Незабываемые могилы : Российское зарубежье : некрологи 1917–2001. — С. 437 ; Мистецтво України : біогр. довідник / упоряд. А. В. Кудрицький, М. Г. Лабінський ; за ред. А. В. Кудрицького. — Київ : Українська енциклопедія ім. М. П. Бажана, 1997. — С. 229 ; Дуван (Дуван-Торцов) Исаак Эзрович // Кино-Театр. Актёры Российской империи [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.kino-teatr.ru/kino/acter/m/empire/273092/bio/> (01.12.2014).

56. И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 3 (доп.). — С. 317, 318.
57. И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 2. — С. 10, 26, 27, 31.
58. И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 3 (доп.). — С. 421.
59. Батозский К. С., Павленкова Н. В. Иван Шмелёв и крымские караимы в Париже. — С. 75, 76 ; И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 2. — С. 124, 139 ; И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 3 (доп.). — С. 324, 378, 411.
60. И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 3 (доп.). — С. 378.
61. И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 2. — С. 86.
62. Там же. — С. 113, 118, 124.
63. И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 2. — С. 101 ; И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 3 (доп.). — С. 411.
64. И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 2. — С. 215.
65. Там же. — С. 223.
66. И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 2. — С. 247.
67. Там же. — С. 295, 332.
68. *Осьминина Е.* «Фашистом я никогда не был...» // Независимая газета. — 1999. — 30 нояб.
69. *Бонгард-Левин Г. М.* Дело И. С. Шмелёва // *Бонгард-Левин Г. М.* Из «Русской мысли». — СПб. : Алетейя, 2002. — С. 100–110 ; *Сорокина О. Н.* Московянина : Жизнь и творчество Ивана Шмелёва. — 2-е изд. — М., 2000. — С. 294–296.
70. И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 2. — С. 33.
71. *Осьминина Е.* «Фашистом я никогда не был...» // Независимая газета. — 1999. — 30 нояб.
72. Под своим надёжным свидетелем И. С. Шмелёв понимал помощника церковного старосты Свято-Александро-Невского кафедрального собора, главного русского собора в Париже, расположенного на ул. Дарю — писатель сообщал, что это «лицо достойное, о чём могут засвидетельствовать ныне находящиеся в США Н. П. Афонский и Епископ Никон, Александр Николаевич Меркулов, мой парижский сосед, почти ежедневно заходивший ко мне и обо мне заботившийся» [*Осьминина Е.* «Фашистом я никогда не был...» // Независимая газета. — 1999. — 30 нояб].
73. *Ильин И. А.* Собрание сочинений. Переписка двух Иванов : в 3 кн. / И. А. Ильин, И. С. Шмелёв ; сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы ; расшифр. и текстол. подгот. писем И. С. Шмелёва О. В. Лисицы. — М. : Русская книга, 2000. — Доп. т. к собр. соч. : в 10 т. [доп. т. 5] : Кн. 3 : 1947–1950. — С. 140, 141, 143.
74. И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. — Т. 2. — С. 634, 635.
75. *Бонгард-Левин Г. М.* Дело И. С. Шмелёва. — С. 109, 110.
76. *Алексеев Ю.* «Мы всей душой желаем России полной победы...» : Русская эмиграция в годы Второй мировой войны // Военно-промышленный курьер. — 2005. — № 21 (88). — 15 июня.

И. В. Похвалин

Размышления у могилы А. К. Абрамова в Симферополе

Мне и легко и сложно писать об Александре Константиновиче Абрамове, генерале, выдающемся географе и гражданине России. Легко, потому что сам был в тех местах Средней Азии, где пролегал путь военного и географического гения, а сложно, потому что на его осквернённую могилу на Братском кладбище в верховьях Петровской балки Симферополя с соевствливым покаянием прихожу ежегодно в дни памяти воинов, павших в Крымской войне.

Не участвовал А. К. Абрамов в Крымской войне, но по высочайшему повелению Александра II был похоронен на этом солдатском мемориале как выдающийся полководец. Теперь крест на его могиле есть, а праха под крестом нет! Последующие поколения оказались не столь благодарными, и в 1930-х годах кладбище фактически уничтожили, а часовню разрушили. В послевоенные годы здесь был мотодром ДОСААФ, а часть кладбища отдали под жилую застройку. Также разрушили памятник и разграбили могилу генерала А. К. Абрамова (1836–1886) —

участника среднеазиатских походов под командованием легендарных Михаила Черняева, героя Севастопольской обороны, Константина Кауфмана и Михаила Скобелева, начальника Ферганской области, георгиевского кавалера, географа и путешественника.

...Летом 1980 года в составе крымской экспедиции я отправился в район Алайского хребта на Памире, где был доктором и участником. Мы поднимались на вершины «Синей реки», расположились лагерем у одного из притоков реки Кок-Су, вытекающей от

ледника Абрамова. Наше полуторамесячное пребывание здесь несколько раз требовало посещения ледника Абрамова — в целях и восхождений, и разведки новых маршрутов. В одном из выходов к вершинам пик Кольцова, Айдарбек и Коммуна мы решили пройти к леднику Абрамова на лавинно-гляциологическую станцию «Ледник Абрамова», созданную по программе международного гидрологического десятилетия в августе — октябре 1966 года (по итогам

обследования многих ледников Памира и Западного Тянь-Шаня, ледник Абрамова имел оптимальные параметры для проведения научных исследований). Кстати, задача сооружения станции на высоте 3600 метров на древней морене была сложной: вдали от наземных транспортных коммуникаций нужно было построить жилой дом с рабочей комнатой и другими подсобными помещениями, дизельную, склад для хранения продуктов и различного оборудования, изготовить топливные цистерны и т. п.

Участник строительства станции «Ледник Абрамова» В. Ширяев, тогда студент геофака

ТашГУ, ярко передал свои впечатления: «Сурова природа ледника. Даже летом выпадает снег. Зато как здесь красиво в июле-августе, когда цветут альпийские луга! Рядом с вечными снегами «газоны» нежных растений. Такая пора — раздолье для сурков. Везде, где есть травянистый покров, видны их норы. В это время зверьки нагуливают жир, чтобы потом, в спячке, дожидаться следующего лета.

На леднике в тёплое время года всегда работает «фабрика лавин». Почти каждый день она выдаёт

Александр Константинович Абрамов

Уменьшение ледника Абрамова с 1971 по 2002 г.
Карта подготовлена на основе данных Google Earth и Узглавгидромета

«на гора» десятки и сотни тонн льда и снега. Как только стрелки часов приближаются к двенадцати, многие ребята уже стоят с фотоаппаратами, чтобы запечатлеть на плёнку грандиозное зрелище. После «пушечного выстрела» — это трескается лёд, скопившийся у края обрыва — ледовая и снежная масса с грохотом низвергается вниз с двухсотметрового скального уступа.

В октябре на леднике уже свирепствуют метели и ураганы. Каждый метр пути даётся с трудом. В некоторых местах снег доходит выше пояса. Кончается вода, замёрз последний источник. Приходится растапливать снег. Теперь не слышно и весёлых сурков. Вот уже более месяца они спят под мощным снеговым покровом. На смену им пришли хозяева гор — снежные барсы. Возле нашего дома отчётливо видны огромные следы ночных посетителей».

А я хорошо помню, что в этот день шёл дождь, и переходить ревущую Кок-Су по заклинившей каменной глыбе было небезопасно. Поэтому решили идти выше по течению, где тоже находился естественный завал, но гораздо более безопасный. День клонился к вечеру, и мы решили дойти до ледника, там поставить палатки, а утром вернуться к цели своего выхода. Дошли до домиков гляциологов. Стационарная круглогодичная станция была оборудована как маленький городок — с генераторной, кают-компанией и даже вертолётной площадкой, на которую регулярно доставлял грузы Ми-8. Гляцио-

логи были людьми гостеприимными, а докторский запас спирта расположил к чаю и нехитрой закуске. На мой вопрос, кто такой Абрамов, ответили, что кто-то из географов ещё дореволюционных времён, именами которых названо множество и вершин, и других ледников Памира: к примеру, ледники Федченко, Мушкетова, Вальтера, Грум Гржимайло, Москвина...

Вот этим давний вечер 1980 года в дебрях Памира и запечатлелся в памяти. По странному стечению обстоятельств очень запомнился сам географ Абрамов. С 1986 года, будучи членом Географического общества СССР, я пытался найти информацию о нём. Мне довелось посетить эти места и в 1983 году... А в конце 90-х в беседе с крымским историком Володей Гурковичем я узнал о планах восстановления в Симферополе Воинского кладбища на Петровской балке. Район был хорошо знаком. У нас, пацанов с улиц Батурина, Гражданской и Русской, был даже такой очень опасный велотур — спуск на самособранных из металлолома велосипедах по тропкам левого борта Петровской балки, в аккурат над кладбищем. Слабаком считался тот, кто хоть раз нажал на тормоз на этом спуске... Да, места там были заброшенные и специально отведённые для мотоциклистов, что-то вроде трассы мотокросса.

В беседе Гуркович рассказал о могиле некоего генерала Абрамова на упомянутом кладбище. Мало ли на Руси Абрамовых? Но в душе у меня ёкнуло:

а не тот ли это Абрамов? Уж больно фантастической была эта мысль: ведь где Памиро-Алай, а где Симферополь. Когда мысль начинает жить собственной жизнью, не надо ей мешать, какой бы абсурдной она вам ни казалась. Пути лучших из нас всегда были путями их мысли...

Теперь я точно знаю, что Александр Константинович Абрамов — человек выдающийся и значимый для моей памяти — погребён здесь, в Симферополе, моём родном городе, но для обретения памяти его мне пришлось пройти по всем материкам, а значит, всё нами начатое продолжится...

Александр Константинович Абрамов родился 28 августа 1836 года в Новгородской губернии, в дворянской семье. Воспитание получил в дворянском полку, откуда 17 апреля 1854 года был выпущен на службу прапорщиком артиллерии. В 1858-м переведён на службу в Сибирскую пешую батарею и с ней под руководством подполковника Колпаковского (впоследствии генерала от инфантерии и знаменитого степного генерал-губернатора) начал свою боевую карьеру. Первым делом, в котором А. К. Абрамов принял участие, была осада кокандской крепости Пишпек (1862 г.); тогда же он получил настолько тяжёлую контузию головы, что до конца дней своих вынужден был прикрывать её маленькой чёрной шапочкой, но службу продолжал. За участие в боях при крепости Пишпек Абрамов награждён орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»

(5 июня 1864 г.); за отличие при взятии крепости Аулие-Ата — орденом Св. Станислава 3-й степени; в том же году Абрамов получил орден Св. Анны 3-й степени и произведён в штабс-капитаны.

В июне 1865 года Абрамов по поручению генерала Черняева занял оставленную кокандцами крепостцу Чиназ на Сыр-Дарье и уничтожил переправу через эту реку. Это было одной из важных мер для взятия Ташкента, которое последовало 15 июня 1865 года. Овладевая одной баррикадой за другой, заклёпывая одно орудие за другим, Абрамов был в числе первых, ворвавшихся в хорошо укреплённый город. За отличие в этом бою награждён орденом Св. Георгия 4-й степени (ранее получил Владимира 4-й степени за отличие при взятии Чимкента) и произведён в капитаны. В 1866 году штурмовал Ходжент (24 мая) и бился с бухарцами при урочище Ирджар (14 июля), за что награждён орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами, произведён в подполковники и назначен командиром батареи.

Весной 1868 года А. К. Абрамов, уже полковник, участвовал в боевых действиях против бухарцев, приведших к занятию (2 мая 1868 г.) Самарканда. 12 мая Абрамов взял полунезависимый от Бухары город Ургут. Произведённый в том же году в генерал-майоры, по заключении мира с бухарским эмиром, Абрамов был назначен начальником вновь образованного Зеравшанского округа. Ласковым обращением с туземцами и строгой справедливо-

Гляциологическая станция на леднике Абрамова

стью он заслужил их любовь и способствовал поднятию престижа России в глазах населения Средней Азии. Не менее успешен был Абрамов и в политике. Основательно изучив характер среднеазиатцев, он сумел наладить прочные и дружественные отношения с бухарским эмиром. Вероломный Сеид-Музаффар-Богодур-хан, многократно испытав твёрдость духа Абрамова, вынужден был стать исполнителем требований гуманного представителя русской власти. В числе военных экспедиций, предпринятых Абрамовым во время управления краем, надо особенно отметить участие его в междоусобной войне в конце 1868 года между бухарским эмиром и старшим сыном его Катты-тюря. Признав полезным в интересах России поддержать эмира, Абрамов овладел в октябре занятым мятежниками города Карши (за что получил орден Св. Станислава 1-й степени с мечами) и вернул его под власть эмира. Таким же образом он поступил в 1870 года с полунезависимыми городами Шахриябского бекства — Шар и Китаб: после взятия этих городов (за что Абрамов получил орден Св. Георгия 3-й степени) и изгнании непокорных беков Джура-бия и Баба-бия он передал города эмиру.

Летом того же года Абрамовым была предпринята достопамятная экспедиция к верховьям Зеравшана и озеру Искандеркуль. Известная под названием искандеркульской, эта экспедиция рекогносцировкой мелких бекств подготовила последовавшее вскоре присоединение их к Зеравшанскому округу и оказала большую услугу науке исследованием малоизвестной страны. Отряд состоял из двух сотен казаков, роты пехоты, ракетной команды и горного артиллерийского взвода. Для проведения научных исследований были прикомандированы горный инженер Д. Р. Мышенков, востоковед А. Л. Кун, естествоиспытатель А. П. Федченко с женой. Топографические работы проводились А. М. Скасси и Н. П. Старцевым. Особый отряд под начальством Деннета с прикомандированным капитаном Соболевым должен был провести барометрические и астрономические наблюдения, двигаясь со стороны Ходжента по направлению к Зеравшану.

Отряд Абрамова выступил 25 апреля 1870 года и, радушно встречаемый населением, прошёл Фальгарское бекство, но матчинцы отнеслись к русским враждебно и нанесли некоторый урон отряду, сбрасывая камни на колонну на узких горных тропах. Оба отряда (Абрамова и Деннета) встретились у кишлака Обурдан и 25 мая дошли до ледников, питающих Зеравшан. После топографической съёмки глетчера генерал Абрамов повернул назад; в это время отдельные партии производили исследование перева-

Восстановленный памятник А. К. Абрамову на мемориале «Братское кладбище русских воинов, павших в Крымской войне в 1854–1856 гг.»

лов к югу от Зеравшана. 14 июня экспедиция прибыла наконец к Искандеркулю. Отсюда штаб-ротмистр Аминов был отправлен в Ягноб, жители которого изъявили желание подчиниться России. Обратный путь главного отряда проходил через Кштумское ущелье, где «население обнаружило враждебность и был нанесён значительный урон. Приходилось посылать казаков на горные крутизны, чтобы очистить ущелье. В этом деле оказалось 35 человек убитых и раненых, 2 контуженных». 27 июня отряд прибыл в Пенджикент.

В результате экспедиции составлено точное представление о стране и её населении, исследован горный массив, являющийся водоразделом бассейнов Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи; горные бекства присоединены к России, войдя в состав Зеравшанского округа.

Через пять лет, в 1875 году, население Матча, поддавшись на уговоры поднявших восстание кокандских беков, избрав предводителем Календермирахура, жителя кишлака Польдарак, вырезало часть русского гарнизона. Отправленный против

мятежников штабс-капитан Арендаренко с «*ротою линейного батальона и 10 казаками при одном орудии*» не смог за малочисленностью овладеть неприязельской позицией у кишлака Шаватки-Баля. Подкрепление под командованием полковника А. М. Яфимовича пришло через две недели. Выдающимся успехом нового начальника был штурм высот Озахака 28 ноября. Неприятель, потерпев значительный урон, бежал в кишлаки Верхней Матчи. Календер-мирахур, получив подкрепление из Коканда, блокировал русский отряд в долине. Тогда генерал Абрамов со значительными силами выступил к Пальдараку. Дальнейшие действия оказались излишним ввиду полной покорности населения. Отряд вернулся в Самарканд 3 февраля без потерь. Подробные сведения об экспедициях были опубликованы в «Инженерном журнале» (1871), сборнике «Русский Туркестан» (1872), «Туркестанских ведомостях» (1876). Весьма лестный отзыв об Абрамове как администраторе Зеравшанского округа помещён в книге американца Скайлера, посетившего Самарканд в 1873 году (Schuyler: «Turkistan», I, с. 266–267).

С 1870 года А. К. Абрамов состоял действительным членом Императорского Русского географического общества и содействовал исследованиям в краях, вверенных его управлению. Записка Абрамова о

Каратегинском владении, сообщившая первые известия об этой до того совершенно неизвестной стране, была напечатана в «Известиях Императорского Русского географического общества» за 1870 год (отд. II, с. 106). Получив за бой на Куликалонских высотах 29 июня 1871 года орден Св. Анны 1-й степени, а за дело в верховьях Зеравшана — Владимира 2-й степени с мечами, 17 марта 1877 года А. К. Абрамов назначен начальником Ферганской области. В 1879-м он был произведён в генерал-лейтенанты, а 4 ноября 1883 года назначен командиром 4-й пехотной дивизии. Отчисленный затем от командования, А. К. Абрамов был назначен членом комиссии по составлению положения об управлении Туркестаном, а по окончании трудов комиссии, получив высочайшую благодарность, был отпущен на год за границу для поправления расстроенного здоровья. По возвращении из-за границы, 3 мая 1886 года, назначен командиром 13-й пехотной дивизии с местом дислокации в Севастополе. 25 октября 1886 года А. К. Абрамов умер в Симферополе.

Для героев времени не существует, но время запоминается по героям. Я был в Туркестане. Я видел и ледник Абрамова, и вершины Алая, и крутые тропы перевалов Кок-Су... Скажу одно: если забудем наших, нам навяжут чужих.

1. Ширяев В. На леднике Абрамова // Вечерний Ташкент. — 1968. — 9 дек.

2. Туркестанские ведомости. — 1886. — № 44 ; Московские ведомости. — 1886. — № 305. — 4 нояб.

3. Новое время. — 1886. — № 3832. — 29 окт.

4. Гражданин. — 1886. — № 87 [Половцов]. — 30 окт.

В. Н. Гуркович

Письмо гидрогеолога И. М. Педдакаса из Алушты товарищу Сталину

На протяжении более трёх десятилетий советские люди писали И. В. Сталину письма. Можно предположить, что большинство из них содержали те или иные просьбы. Именно те просьбы, положительный ответ на которые люди не могли получить на местах. Или просьбы, которые гипотетически, по их мнению, мог исполнить только товарищ Сталин, вождь партии и государства.

Впрочем, иногда письма Сталину имели сугубо деловой — партийный или государственный — характер. Примечательно, что эти письма публиковались в печати только в том случае, если на них публично и письменно отвечал Сталин. Анализ содержания этих ответов, опубликованных в собрании Сочинений И. В. Сталина (конец 1940-х — начало 1950-х гг.), показывает, что вождь публично отвечал на те затронутые респондентами актуальные, сложные и неоднозначные темы, которые были судьбоносными не только для коммунистов, но и для многих граждан государства. Например, он отвечал на резолюции и письма «от товарищей украинцев» (1917 г.), на приветствие рабочих Главных железнодорожных мастерских в Тифлисе (1926 г.), на письмо Ксенофонтова (1926 г.), на запрос товарищей Цветкова и Алынова (1927 г.), на письма С. Покровского (1927 г.), на вопрос некоего «тов. С.» (1928 г.), на приветствия различных организаций и товарищей по поводу 50-летия И. В. Сталина (1929 г.), на письмо М. Горького (1930 г.), на письмо «тов. Безыменского» (1930 г.) и т. д.

8 марта 1930 года в газете «Правда» была опубликована статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов». Она имела небывалый резонанс на селе. Менее чем через месяц, 3 апреля 1930 года, «Правда» публикует сталинский «Ответ товарищам колхозникам», где есть такие строки: «...я получил за последнее время ряд писем от товарищей колхозников с требованием ответить на поставленные там

вопросы. Моя обязанность была ответить на письма в порядке частной переписки. Но это оказалось невозможным, так как более половины писем было получено без указания адреса их авторов (забыли прислать адреса)... Ввиду этого я оказался перед необходимостью ответить на письма товарищей колхозников открыто, т. е. в печати, взяв из них все нужные для дела вопросы».

Этот фрагмент «Ответа...» очень показателен фактом глобальной национальной забывчивости: больше половины писем были без обратного адреса. Забыли, дескать, жалобщики указать свои адреса. Вероятно, вообще большинство из отправленных Сталину писем по вопросам насильственной коллективизации были анонимны. Люди боялись последствий. Но всё же обращались как к своему последнему защитнику.

Известны ныне и письма тех людей, которые в те времена и подписывались, и указывали адреса своего проживания. Например, письмо Михаила Шолохова Сталину о диких бесчинствах властей, проводивших коллективизацию на Дону, в Вешенском районе (4 апреля 1933 г.).

Из хрестоматийно-известных лиц, писавших Сталину письма, следует отметить Михаила Булгакова (1928, 1931, 1939 гг.), Бориса Пильняка (1930 г.), Евгения Замятина (1931 г.), Лилию Брик (1935 г.).

Или обращение к Сталину матери московской девушки Нины Костериной... В 1938 году НКВД арестовало по сфабрикованному делу геолога Алексея Костерина, большевика, ветерана Гражданской войны. В следующем году его дочь Нина, окончившая среднюю школу, успешно сдаёт экзамены в институт, но получает немотивированный отказ в зачислении. Восемнадцатилетняя девушка в своём личном дневнике 5 декабря 1939 года делает запись: «И вот я ещё раз убедилась, какая кремнистая твёрдость есть в маме. Кажется, уж больше невозможно вы-

держат тех испытаний и тех ударов, которые обрушились на её плечи, — арест папы, материальные лишения, отход от нас многих тех, кто неоднократно сидел за нашим столом. А теперь ещё и боль за дочь, которую лишили права на учёбу за какие-то неведомые нам грехи отца.

Мама написала письмо Сталину. Написала всё и очень резко. «На каком основании нарушают принцип, вами же провозглашённый: «Сын не отвечает за отца»? Неожиданно (для меня!) маму вызывают в Комитет, и она возвращается домой с путёвкой в институт! Я буду геологом — о чём мечтала!

Меня приняли, несмотря на двухмесячное опоздание, дали стипендию...» (Костерина Н. А. Дневник обыкновенной девушки // Новый мир. — 1962. — № 12).

К именитым и простым смертным своим респондентам И. В. Сталин относился по-разному: от предельного внимания и действий, в лучшую сторону менявших их судьбу, до полнейшего равнодушия и безразличия. Строптивых карал смертью. Например, Фёдора Раскольникова, который в 1939 году за границей написал «Открытое письмо Сталину». Реакция была оперативной и имела смертельной исход для автора.

Молодому поколению следует напомнить, что 1937–1938 годы являлись пиком сталинских репрессий. Впоследствии этот период получит народное название «ежовщина» — по имени инициативного вождя НКВД Ежова. В эти зловещие дни из Алушты в Москву направляется письмо.

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Беру на себя смелость опять обратиться к Вам как нашему дорогому защитнику со следующей просьбой.

Недели две тому назад закрыли церковь г. Алушты и арестовали священника и его помощницу; затем на собрании депутатском кто-то предложил передать церковь городу для пользования; я также согласился с этим, так как я молюсь дома. Но узнав потом, что это действуют опять контрреволюционеры, я решил сообщить Вам об этом. Перед тем я спрашивал священника, молится ли он за Вас и Ваших сотрудников? Да — был ответ. Тут что-то неладно. С одной стороны, народ молится за Вас, а с другой стороны, закрывают церковь. Ясно, орудут те же вредители-враги, чтобы возбудить народ против Вас и вообще Советской власти, им не нравится, что мы молимся за Вас. Может быть, я ошибаюсь; но я чувствую всей душой, что это так. На меня контрреволюционеры произвели уже три раза покушение; я готов опять пострадать, лишь бы Вы и Советская власть не пострадали, а всё равно я буду всегда молить-

ся за Вас, чтобы господь охранял Вас от зла и дал силу и умение работать за процветание Вами созданного государства и продолжать дело Христа, который трудился и страдал за весь бедный народ.

*Любящий Вас гидрогеолог
Педдакас Иван Мартынович»*

Этот документ был обнаружен мною в 1993 году в Центральном государственном архиве Крыма, ныне ГАРК (ф. Р-663, оп. 18, д. 69, л. 57). Это машинописная копия, изготовленная, вероятно, в Москве и присланная в Симферополь, надо полагать, для ответа по линии антирелигиозного ведомства Крымской АССР. Отметим, что московские чиновники внесли «небольшие» грамматические коррективы в оригинал письма И. М. Педдакаса: «Господь» и «Христос» воспроизведены с обычной, строчной буквы. Не мог так написать старый русский интеллигент, православный по вере!

Следует отметить, что дата на архивном экземпляре читается плохо. Вероятно, «20 апреля 1938 года».

Несколько слов об авторе. Иван Мартынович Педдакас родился в 1860 году. Научную деятельность начал в 1887 году, написав свою первую научную работу по ботанике. В 1890-м защитил кандидатскую диссертацию на тему «Распространение вечнозелёных дикорастущих древесных пород на ЮБК». Будучи кандидатом естественных наук, он с конца XIX века занимался не только прикладными вопросами ботаники, но и гидрогеологией Южного берега Крыма. Большую часть жизни он практически провёл в Алуште, жил в Профессорском уголке, в урочище Баардере, дом № 7.

В научной библиотеке «Таврика» при Центральном музее Тавриды (Симферополь) есть несколько небольших работ И. М. Педдакаса конца XIX — начала XX века: «К выявлению причин об уменьшении дебета источников и грунтовых вод» (опубликована после 1905 г.), «Краткий отчёт о гидрогеологических наблюдениях за 1896/97 г.» (опубликована в 1897 г.), «О влиянии леса на грунтовые и подземные воды» (опубликована в 1902 г.), «Отчёт о гидрогеологических исследованиях Ялтинского уезда в 1910 г.».

И. М. Педдакас активно работал как практический исследователь и после установления советской власти. Примечательно, что в этот период он подписывал свои письма, как правило, с указанием своей профессии, которую он считал главной, — «гидрогеолог И. М. Педдакас». Так, подчеркнём, было подписано и письмо И. В. Сталину.

И. М. Педдакас в начале XX века принял деятельное участие в работе над «Путеводителем по Крыму» А. Безчинского. Это издание, вышедшее в Москве в 1902 году, являлось в своё время одним из ведущих и авторитетных для тех требовательных путеше-

ственников, которые желали получить обстоятельную информацию о Крыме. Для этого путеводителя И. М. Педдакас написал три главы: «Пешеходные экскурсии из Ялты», «Побережье от Гурзуфа до Алушты» и «Пешеходные экскурсии из Алушты». Изложенные в них материалы поданы с большим знанием дела, с научной точностью и с нескрываемой любовью к Крыму, которую автор искренне пытался передать тем туристам и экскурсантам, которые будут пользоваться путеводителем.

Примечательно, что впервые И. М. Педдакас принял участие в работе над «Путеводителем по Крыму» знаменитого гидрогеолога Н. Головкинского. Этот путеводитель был издан в Симферополе в 1894 году. К сожалению, в издании не указаны те главы или страницы, которые были подготовлены учёным.

Последняя известная нам печатная работа Педдакаса была опубликована в 1935 года в первом номере журнала «Экономика и культура Крыма». Это была научно-популярная статья «Что представляет собой Восточный район Южного берега от Алушты до Кутлака» (с. 108–117).

Директор Алуштинского краеведческого музея Вера Григорьевна Рудницкая любезно передала мне копии шести писем, которые в 1939–1940 годах он отправил действительному члену Академии наук В. Л. Комарову.

Небольшое письмо от 10 мая 1939 года публикуем полностью.

*«Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич!
Весьма и весьма благодарен Вам за содействие по увеличению академической пенсии, за что всеми старческими силами постараюсь оправдать перед приближающим концом своего *curriculit vitae*, как верный сын своей дорогой социалистической советской родины.*

*С глубоким уважением
И. Педдакас»*

Интересно для исследователей и некое письмо от 27 декабря 1939 года. Публикуем начало и завершающую часть письма.

*«Президенту Академии Наук
Владимиру Леонтьевичу
Комарову.*

Дорогой Владимир Леонтьевич!

От всей души поздравляю Вас с наступающим Новым годом и желаю Вам полного здоровья и сил, чтобы Вы могли ещё много лет работать на процветание советской науки, которая в мире занимает первое место. Я чрезвычайно рад, что мне довелось дожить до осуществления советского госу-

дарственного строя, осуществлённого нашими славными руководителями В. И. Лениным и И. В. Сталиным, и занять скромное место среди научных работников. <...>

Дорогой добрейший Владимир Леонтьевич, очень прошу Вас облегчить моё существование в последние года моей старости (идёт 79-й год) и дать мне единовременное пособие или увеличить мою пенсию. Я получаю 200 рублей в месяц благодаря Вашей доброте, буду Вам вечно благодарен. Я, может быть, смогу ещё отработать государству этот дар.

Кроме того, прошу снабдить меня некоторым количеством бумаги.

*С величайшим уважением
любящий Вас И. Педдакас...»*

Эти документы свидетельствуют, что после написания письма И. В. Сталину в 1938 году каких-либо репрессивных мер по отношению к И. М. Педдакасу не предпринималось, по крайней мере видимых и действенных. В этих и других письмах автор неоднократно декларирует свою политическую и гражданскую лояльность.

И. М. Педдакас умер своей смертью 19 мая 1941 года в Алуште. Место захоронения неизвестно.

Дом И. М. Педдакаса в Профессорском уголке не сохранился. Он находился, предположительно, несколько выше современной Комсомольской площади, где ныне конечная остановка городского троллейбуса № 2.

Никаких сведений о родственниках И. М. Педдакаса, проживающих после 1944 года в Алуште, нет. Во всяком случае, никто из них никогда не сообщал о каких-либо своих родственных связях с И. М. Педдакасом. Это забытё, вероятно, связано с тем, что дочь И. М. Педдакаса, Эмма, в период оккупации Крыма работала переводчицей в Алуштинской городской управе и в 1944 году эвакуировалась вместе с немцами из Крыма (информация Вадима Девяткина, историка-краеведа, основанная на изучении им архивных документов).

К сожалению, о дальнейшей судьбе арестованных — священника алуштинской православной церкви и его помощницы — неизвестно.

Небольшое по объёму письмо Ивана Мартыновича Сталину является колоритным информационным источником о жизни Страны Советов конца 30-х годов XX века и потрясающим свидетельством мужества и благородства человека, выступившего в защиту невинно арестованных соотечественников. Подчеркнём, что Иван Мартынович выступил в защиту не родных и близких своих, не в защиту товарищей или коллег, а в защиту священника и служительницы

православного храма, что могло изначально иметь для него отягчающие и роковые последствия.

Поражают нас, живущих в начале XXI века и изучающих историю Отечества, и вера Педдакаса, иначе им не были бы написаны такие слова: *«Вы, И. В. Сталин, — продолжатель дела Христа, Который трудился и страдал за весь бедный народ. И люди, молящиеся за Вас, подвергаются репрессиям Вашими врагами и врагами всего народа».*

Повторим, Иван Мартынович Педдакс родился в 1860-м — в один год с А. П. Чеховым. Можно предположить с каким чувством отчаяния столкнулся настоящий русский интеллигент, который формировался как личность в «эпоху Антона Палыча», чтобы свершить этот необычный для спасения двух христианских душ шаг.

Вечная память мужественному Человеку, Ивану Мартыновичу Педдакасу.

*Автор выражает благодарность всем,
кто оказал содействие в подготовке данного материала,
и в первую очередь Вере Григорьевне Рудницкой
и Вадиму Алексеевичу Девяткину*

«...Есть жажда жизни и творчества!» Письма Рюрика Ивнева — Григорию Петникову

Предисловие и подготовка материала Сергея Скорого и Алексея Тимиргазина

Предисловие

Представляемые вниманию читателя письма являются частью сохранившегося эпистолярного наследия поэта и прозаика Рюрика Ивнева. Адресованы они литератору Григорию Николаевичу Петникову и охватывают довольно значительный хронологический период — более четверти века (1944–1970 гг.). Оригиналы писем хранятся в Центральном государственном архиве-музее литературы Украины (ЦГАМЛИУ, Киев), в личном фонде Григория Петникова, и публикуются в современной орфографии.

Поэт, переводчик и фольклорист Григорий Николаевич Петников был участником и свидетелем многих исторических событий. В течение своей долгой жизни он дважды собирал внушительный архив. Первый архив сгорел вместе с домом в подмосковном Малоярославце в 1941 году, во время фашистской оккупации. В настоящее время мы можем только приблизительно представить себе, какие культурные ценности погибли в огне пожара. В послевоенные годы Петников не раз упоминал те или иные пропавшие материалы, а в письме литературоведу Николаю Ивановичу Харджиеву однажды ёмко выразился: *«Как Вы знаете, архив мой — и подмосковный, и украинский (харьковского периода и петроградского времени) — во время войны пропал, а там, вспоминается мне, было кое-что весьма и весьма интересное...»* [ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 82, л. 5].

Уже в годы Великой Отечественной войны у Петникова начал складываться новый архив, в котором, в частности, отложились 75 писем Рюрика Ивнева, причём первое письмо датировано 1944 годом, а последнее было написано в 1970-м, менее чем за год до смерти Григория Николаевича.

Поскольку и Рюрику Ивневу, и Григорию Петникову принадлежит определённое место в истории русской словесности XX века, считаем необходи-

мым привести основные вехи биографии этих двух, безусловно, самобытных и ярких литературных личностей. И, разумеется, вспомнить об истоках дружбы Григория Петникова и Рюрика Ивнева, длившейся более пятидесяти лет, той исторической и литературной атмосфере, царившей в русском обществе начала ушедшего столетия, в которой она зародилась.

Автор писем — Рюрик Ивнев (настоящее имя Михаил Александрович Ковалёв), русский советский поэт и прозаик, мемуарист, переводчик. Родился 11 (23) февраля 1891 года в Тифлисе (ныне Тбилиси), в дворянской семье потомственных военных. В 1908 году окончил Тифлисский кадетский корпус, где и начал писать стихи. В 1908–1912 годах учился на юридическом факультете Петербургского университета, но завершил образование на юридическом факультете Московского университета и получил в 1913 году диплом правоведа. В 1915–1917 годах служил в Канцелярии государственного контроля в Петрограде. В 1912-м Ивнев вошёл в литературную группу эгофутуристов (Вадим Шершеневич, Константин Олимпов, Василиск Гнедов и другие). В эти годы печатался в футуристических изданиях Москвы и Петрограда. Был завсегдаем в литературных кругах и ввёл туда в 1915 году Сергея Есенина, став со временем одним из близких его друзей. В 1919-м Рюрик Ивнев вошёл в литературную группу имажинистов (Сергей Есенин, Анатолий Мариенгоф, Вадим Шершеневич). После октября 1917-го был личным секретарём наркома просвещения А. В. Луначарского и стал в 1919 году по инициативе последнего председателем Всероссийского союза поэтов. В том же году Рюрик Ивнев — сотрудник агитационно-пропагандистского отдела Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), корреспондент газеты «Известия ВЦИК». В составе агитпоезда имени Луначарского ездил по стране с выступлениями. В 1925 году Ивнев посетил Герма-

нию. В 1926–1927 годах работал во Владивостоке, в издательстве «Книжное дело», и в Петропавловске-Камчатском — специальным корреспондентом журнала «Огонёк». Там Рюрик Ивнев познакомился с молодым поэтом Павлом Васильевым и рекомендовал его для поступления на Высшие литературные курсы имени В. Я. Брюсова в Москве. В 1930–1931 годах Рюрик Ивнев — сотрудник журнала «Советское краеведение». В 1936–1959 годах он жил в Тбилиси, переводил грузинских, осетинских и азербайджанских поэтов. В годы Великой Отечественной войны Рюрик Ивнев работал в газете Закавказского военного округа «Боец РККА». В 1959-м переехал в Москву. Умер 19 февраля 1981 года в Москве, не дожив трёх дней до своего 90-летия.

Рюрик Ивнев был чрезвычайно плодовитым литератором: при жизни издал многочисленные поэтические сборники. Известен он и переводами, в том числе поэмы Низами «Семь красавиц» (1947) и осетинского эпоса «Нарты» (1957). Продолжали издаваться произведения Рюрика Ивнева и после смерти их автора.

В начале творческого пути о Рюрике Ивневе писали такие известные литераторы и критики, как Корней Чуковский¹ и Вячеслав Брюсов². В дальнейшем, как это ни покажется странным, активная литературная деятельность Рюрика Ивнева (заметим, что свой последний поэтический сборник он издал в возрасте 88 лет, за два года до кончины) не привлекала сколько-нибудь серьёзного внимания советских литературоведов и критиков. Но уже через несколько лет после его ухода была сделана первая серьёзная попытка осмыслить творчество «последнего имажиниста», предпринятая О. Савичем³.

Интерес к биографии и творчеству Рюрика Ивнева стал возрастать примерно с середины 1990-х годов и связан в первую очередь с серией публикаций в литературно-художественных журналах материалов из обширного архива литератора, осуществляемых Николаем Леонтьевым — его личным секретарём последних лет жизни, наследником и душеприказчиком. Начало им было положено изданием мемуаров Рюрика Ивнева «Маяковский и его время»

с предисловием «Последний имажинист», написанным Н. Леонтьевым. Объёмные комментарии к этой публикации были подготовлены А. Зименковым. Затем последовала серия материалов из архива Рюрика Ивнева, изданных Н. Леонтьевым, в журнале «Крещатик». Несомненно, важным фактором в росте интереса к личности Рюрика Ивнева и его творчеству стало включение четырёх стихотворений поэта в антологию «Десять веков русской поэзии», подготовленную Е. Евтушенко с небольшой статьёй о Рюрике Ивневе, позже изданной отдельно в газете «Новые известия»⁴. Пристальное внимание личности Рюрика Ивнева уделяет литературовед В. Терёхина⁵. Эссе о тбилисском периоде жизни и творчества Рюрика Ивнева издано недавно журналистом В. Головиным⁶. Следует отметить интерес к фигуре Рюрика Ивнева в современной польской филологии⁷.

Однако, на наш взгляд, исключительное значение в понимании и определении места Рюрика Ивнева в истории русской литературы XX столетия сыграло обстоятельное и глубокое исследование А. Белых⁸, опубликованное в «Сетевой словесности».

Отрадным фактом последнего времени является публикация не только стихов Рюрика Ивнева, но и его прозы и особенно мемуарно-эпистолярного наследия, имеющих большое значение для истории русской литературы. К их числу принадлежит изданный совсем недавно весьма объёмный «Дневник» литератора⁹.

Адресат писем — Григорий Николаевич Петников, русский советский поэт, переводчик, фольклорист, издатель. Родился в Петербурге 25 января (6 февраля) 1894 года. В 1905–1913 годах учился в 3-й харьковской гимназии. Среди его соучеников был Богдан Гордеев — будущим известный поэт-футурист Божидар. В 1913 году, по завершении гимназии, Петников поступил на филологический факультет Московского университета, где к нему вскоре присоединился и Божидар. Одновременно посещал лекции в Народном университете имени А. Шанявского. В апреле 1914 года Петников, Божидар, Николай Асеев и художница Мария Синякова организовали в Харькове издательство «Лирень»,

¹ Чуковский К. Эго-футуристы и кубо-футуристы // Литературно-художественные издательства «Шиповник». — СПб., 1914. — Кн. 22. — С. 119.

² Брюсов В. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии // Брюсов В. Среди стихов : 1894–1924 : манифесты, статьи, рецензии. — М., 1990. — С. 597.

³ Савич О. Имажинист // Вопросы литературы. — 1989. — № 2.

⁴ Евтушенко Евгений. Один из недорассказавших // Новые известия. — 2008. — 11 апр.

⁵ Терёхина В. Только мы — лицо нашего времени // Русский футуризм. Стихи. Статьи. Воспоминания. — СПб., 2009. — С. 32, 38.

⁶ Головин В. «Завлекают в Сололаки стёртые ступени...». Рюрик Ивнев в Тбилиси // Русский клуб. — 2012. — № 11.

⁷ Mianowska Joanna. Забытый Рюрик Ивнев и его «драгоценная достоверность» о прошлом, себе и своих современниках // Polilog. Studia Neofilologiczne. — 2012. — № 2. — С. 132–142.

⁸ Белых Александр. Ситуация «Рюрик Ивнев». К 120-летию со дня рождения // Сетевая словесность. — 2011–2013. www.netslova.ru/belyh/ivnev.html.

⁹ Ивнев Рюрик. Дневник 1906–1980. — М., 2012. — 879 с.

выпустившее до 1922 года около двадцати книг Григория Петникова, Велимира Хлебникова, Божидара и других авторов, а также литературный манифест «Труба марсиан», первый и второй выпуски «Временника 317-ти», сборник «Лирень». После трагической гибели Божидара (покончил с собой 7 сентября 1914 г.) Петников прервал учёбу в Москве и поступил на юридический факультет Харьковского университета, который окончил в 1918 году.

В начале своего творческого пути Григорий Петников выступил одним из первых в России переводчиков яркого представителя немецкого романтизма Новалиса. В 1915 году в «Лирени» был напечатан сборник «Леторей» со стихотворениями Асеева и Петникова. Осенью 1916 года в Харькове в виде свитка был издан литературный манифест «Труба марсиан», подписанный В. Хлебниковым, Г. Петниковым, Н. Асеевым, М. Синяковой; условно была поставлена подпись покойного к этому времени Божидара. 21 апреля 1917 года Петников и Хлебников создали ещё один знаменитый литературный манифест — «Воззвание Председателей Земного Шара», опубликованный в том же году в Москве в сборнике «Временник-2» за подписью В. Каменского, Г. Петникова, В. Хлебникова. Дважды, летом и осенью 1917 года, Петников посетил революционный Петроград, где, вероятно, и произошло его знакомство с Ивневым, который в числе многих других известных деятелей культуры подписал «Воззвание Председателей Земного Шара».

В декабре 1918 года в Харькове установилась советская власть. Вскоре после этого был организован Всеукраинский совет искусств, в состав которого входил Всеукраинский литературный комитет под председательством Григория Петникова. В феврале 1919 года вслед за правительством Советской Украины Всеукраинский совет искусств со всеми своими комитетами переехал из Харькова в Киев; туда же перебрался и Петников. Вскоре, весной 1919-го, он пошёл добровольцем в Красную армию, был простым красноармейцем, а затем назначен инструктором политотдела 14-й армии. После перенесённого летом того же года тифа демобилизовался и вернулся в Харьков.

В 1925–1931 годах Петников жил в Ленинграде, некоторое время работал в издательстве Academia, печатал стихи и переводы в журналах «Звезда», «Новый мир», «Огонёк» и других изданиях, общался с выдающимися представителями художественного

авангарда, в том числе К. Малевичем, М. Матюшиным, П. Филоновым, Н. Альтманом. В 1931 году поэт вернулся в Харьков. В 1920–1930-е годы увидели свет несколько его поэтических сборников и книг поэтических и прозаических переводов. В 1937 году в издательстве Academia были изданы «Избранные сказки братьев Grimm» в переводе Петникова. Впоследствии они многократно переиздавались и по сегодняшний день остаются самой известной работой Григория Петникова в области перевода.

Вышедшая в 1936 году книга Петникова «Избранные стихи» долгое время оставалась его последним авторским поэтическим сборником. Осенью 1938 года Григорий Николаевич с женой и дочерью Мариной поселился в подмосковном Малоярославце. В начале Великой Отечественной войны поэт эвакуировался с семьёй в город Нальчик, а летом 1942 года был отправлен Совнаркомом в далёкий тыл, в Среднюю Азию (село Мерке Джамбульской области), где очень тяжело болел сыпняком. После возвращения в 1944 году в Малоярославец занимался в основном переводами и фольклором. Новый расцвет поэтического творчества Петникова произошёл после переезда поэта в Старый Крым в 1958 году. В 1960-е годы в Крымиздате были опубликованы четыре его поэтических сборника. Умер Григорий Петников 10 мая 1971 года в Старом Крыму. Посмертно в Симферополе в этом же издательстве вышел сборник «Пусть трудятся стихи» (1972), который по сегодняшний день остаётся последним изданием стихотворений поэта на русском языке. Ещё через год избранные стихотворения Петникова были изданы в переводе на польский язык (*Grigori N. Petnikow. Wiersze wybrane.* — Lodz, 1973).

В отличие от Рюрика Ивнева, поэзии Григория Петникова рецензенты уделяли значительно большее внимание. В первый период его творчества (1910–1930 гг.) о нём писали Велимир Хлебников¹⁰ и Бенедикт Лившиц¹¹, профессор Александр Белецкий¹², критик Григорий Гельфандбейн¹³, поэт и критик Михаил Доленго¹⁴ и другие. Затем наступил достаточно длительный период молчания о Петникове-поэте, связанный с добровольным или вынужденным отходом последнего от собственного поэтического творчества. Новые рецензии и аналитические разборы, появившиеся в печати, были связаны с поэтическими книгами Петникова, изданными уже в Крыму в 1960-е годы. Крымский сборник поэта «Утренний свет» (1967) предваряло вступительное слово одного

¹⁰ Хлебников Велимир. Творения. — М., 1987. — С. 544–547, 606–608, 626–627, 632–633.

¹¹ Лившиц Б. К. В цитадели революционного слова // Пути творчества. — 1919. — № 5.

¹² Белецкий А. И. Торжество слова (о стихах Гр. Петникова) // Русские советские писатели Украины. — Киев : Наукова думка, 1991.

¹³ Гельфандбейн Г. Григорий Петников // Литстрой. — Харьков, 1933. — № 1. — С. 150–156.

¹⁴ Доленго М. Григорий Петников // Червоний шлях. — 1935. — № 12. — С. 195–202.

из мэтров советской литературы Николая Тихонова — «Поэт утреннего света (Григорий Петников)», позже опубликованное отдельным очерком в сборнике «Русские писатели Украины»¹⁵. Анализ раннего творчества Григория Петникова был предпринят молодым аспирантом Донецкого университета Станиславом Медовниковым¹⁶. Писали о Петникове и за рубежом — во Франции и США¹⁷.

В конце 1980-х — 1990-х годах вышла серия статей и воспоминаний, посвящённых Петникову¹⁸. При этом один из авторов, Леонид Вышеславский, полагал, что Петников — «крупный русский поэт, теперь, к сожалению, несколько забытый...»¹⁹, а критик и литературовед Виктор Кравец счёл возможным писать о Григории Петникове как о выдающемся советском поэте, который является одной из наиболее загадочных фигур в отечественной литературе²⁰.

В последние годы интерес к личности Григория Петникова значительно вырос. В печати появляются новые интересные исследования²¹, публикуются отдельные материалы из государственных и частных архивов, касающиеся жизни и творчества поэта²².

Однако, в отличие от Рюрика Ивнева, последняя поэтическая книга Петникова была издана ровно сорок лет назад, в 1973 году, и с тех пор отдельные стихотворения поэта публиковались только в коллективных сборниках, сопровождаемые скухими биографическими данными. Таким образом, слова Леонида Вышеславского о том, что Петников остаётся несколько забытым поэтом, увы, по-прежнему соответствуют действительности.

Как мы уже отмечали, знакомство Рюрика Ивнева и Григория Петникова, вероятнее всего, произошло в 1917 году. Ярким тому свидетельством является статья Велимира Хлебникова «Октябрь на Неве», посвящённая Председателям Земного Шара. Хлебников писал: «В Петрограде мы вместе встречались — я, Петников, Петровский, Лурье, иногда забегал Ивнев и другие Председатели»²³.

Однако по-настоящему дружба между двумя поэтами окрепла через два года, в мае — середине июня 1919 года, когда Григорий Петников и Рюрик Ивнев оказались в Крыму, в рядах Красной армии, первый в должности инструктора политотдела 14-й армии, второй в качестве заведующего организационным бюро агитпоезда имени Луначарского.

В Крыму у Григория Петникова и Рюрика Ивнева сложился интересный круг общения, в который входили революционерка и дипломат Александра Михайловна Коллонтай, начинающие писатели Иван Сергеевич Соколов-Микитов и Борис Андреевич Лавренев (в 1919 г. военный комендант и начальник береговой обороны Алушты). Но самым близким другом двух молодых поэтов в эти дни стал красный комиссар, член Реввоенсовета Пётр Лукомский. Документальным подтверждением этой дружбы является сделанная в Симферополе фотография, датированная 1 мая 1919 года, на которой засняты Григорий Петников, Пётр Лукомский и Рюрик Ивнев²⁴.

Пётр Ильич Лукомский (1892–1935), несомненно, принадлежал к героическим персонажам Граж-

¹⁵ Тихонов Николай. Поэт утреннего света // Русские писатели Украины. Литературные портреты. — Киев, 1970. — С. 5–9.

¹⁶ Медовников С. Ранняя творчество Григория Петникова // Радянське літературознавство. — 1969. — № 3. — С. 66–74.

¹⁷ Терапиано Юрий. Григорий Петников // Новое русское слово. — 1951. — № 14429. — 28 окт.; Он же. Григорий Петников // Русская мысль. — Париж, 1961. — № 1083. — 10 июня; Левин И. Поэт Г. Н. Петников // Новая заря. — Нью-Йорк, 1964. — 5 марта.

¹⁸ Вышеславский Л. Под током каждый миг гудел // Радуга. — 1988. — № 7; Он же. Предземшара-2 // Наизусть. Воспоминания. — М.: Сов. писатель, 1989; Кравец Виктор. Загадка Григория Петникова // Радуга. — 1989. — № 11. — С. 162–164; Алексеева Л. Два портрета Григория Петникова // Литературная учеба. — 1990. — Ноябрь. — дек.; Ненада Алла. Председатель Земного шара. К 100-летию со дня рождения Григория Петникова // Феодосия, мой древний град. Избранные страницы «Феодосийского альбома». Очерки. Воспоминания. Поэзия. — Феодосия: Издат. дом «Коктебель», 1997. — С. 131–135.

¹⁹ Вышеславский Л. Под током каждый миг гудел // Радуга. — 1988. — № 7. — С. 108.

²⁰ Кравец Виктор. Загадка Григория Петникова // Радуга. — 1989. — № 11. — С. 162.

²¹ Бачинская А. А. Г. Н. Петников и Крым // Пилигримы Крыма. — Вып. 1 (6). — Симферополь, 2003. — С. 100–108; Тимиргазин А. Д. «Рокотал зюйд-ост»: крымский период поэта Григория Петникова // Историческое наследие Крыма. — 2008. — № 21; Он же. Крымский период поэта Григория Петникова // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия. Материалы Шестых Герцывковских чтений в г. Судаке 8–12 июня 2009 г. — Москва — Симферополь, 2009. — С. 117–124; Он же. Планета поэтов. — Киев — Старый Крым, 2013. — С. 3–48; Невзорова Н. М., Тимиргазин А. Д. Юрий Терапиано и Григорий Петников: диалог через двойной занавес // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия. Материалы Шестых Герцывковских чтений в г. Судаке 8–12 июня 2009 г. — Москва — Симферополь, 2009. — С. 241–259; Скорый Сергей, Тимиргазин Алексей. Загадка старой фотографии (некоторые штрихи к биографии Григория Петникова) // Крымский архив. — 2010. — № 12. — С. 119–128; Скорый Сергей. Он открыл для меня поэта Павла Васильева (две встречи с Григорием Петниковым) // Радуга. — 2011. — № 2. — С. 137–142; Тимиргазин Алексей. Планета поэтов. — Киев, 2013. — С. 3–48.

²² Менчинская Н. Крымские «аргонавты» XX века. — М., 2003. — С. 551–563; Соколова М. В. Единство душ. Елена Нагаевская и Александр Ромм. — Симферополь, 2008. — С. 286–296; Поберёзкина Полина. Петников Григорий. Страничка воспоминаний (Осип Мандельштам). www.utoronto.ca/tsq/40/tsq40_petnikov.pdf; Крымские пенаты. — Симферополь, 2010 — № 6.

²³ Хлебников Велимир. Творения. — М., 1987. — С. 544–547.

²⁴ Скорый Сергей, Тимиргазин Алексей. Загадка старой фотографии (некоторые штрихи к биографии Григория Петникова) // Крымский архив. — 2010. — № 12. — С. 120: ил.

данской войны, беззаветно боровшихся и отдававших свои молодые жизни за власть Советов. Он участвовал в Первой мировой войне в звании фельдфебеля, в 1917 году вступил в партию большевиков. С первых дней Гражданской войны на фронте: был начальником политотдела 5-й армии, комиссаром 1-й Заднепровской дивизии, комиссаром отряда и 3-й кавалерийской бригады 3-й стрелковой дивизии 13-й армии, комиссаром 15-й Инзенской стрелковой дивизии. За проявленный героизм награждён тремя орденами Красного Знамени. В боях против белогвардейской конницы под городом Чугуевым в декабре 1919 года личным примером мужества и храбрости обеспечил занятие северной части города и её оборону до подхода пехоты, за что награждён своим первым орденом Красного Знамени. В боях за город Новосиль руководимый им конный отряд своими решительными действиями способствовал успешному наступлению красных, овладению ими станции Полевая и захвату бронепоезда белых. За этот подвиг П. Лукомский был удостоен второго ордена Красного Знамени. Третьим орденом Красного Знамени он был награждён за отличия в боях против деникинцев на Южном фронте. Необходимо отметить, что только 74 участника Гражданской войны получили по три ордена Красного Знамени, круг военных, получивших четыре и более ордена, значительно меньше.

Знакомство Петра Лукомского с Григорием Петниковым, вероятно, произошло в Харькове в 1918 году; в том же году, в Москве, Лукомский познакомился и с Рюриком Ивневым и оказал ему содействие в получении удостоверения сотрудника агитационного отдела Всероссийской коллегии по организации Красной армии. В очерке «Слово о бессмертном комиссаре» Рюрик Ивнев отмечал: *«Лукомский очень тонко разбирался в искусстве, любил по-настоящему русскую и европейскую классическую литературу, ценил новые поиски и формы Маяковского, Асеева и самого Петникова, весьма ценимого и Маяковским, и Асеевым. Так что точек сближения было много. Кроме того, Лукомский понимал и ценил юмор, был прост и общителен...»*²⁵

Как известно, история Гражданской войны насыщена многими драматическими событиями, когда судьбы отдельных людей и целых народов могли кардинально перемениться в любую минуту. Расстались три друга неожиданно, под гул орудий. В дальнейшем им, видимо, приходилось встречаться не часто — судьба разбросала их по разным уголкам

огромной страны, а иной раз даже и за её пределы, и большую часть времени друзья были отделены друг от друга расстояниями в тысячи километров. Как уже указывалось, Рюрик Ивнев долгу проживал на Камчатке, на Дальнем Востоке, в Грузии. Петников жил в Харькове, Ленинграде, подмосковном Малоярославце. Незадолго до того, как Рюрик Ивнев в 1959 году окончательно переселился из Тбилиси в Москву, Петников покинул Подмоскovie и переехал в Крым. *«Не состыкуются ли хотя бы на день линии наших скитаний по свету?»* — спрашивал Рюрик Ивнев Григория Петникова в одном из поздних писем.

Пётр Лукомский после окончания Гражданской войны неоднократно менял места службы, занимая ответственные посты в Крыму, Донецке, Дагестане, Ленинграде... Но вскоре после того, как в 1925-м из Харькова Петников переселился в Ленинград, Пётр Лукомский покинул Северную столицу и был направлен на работу в полпредство в Италии. В 1933–1935 годах Пётр Ильич был начальником Ялтинского порта. Очевидно, его переезд в Крым был связан с обострившимся туберкулёзом лёгких, от которого он умер 5 июля 1935 года в возрасте 43 лет и был похоронен на Ливадийском кладбище, вблизи Ялты.

Григорий Петников и особенно Рюрик Ивнев прожили ещё долгую жизнь, изредка встречаясь и поддерживая связь в основном благодаря переписке. Они тёплым словом вспоминали своего рано умершего товарища. В письмах Рюрик Ивнева неизменно присутствует образ легендарного красного комиссара: из 75 сохранившихся его писем почти в половине упоминается светлый облик ушедшего друга. А когда в 1958 году Григорий Петников переехал на Крымский полуостров и поселился вблизи от тех мест, где проходила боевая молодость двух поэтов и одного комиссара, два друга предприняли своеобразную кампанию по увековечению памяти Петра Лукомского. Можно смело утверждать, что Петников не упускал ни одного удобного случая для того, чтобы напомнить общественности о красном комиссаре. Ещё до окончательного переезда Петникова в Крым, в феврале 1958 года он приезжал из Малоярославца на отдых в ялтинский Дом творчества Литфонда. В результате беседы поэта с корреспондентом ялтинской «Курортной газеты» в номере от 23 февраля была напечатана заметка «Старая фотография», посвящённая сорокалетию советских Вооружённых сил. В заметке рассказывается

²⁵ Даниэль М. Последние дни Петра Лукомского // Знамя. — 1941. — № 5. — С. 163; Ивнев Р. Слово о бессмертном комиссаре // Радуга. — 1965. — № 6. — С. 161–164; Герои Гражданской войны // Военно-исторический журнал. — 1966. — № 11. — С. 44–45; Советская военная энциклопедия: в 8 т. — Т. 5. — М., 1978. — С. 34–35; Скорый Сергей, Тимиргазин Алексей. Загадка старой фотографии (некоторые штрихи к биографии Григория Петникова) // Крымский архив. — 2010. — № 12. — С. 121.

**Рюрик Ивнев — Григорию Петникову
(1944–1970 гг.)**

№ 1

27 июня 1944 года, Тбилиси

Дорогой Гри! Получил твоё письмо и по неразборчивому почерку «разобрал»²⁹, что это ты мне написал, а не кто-нибудь другой.

Я всё время, с 1941 года, в Тбилиси, может быть, осенью приеду ненадолго в Москву. На днях разобрал стихи и нашёл «Белой рубахи парус», написанный в Крыму в 1919 году, когда мы с тобой и Петром Лукомским проводили вместе лето под гул орудий. Давно ли это было? Кажется, что вчера... А евапаторийский пляж, с которого ты еле добрался до гостиницы, чтобы на другой день уехать, оставив меня морю и превратностям судьбы? Скоро должна выйти в свет в издательстве «Заря Востока» моя книга стихов (1912–1944), которую я тебе пришлю.

Обнимаю тебя крепко и надеюсь повидать, когда буду в Москве. Твой Рюрик Ивнев.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 1]

№ 2

26 декабря 1944 года, Тбилиси

Дорогой Гри!

Поздравляю тебя с наступающим Новым годом и от всей души желаю всего самого лучшего. Не писал так долго, т. к. был очень занят всякой работой, — ездил по поручению Союза в Сухуми на юбилей [неразборчиво], читал о его творчестве, был в ударе, и выступление получилось, как говорят, очень хорошее и, главное, не шаблонное. В конце января собираюсь в Москву не с пустыми руками: везу мой роман, написанный в прошлом году. Посмотрим, что будет.

Обнимаю тебя крепко. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 2]

№ 3

7 марта 1945 года, Тбилиси

Дорогой Гри!

Давно не писал тебе, т. к. как-то закрутился в делах и всякой «суете сует». Соскучился без твоих

милых иероглифов, разбираемых мною с трудом, не лишённым приятности.

Сегодня чудесный весенний день (у нас в Грузии), и я решил написать тебе хотя бы предварительно несколько слов.

Обнимаю тебя крепко. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 4]

№ 4

10 марта 1945 года, Москва³⁰

Уважаемый Григорий Николаевич!

Сейчас сидит у меня в гостях Рюрик — шлёт Вам свой сердечный привет. Ждёт приезда Вашего — почти с нетерпением... Всё приговаривает: «Теперь скоро должен Петников приехать»...

От меня передайте привет Вашей жене и дочурке. Захватите с собой их фот. карточки (очень хочется их увидеть). И вот ещё что советую сделать: за пару дней до отъезда попросите жену Вашу купить на рынке кусочек задней ножки телячьей (только не мясо) — можно остаток купить очень дёшево. Повторяю — только телятину. А я здесь наварю Вам супу, котлет и жаркого с картошкой настряпаю, и будете жить нормально в сытости, чем колбасой всякой питаться. В комнате сейчас порядок. Рюрик черкнёт Вам несколько слов на обратной стороне. Желаю здоровья! А. Владимировна. Ждём оба ответа от Вас.

И вот ещё просьба, дорогой Григорий Николаевич! Обязательно захватите с собой обратно мою гомеопатию — я знаю, Вы взяли её почитать. И я сердиться не буду. Но не откладывайте возврат на будущее. Привезите её на этот раз. Иначе я серьёзно рассержусь на Вас. Она мне необходима.

Дорогой Гри!

Скучаю без тебя. Скорей приезжай с телячьей ножкой или без оной, но приезжай. Ада устроит пир в честь твоего приезда. Стол будет ломиться не только от телячьих ножек, но и от мисок с «небесной манной» — секрет изготовления знает Ада.

Жду тебя. Обнимаю.

Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 6]

²⁹ У Григория Петникова был крайне неразборчивый почерк, за что поэта неоднократно критиковали его адресаты. Например, поэт и учёный Лев Евгеньевич Аренс в письме Петникову от 5 ноября 1945 г. писал: «Я очень рад, что Вы не забываете меня, но Вы забыли своё обещание писать разборчивее. Сколько раз я пытался разобрать Ваши иероглифы, но ничего у меня не выходило. Я пробовал разобрать их натоцак, после обеда. Даже после крепкого чая, когда в голове так ясно, я не мог проникнуть в тайну Вашего почерка. С великой досадой я клал в сторону Ваши писания, и они оставались безответными» (ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 99, л. 20). Литературовед Пётр Алексеевич Журов в одном из писем Петникову сделал лестное для него сравнение: «Удивительно неуловим Ваши почерк! Многое я всё-таки разобрал, — но я же всё-таки немало занимался рукописями Льва Николаевича и некоторых других писателей. По трудности прочтения Ваш можно сравнить с пушкинским, и то у него разборчивее» (ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 174, л. 5). В другом письме Журов пророчески предсказал: «Бедные литературоведы, которым придётся читать Ваши рукописи! Сколько сахару они должны будут съесть при этом!» (ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 174, л. 20).

³⁰ Письмо написала московская знакомая Григория Петникова и Рюрика Ивнева Ада Владимировна. Рюрик Ивнев сделал в конце приписку.

№ 5

28 июня 1945 года

Дорогой Гри!

Посылаю тебе мою книгу стихов, вышедшую недавно.

От тебя я давно не имел никаких известий. Черкни, как только получишь это письмо, и, кстати, чтобы не забыть, сообщи мне адрес Сары Лебедевой³¹ — я хочу по её адресу послать книгу Мариенгофу³², т. к. не знаю его адреса.

Теперь меня интересует один вопрос: в октябре этого года исполняется 50 лет со дня рождения Есенина. Ты ближе к Москве и можешь узнать лучше, предпринимает ли что-нибудь Союз Писателей для того, чтобы отметить эту дату? Если нетрудно, напиши мне и про это.

Обнимаю тебя крепко и жду письма. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 7]

№ 6

2 декабря 1945 года, Тбилиси

Дорогой Гри!

Получил твою открытку, вернувшись из Баку, куда я ездил на две недели по некоторым литературным делам.

В Баку было чудесно, жил в превосходной гостинице «Интурист» (вроде гостиницы «Москва») и, смотря на море, вспоминал другое море, шум которого тебя так раздражал, что ты потребовал другой номер, окна которого выходили бы не к морю. Ты помнишь, это было в Ялте, утопавшей в розах. Мы были тогда настолько молоды, что не ценили этого.

И, конечно, не мог не вспомнить чебуреки, Симферополь и восхитительного друга нашего, так рано ушедшего от нас — Петю Лукомского.

От воспоминаний закружилась голова. Нет, не надо оглядываться назад, чтобы не подвергнуться участи жены Лота...

Обнимаю тебя крепко. Твой Рюрик.

Р. С. После Нового года собираюсь в Москву в гости... месяца на два.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 9]

№ 7

31 мая 1946 года, Тбилиси

Дорогой Гри!

Получил твоё письмо и с трудом разобрал твой капризный и своеобразный почерк.

На днях решился вопрос о моей поездке в Москву, т. е. в смысле окончания основных дел, связывающих мой отъезд. Думаю, что приеду не раньше 15 июля. Это будет раньше, чем называемый ранее срок. Извещу тебя по приезде сейчас же. До этого должен ещё съездить в Баку. Пиши, только яснее, хотя бы так, как я.

Обнимаю тебя крепко. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 12]

№ 8

2 сентября 1947 года, Москва

Дорогой Гри!

Я приехал в Москву и сейчас же сообщаю тебе мой адрес, чтобы ты написал мне, когда и где мы сможем встретиться. В прошлый приезд мой, к великой досаде, я не мог тебя найти. Жду весточки по адресу: Москва, улица Чехова (бывш. М. Дмитровка) № 8, кв. 22, Мальвине Мироновне Марьяновне³³ для Рюрика Ивнева.

Обнимаю тебя крепко. Твой Рюрик Ивнев.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 11]

№ 9

8 января 1948 года, Москва

Дорогой Гри!

Такая досада: я знал, что ты в Москве (через [неразборчиво]) и не знал твоего московского адреса. Мне дали адрес и телефон [неразборчиво], но там сказали, что адреса твоего не знают!

Я буду в Москве до 14 января. Если до этого времени приедешь в Москву, дай о себе знать. Мой адрес — гостиница «Москва», № 863, тел. К 2-28-63 (прямо в комнате). Помнишь ялтинскую гостиницу с окнами к морю? И молодость? Сейчас нет ни роз, ни молодости, но есть жажда жизни и творчества! Жду с нетерпением тебя!

Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 13]

³¹ Лебедева Сара Дмитриевна (1892–1967) — российский скульптор, заслуженный деятель искусств России. Была в дружественных отношениях с Р. Ивневым, Г. Петниковым, А. Мариенгофом и рядом представителей московской литературно-художественной среды.

³² Мариенгоф Анатолий Борисович (1897–1962) — русский поэт, имажинист, драматург, автор мемуаров. Один из друзей Рюрика Ивнева (с 1918). Тесная дружба связывала Мариенгофа с Сергеем Есениным. Их биографии словно переплетались. Осенью 1919 г. они поселились вместе и на несколько лет стали почти неразлучны. Вместе ездили по стране: летом 1919-го побывали в Петрограде, весной 1920-го — в Харькове, летом — в Ростове-на-Дону, на Кавказе. Публиковали в печати письма друг другу, чем вызывали негодование критиков. Сергей Есенин посвятил Мариенгофу стихи «Я последний поэт деревни» (1919), «Прощание с Мариенгофом» (1922), поэму «Сорокоуст» (август 1920), драму «Пугачёв» (март — август 1921). А. Мариенгоф — С. Есенину: «На каторгу пусть приведёт нас дружба» (март 1920), «Утихни, друг. Прохладен чай в стакане» (ноябрь 1920). На смерть Есенина отозвался пронзительным стихотворением «Не раз судьбу пытали мы вопросом» (30 декабря 1925). Чрезвычайную известность приобрели воспоминания Мариенгофа о Сергее Есенине, в том числе «Роман без вранья», первое издание которого было осуществлено уже в 1926 г.

³³ Марьянова Мальвина Мироновна (1895–1972) — поэтесса, автор четырёх сборников. Близкая знакомая Рюрика Ивнева и Сергея Есенина. Рюрик Ивнев посвятил ей стихотворение «Италия была у ног твоих», Есенин — несколько стихотворений: «В глазах пески зелёные...» (1916), «Колокольчик среброзвонный...» (1917), «Небо сметаной обмазано...» (1916), «За тёмной прядью перелесниц...» (1916). На смерть Есенина откликнулась стихотворением.

№ 10

30 июля 1949 года, Тбилиси.

Дорогой Гри! Получил твоё письмо в день приезда из Сухуми, куда я ездил вместе с Василием Есениным (сыном Сергея)³⁴. Я читал воспоминания о Сергее Есенине, а он — стихи Есенина. Был вечер в филармонии очень удачный. Василий читает очень хорошо. И — чудо природы — голос Сергея, настоящий, правда — фонограф без Эдисона!

Посылаю пока это маленькое письмо, чтобы не задерживать ответа, потом напишу ещё.

Обнимаю крепко. М. б., ещё раз в этой жизни буду наслаждаться чебуреками и розами Крыма, но, увы, уже без Пети Лукомского.

Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 14]

№ 11

12 декабря 1955 года, Москва

Дорогой Гри!

Звонил Евгению Васильевне³⁵ и узнал радостную для меня новость, что ты приезжаешь в конце декабря в Москву.

Хорошо было бы встретить вместе Новый год и вспомнить незабываемый 1919 год, Крым, нашего чудесного Петю Лукомского и многое, многое.

Говорил как-то по телефону с Кириой Николаевной³⁶. Она спрашивала о твоём здоровье, но я ей ничего определённого не мог ответить, т. к. ты накануне ни слова не написал. Это — не упрёк, а «констатация факта».

Если будет настроение, черкните несколько слов о себе. Буду рад познакомиться с разбором твоих каракуль!

Обнимаю тебя крепко и целую. Желаю от души бодрости и здоровья. Твой Рюрик Ивнев.

Р. С. Передай мой привет твоей семье, с которой я надеюсь хоть весной познакомиться.

Писать мне лучше всего по адресу: Москва, К-9, Р. Ивнев, до востребования.

Р. С. Я занят сейчас «Семью красавицами», увы, в переносном смысле, т. к. это не «флирт» (слово, которое любила Ал. М. Коллонтай³⁷!), а... перевод.

Не забудь привезти пачку стихотворений, обещанных тобой в прошлый твой приезд, а я к твоему приезду найду в своём «архиве» то стихотворение, которое давно тебе посвятил (послание поэту), а так и не собрался прислать. Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 16]

№ 12

21 декабря 1955 года, Москва.

Дорогой Гри!

Получил твоё милое письмо (без каракуль!), которое меня обрадовало, «как таковое», но огорчило из-за неопределённости твоего приезда в Москву. Ев. Вас. мне говорит, что ты приедешь обязательно, и даже назвала день твоего приезда, а тут из «первоисточника» я узнаю, что день приезда ещё совсем не определён и даже вроде как и сам приезд под сомнением.

А я уже настроился на свидание. Так что уж постарайся не подводить старого сотоварища по крымскому фронту и прибыть в день, сообщённый Евг. Васильевной, т. е. 27 декабря.

Я прохаживался насчет твоих каракуль, а мои собственные каракули побили рекорд, ибо мои «Семь красавиц» Низами (т. е. мой перевод) превра-

³⁴ **Есенин Василий Сергеевич** (1922–?). В 1944 г. приехал из Средней Азии в Тбилиси. Называл себя сыном Сергея Есенина. Был принят в Союз писателей Грузии. С Рюриком Ивневым его познакомил известный грузинский поэт Симон Чиковани. Рюрик Ивнев так описывает Василия Есенина: «Молодой человек, несколько похожий на Сергея Есенина», «...я был изумлён тембром его голоса, удивительно напоминавшим мне тембр голоса Сергея Есенина», «...окончил педагогический институт. Было ему 22 года», «...изумляет его письмо, до смешного напоминавшее почерк Есенина». «Наружностью он походил больше на своего деда по материнской линии — Титова».

Успешно читал стихи Сергея Есенина, выступая в различных городах Грузии. Ивнев был уверен, что это действительно сын великого поэта, хотя юридических доказательств как таковых не было. Тем не менее паспорт на имя Есенина Василия Сергеевича у него имелся (Ивнев Рюрик. Таинственная история Василия Есенина. esenin.ru/...esenina/ivnev-riurik-tainstvennaya-istoriya-vasiliya-esenina.html). Впрочем, позже появилась версия о том, что Василий — самозванец, присвоивший себе фамилию великого поэта. Он разъезжал с концертами по югу под видом сына Есенина. В газете «Труд» был фельетон о нём, он уподобился «сыну» лейтенанта Шмидта. По некоторым сведениям, за это деяние был осуждён (Кузнецова В. Е. Самозванец... Кто такой Василий Есенин? // Мир Есенина. — 1992. — № 3 (спецвыпуск Музея Сергея Есенина в Ташкенте). См. также: esenin.ru/...esenina/kuznetsova-v-e-cto-takoy-vasiliy-esenin.html). Возможно, всё это так. Но Рюрик Ивнев очень хорошо знал Сергея Есенина и, видимо, хорошо понимал всю ответственность, когда писал о Василии следующие слова: «Я не сомневался, что он сын Сергея...»

³⁵ **Евгения Васильевна** — знакомая Рюрика Ивнева и Григория Петникова, жившая в Москве.

³⁶ **Кира Николаевна** — общая московская знакомая Рюрика Ивнева и Григория Петникова.

³⁷ **Коллонтай Александра Михайловна**, урождённая Домонтович (1872–1952) — известная революционерка, государственный деятель и дипломат. Чрезвычайный и полномочный посол СССР. Член ВКП(б) с 1915 г. В период революции и Гражданской войны — близкая знакомая П. Лукомского и Р. Ивнева. Был с ней знаком и Г. Петников. Поэт Марк Кабаков, встречавшийся с Григорием Петниковым в Старом Крыму в 1960-е гг., зафиксировал короткое воспоминание Петникова о командующем Крымской армией Павле Дыбенко и Александре Коллонтай: «Это было трудно даже вообразить: матрос саженого роста и рядом Коллонтай, хрупкая красавица-аристократка. А он её материт...» (Кабаков М. Черноморские были // Мир Паустовского. — 2002. — № 19. — С. 55).

щены были ими, т. е. каракулями, в целую «Семью», да ещё прозаическую.

А я за всю свою жизнь перевёл всего два прозаических (коротеньких) произведения, несмотря на то, что написал пять романов, из которых три «удостоились» выйти в свет.

Теперь ты понимаешь, что переводить поэму в стихах Низами куда приятнее, чем корпеть над чужой прозой. Это всё равно что для тебя переводить сказки, которые ты так любишь.

Что касается вскользь упомянутого тобой слова «дорога», то я не только согласен с тобой, что в одном этом слове «есть что-то несущее, и зовущее, и манящее», но должен сказать, что оно действует на меня как красный цвет на быка, только в обратном смысле, я прихожу не в ярость, а в какое-то томительное беспокойство, но настолько сладостное, что оно иной раз заменяет радость самого путешествия.

Кстати, ты поставил эту фразу в кавычки, что навело меня на мысль, что это маленькая цитата из какого-нибудь великого произведения, которое стыдно не знать наизусть, но, каюсь, что я не помню, откуда это, хотя и не принимал порошок лотоса, который, по преданиям, имел свойство отнимать память «целиком и полностью» всего того, что человек знал и видел.

М. б., поэтому мудрый Хлебников и подарил мне в 1918 году, когда мы с ним встретились в Астрахани, после совместной поездки по дельте Волги, цветок лотоса, который я, увы, не сохранил. Сам того не желая, я затащил это письмо в «дельту воспоминаний», и этим, м. б., навёл на тебя скуку, ибо не всегда бывает охота перелистывать страницы прошлого.

К тому же письмо перевалило за 3-ю страницу, а известно, что все письма, кроме писем влюблённых, где нет никаких ограничений, ограничено академическими четырьмя страницами во избежание чертыханья несчастных жертв, принуждённых, если не из любопытства, то из вежливости, дочитывать до конца послания друзей.

Заканчиваю взыванием: приезжай! Не меняй первоначального плана!

Целую тебя. Твой Р. Ивнев.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 18–19]

№ 13

20 января 1956 года, Москва

Дорогой Гри!

Спасибо за милую коротышку письма. Хоть мал золотник, да дорог.

Ты тогда убежал от встречи Нового года, как Людовик XVIII от Наполеона, но надеюсь, что ты исчез не на «Сто дней»!

Я пребываю в данный момент в пекле «Семи кра-савиц» (срочно заканчиваю перевод для отсылки в Баку) и поэтому отложил переписку посвящённого тебе стихотворения о Ялте 1919 года (посвящённого тебе совместно с Петей Лукомским). Через дней 10–12 смогу прислать. Главное, что я раскопал этот стих в своём «архиве».

Целую тебя и обнимаю. Твой всегда Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 20]

№ 14

11 февраля 1956 года, Москва

Дорогой Гри!

Срочно ремонтируй машинку! Твои каракули стали уже иероглифами. Разобрал очень малую часть, но понял главное, хоть и не написанное, — что ты помнишь меня и, следовательно, любишь. Отвечай тебе тем же не в порядке ответа на дружеские чувства, а независимо от них. Я тебе писал, что выудил из своего архива послание тебе, но, когда начал переписывать, забил тревогу, т. к. почувствовал, что это послание имеет некоторые недостатки. Хочу его немного «отшлифовать» и тогда прислать, а то ты, чего доброго, можешь подумать, что я разучился писать хорошие стихи! (не удержался и, как гречневая каша, сам себя косвенно похвалил!).

Когда потеплеет, приеду в Малоярославец. Евг. Вас. уже подыскала мне убежище, т. к. оказалось, в Вашей гостинице нет отдельных номеров, а для общежития я, увы, вышел из солдатского возраста!

Обнимаю и целую тебя, милый мой «ялтинский капризник»! Мысленно посылаю тебе ялтинские розы, запах которых до сих пор преследует меня!

А путешествие из Симферополя в Ялту на грузовой машине, которая мчалась с такой быстротой, как будто за ней гнались все грешники мира. У меня до сих пор кружится голова, стоит мне лишь вспомнить, как мы хватались за все части машины, за которые только могли хвататься, чтобы не вылететь преждевременно за борт!

Если машинку не исправишь, пиши печатными буквами, как когда-то писали мужьям об измене их жён «доброжелатели», не желавшие открывать своих имён!

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 22]

№ 15

3 марта 1956 года, Москва

Дорогой Гри! Отвечаю на твоё милое интересное письмо скучной открыткой, т. к. на мои хрупкие плечи свалились сразу две глыбы работ. Немного очухаюсь и тогда напишу подробно.

Если паче чаяния, сделаешь «налёт» на Москву, не подвергай меня бойкоту и в первую очередь позвони мне.

Не знаю, как у вас в Малоярославце, но здесь зима как будто перебесилась и начинается нечто вроде увертюры перед весенней оперой.

Обнимаю тебя, крепостью объятий стараясь «скрасить» письмо-коротышку.

Всегда твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 23]

№ 16

15 августа 1956 года, Баку

Дорогой Гри!

Спасибо за письмо, которое меня обрадовало только тем, что оно от тебя. Это я понял, с трудом прочтя «Малоярославце», единственное слово, которое я расшифровал из твоих иероглифов, не считая ещё два слова в конце письма: «от почек» (очевидно, лекарства). Два слова из двух страниц — это не много.

Поэтому жду твои письма напечатанными (когда ты сможешь сесть за машинку). Кстати, почему ты сразу не написал на машинке — я тоже не разобрал. Ты побил все рекорды по неразборчивым почеркам, хорошо ещё, что не по «неразборчивым средствам».

Обнимаю тебя и сообщаю, что на днях еду в Тбилиси, а потом буду снова в Баку, поэтому, если будет время и охота — напиши «настоящее» письмо, где было бы содержание, а не одна форма, ибо твоё письмо я могу сравнивать с коробкой, в которую вложена китайская грамота. Утешай себя тем, что у Достоевского тоже был неразборчивый почерк. Да и у меня, грешен, не [неразборчиво] «писарской», во всяком случае, далёк от этого идеала.

Забыл сказать, что в Баку приеду, вероятно, если буду жив и здоров, с [неразборчиво], а потом — восвоюси!

Ещё раз спасибо тебе.

Всегда твой Рюрик Ивнев.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 24]

№ 17

9 ноября 1956 года, Баку

Дорогой Гри!

В суете предотъездной я позабыл, написал ли я тебе письмо (или нет) с изложением причин, почему в назначенный тебе час я должен был поехать к Новиковым³⁸. У них было семейное торжество по весьма необычному случаю: наша общая родственница

в возрасте 76 лет нашла своего сына, которого считали умершим в 1918 году, т. е. 38 лет тому назад. Он оказался в Софии, и она, получив визу, уезжала к сыну на два месяца повидаться с ним и погостить у него и познакомиться со своим внуком, о котором она и понятия не имела. За день-два до её отъезда и состоялись семейные торжества — проводы.

Этот необычный случай «суд присяжных» признан бы вполне достаточным, чтобы извинить друга, не пришедшего на свидание со своим лучшим другом! Сегодня случайно у знакомых увидел «Сказки бр. Гримм», изданные в 1955 году ставропольским кн. издательством (тираж 75 т. э.) с указанием, что «текст воспроизводится по издан. Гослит. 49». Хотя ты должен был об этом знать, но я подумал, а вдруг ты «пропустил» этот факт, а издательства не любят сами напоминать, и вот я решил на всякий случай написать тебе об этом (твоё имя указано).

Я пробуду в Баку до 1 декабря. Живу в гостинице «Интурист», № 453. Но письма получаю до востребования в главпочтамте. Если будет время и охота — пишите.

Обнимаю тебя и целую. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 25]

№ 18

12 января 1957 года, Баку

Дорогой Гри!

Посылаю ещё несколько открыток с видами Баку для Марины³⁹. 19-го выезжаю в Москву.

В тбилисском моём архиве нашёл все наши снимки с Петей Лукомским. Нашёл ещё очень много интересного, в том числе акростих (оригинал) Есенина, который я считал утерянным.

Нашёл много статей Хлебникова, напечатанных в астраханской газете (август, сентябрь 1918 г.), очень своеобразные; не знаю, сохранились ли они у кого-нибудь, думаю, что нет.

По приезде в Москву напишу тебе.

Обнимаю тебя. С евпаторийским приветом. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 26]

№ 19

16 мая 1957 года, Москва

Дорогой Гри!

Чтобы заглядить свою вину (запоздалый ответ), посылаю одну из «раскопок», найденных в моем ар-

³⁸ Семья Новикова Ивана Алексеевича (1877–1959), русского советского писателя, переводчика. Особую известность И. А. Новикову принесли исторические романы «Пушкин в Михайловском» (1936) и «Пушкин на юге» (1943), впоследствии объединённые в дилогию «Пушкин в изгнании». И. А. Новиков был одним из ближайших друзей Рюрика Ивнева.

³⁹ Петникова Марина Григорьевна — дочь Григория Петникова. Родилась 18 августа 1938 г. в Путивле. Впоследствии Марина Григорьевна вспоминала: «Я родилась в Путивле, потому что там плакала Ярославна из «Слова о полку Игореве» — любимого произведения отца. И поэтому он привёз маму рожать в Путивль». В настоящее время проживает в Симферополе.

хиве: твоё изображение (из какой-то газеты), когда ты был чертовски молод и ангельски красив! Для тех, кто теперь не поверит, что это ты, есть два веских доказательства: надписи на двух языках — русском и украинском, «удостоверяющие твою личность».

Если в твоём архиве моей «раскопки» нет, то мой дар будет особенно ценен.

Квартира готова, большая часть вещей перевезена, я там бываю, но не ночую, т. к. пока не включён газ, хотя большинство пайщиков уже въехали в свои квартиры: они пользуются пока плитками. Моя плитка тоже может быть «пущена в ход», но я так привык к молниеносному по быстроте приготовлению утреннего крепкого чая, что предпочитаю выждать пуска газа (это будет через дней 7–10) и наслаждаться тем скромным уютom «студенческой комнаты», который тебе так понравился (если ты это говорил не из светской любезности).

Телефон у нас будет включён позже, после фестивалей, а пока УС 2-62-72. Если приедешь — звони, там всегда кто-нибудь есть, и ты можешь передать, что приехал и зайдёшь тогда-то.

Обнимаю тебя, дорогой друг юности. Адрес: Москва, К-9, до востребования.

Твой Рюрик Ивнев.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 27]

№ 20

10 июня 1957 года, Москва

Дорогой Гри!

Я получил и твой ответ на моё письмо с вырезкой из «старинного» журнала и чудесную открытку. Задержка с моим ответом объясняется тем, что я хотел написать тебе, когда в квартире всё будет готово, но это «всё» оказалось растянутым. Сегодня же, как только получил твою открытку, решил сразу ответить, чтоб ты знал, в чём дело. Пишу ещё из той «студенческой комнаты», в которой ты не так давно провёл, по твоим словам, «приятный вечер воспоминаний».

«Нарты» предпочитаю передать тебе в руки лично, ибо при одной мысли об «окошечке» посылок и бандеролей у меня делается головокружение.

К моему ужасу — ни одного стихотворения за два месяца. Неужели это конец? Так или иначе, а порадовать тебя новыми стихами не смогу.

Всё это время в суе и хлопотах. Даже к Ивану Алексеевичу [Новикову] на дачу не было времени и возможности съездить.

Когда всё утрясётся, сообщу тебе немедленно.

Целую тебя. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 28]

№ 21

22 июля 1957 года, Москва

Дорогой Гри!

Мне передали, что ты был в Москве и звонил мне. Почему ты не оставил номер телефона, по которому я мог бы сам тебе позвонить, как только узнал, что ты в Москве?

В новой квартире лишь на днях включили телефон, номер которого я тебе сообщу: Д 7-11-00. По этому телефону ты можешь мне позвонить не только в первый же час следующего приезда в Москву, но и из Малоярославца. Как я тебе, кажется, уже говорил, я скоро собираюсь совершить путешествие по Кавказу, проща говоря, выехать по делам «Семи красавиц» в Баку, а оттуда в Тбилиси и Юго-Осетию.

Но эти дни, а м. б., недели, я буду в Москве. Если бы у тебя в Малоярославце был телефон, я позвонил бы тебе немедленно сам, но т. к. ты, ценя свой покой, не обзавёлся этим «обоядоострым» аппаратом, то, м. б., ты совершишь прогулку на почту и позвонишь мне сам. Я был бы рад услышать твой голос.

Пишу тебе наугад, т. к. (?) мне кажется, что ты отправился поближе к морю.

Во всяком случае, получив это письмо (если, вопреки моим предположениям, ты ещё никуда не уехал), извести меня о получении этого письма.

Обнимаю тебя крепко. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 29]

№ 22

28 сентября 1957 года, Москва

Дорогой Гри! Только что вернулся из Баку и застал твою открытку. Письмо, о котором ты общаешь, я не получил, следовательно, не мог и ответить на него.

Если ты собираешься проехать через Москву, то постарайся, чтобы это было не раньше 7–8 октября, т. к. в нашей квартире ремонт (переделка комнат) и я перебираюсь на недели две-три на знакомую тебе [на Андроповке] («студенческая комната»).

Советую тебе приехать 7–8 октября, т. к. начиная с этой даты, по всей видимости, смогу тебя где-нибудь устроить, если ты захочешь провести несколько дней в Москве перед тем, как мёрзнуть в Ялте (там холодно, и мой приятель телеграфировал вчера, что он удирает оттуда).

Если всё же поедешь в Ялту (погода ведь меняется!), то постарайся остановиться в той же гостинице («Россия») и в том же номере, в котором мы останавливались с тобой в мае 1919 года. Мне кажется, что я ещё вдыхаю запах тех роз, который нас опьянял тогда.

Сколько их было в ту пору в Ялте! Или они умножились в памяти, как в двух зеркалах?

А помнишь, как ты поднял бучу из-за того, что тебе мешал спать шум моря, и потребовал, чтобы нас перевели в другой номер с «видом на горы?» Твой военный вид так перепугал директора гостиницы, что он сейчас же исполнил твоё требование (тем более что почти все номера были свободны по причине стремительного бегства буржуазии!).

Ну довольно, а то, чего доброго, так погрузишься в мир воспоминаний, что забудешь о действительности, которая требует, чтобы ты приехал в Москву и тотчас же дал бы мне знать по двум телефонам: 2-7-11-а или УС 2-62-75.

Целую тебя, жду твоего звонка.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 30]

№ 23

10 ноября 1957 года, Москва

Дорогой Гри! Большое спасибо за поздравление с великим праздником, истоки которого по мере сил и возможности укрепляли с тобой сорок лет тому назад. Сознание, что мы с тобой были не наблюдателями и не «выжидателями», по-моему, выше всех реальных наград.

На твоё письмо из Ялты я не ответил, т. к. был болен и занят был поездками и вознёй со всякими [неразборчиво]. Да и настроение было такое, что легче было, кажется, поднять стопудовую гирю, чем взять в руки перо.

Как чуткий человек, ты, должно быть, понял, что альянс в новой квартире не получился и сейчас мы с Черневым⁴⁰ заняты «реконструкцией» этой затеи. При свидании расскажу подробнее обо всём этом, а пока скажу вкратце, что через месяцев шесть-семь (если буду жив и здоров) я буду обладателем однокомнатной квартиры (надстройки в уже существующий дом), куда и перееду из новой квартиры, в которой я фактически пока не живу, как не живёт и Чернев. Он живёт по-прежнему в своей полуподвальной квартире [на Андроповке], а я в той «студенческой комнате», в которой ты был у меня.

Так что тебе «надлежит писать» мне исключительно по адресу Москва, К-9, до востребования. Всё это может показаться тебе «загадочным», но «загадка» тотчас же рассеется, если ты вспомнишь,

что на свете существуют женщины. Мои планы связаны с «Семью красавицами», которые изданы в Баку (2-е изд.), и если буду жив и здоров (вспомни толстовские «е. б. ж.» в его дневниках), то в начале декабря отправлюсь в берега Абескунского моря⁴¹ «в годичный нартовский поход» (конечно, не буквально годичный).

Почему-то вдруг решил послать тебе недавно написанное стихотворение с вопросом: как ты думаешь, можно ли его включить в тот сборник стихов, который я подготавливаю?

Целую старого красноармейца и юного поэта Григория Петникова. Твой Ивнев.

Р. С. Был ли ты в Ялте на могиле Пети Лукомского?

Откуда идут эти вечные токи,
От горькой земли ль небесных просторов,
Как будто я снова на Дальнем Востоке
Смотрю в твои очи и жду приговора.

Как будто, я снова кидаюсь, как в бездну,
В кипящую лаву несбыточных мыслей,
Как будто, прикован я цепью железной
В безлюдном пространстве к скалистому мысу.

Но все ж воскресая я трижды из мёртвых,
И юный, как утро, стою пред тобою.
А дни золотые летят, как когорты,
Гонимые сладостно-горькой судьбою.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 32–33]

№ 24

22 января 1958 года, Баку

Дорогой Гри!

Открытку получил давно. Молчал, т. к. не было времени говорить (т. е. писать), так погружён в работу. Неустанно тружусь. Надо срочно заканчивать книгу о Молле Насреддине, так неудачно названную «Анекдотами» (это действительно анекдот для академического издательства!). Привезу, т. е. пришлю, хотя в Москве вышло более полное издание и тоже под таким же «анекдотическим» названием.

Я всё торчу в Баку. О дальнейшем сообщу в ближайшее время.

Обнимаю тебя. Твой Ивнев.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 34]

⁴⁰ Чернев Илья (настоящее имя и фамилия — Александр Андреевич Леонов; 1900–1962) — русский писатель. Выходец из патриархального сибирского крестьянства, так называемых семейских (раскольников-староверов, переселённых в XVIII в. Екатериной II в Забайкалье). С 15 лет И. Чернев публиковал в местных газетах стихи, очерки, фельетоны. Автор повести «Таёжная армия» (1937), романа «Мой великий брат» (1954). Основное произведение — трилогия «Семейщина» (1933–1939). Писал также рассказы, публицистику, пьесы, переводил с бурятского, эвенского и тувинского языков.

⁴¹ Одно из старых названий Каспийского моря.

№ 25

15 июля 1958 года, Москва

Дорогой Гри! Только что прилетел из Сухуми (через Тбилиси и Баку) и застал твою открытку. Благодаря тому, что она была не написана тобою, а напечатана на машинке, я смог легко разобрать «твой почерк» и исполнить твою оригинальную просьбу узнать телефон рекламного отдела Мосгорсправки. Вот он, лови его, как мяч (только не футбольный!) Б 1-10-65.

Получившимся путешествием по Кавказу доволен, хотя немного устал (не столько от передвижений, сколько от смены впечатлений).

Собираюсь пробыть в Москве до середины августа, а потом (если буду жив и здоров) месяца на два махну снова через Кавказский хребет, на этот раз на Ту-104 (если не спутал цифру), словом, на том самолёте, который летит от Москвы до Тбилиси 2 ½ часа. Уж очень большой соблазн приобщиться к «фантастике».

Напиши о себе и о своих планах на «данный отрезок времени».

Обнимаю тебя с той же теплотой, как в 19-м году, когда ты убежал от евпаторийской жары в Симферополь.

Твой Ивнев.

Р. С. Молла Насреддина достал для тебя, но куда-то зачихал, на днях разыщу и вышлю тебе, так что не беспокойся.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 35]

№ 26

9 ноября 1958 года, Тбилиси

Дорогой Гри! От тебя нет долго никаких известий. Так как я веду жизнь «знатного путешественника» или, вернее всего, «бродячего музыканта», то может легко случиться, что не все письма меня «догоняют в пути», поэтому пишу тебе на всякий случай мои «координаты», как почему-то любят теперь говорить. До 15–16 ноября я в Тбилиси, а потом буду в Баку.

Тбилиси адрес: Тбилиси, 25 п/т, до востребования; бакинский: Баку, гостиница «Интурист» или лучше: п/о при гостинице «Интурист», до востребования. Тогда письма сохранятся, если я к тому времени не смогу приехать в Баку.

На главпочтамт в Баку не посылай писем, т. к. они могут переслать в Тбилиси и начнётся почтовая канитель.

В Тбилиси праздновали 1500 лет очень трогательно, без громких фраз, тепло, как тбилиское лето. Посылаю тебе вырезки из газет. Вот каким стал ныне один из любимых уголков моего любимого Тбилиси.

Целую тебя. Твой Рюрик.

Пиши.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 37]

№ 27

10 декабря 1958 года, Баку

Дорогой Гри! Твою открытку получил в день приезда в Баку (из Тбилиси). Там провёл два месяца, купаясь в лучах грузинского солнца. Впечатление от этих 60 дней такое, будто я оказался в сказке, — и не зрителем, а действующим лицом.

Не удивляйся почтовой бумаге. Чтобы не откладывать ответа, пишу не за письменным столом, а за ресторанным.

В Баку пробуду до 20–22 декабря, потом еду в Москву на дней 8–10, а оттуда опять в Тбилиси на 2–3 месяца. Так что писать мне можешь пока в Баку, главпочтамт, до востребования.

Более подробно напишу перед выездом из Баку. Целую тебя. Твой Рюрик.

В твоей весточке для меня, как капли свежей росы, волищным образом возвращаются на некоторое время молодость и лепестки ялтинских роз.

Рюрик.

Р. С. Напиши о себе более подробно.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 42]

№ 28

2 января 1959 года, Тбилиси

Дорогой Гри! Получил твоё письмо с упрёком в сплошных анаколуфах и написал подробное (сравнительно подробное) письмо, но видно судьбе угодно, чтобы ты так и не получил расшифровки этих анаколуфов, ибо это письмо вместе с ещё тремя письмами в Москву было вытащено из кармана моего пальто во время поездки в троллейбусе (езжу-то я на этом виде транспорта не больше двух раз в месяц!), очевидно, вор подумал, что это пачка денег. Ежели вор незлобивый, то он опустит их в п/я, если злобный, то порвёт от досады, что просчитался.

Повторить подробностей не могу, т. к. срочно выезжаю в Москву.

Черкни мне по адресу: Москва К-9, до востребования, получил ли все жё это потерянное мною или похищенное у меня письмо.

Пиши обязательно К-9, до востребования — ибо это всё же самое верное, там получишь из рук в руки, без посредников.

Обнимаю тебя.

Жду весточки. Получу и тогда уже в Москве напишу более подробно.

Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 38]

№ 29

12 апреля 1959 года, Тбилиси
Дорогой мой Гри!

После бесконечного молчания, вызванного бесконечными поездками и делами, которые большей частью обращались в мыльные пузыри, пишу краткое письмо с сообщением, что на днях выезжаю в Москву, где пробуду до 15–20 июля, а затем, если буду жив и здоров, намереваюсь вернуться в чудесную Грузию. Если это письмо застанет тебя в собственном доме (т. е. если ты не окажешься в отъезде) и если явится желание по старой памяти перекинуться со мной письмом или открыткой, то имей в виду, что мой адрес, по которому я получаю письма: Москва, К–9, до востребования. Целую тебя. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 39]

№ 30

17 мая 1959 года, Москва
Дорогой Гри!

На днях приехал (наконец-то!) домой. Получил твою весточку. Был у Марины Новиковой⁴². Она рассказала о тебе, так что я получил «двойные сведения» о тебе. Застал у неё вдову Грина⁴³. Она мне очень понравилась. Пишу пока мало. Буду здесь почти весь июнь (кроме мая, который проведу, вероятно, в Переделкино). Карточку Пети Лукомского (с тобой и мной) оставил в Тбилиси. Там пересниму и пришлю тебе, когда приеду снова туда, если, разумеется, буду жив и здоров.

Целую тебя. Будь здоров и бодр, как во времена давно минувшие.

Твой всегда. Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 41]

№ 31

12 сентября 1959 года, Москва
Дорогой Гри!

На днях приехал в Москву и обнаружил твоё письмо. Спешу ответить.

Я по-прежнему ношу по свету, вернее по Кавказу, находя покой в беспокойстве, т. е. в непрерывном движении.

Совершил интересную поездку по Западной Грузии. Был (гостил с неделю у друзей) в привольном селе [неразборчиво], в Чахатаурском районе, откуда машиной выехал по очень интересной горной дороге в Батум (эту дорогу я видел впервые). Оттуда теплоходом до Сухуми. Потом в Тбилиси, и вот наконец я дома. Но ненадолго. В середине октября выезжаю снова в Тбилиси, месяца на два, с заездом в другие места.

Карточку Пети Лукомского ещё не переснял, но займусь этим в ближайшие дни.

О тебе вспоминаю часто и мечтаю повидать тебя, но как это сделать, не знаю, ибо Старый Крым вне моей орбиты.

Вот если бы ты заехал в Тбилиси, это было бы другое дело. Жду от тебя весточки.

Обнимаю тебя. Твой всегда и всегда.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 15]

№ 32

17 января 1961 года, Москва
Дорогой Гри!

Очевидно, губернантика-судьба воспротивилась, чтобы я отправлял тебе письма в духе написанного мной, она его отвела от тебя. В связи с этим я вспоминаю старинный рассказ Аверченко (если не ошибаюсь), в котором описывается, как русский путешественник, будучи в Германии, хотел избавиться от каких-то ненужных ему воротничков. Не помню подробностей, но, очевидно, это был пакет, на котором был его адрес, т. к. куда он его ни бросал и где ни оставлял, но к вечеру пакет возвращался к нему в гостиницу.

Повторять то, что я тебе писал, скучно, как всякое повторение (впрочем, не всякое, а вернее будет сказать, как большинство повторений). Раз я теперь в Москве, то буду писать о Москве. Собираюсь здесь пробыть всю зиму, в начале февраля,

⁴² Новикова-Принц Марина — падчерица писателя И. А. Новикова, ближайшая помощница в его литературных занятиях, кузина Рюрика Ивнева. Автор ряда статей по истории русской литературы (о А. С. Пушкине, И. С. Тургеневе, А. А. Блоке), а также о И. А. Новикове. Автор стихотворений «Кузен прелестный, где ты? Что ты?», «О чём я Рюрику отвечаю...», «Родной по духу брат» и других, посвящённых Рюрику Ивневу, и воспоминаний «Рюрик Ивнев». Рюрик Ивнев посвятил ей стихотворения «Было время — жил я в келье...», «Где родился ты? В Орле? В Мадриде?..», «На острове Святой Елены...», «Я получил твои стихи...» и другие.

⁴³ Грин Нина Николаевна (1894 — 1970) — вторая жена писателя-романтика Александра Степановича Грина. А. С. Грин познакомился с писателем И. А. Новиковым в конце 1920-х гг. И. А. Новиков, живший в Москве, выполнял множество деловых просьб Грина в самое тяжёлое для писателя-романтика время, когда ему было все труднее издавать свои произведения. Последнее письмо от И. А. Новикова, датированное 28 июня 1932 г., А. С. Грин получил в Старом Крыму за неделю до своей смерти. В нём были такие строки: «Марина захватила с собою Вашу «Дорогу никуда». Я даю её с осторожностью, чтобы не потерять. Но нельзя не дать потому, что эти молодые читатели любят Вас — очень, и эту книжку особенно». После смерти А. С. Грина продолжалась дружба его вдовы с семьёй Новиковых. После возвращения Нины Николаевны из заключения в 1955 г. И. А. Новиков восстановил ей пенсию в Союзе писателей и добился получения ей единовременного пособия в Литфонде СП. После смерти И. А. Новикова 10 января 1959 г. Нина Николаевна продолжала дружить с Мариной Новиковой. В один из приездов Нины Николаевны из Старого Крыма, в котором незадолго до этого поселился Григорий Петников, в Москву Рюрик Ивнев и познакомился с ней у Марины Новиковой.

вероятно, поеду на две недели в Малеевку, ты там бывал, по- моему, не раз. Зимняя Москва очень хороша. Я несколько зим проводил на юге, так что сейчас особенно приятно смотреть на это великолепие безукоризненных снегов.

Было бы чудесно, если бы ты приехал в Дом творчества «Малеевка» на вторую половину февраля, тогда я пролонгировал бы свою «путёвку» ещё на две недели. Ты можешь телеграфом заказать себе в Литфонде путёвку на вторую половину февраля (а м. б., и на первую?)

Если решишься на этот «неожиданный шаг», то извести меня немедленно.

Что касается «снимка четверых», то не беспокойся, в самое ближайшее время я это сделаю.

Обнимаю тебя. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 44]

№ 33

4 марта 1961 года

Дорогой Гри!

Не знаю уж, как объяснить моё опоздание с ответом на твоё милое письмо. Просто хотелось написать что-нибудь хорошее, а для этого нужно соответствующее настроение, вот я его и ждал, но, не дождавшись, всё же пишу, хотя чувствую, что не смогу сказать всего того, что хотелось бы. Всё это время я был в Москве, раз в неделю езжу на три дня в Барвиху, на зимнюю дачу, там чудесно, это ты сам знаешь. Я недавно только проехал через эти места на машине, а теперь ознакомился с ними хорошо, много гуляю и много пишу. Раннюю весну хочу провести там, а потом магнит Грузии меня, конечно, перетянет в Тбилиси, Сухуми, Юго-Осетию, если буду жив и здоров.

Из Грузии получил много писем, грузинские друзья торопят меня приехать скорее. Напиши о своих планах на ближайшее время. Как хорошо было бы встретиться, ведь в письмах трудно передать всё, что хочется сказать, так как длинные послания строчить уже не хватает физических сил, вот пишешь несколько слов только для того, чтобы ты лишний раз убедился, что я всегда о тебе думаю и люблю по-прежнему.

Что это за племянник Пети Лукомского? Промелькнул ли только или ты с ним встретился и говорил о Пете?

Мариночка Принц-Новикова, моя кузина, часто тебя вспоминает и шлёт тебе свой привет.

Обнимаю тебя, дорогого друга, не забывай, пиши. Твой всегда Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 46]

№ 34

25 апреля 1961 года

Дорогой Гри!

Поздравляю тебя с весной, с теплом, с 1 Мая. Жду весточки (давно от тебя ничего нет). Сегодня был у Виктора (Перцова)⁴⁴, говорили о тебе. Он знал, что я буду тебе писать и просил передать свой большой привет. Обнимаю тебя. Посылаю вместо живых роз (Ялта. 1919. Петя. Чебуреки и т. д.) бумажные маки, ибо бумажных роз не нашёл, которые тебе напомнили бы те... давние розы, живые и вечные.

Твой вечно Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 47]

№ 35

Ночь на 17 января 1962, Москва

Дорогой Гри! Лучшего новогоднего подарка и не придумаешь! Большущее тебе спасибо за твою прекрасную книгу. Поздравляю тебя от души с её «выходом в свет». О стихах писать не умею, могу их только чувствовать и восхищаться ими, как восхищаются земными листьями, красным закатом и дыханием моря.

Не знаю, чем тебя отблагодарить за твой подарок, впрочем, попробую всё же это сделать и завтра пойду наконец к моему «придворному» фотографу и дам переснять наши фото (их два у меня) с незабвенным нашим Петей Лукомским, которому ты посвятил чудесное стихотворение, вернувшее мне почти реальное ощущение тех далёких и замечательных дней.

Старые знамёна разворачивает ветер,

Юности вручая их опять.

Лучше сказать нельзя, мой милый, нестареющий в моей памяти Гри!

Сейчас глубокая ночь. Ты заставил меня путешествовать в путешествие на «корабле времени», и я не знаю, удастся ли мне заснуть после такого

⁴⁴ Перцов Виктор Осипович (1898–1980) — известный российский литературовед, критик. Окончил факультет общественных наук МГУ (1922). Печатался с 1921 г. Активный работник Московского пролеткульта (1923). С 1926 г. примкнул к группе «Леф», стал одним из основных сотрудников журнала «Новый Леф». Первую книгу, «Литература завтрашнего дня», опубликовал в 1929 г. В этом же году вместе с Николаем Чужаком (Насимовичем) и Сергеем Третьяковым вышел из группы. Автор книг «Этюды о советской литературе» (1937), «Подвиг и герой. Этюды о советской литературе» (1946), «Писатель и новая действительность» (1958), «Поэты и прозаики великих лет» (1969), статей и литературных портретов многих писателей. Основные работы посвящены творчеству В. В. Маяковского («Маяковский. Жизнь и творчество», т. 1–3, 1969–1972; Государственная премия СССР, 1973, и др.).

слишком необычного и глубокого волнения. Но... и бессонница приносит иногда пользу. Она, как гроза, освежает воздух и очищает душу. Целую тебя и жду хотя бы маленькой весточки о твоих планах на ближайшее время. Я в первых числах февраля (а м. б., даже в середине февраля, но не позже) еду на месяц в Малеевку. Моя поездка, кажется, совпадает с поездкой Марины Принц (Новиковой), моей самой любимой кузины, с которой мы часто говорим о тебе.

Ещё раз целую.

Твой всегда и везде Рюрик.

Р. С. Адрес прежний: К-9, до востребования (мне отсюда будут пересылать письма в Малеевку). 13 — день отъезда, оттуда пришлю тебе почтовый адрес нашего «дома творчества». Глупейшее название, не правда ли? Но тут уж ничего не поделаешь. Адрес есть адрес. Рюрик.

Р. С. После Малеевки, если буду жив и здоров, в апреле хочу уже быть в моём Тбилиси.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 48]

№ 36

20 июля 1962 года, Киев

Дорогой мой Гри!

От тебя давненько нет никаких известий. Где ты сейчас? У себя дома или, подобно мне, путешествуешь?

Пишу тебе из Киева, приехал я сюда из Тбилиси по дороге в Москву. В Грузии был с 6 мая, ездил в горы Юго-Осетии, потом в горы [неразборчиво] района, родина Важи Пшавелы. Много было интересного.

С 25 июля пиши в Москву, К-9, до востребования, или по домашнему адресу. Лучше «до востребования». Киев восхитил меня своей необычайной красотой, и Украина восхитила своим доброжелательством.

Твой Рюрик Ивнев.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 49]

№ 37

1 декабря 1963 года, Москва

Дорогой Гри!

Вчера на Никитинском субботнике я встретил П. А. Журова⁴⁵, который показал Евгению Фёдоровне⁴⁶ и мне твою новую книгу стихов. Я и обрадовался (что ты издал книгу) и возмутился (что мне ты её не прислал, как прислал первую). Только из стихотворения, помещённого в ней, я догадался, что ты был болен. Журов подтвердил это в разговоре.

Думаю, что теперь ты пришлешь мне свою книгу по адресу, который тебе известен. Москва, К- 9, до востребования, Ивневу Р. А.

О себе пока не пишу. Когда получу ответ, напишу подробное письмо. Обнимаю тебя, дорогой друг, и желаю всего самого чудесного, что есть на свете.

Твой всегда и везде. Рюрик.

Р. С. Привет от Е. Ф. Никитиной.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 50–51]

№ 38

16 января 1964 года, Москва

Дорогой Гри!

Вчера только получил от моего «придворного фотографа» фотокопии карточки Пети Лукомского с тобой и мной и в тот же день послал тебе заказным письмом. Дал я переснимать карточки месяца два тому назад, если не больше, и вот наконец дождался.

Так что я смог наконец выполнить своё обещание чуть ли не через три года. Ты последнее время очень скупо пишешь о себе. Надеюсь, что получение драгоценной для нас с тобой карточки пробудит в тебе давние воспоминания и ты напишешь мне хорошее и большое письмо с подробностями о твоей жизни, работе и предполагаемых путешествиях.

Обнимаю тебя и целую, здоровья и хорошего настроения.

Всегда твой Рюрик Ивнев.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 53]

⁴⁵ Журов Пётр Алексеевич (1885–1987) — литературовед. Литературный дебют Журова состоялся в 1908 г., когда он опубликовал небольшой рассказ «Люди» в журнале «Зритель». Поселившись в 1922 г. в Москве, Журов стал членом Московской Блоковской ассоциации, публиковал литературные рецензии в журнале «Красная новь». В 1936 г. Журов был арестован и выслан на три года в Йошкар-Олу, в 1937 г. арестован повторно и приговорён к 10 годам исправительно-трудового лагеря, из которого был освобождён в 1945 г. как инвалид. После освобождения из лагеря Журов жил сначала в Йошкар-Оле, а затем переехал поближе к Москве и проживал в Шуе, Малоярославце, Боровске. После переезда из Малоярославца в Боровск, а затем, после смерти Сталина, в Москву Журов активно переписывался с Григорием Петниковым. Написал четыре рецензии на творчество Петникова. Одна из них была опубликована в 1961 г. (Журов, 1961). Три другие рецензии, по всей видимости, изданы не были: «Голос поэта» (Старокрымский литературно-художественный музей Н/В 878/4), «Полигимний Петникова» на сборник «Открытые страницы» (ЦГАМЛИ, ф. 440, оп. 1, д. 426, л. 16–19) и «Под ленинским знаменем» на сборник «Утренний свет» (ЦГАМЛИ, ф. 440, оп. 1, д. 426, л. 20–22).

⁴⁶ Никитина Евгения (Евдоксия) Фёдоровна (урожд. Плотникова, по первому мужу Богушевская (1895–1973) — литературный критик, журналист, редактор и организатор литературной жизни. Автор сборника стихов «Росы рассветные» (Ростов-на-Дону, 1919), сборников статей «Русская литература от символизма до наших дней» (1926), «Поэтическое искусство Блока» (1926, совместно с С. В. Шуваловым), «Беллетристы-современники» (в 4 вып., 1927–1931, совместно с С. В. Шуваловым), «В мастерской современной художественной прозы» (в 2 т., 1931) и др.

№ 39

19 августа 1964 года, Москва

Дорогой Гри!

Был бесконечно рад получить от тебя весточку после небывало долгого молчания. Крымские встречи с Петей Лукомским я уже вчера закончил. Сегодня напишу воспоминания о Ленинграде (когда Петя был начальником военно-морского училища) и на днях, перепечатав на машинке, пришлю тебе. Подробно напишу при пересылке рукописи, а сейчас тороплюсь опустить в почтовый ящик письмо, чтобы ты знал, что твоё получено.

Обнимаю тебя.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 54]

№ 40

27 августа 1964 года, Москва

Дорогой Гри!

Вчера получил письмо «Курортной газеты» из Ялты, в котором меня просят написать воспоминания о Пете и прислать (вместе с его фото) к октябрьским дням. В нём также упоминается, что адрес дан тобой.

Я, кажется, уже писал тебе, что воспоминания вчерне у меня уже написаны — и первых встреч в Симферополе и дальнейшее (1932?) о Ленинграде. Ты, конечно, сам понимаешь, что в моих воспоминаниях не может быть того, что обычно больше всего интересует газеты, да ещё такая дата, как Октябрь, поэтому, хотя я пошлю им просимое, но далеко не уверен, что это их устроит.

Было бы хорошо, если бы ты написал редакции «Курортной газеты» (если сочтёшь целесообразным), что характер моих воспоминаний — «общечеловеческий», а не специально юбилейный, и посоветуй им принять это во внимание. На днях копию статьи, отпечатанную на машинке, ты получишь от меня «заказной бандеролью» и тогда сам сообщишь, как и что надо сделать (м. б., сократить), а пока до получения бандероли очень прошу тебя как можно скорее сообщить мне год (1931?), когда Петя вступал в должность начальника военно-морского училища в Ленинграде. Наша первая встреча после Крыма произошла в Ленинграде, вскоре после его назначения.

Я не помню точно года. Условно я написал 1931 год.

Обнимаю тебя. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 55–56]

№ 41

29 августа 1964 года, Москва

Дорогой Гри!

Через два-три дня вышлю рукопись (она сейчас у машинистки). Один экземпляр — в Ялту, в редакцию газеты, а другой — тебе. Просмотри, м. б., что-нибудь не так (даты, факты и пр.), то исправь.

Я куда-то затерял все фотокопии нашей группы с Петей Лукомским, поэтому очень прошу тебя срочно переснять свой экземпляр фото и переслать в Ялту. Раз они просят фото, надо обязательно прислать. Дело в том, что весь мой архив (за исключением уже данного Е. Ф. Никитиной и [неразборчиво]) я возил с собой в [неразборчиво], где разбирал его месяц, а когда привёз в Москву, то не смог сразу найти нашу группу.

Эти поиски могут затянуться, и тогда фото Пети Лукомского не будет опубликовано к октябрьским дням. Остаётся мало времени до этого срока. Иначе я бы тебя не беспокоил просьбой. Не ленись сделать это не для нас с тобой, а для Пети.

Стихи «Белой рубахи парус» я не могу найти, т. к. до стихов ещё не дошёл при разборе архива. Они лежат отдельными пакетами, но разбирать их сейчас по листкам — дело безнадежное.

Если это фото у тебя сохранилось под рукой, то пошли его в Ялту. А я пошлю другое, относящееся к Пете. Это «Русская улыбка». Если им понравится, пусть публикуют.

Обнимаю тебя. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 57–58]

№ 42

18 сентября 1964 года, Москва

Дорогой Гри!

Сегодня получил одновременно два твоих письма с поправками и изменениями, т. е. внёс изменения и добавления и нашёл ещё одну ошибку машинистки, которую тоже исправил. Она написала вместо «поезд им. Луначарского» — «им. Лукомского», и я, и ты сразу этого не заметили..

Все исправления [неразборчиво] я послал свою почту в Ялту, в редакцию «Курортной газеты» А. Глотову⁴⁷, от которого получил предложение написать воспоминания о Пете.

Так что теперь, по-моему, всё в порядке.

Ты со своей стороны напиши им тоже. Я в письме к Глотову упомянул, что все направления со-

⁴⁷ Глотов А. — редактор «Курортной газеты» (Ялта, Крым) в 1960-х гг.

гласовал с тобой, т. к. некоторые факты ты запомнил лучше, чем я. напиши также, что послал тебе копию «Воспоминаний» для ознакомления.

Когда будешь мне писать, не забудь упомянуть, где теперь Федько⁴⁸? Жив ли или погиб, как многие другие в те героические годы.

Целую тебя. Твой Рюрик.

Р. С. Когда в ближайшее время «разгрузишься» от дел, напиши о себе более подробно.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 61–62]

№ 43

4 октября 1964 года, Москва

Дорогой Гри!

Получил твоё подробное письмо. Большое спасибо за сведения о Пете, некоторые подробности я знал, а остальные были новыми.

Ты помог мне установить дату моей ленинградской встречи с Петей. Это было, очевидно, в 1928 году, когда я приехал из моего дальневосточного путешествия в Ленинград непосредственно, а уже потом в Москву.

Значит, мы обедали с Петей на острове в августе 1928 года. В 1931 и 1932 я тоже бывал в Ленинграде. Но раз Петя принял училище в 1925, значит, встреча была в 1928 (1926–27 — я был на Дальнем Востоке у Камчатки и Японии).

Фото я заказал моему фотографу (он хранит негативы) и сегодня пошлю нашу группу в Ялту, в Феодосийскую газету, а через дня три, когда получу от машинистки рукопись, вышлю одновременно один экземпляр — тебе, а другой — в редакцию.

Когда ты познакомишься с моими воспоминаниями, ты можешь сделать поправки (если найдёшь неточности) и пришлешь мне свои замечания.

Сейчас тороплюсь на почту, сдать письмо.

Когда буду посылать тебе рукопись, напишу ещё письмо — там будет и обо мне.

Целую тебя. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 59–60]

№ 44

20 октября 1964 года, Москва

Дорогой Гри!

Судя по тому, что я не получил ответа из Ялты, я думаю, что воспоминания о Пете Лукомском не устроили.

Я предоставляю тебе полномочия, как тебе будет удобнее распорядиться этой статьёй. Я насколько не жалею, что написал её, ибо всё равно — рано или поздно я взялся бы за это.

Не писал так долго, т. к. доканчивал «Воспоминания о Есенине», и, докончив, занялся ещё добавлениями, и т. п.

Черкни несколько строк, как ты себя чувствуешь, и не входит ли в твои планы посещение Москвы?

Буду ждать от тебя весточки.

Целую тебя. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 64–65]

№ 45

5 ноября 1964 года, Москва

Дорогой Гри!

Поздравляю тебя с праздником Великого Октября, с которым мы связаны с тобой не только воспоминаниями о нём.

Желаю крепкого здоровья и новых творческих успехов.

Рукопись мою получил. Спасибо за тщательный просмотр и редакцию.

Два подписанных мною экземпляра с внесением в них поправок вчера послал тебе заказным пакетом. Распорядись моими воспоминаниями о Петре Лукомском по своему усмотрению. Я рад, что их написал, ибо ты сам знаешь, как часто мы «собираемся писать» и не пишем. Если бы не ты, то я, вероятно, их не написал бы или написал бы позже и хуже. Так мне кажется.

Целую тебя. Очень хочется повидаться с тобой.

Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 66]

№ 46

25 декабря 1964 года, Москва

Дорогой мой Гри!

Был очень обрадован, получив от тебя весточку из Старого Крыма. Вестей не было давно. Парнис⁴⁹ из Киева писал мне, что ты переехал основательно в Симферополь. Я ничего не мог понять, т. к. мне казалось, что о таком важном событии (для нынешнего времени) ты сообщил бы мне до... Парниса.

Между тем письмо твоё из Старого Крыма. Почтовая печать это подтверждает. Кому ве-

⁴⁸ Федько Иван Фёдорович (1897–1939) — советский военачальник, участник Гражданской войны в Крыму. В 1917 г. организовал в Феодосии революционный комитет и отряд Красной гвардии, позже развёрнутый в Первый Черноморский революционный полк. В 1919 г. был членом РВС Крымской республики и заместителем командующего Крымской армией. Расстрелян по обвинению в участии в военно-фашистском заговоре.

⁴⁹ Парнис Александр Ефимович (р. 1938) — филолог, литературовед, исследователь русского футуризма, творческой деятельности таких авторов, как Бенедикт Лившиц, Велимир Хлебников, Владимир Маяковский, Александр Блок и др. Литературный секретарь писателя Виктора Платоновича Некрасова. Автор ряда работ о творчестве Давида Бурлюка и Казимира Малевича.

речь? Парнису или почте? Во всяком случае «нет дыма без огня». В следующем письме не поленись мне сообщить, в чём дело? Или ты решил теперь полгода жить в ныне скучном Симферополе и полгода на старом месте в Старом Крыму. А меня ещё укоряет, что я «о себе молчу»! Нет, не молчу, а просто нечего рассказать, так как вот уже два года, как я не путешествую и живу в своём [Черняховске], как в монастыре.

Ты пишешь: «Я ответил на твоё письмо. Ты получил?»

Я не получал от тебя писем с давних времен, т. е. твоё последнее письмо было сообщение, что ты получил мои рукописи воспоминаний о Пете Лукомском. Вот сегодня — первое после длительного молчания. Чтобы не было догадок, пропало письмо или нет, пиши всегда по адресу: Москва, К- 9, до востребования, Ивневу Р. А. Это и короче, и проще, и, главное, вернее.

Сегодняшнее твоё письмо я получил чудом, т. к. оно было буквально запеленовано в газету так, что я легко мог его вырезать и не заметить, а оно могло закатиться за холодильник и замёрзнуть под ним. Или у тебя предрассудок написать «до востребования». Может быть, тебе кажется, что этим способом переписки пользуются только влюблённые или мужья, изменяющие жёнам, и жёны, изменяющие мужьям!

Но главное не в этом. Главное в том, что ты жив, здоров, бодр и полон всяких планов. Я, так же как и ты, полон планов и мечтаю о путешествии. Я тоже поздравляю тебя, как это принято с Новым годом. Хочу, чтобы он принёс тебе только хорошее, а плохое оставил бы в старом. Целую тебя, мой милый друг, желаю в новом году тебе всего самого светлого и хорошего. Твой Ивнев.

Р. С. Ты хорошо сделал, что послал «Воспоминания о Лукомском» в «Радугу». Если их это устроит — они напечатают без всяких моих писем, если нет — письма не помогут. Поэтому я воздержусь от переписки. Думаю, что ты всё-таки согласишься со мной, что так будет лучше.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 67–68]

№ 47

25 января 1965 года, Москва

Дорогой Гри! Давно уже получил твоё письмо и всё никак не мог взяться за перо, чтобы ответить. Как будто нет особенных дел, но, как это ни странно, какие-то неотложные дела (литературные или иные) то и дело выплывают и настойчиво требуют немедленного выполнения.

А потом — усталость и всё, что связано с «преклонным возрастом». А вот сейчас «выкроил» свободную минуту для беседы с тобой. Начну с «воспоминаний о Пете». Я наконец получил письмо из Киева (впрочем, это было сравнительно тоже давно). Они в очень любезной форме написали мне то, что я отгадал. «Воспоминания» их не устраивают, так как в них не «отражён полностью» образ Лукомского как политического деятеля. И это правда. Мои страницы воспоминаний о нём подходят больше для сборника, в котором наряду с другими воспоминаниями было бы уместно вставить, т. к. добавляли бы сведения о нём. А отдельной статьёй их и я не дал бы, если был бы редактором. Я подхожу к этому объективно и не в претензии на них. А тебе я благодарен за то, что ты подтолкнул меня на написание этих воспоминаний, иначе я так бы и не собрался. Самое главное, что они написаны, что они существуют, что написаны, по-моему, так и не иначе.

Теперь насчёт твоего переезда (не получившегося) в Симферополь. В конце концов, может быть, это и к лучшему, что ты не переехал в Симферополь, принимая во внимание всё то, что ты писал о современном Симферополе. Той романтики, которой он был окутан в наше время, в нём и «следа не осталось».

Ты собираешься навестить меня. Если приедешь, то сообщи первым делом, если я буду в это время в [Голицыно], моему другу Георгию Сергеевичу Попову⁵⁰ (Г 5-52-53).

Очень хочется тебя повидать, вспомнить старое и рассказать о новом. А пока что черкни несколько слов о себе, как и что у тебя в Старом Крыму.

У нас весна ещё не чувствуется, хотя она и «не за горами».

Обнимаю тебя, милый мой Гри.

Твой всегда Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 69–70]

№ 48

9 марта 1965 года, Москва

Дорогой Гри!

Получил твою крохотную весточку в ответ на моё короткое послание. Меня изумила метаморфоза «Радуги». Как они могут напечатать «Воспоминания о Петре Лукомском», если они прислали мне единственный экземпляр (напечатанный на машинке)? Этот экземпляр я послал тебе. Пожалуйста, разъясни мне всё это, а потом я напишу тебе более подробное письмо. У нас ещё холода, лежит снег, не думая таять. Единственный признак весны —

⁵⁰ Попов Георгий Сергеевич — московский друг Рюрика Ивнева.

яркое солнце, которое веселит душу и чудесно согревает брненное тело. Жду твоего быстрого ответа на мой вопрос.

Целую тебя. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 71]

№ 49

21 мая 1965 года, Москва

Дорогой Гри!

Получил твоё письмо. Обрадовался, так давненько от тебя не было никаких известий.

Как это чудесно, что наконец реально вспомнили о Пете Лукомском. Могли ли мы думать тогда, когда первый раз приехали в Ялту (гостиница «Россия»), что переулоч Северный, по которому мы, вероятно, не раз проходили, через 46 лет (почти полвека!) станет носить имя Пети!

Что касается писем в горсовет насчёт приведения в должный порядок могилы Пети, то я упорно мочиваю тебя подписаться за меня в твоём письме в горсовет, ибо это надо сделать срочно. А если ты пришлешь мне для подписи составленное тобою письмо, это отнимет много времени.

Впрочем, тебе виднее, как надо это сделать, в случае надобности я всегда подпишу бумагу и в тот же день вышлю тебе авиапочтой.

Если в июльском номере киевского журнала будет действительно опубликовано моё воспоминание о Пете, я буду рад вдвойне и за нас с тобой, и за победу здравого смысла, ибо отклонение статьи из-за её лиричности есть величайшая глупость.

Лирика постепенно вытесняет бюрократию газетных работников.

Целую тебя. Твой Рюрик Ивнев.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 72–73]

№ 50

3 июня 1965 года, Москва

Дорогой Гри!

Сегодня получил твоё письмо и обращение в Ялтинский горсовет по поводу Пети Лукомского.

Сейчас вечер, завтра направлю эту бумагу в Ялту и вышлю тебе копию этого обращения, подписанную мной. Копию машин. воспоминаний о Всеволоде Эмильевиче⁵¹ высылаю тебе на днях заказной бандеролью, у меня несколько экземпляров.

В «Неделе» они страшно понравились заву лит. Наталье Георгиевне Лордкипанидзе⁵², но тут же она добавила, что ей будет трудно добиться утверждения редактором. Я так и не понял, что сие означает. Могу только догадываться. В издательство «Политическая литература» я зайду обязательно (давно собирался по другому поводу, а теперь буду иметь конкретное предложение о книге воспоминаний о Пете). Это хорошая мысль пришла тебе в голову. Пишу коротко, т. к. много всяких дел навалилось на плечи, да и писем огромное количество со всех концов, начиная с Тбилиси, кончая Челябинском и Магаданом. Пишут молодые писатели и, конечно, поэты, и просто друзья «без титулов».

Целую тебя. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 74]

№ 51

4 июня 1965 года, Ленинград

Дорогой Гри!

От гостиницы «Россия» в Ялте, в которой мы прожили с тобой дня три-четыре в 1919 году, до гостиницы «Россия» в Ленинграде, куда я приехал на три дня — путь в четыре с половиною десятилетия.

Дни выдалась солнечные, и город Петра сияет своей несмываемой красотой. Со мной молодой поэт Сергей Суша⁵³, законный наследник Есенина, и П. Веулев⁵⁴. Позже ознакомлю тебя с его замечательными стихами. Сегодня был в Эрмитаже, вчера ездил по городу и был на Чёрной реке — на месте (предполагаемом) дуэли Пушкина.

Завтра в 7 утра на самолёте обратно в Москву. Прилечу — если всё будет благополучно, и пойду в СП узнать и сейчас же напишу тебе.

Целую тебя. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 75–76]

⁵¹ Мейерхольд Всеволод Эмильевич (настоящее имя Карл Казимир Теодор Майергольд (нем. Karl Kasimir Theodor Meyergold) (1874–1940) — выдающийся деятель русской культуры, театральный режиссёр-новатор, актёр и педагог. Р. Ивнев был хорошо знаком с В. Э. Мейерхольдом. Последний оказал ему неоценимую помощь в разгар Гражданской войны. Р. Ивнев в июне 1919 г., в отличие от Г. Петникова и П. Лукомского, эвакуировавшихся вместе с отступающей Красной армией, оказался на захваченном Добровольческой армией Крымском полуострове. В случае поимки белыми, лично секретарю А. В. Луначарского, сотруднику агитационно-пропагандистского отдела РККА, корреспонденту «Известий ВЦИК», несомненно, была уготована печальная участь. Рюрику Ивневу с трудом удалось вырваться из Крыма, попасть в Новороссийск, где ему и помог спастись Всеволод Мейерхольд (Ивнев Рюрик. У подножья Мтацминды. Мемуары, новеллы разных лет, повести. — М.: Сов. писатель, 1973. — С. 89–108; Рюрик Ивнев // Русские поэты XX века. Собрание биографий. — Челябинск, 2001. — С. 182).

⁵² Лордкипанидзе Наталья Георгиевна — заведующая литературным отделом газеты «Неделя».

⁵³ Суша Сергей Михайлович (1937–2010) — поэт, прозаик, литературный редактор. В 1965 г. познакомился с Рюриком Ивневым, был в течение определённого времени секретарём поэта. Р. Ивнев на первых порах видел в Сергее Суше продолжателя есенинских традиций в русской литературе. Посвятил ему стихотворение «Я помню Есенина в Санкт-Петербурге». Впоследствии в их отношениях наступило охлаждение (Ивнев Рюрик. Новые тетради дневников // Крещатик. — 2009. — № 2).

⁵⁴ Веулов (Ваулов П.) (?) — имя не расшифровано.

№ 52

23 июня 1965 года, Москва

Дорогой Гри!

«Вихрь событий» прервал нашу переписку. Я отложил пересылку бумаги в Ялту, т. к. считаю, что необходима поддержка военной секции СП. Куда я и направляюсь после возвращения из Рязани, куда я выезжаю сегодня ночью на четыре дня.

Мне кажется, что наша бумага без поддержки СП провалится в ящике пис. стола горсовета без уважения.

Обнимаю тебя. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 78]

№ 53

30 июня 1965 года, Москва

Дорогой Гри! Вчера приехал из Рязани и сегодня был в Союзе, в «военной комнате». Возглавляет её Симонов⁵⁵, но его, конечно, там никогда не бывает. Сидит там Крючков⁵⁶, которого не застал (он тоже не сидит там), но я взял номер его телефона и, созвонившись с ним, повёз ему «нашу бумагу», чтобы он наложил на ней «визу». Это будет в глазах ялтинских чиновников «солидной». Очевидно, завтра уже смогу написать тебе результат и послать бумагу в Ялту.

Не огорчайся, что вышла такая задержка, но это к лучшему: как я тебе уже писал без «визы» Союза наша бумага провалилась бы в пис. столе «гор. головы» без всякого движения.

Жду от тебя весточки. Боюсь, что ты уже тронулся с места и тебя трудно будет найти.

Целую. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 79]

№ 54

Ночь на 2 июля 1965 года, Москва

Дорогой Гри!

Ездил два раза в «военную комнату» СП, но Крючкова никак не мог поймать. Оставил «нашу бумагу» его соседу по комнате (давнему моему знакомому по Тбилиси, работающему в аппарате СП). Он обещал передать эту бумагу и номер 6 «Радуги», чтобы Крючков наложил «визу». Завтра ночью на два дня еду в Ленинград. В понедельник буду уже в Москве в 8 утра, а в 10 поеду в СП за бумагой. И тогда отправим её в Ялту, а тебе напишу ещё раз.

Целую тебя. Твой Рюрик.

Р. С. Не помню, писал ли тебе, что получил любезное письмо от «Радуги», гонорар и сверх три авторских экземпляра журнала б.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 80]

№ 55

7 июля 1965 года, Москва

Дорогой Гри!

Сегодня, наконец, застал Крючкова (восьмая комната СП). Он взял нашу бумагу в Ялтинский горсовет и сказал, что перешлёт её в Ялту с сопроводительным письмом Союза.

Так что дело сделано. Думаю, что ты одобришь мою затею, ибо теперь оно будет послано не «частным лицом», а солидной организацией.

Целую тебя. Жду весточки.

Твой Ивнев.

Получил ли моё письмо из Ленинграда?

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 81]

№ 56

4 августа 1965 года, Москва

Дорогой Гри!

Завтра отправляю тебе заказной бандеролью мои «Воспоминания о Всеволоде Мейерхольде». Они соприкасаются в одной точке с Евпаторией и Петей Лукомским.

Прочти и сообщи мне своё соображение насчёт возможности их напечатать в «Радуге». Мне самому не хочется им писать т. к. я не уверен, что это может их заинтересовать из-за «территориальной несовпаемости».

Евдокия Николаевна⁵⁷ очень тронута твоими письмами. Я был у неё на днях.

Вот и лето прошло. Я отдыхал два раза. Один — после поездки в Рязань, а другой после поездки в Ленинград. Разумеется, отдохнул дома.

Напиши, какие у тебя планы.

Пишу тебе и думаю — а вдруг тебя уже нет в Крыму.

Но не в силах ли вы узнать, наведя справку в ялт. горсовете, получили ли они «нашу бумагу» с визой (военн. секции) СП.

Целую тебя. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 82]

№ 57

21 августа 1965 года, Москва

Дорогой Гри!

Меня беспокоит твоё молчание. Уже прошло дней 10, как я послал тебе заказной бандеролью мои «Воспоминания о Мейерхольде». Неужели ты уехал из Старого Крыма с каким-нибудь путешествием? Пожалуйста, сообщи поскорее, чем вызвано твоё молчание. Жду весточки.

Целую тебя. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 83]

⁵⁵ Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915–1979) — выдающийся советский писатель, поэт, драматург, сценарист, журналист, общественный деятель.

⁵⁶ Крючков — личность не установлена.

⁵⁷ Евдокия Николаевна — близкая московская знакомая Рюрика Ивнева и Григория Петникова.

№ 58

23 декабря 1965 года, Москва

Дорогой Гри!

Спасибо за весточку. Рад, что страницы [неразборчиво] всколыхнули твои воспоминания.

Всё это время я был очень занят, ибо книги совпали с юбилеем Есенина и вечерами памяти Блока. Хотя я и не люблю публичные выступления (теперь, а прежде любил), но иногда отказаться невозможно, поэтому вместо обычного «монастырского покоя» я «вкушал» (наперекор моему желанию) «суету сует» выступлений и всё, что с этим связано. Надеюсь, что скоро всё войдёт в свои берега и я смогу проводить время так, как хочу, а не так, как требуют обстоятельства и обязанности.

Не собираешься ли в Москву? Ты очень долго не был здесь. Я мечтаю о дне, когда смогу снова начать то, с чего начал, т. е. с путешествия. Меня зовёт дорога во многие города, в которых я ещё не бывал: Челябинск, Магадан, Душанбе и др. Не знаю, хватит ли только физических сил.

Пользуюсь случаем, чтобы поздравить тебя с Новым годом и пожелать всего возможного в нашем возрасте удовольствия, т. е. покоя и блаженства воспоминаний, накопившихся в копилке нашей памяти.

Целую тебя. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 84]

№ 59

6 января 1966 года, Москва

Дорогой Гри!

Большое спасибо за письмо и «Приложение» к нему: поздравляю тебя с Новым годом, в котором есть признаки и моей книжки. Было бы естественно, если бы оно не доставило мне удовольствие. Так создан человек, что похвала его радует, а ругань — бесит, хотя иногда (даже довольно часто) ругань приносит большие пользы, чем похвала (и в прямом, и в переносном смысле этого слова).

После долгих колебаний, вызванных отвержением ко всяким домам отдыха или как там их ни называй, я всё же зафиксировал сегодня март месяц (если буду жив и здоров), вернее, забронировал за собой «место» в Малеевке. На месяц хочу оторваться от Москвы. В Малеевке я был в 1960 году. Условия жизни там очень хорошие, за исключением риска оказаться за столом рядом с кем-нибудь не совсем тебе приятным [неразборчиво]. Но это, конечно, исправимо, можно всегда [неразборчиво]. Вот было бы чудесно, если бы ты рискнул тоже, приехал в Москву и взял путёвку в Малеевку. Зная тебя, чувствую, что это почти немислимо, но всё же «рискну» сделать тебе это предложение.

Целую тебя. Твой Рюрик.

Черкни всё же, как тымотришь на моё «рискованное» предложение.

Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 85–86]

№ 60

Ночь на 21 марта 1966 года, Москва

Дорогой Гри!

Большое спасибо за весточки, за поздравление с «датой» и за тёплое дыхание твоих почтенных лепестков. «Дар» Литфонда — путёвку в Малеевку — я отложил на месяц, т. е. хочу поехать туда с 15 апреля, а они «преподнесли с 15 марта».

Я ещё не уверен, что и 15.IV поеду — слишком много разных планов и дел.

На днях прилетел гость из Тбилиси и просил приехать к ним в деревню, в которой я гостил в 1962-м.

Здесь всё по-старому, никаких особенных новостей, да и, правда, я не слишком общителен.

Даже у Евд. Никитиной, ни слова по друзьям и взаимной симпатии, бываю раз в шесть месяцев. Устаю от знакомых и малознакомых людей, которыми она бывает часто окружена.

Какие у тебя планы на весну и лето? Не состыкуются ли хотя бы на день линии наших скитаний по свету? Я уверен, что ты уже наметил какие-нибудь поездки.

Так хотелось бы встретиться с тобой и предаться воспоминаниям о годах, прочно связавших нас и принеших нам столько радости и волнений.

Недавно получил из краеведческого музея Алушты, вернее от учениц школы, которые собирают материал для существующего или будущего (в письме неясно) краеведческого музея. Интересуются Петей Лукомским и тобой. Я пошлю им известное тебе фото.

Сейчас ночь. Пора спать. Покойной ночи, если в данный момент ты тоже собираешься спать.

Обнимаю тебя.

Жду весточки. Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 87–88]

№ 61

25 февраля 1967 года, Москва

Дорогой Гри!

Большое спасибо за весточку. Годы проходят, а дружба остаётся и крепнет, несмотря на долгую разлуку. И в памяти, как в картинной галерее, ярко горят краски дорогих лиц, имён, дат, морских волн, и евпаторийского песка, и образ нашего Пети Лукомского, и алые ялтинские розы. Те годы прошли, но для нас они продолжают жить и солнце для них не заходит.

Целую тебя. Твой Рюрик Ивнев.
P. S. Где будешь весной и летом?

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 90]

№ 62

31 августа 1967 года, Москва
Дорогой мой Гри!

Целую вечность не имел от тебя вестей. Надеюсь, что моё письмо застанет тебя дома.

Не поленись биографии Пети Лукомского.

В альманахе «Подвиг» (издательство «Молодая гвардия») очень хотят дать о нём статью. Я показывал им «Радугу», их это заинтересовало, но им хочется больше сведений о деятельности Пети в армии. Можешь написать сам, и это будет добавление к моим воспоминаниям, и тогда они смогут дать наши две статьи рядом. А можешь прямо приложить свои материалы в издательство. Адрес: Москва, Сущёвская улица, 21, издательство «Молодая гвардия», редакция альманаха «Подвиг», Евгению Пахомовичу Мариинскому⁵⁸. Кстати, он обаятельный человек, немного напоминающий Петю. Очень милый и скромный. Герой Советского Союза, был лётчик, сбил 20 вражеских самолётов, ранен в голову. Пуля попала в лоб и вышла с другой стороны головы, между двумя полушариями мозга. Это чудом спасло ему жизнь.

Напиши о себе. Это преступно так долго молчать.

Целую тебя, мой милый Гри!

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 91]

№ 63

15 ноября 1967 года, Москва
Дорогой Гри!

Спасибо за весточку и поздравление с великими днями, свидетелями которых нам посчастливилось быть. Полстолетия промелькнули как сон. И верится и не верится, что всё это было явно. А сколько чудесных часов было у нас с тобой, а Петя Лукомский, который для нас не умирал, а всегда с нами. А путешествие в Евпаторию, когда ты перекупался и удрал в тот же день в Симферополь.

Я был летом в Риге. Восхищался древним городом.

Потом поехал в Сочи, а теперь встречаю первый снег в Москве.

Целую тебя и желаю всего самого светлого.

Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 93]

№ 64

24 ноября 1967 года, Москва

Дорогой Гри! Это письмо я по ошибке вложил в конверт, адресованный в Ригу. И сегодня получил обратно от русского приятеля. И вот теперь посылаю его снова.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 94]

№ 65

24 февраля 1968 года, Москва

Дорогой Гри!

Большое спасибо за самый лучший подарок ко дню моего рождения (совпадающего с днём Красной Армии) — твою чудесную книгу стихов, в которой горит неугасимый свет более чем полстолетия.

Я не умею писать критических статей, а если бы умел, то написал бы как о творении одного из самых оригинальных и талантливых поэтов нашей эпохи. Радуюсь каждой твоей строчке, каждому смелому обороту, каждому тёплому дыханию. Оно пронизывает, как луч солнца, всю твою книгу.

Радуюсь творческому расцвету каждого поэта, а поэта, горячо любимого мной, тем более.

Как хорошо, когда на расстоянии чувствуешь биение сердца друга, так, как будто он рядом.

Целую тебя и поздравляю с днём нашей, вдвойне нам родной Армии, и с выходом в свет твоей прекрасной книги. Целую тебя.

Твой всегда и везде.

Рюрик Ивнев.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 95–96]

№ 66

11 июня 1968 года, Москва

Дорогой Гри!

Каждый раз при получении твоих весточек я испытываю какую-то особенную радость. Анализировать её не берусь, но тут всё — и нестареющая любовь, и кипа воспоминаний, связанных с тобой, с морем, с молодостью, с Петей Лукомским и с твоими стихами.

Я ещё в Москве. Окутал себя проволоками всяких дел, и реальными, и типа мыльных пузырей, и хочу разорвать эти путы, но они оказались сильнее меня. Фокусы с тиражами мне хорошо знакомы, поэтому я не был удивлён, читая твои строки об этом.

Недавно мне привезли из Хабаровска интересную книгу «Антология поэзии Дальнего Востока». Опубликованы в ней стихи (с 1917) тех поэтов, которые жили на Дальнем Востоке или побывали там и напи-

⁵⁸ **Маринский Евгений Пахомович** (1923–1993) — советский лётчик-истребитель, Герой Советского Союза. В 1961 г. окончил факультет журналистики Московского государственного университета. В 1961–1980 гг. работал в издательстве «Молодая гвардия», редактировал альманах «Подвиг». Автор ряда книг о Военно-воздушных силах СССР в годы Великой Отечественной войны.

сали о Дальнем Востоке. В антологии стихи Асеева, Третьякова⁵⁹, Павла Васильева⁶⁰ и многих других, менее известных или совсем неизвестных. Но среди последних есть стихи, не уступающие Асееву. И эта интереснейшая антология издана тиражом в (!) 15 тысяч. И что удивительнее всего, что в Москву она вообще не была прислана (это я узнал в Главиздате). А некоторые книги издаются настолько завышенными тиражами, что их приходится сдавать как макулатуру на «перемол».

Не буду портить настроение ни тебе, ни себе.

Лучше смотреть в окно на подрагивающие от ветра ветви деревьев и строить планы поездок. Конечно, я мечтаю приехать к тебе в Старый Крым, но это не так просто, как в 1919 году, когда мы летали, как птицы. Наши крылья опутаны сейчас годами и привычками, которые стали «второй натурой».

Целую тебя, мой дорогой Гри, и желаю тебе быть таким же юным душой, каким я тебя всегда чувствую.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 98]

№ 67

13 июня 1969 года, Москва

Дорогой Гри!

Сейчас прочёл в «Литературной России» твои прекрасные трёхстишия, — и стало на душе тепло. Обнимаю тебя. Твой всегда. Рюрик Ивнев.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 100]

№ 68

8 сентября 1969 года, Москва

Дорогой Гри!

Получил твою крохотную весточку. Этим летом моё путешествие ограничилось автомобильным

рейсом Москва — Черняховский — Москва — Измайлов и обратно.

В Измайлове очень хорошо. Не верится, что это всё уже город. Не хуже, чем где-нибудь «настоящему» под Москвой.

Как только книга появится, конечно, пришлю тебе сразу. Пока был только сигнальный экземпляр. Обнимаю тебя, милый мой Гри.

Твой всегда Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 103]

№ 69

23 октября 1969 года

Дорогой Гри!

Вышло так, что я мог уехать из Москвы недели на две, и я собрался в Феодосию с тем, чтобы наезжать к тебе в Старый Крым. А перед этим послал тебе телеграмму, не уверенный в том, что в Старом Крыму легко и просто достать номер гостиницы, как это было в те времена, когда мы останавливались в Ялте в гостинице «Россия» (и даже меняли номер с видом на море, потому что тебя раздражал морской прибой).

Накануне отъезда в Феодосию мне позвонили из издательства по делу, которое было так сказать неотложно, и я остался в Москве, а когда дело закончилось, было уже поздно ехать. Вот и получилась такая «заваруха». А я уже мечтал, как мы будем с тобой беседовать и читать стихи. Но мечта разлетелась, как это и полагается «по штату» мечтам.

Остаётся читать твои стихи одному и наслаждаться твоим проверенным временем мастерством и обаятельной тонкости воспевания всего живого и радостного.

⁵⁹ Третьяков Сергей Михайлович (1892–1937) — русский поэт, публицист, драматург, сценарист. По мнению Валерия Брюсова (1922), входил в четвёрку писателей (наряду с В. Маяковским, Б. Пастернаком и Н. Асеевым), которые находятся «в центре футуризма». В начале творческого пути печатался в альманахах группы «Мезонин поэзии». В 1919–1922 гг. жил и работал во Владивостоке, Пекине, Харбине, Чите. Участник Гражданской войны. Во Владивостоке в это же время проживали Николай Асеев, Давид Бурлюк, Венедикт Март и другие поэты. В 1919 г. здесь была издана книга Сергея Третьякова «Железная пауза». В 1921 г. вслед за Н. Асеевым С. Третьяков переехал в Читу, где два поэта организовали группу «Творчество». В Чите изданы сборники Третьякова «Ясныш» и «Путёвка». В 1922 г. вернулся в Москву. В 1937 г. репрессирован.

⁶⁰ Васильев Павел Николаевич (1910–1937) — один из талантливейших русских советских поэтов 1930-х гг. Рюрик Ивнев сыграл особую роль в судьбе П. Васильева, встретившись с ним в сентябре 1926 г. во Владивостоке. Он и Лев Повицкий (1885–1974), который, кстати, был одним из ближайших друзей С. Есенина — поэт посвятил ему стихотворение «Старинный друг...» (1924) — организовали первое публичное выступление 17-летнего Павла Васильева. После знакомства с П. Васильевым и его поэзией Рюрик Ивнев произнёс известные слова: «Нет, понял я, не умрёт русская удаля, русская стать, русская храбрость слова, за Сергеем Есениным Павел идёт, Павел пришёл, невероятно талантливый, чуть на него похожий, только резче, объёмнее, размашистее — от моря до моря!» Здесь же, во Владивостоке, Рюрик Ивнев написал акrostих «Павлу Васильеву» (1926), в котором есть следующие слова: «Я блеск Есенина отметил // Ляную голову храни // Её не отдавай ты даром...» Ответным явилось стихотворение «Рюрику Ивневу» (1926), где молодой поэт уверяет своего наставника: «Я не склоню мятежной головы, И даром не отдам ляную!» Между двумя поэтами существовали тёплые дружеские отношения, отразившиеся в их переписке. В конце 1928 г. П. Васильев с рекомендацией Рюрика Ивнева приехал в Москву и поступил в Высший литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова.

Репрессирован и расстрелян в Лефортовской тюрьме 16 июля 1937 г.

Впоследствии Рюрик Ивнев в своей поэзии будет возвращаться к образу этого чрезвычайно талантливого поэта, не дожившего до 27-летия: «Памяти Павла Васильева» (1961), «Я помню Есенина в Санкт-Петербурге» (1965).

Каждая строчка твоих стихов мне что-то говорит особенное [неразборчиво], что она говорит другим.

В этом есть своя прелесть сознавать, что автор не просто автор, а твой собственный, родной и близкий.

*И дикой заброшенной просекой
Вдруг вспыхнет не позабытое,
В огне не сгорая, ни в пламени.*

Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 105–106]

№ 70

29 декабря 1969 года, Москва
Дорогой Гри!

Пусть семидесятый год принесет тебе исполнение твоих желаний, ибо я уверен, что все твои такие же светлые и добрые, как ты сам, мой милый и любимый поэт.

Грустно, что не удалось обнять тебя дважды: в Феодосии и в Старом Крыму.

Кстати, если бронирование номера в гостинице причинило тебе ущерб, прошу не стесняться, а написать мне, и я тебе вышлю почтой. Пусть это пустяк, но [неразборчиво]. Моему другу Сергею Суше, державшему пари, что я не выеду из Москвы, я проиграл бутылку коньяка. Он пьет коньяк, а я, как антиалкоголик, Боржом.

Обнимаю тебя, мечтаю о встрече.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 108]

№ 71

15 января 1970 года, Москва
Дорогой Гри!

Спешу ответить тебе на твой вопрос об альбомах. Единственный совет, который я могу тебе дать — посылай только копии, как фото, так и других материалов.

В принципе эта «затяя» благородная и интересная для довольно большого круга людей. Но «рывком» этого никак не сделать, ибо суэта всегда бесполезна и весьма утомительна к тому же!

Если в дальнейшем у тебя возникнут какие-нибудь вопросы по этому поводу, напиши, и я, конечно, незамедлительно отвечу.

Повторить наш маршрут 1919 года очень соблазнительно в 1970 году. От этого и теперь у меня кружится голова, как будто я смотрю с Ай-Петри. Тут появляются бесконечные шеренги «но» и «если». Помогает устоять на ногах римское изречение: пока живу — надеюсь.

Целую тебя, мой милый Гри, — каждый раз испытываю радость, когда получаю от тебя весточку.

Твой Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 109]

№ 72

3 марта 1970 года, Москва
Дорогой Гри!

Получил твою весточку из памятного нам Симферополя. В этот же день Голубовский⁶¹ прислал из Одессы «Искру», в которой мы с тобой возведены в сан «Патриархов».

Это второе совпадение. Первое — в «Литгазете», ещё до «Искры» встретились мы с тобой вместе сорвавшейся недавно встречи в Феодосии на страницах «Литгаз».

Всё это время было много всяких нужных и ненужных дел и вот только сегодня могу послать тебе эти строчки.

Надеюсь всё же на реальную встречу.

Обнимаю тебя, мой милый Гри, и желаю всего самого доброго и светлого.

Твой всегда Рюрик Ивнев.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 110]

№ 73

17 июня 1970 года, Москва
Дорогой Гри!

Хотя и с трудом, но всё же разобрал твои каракули. Рад был получить от тебя весточку. Все это время я только собирался уехать на отдых то в Душанбе, то в Феодосию.

А теперь собирался в Литву в чудесный (как говорят, бывшие там) уголок Друскининкай. Но думаю его «ждёт участь» Феодосии. Но будем надеяться, что осенью всё же удастся встретиться. Жара у нас адская! Правда, это меня мало огорчает, ибо я закалён солнцепеком Баку и Тбилиси.

С Виктором Перцовым говорили о тебе при нашем свидании очень тепло. Он два раза ложился в больницу, как он выражался «на ремонт». Я его не видел недели три, но до этого, когда приезжал к нему на дачу, он чувствовал себя довольно хорошо.

Целую тебя, мой милый Гри, и желаю, чтобы твои хворости испарились и исчезли бы.

Так ярко и выпукло вижу тебя здоровым, что не могу представить тебя болеющим.

Твой всегда Рюрик Ивнев.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 111–112]

⁶¹ Голубовский Евгений Михайлович (р. 1936) — одесский журналист, литератор, вице-президент Всемирного клуба одесситов.

№ 734

27 августа 1970 года, Москва

Дорогой Гри!

Никак не мог написать раньше, т. к. снова и снова «вихри дел», которые большей частью превращаются в «мыльные пузыри». Но как узнать заранее, что во что обратится!

Вчера сдал в рукописный отдел библиотеки им. Ленина нашу карточку: ты, Петя Лукомский, я и (как ты мне назвал фамилию 4-го — Авксентьев⁶²). Пожалуйста, напиши как можно скорей — верно ли я назвал фамилию и хотя бы кратчайшие сведения о нём. Это дополнение я занесу в от.[дел] рукописей (там, как тебе известно, собирают, кроме рукописей, и фотографии, имеющие отношение к тем, кто даёт материал).

Целую тебя.

Твой всегда Рюрик.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 113]

№ 75

21 сентября 1970 года, Москва

Дорогой мой Гри!

Почему ты молчишь насчёт 4-го на карточке, т. е. Арсеньев. Библиотека им. Ленина (отдел рукописей и фото) ждёт твоего ответа. И я жду, и целую тебя. Твой Рюрик Ивнев.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 114]

№ 76

[Б. д.]

Дорогой Гри!

Пусть Новый год принесёт тебе все самое лучшее и светлое из того, что он привык приносить людям нашего почтенного возраста. А для меня ты так же молод, как в парке Симферополя и на берегу моря в Евпатории.

И эту молодость никто не в силах отнять у нас.

Целую. Твой всегда Рюрик Ивнев.

[ЦГАМЛИУ, ф. 440, оп. 1, д. 183, л. 115]

⁶² Авксентьев-Арсентьев (?) — личность не установлена.

Военная история Крыма

К 285-летию со дня рождения А. В. Суворова

В. И. Павленков, Н. В. Павленкова

Великий русский полководец в Крыму

Близится 285-я годовщина со дня рождения великого полководца Александра Васильевича Суворова. Более пятидесяти лет отдал он русской армии. В семи войнах и двадцати боевых походах им было выиграно около шестидесяти сражений, в сражениях и походах было взято в качестве трофеев 609 боевых знамён, 2670 пушек, 107 морских и речных судов и 50 тысяч пленных. Он вошёл в мировую историю как непобедимый и никем не превзойденный полководец. Как военный мыслитель, он оставил огромное теоретическое наследие, обогатил все области военного дела новыми выводами и положениями. А. В. Суворов разработал и применил в полководческой деятельности наиболее совершенные для своего времени формы и способы ведения военных действий.

С деятельностью А. В. Суворова связано одно из самых важных событий в истории Крымского полуострова — присоединение к России. На протяжении многих столетий Русская держава не имела открытого постоянного выхода к морям Атлантического бассейна: к Балтийскому — свыше 800 лет, к Чёрному — почти 900 лет. Турецкое владычество на Чёрном и Азовском морях препятствовало развитию экономических связей России и Европы. Османский контроль в устьях главных рек — Дона, Днепра, Буга и др. — превратил Чёрное море в закрытое «озеро» с безраздельным господством на нём турецкого флота. Русская держава была оторвана от морского побережья и устьев своих рек. Турецкое владычество резко задерживало развитие южнорусских земель. России необходим был выход к морям. В решении этой исторической задачи А. В. Суворов внёс огромный вклад.

Не менее пятнадцати лет служба А. В. Суворова — боевая и в мирное время — проходила в южных областях: на Дунае, Кубани, на вновь присоединённых землях Новороссии и в Крыму. В двух русско-турецких войнах ярко проявился его полководческий гений. Победа А. В. Суворова при Козлуджи в 1774 году заставила Турцию заключить с Россией Кучук-Кайнарджийский мир. Многогранная деятельность А. В. Суворова в Крыму и на Кубани в 1776–1783 годах привела к включению этих областей в состав России. Новые победы А. В. Суворова в Русско-турецкой войне 1787–1791 годов вынудили Турцию по Ясскому миру подтвердить условия Кучук-Кайнарджийского договора и признать вхождение Крыма в состав России.

Уже при жизни А. В. Суворов получил общеевропейское признание как великий полководец. Слава его гремела от России до берегов Англии. Восторженное отношение современников к герою, не знавшему поражений, выразил поэт Г. Р. Державин:

Но он из младости спешил
Ко доблести простерть лишь длани;
Куда ни послан был на брани, —
Пришёл, увидел, победил...

Заслуги А. В. Суворова перед Родиной неопределимы, и большинство крымчан чтят и помнят великого русского полководца.

Предлагаемая работа не ставит целью исследование вопросов геополитики России, Крыма, Турции и других стран. В ней рассмотрена в первую очередь конкретная практическая сторона деятельности А. В. Суворова в Крыму и, в частности, в городе

Гёзлёве — Козлове (Евпатории). В работе рассмотрены как общеизвестные факты и события, так и незаслуженно забытые и не использованные в краеведческой литературе, в том числе опубликованные в 1950–1980-х годах письма А. В. Суворова.

Глава I

Первое назначение А. В. Суворова в Крым (ноябрь 1776 — июнь 1777 гг.)

Восемнадцатый век был периодом решающих схваток России с Османской империей и её вассалом Крымским ханством в борьбе за ликвидацию многовековой опасности татарских набегов и турецкой агрессии, в борьбе за выход к Чёрному морю. С момента воссоединения Украины с Россией в 1654 году Крымское ханство могло либо остаться под властью Османской Порты, либо попасть под власть России. Другой исторической альтернативы не было [19, с. 46–57].

Столкновения первой половины XVIII века — Азовские и Прутский походы Петра Великого и особенно походы Миниха и Ласси 1736–1737 годов — подтвердили нарастающее военно-экономическое ослабление Османской империи и Крымского ханства, а следовательно, и возможность решения исторических задач, стоявших перед Россией на Юге.

Основные события на этом направлении развернулись во второй половине XVIII века. В 1768 году Османская Порта, подталкиваемая Австрией, Англией и Францией, объявила войну России. Боевые действия велись на трёх фронтах: на Дунае, в Закавказье и в Крыму. В 1771 году 2-я русская армия под командованием князя В. М. Долгорукова заняла Крым.

После полного поражения Турции между воюющими странами 10 (21) июля 1774 года в деревушке Кучук-Кайнарджи (на территории современной Румынии) был подписан мирный договор. Согласно договору, Крымское ханство было объявлено независимым государством, что явилось сильнейшим ударом для Стамбула. Во владения России передавались турецкие крепости Керчь и Еникале в Крыму, Кинбурн, Тамань и Кабарда. Русским торговым судам была предоставлена возможность свободного плавания по Чёрному морю и свободный проход через черноморские проливы в Средиземное море. Кучук-Кайнарджийский мир превратил Россию в черноморскую державу. Однако говорить о фактическом переходе Крыма под протекторат России после договора вряд ли уместно. Россия получила эффективные инструменты воздействия на крымскую политику: во-первых, крымские города (Керчь и Еникале); во-вторых, новые государственные границы, благодаря которым Крым оказался с трёх сторон окружённым русскими землями; в-третьих, возрастающее могущество России [19, с. 59].

После Русско-турецкой войны 1768–1774 годов резко обострилась политическая борьба внутри Крымского ханства и вокруг него. В апреле 1775 года, согласно Кучук-Кайнарджийскому миру, русские войска были выведены из Крыма, после чего Османская Порта, воспользовавшись религиозной зависимостью крымских татар от турецкого султана — «халифа всех правоверных», убрала с крымского престола хана Сагиб-Гирея. Он был заменён угодным Стамбулу Девлет-Гиреем, и это явилось прямым нарушением Кучук-Кайнарджийского мира Турцией. Русское правительство не смирилось с такой переменной и выдвинуло в ханы Шагин-Гирея, занимавшего ранее пост кагги — султана (старшего военачальника) при смещённом Сагиб-Гирее.

Шагин-Гирей в 1771–1771 годах представлял Крымское ханство на переговорах в Петербурге и стал близок ко двору Екатерины II — с того времени он ориентировался на Россию [28, с. 9–13]. В 1775 году Шагин-Гирей был переправлен на Кубань, являвшуюся частью Крымского ханства. Таким образом, в ханстве одновременно находились два враждебных друг другу правителя. У обоих ханов нашлись многочисленные приверженцы, между которыми шла непрерывная борьба. Мусульманское духовенство в основном поддерживало протурецки настроенного Девлет-Гирея.

В 1776 году турки активизировали свою деятельность в Крыму. В районе Кафы они высадили около 10 тысяч янычар для помощи Девлет-Гирею. Кучук-Кайнарджийский мир вновь был нарушен, возникла реальная угроза подчинения ханства Турции.

Россия развернула сложную дипломатическую борьбу за Крым, одновременно стремясь не начинать новой войны с Турцией. Князь Г. А. Потёмкин выдвинул план перемещения Шагин-Гирея с Кубани в Крым для признания его крымскими беями законным ханом. Также было решено ввести русские войска на полуостров, но не под видом помощи Шагин-Гирею, что могло вызвать войну, а по «другим» мотивам. Непосредственным поводом для исполнения плана Г. А. Потёмкина явилось убийство русского казака, ехавшего с дипломатической почтой. И тем более возможным стало введение русских войск после неоднократных нарушений турками условий Кучук-Кайнарджийского мира.

Наместником Екатерины II на землях Новороссии, приобретённых после 1774 года, являлся князь Григорий Александрович Потёмкин; всеми войсками, расположенными на этой территории, командовал граф Пётр Александрович Румянцев. Генерал-поручик князь А. А. Прозоровский был назначен командующим войсками, вводимыми в Крым. Он разработал детальный план размещения войск в Крыму. Свою ставку князь намеревался устроить в Гёзлёве.

В октябре 1776 года 25-тысячный русский корпус двинулся с Днепра к Перекопу. По решению фельдмаршала П. А. Румянцева командование войск князя А. А. Прозоровского было вскоре укреплено переводом из Москвы выдвигавшегося в то время на первый план талантливого военачальника генерал-поручика А. В. Суворова, назначенного заместителем командующего.

Александр Васильевич Суворов родился в Москве 13 (24) ноября 1730 года в старинной дворянской семье. Предки его, как отмечает он в «Автобиографии», ещё в XVII веке награждались за крымские и иные походы [2, с. 47]. Главнейшую роль в определении А. В. Суворова к воинской службе сыграл давний друг его отца «арап Петра Великого» генерал Ганнибал — именно он посоветовал Василию Ивановичу Суворову не противодействовать стремлениям мальчика к военному поприщу. Послужной формуляр Александра был начат в 1742 году, когда он был записан рядовым лейб-гвардии Семёновского полка, однако поступил он туда только через три года. С 1748 года начинается действительная служба его в русской армии, где он прошёл путь от солдата до генералиссимуса. Солдатскую лямку Суворов тянул почти десять лет (с 1745 г. по 15 апреля 1754 г.) [37, с. 100].

«Суворов открыл в русских солдатах драгоценнейшие качества души и так искренне полюбил их, так душевно привязался к ним, что во всю жизнь остался верен солдатскому режиму, который он, именно во имя полного и органического единения с войском и слияния с ним, прямо-таки впитал в плоть и кровь свою. Вот почему Суворов-капрал и Суворов — непобедимый генералиссимус всё-таки оставался одним и тем же солдатом, так как ему всегда одинаково были близки и дороги солдатские интересы, тяготы, скорби и нужды» [37, с. 101].

Самостоятельную боевую деятельность А. В. Суворов начал сравнительно поздно — на четвёртом десятке лет жизни, в 1761 году, во время Семилетней войны с Пруссией, в звании подполковника.

Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов Суворов сначала находился в Польше, ведя борьбу с польскими конфедератами в период воссоединения Белоруссии с Россией, затем был направлен на дунайский театр военных действий в армию П. А. Румянцева, где проявил своё мастерство в боях при Туртукае, Гирсово, Козлуджи. Разгром турецкой армии при Козлуджи заставил Оттоманскую Порту просить мира. По случаю Кучук-Кайнарджийского мира он был удостоен шпаги с алмазами [6, с. 8]. А за одержанные победы А. В. Суворов был награждён Георгиевским крестом II степени и произведён в генерал-поручики.

В ноябре 1776 года генерал-поручик А. В. Суворов получил предписание князя Г. А. Потёмкина

срочно выехать в Крым. Войска князя А. А. Прозоровского 22–23 ноября заняли покинутый Ор-Капу (крепость Перекоп). Громада русских войск остановилась на пороге Крыма. Из Перекопа А. А. Прозоровский разослал по всему полуострову манифест с разъяснением цели появления русских войск. Одновременно он повёл переговоры с Шагин-Гиреем о переезде хана в Крым. По плану А. А. Прозоровского Шагин-Гирей должен был проследовать в сопровождении отряда на Перекоп, после чего русские войска должны были тронуться с места и войти в Крым. Местом пребывания Шагин-Гирея, как и своей ставки, А. А. Прозоровский назначил Гёзлёв. Но Шагин-Гирей выжидал признания его законным ханом крымскими беями и крайне опасался переезжать в Крым до продвижения русских войск вглубь полуострова. «Перекопское сидение» князя А. А. Прозоровского затянулось до марта 1777 года.

Он назначил А. В. Суворова командующим передовым отрядом южнее Перекопа. Таким образом, первым в Крым вошёл А. В. Суворов.

В феврале 1777 года Шагин-Гирей решил покинуть Кубань и появиться в Крыму, в Ени-Кале. Он вознамерился двинуться в Бахчисарай и, вытолкнув Девлет-Гирея, занять ханский престол. Путь его лежал из Восточного Крыма через земли враждебно настроенных беев и мимо Кафы, где стоял десяти тысячный гарнизон султана. Свои непосредственные обязанности по обеспечению безопасности передвижения Шагин-Гирея князь Прозоровский переложил именно на Суворова.

Шагин-Гирей в сопровождении небольшого русского отряда отбыл из Ени-Кале. 4 марта от Перекопа к крепости Арабат отправился А. В. Суворов во главе двух пехотных, гусарского и казачьего полков, гренадёрского батальона, имея четыре пушки. Перед походом командование русских войск издало приказ об отношении к местному населению. В приказе войскам обязывалось *«от суровостей воздержаться, населению никаких обид не чинить, а показывать всяческую ласку. А брать же у них всё за деньги... и платить тут же на месте»* [8, с. 404–405, № 155].

В районе Карасубазара (Белогорск) отряд Суворова обнаружил крупные силы татарской конницы, приведённой сторонниками Девлет-Гирея, но, совершив стремительный манёвр, окружил противника. Спасаясь от окружения, сторонники Девлет-Гирея бежали в горы. Турецкие войска, расположенные в районе Кафы, не отважились выступить против русских. Не вступая в сражения, Суворов расчистил Шагин-Гирею дорогу к ханской власти.

22 марта 1777 года в лагерь А. В. Суворова на реке Салгир прибыл Шагин-Гирей, а несколько ранее сюда перебрался и князь. В это время в Бахчисарае воцарилась паника — военное и политическое

поражение Девлет-Гирея стало явью. Татарские беи и мурзы 29 марта сместили Девлет-Гирея и признали ханом Шагин-Гирея. Девлет-Гирей бежал в Стамбул. После возведения на ханский престол Шагин-Гирей и беи официально обратились к царскому правительству с просьбой об оставлении русских войск в Крыму и об оказании помощи в установлении порядка на полуострове.

В ответ на просьбу Шагин-Гирея российские войска были введены в основные населённые пункты Крыма. Турецкий гарнизон Кафы покинул город. В «Журнале князя А. А. Прозоровского о происшествиях в Крыму с 13-го по 22-е марта 1777 г.» сделана запись: «22-го числа дал я повеление полковнику Коллюпанову, чтобы он при надёжном и исправном штаб-офицере отрядил две роты пехотных и эскадрон-пикинер в Козлов, для занятия посту в сём городе» [8, с. 475, № 168].

Пятого апреля Шагин-Гирей въехал в Бахчисарай, где расположился штаб А. А. Прозоровского. А. В. Суворов остался на реке Салгир, у деревни Ак-Мечеть (ныне город Симферополь). Здесь он построил полевые укрепления (в районе современного парка Победы и гостиницы «Украина»). Под контролем Суворова находились предгорные и горные районы Крыма, где скрывались протурецки настроенные вооружённые отряды татарской знати. Именно в это время полководцу пришлось впервые в своей военной практике действовать в горах. Энергичными действиями, не прибегая к насилию, ему удалось изолировать противника.

Над Крымским ханством был установлен российский протекторат. Оно было превращено в буферное государство, прикрывавшее южные владения России от Османской империи [35, с. 169].

В Крыму на некоторое время установился относительный порядок, и А. В. Суворов обратился к А. А. Прозоровскому с просьбой об отпуске. В конце июня 1777 года Суворов покинул Крым и выехал в Полтаву на лечение [32, с. 32].

Глава II

Новая миссия А. В. Суворова в Крыму. Апрель 1778 — июль 1779 года

Вскоре после отъезда Александра Васильевича, в августе 1777 года, в Крыму вспыхнуло восстание против Шагин-Гирея. Руководители восстания послали ультиматум князю Прозоровскому с требованием ухода русских войск с полуострова. Из Турции на полуостров прибыл один из бывших ханов — Селим-Гирей. Одновременно из Стамбула к Крымским берегам были направлены восемь военных кораблей «для ободрения крымских бунтовщиков» [9, с. 23]. Эти корабли стали в Ахтиярской (Севастопольской)

бухте. Турецкий султан потребовал от мусульман Крыма «всеми мерами стараться истребить» Шагин-Гирея [9, с. 22]. В октябре 1777 года противники Шагин-Гирея препятствовали смене русских пикетов на Тарханском Куте и в деревне Сербулат (ныне село Портовое Раздольненского района). Прозоровский в рапорте П. А. Румянцеву писал, что «с султаном младшим, Селим-Гиреевым сыном, отряжена часть войск их, против г. генерал-майора Райзера к стороне Козлова» [8, с. 858, № 252]. В Северо-Западном Крыму ожидалась высадка десанта из турецкой крепости Очаков [8, с. 852, № 248]. Вновь возникла угроза установления турецкого господства над Крымским ханством.

Командующий русскими войсками в Крыму Прозоровский оказался неспособным предотвратить дальнейшее развитие восстания и пустил дело на самотек.

В разгар этих событий русское высшее командование остро ощутило необходимость присутствия А. В. Суворова в войсках. В ноябре 1777 года он был отозван из Полтавы и после встречи с Румянцевым получил направление на Кубань, куда перекинулось восстание против Шагин-Гирея. На Кубани ему удалось утихомирить ногайские народы и, кроме того, создать Кубанскую оборонительную линию, протянувшуюся на 540 вёрст и состоявшую из десятков крепостей и полевых укреплений.

В Крыму ликвидацию восстания возглавил сам П. А. Румянцев. А. А. Прозоровский при этом выполнял второстепенные задачи и фактически потерял лицо как военачальник. В феврале 1778 года антишагиновское восстание было подавлено и положение Шагин-Гирея упрочилось. Однако общеполитическая ситуация оставалась крайне напряжённой: Османская империя начала подготовку к новой войне.

17 (28) апреля 1778 года А. В. Суворов получил приказ о назначении его командующим объединёнными войсками в Крыму и на Кубани. Тотчас с Кубани через Ени-Кале, Кафу, Карасубазар и Ак-Мечеть командующий тотчас прибыл в Бахчисарай на смену А. А. Прозоровскому.

В это время перед Суворовым стояли следующие основные задачи: организовать оборону Крыма и не допускать высадки турецкого десанта; закрепить русское влияние в Крымском ханстве. Ему были предоставлены все полномочия для дипломатических переговоров с крымским и турецким правительствами.

Реорганизацию обороны Крыма Суворов начал с инспектирования всех вверенных ему воинских частей. Во время одной из поездок он впервые в конце апреля 1778 года побывал в Гёзлёве, или, как его называли русские и сам Суворов, Козлове (Евпатория). Во время инспектирования войск командующий лично выбрал места расположения полевых укреплений,

определил их типы, нередко он сам чертил планы и профили фортификационных сооружений. Суворовская система обороны была запроектирована из 29 полевых укреплений, между ними размещалась непрерывная линия постов и наблюдательных пунктов [34, с. 71–72, 284]. Вдоль побережья курсировала черноморская флотилия капитана Крузе [30, с. 3, 8].

16 (27) мая 1778 года, по завершении инспекций, А. В. Суворов издал «Приказ войскам Крымского и Кубанского корпусов», где на первое место были поставлены вопросы медицинского обслуживания войск [6, с. 88]. Надо отметить, что забота о здоровье солдат постоянно находилась у них на первом месте. В этот же день была издана Инструкция об отношении к местному населению, проникнутая гуманизмом: «В стояниях и на походах мародёров не терпеть и наказывать оных жестоко тотчас на месте. Домов, заборов, огородов не ломать... Не меньше оружия поражать противника человеколюбием».

В это время продолжалась подготовка турецкой агрессии. Реальную опасность представляла турецкая эскадра, оставшаяся в Ахтирской бухте после разгрома мятежных войск Селим-Гирея. Эти корабли ещё в декабре 1777 года стали на якорь у Ахтияра. 7 июня 1778 года на берег высадилась группа турок и убила русского казака. Инцидент был серьёзным. Суворов пригласил Шагин-Гирея и вместе с ним на виду у турок объехал берег. Вслед за этим русские войска начали возводить полевые укрепления на обоих берегах бухты. Это были первые укрепления на месте будущего Севастополя!

Командующий турецкой эскадрой Гаджи-Магмет-Али пытался спровоцировать А. В. Суворова на разрыв мирного договора и на начало военных действий. Однако русский командующий пресёк эти провокации. После долгих переговоров командир турецкой эскадры понял, что здесь высадиться не удастся, и отдал приказ об уходе из Ахтирской бухты. Предотвратив высадку неприятеля, А. В. Суворов одним из первых оценил все преимущества Ахтирской гавани для будущего русского черноморского флота [16, с. 213].

Вытеснение турецкой эскадры из Ахтияра вызвало бурную реакцию со стороны Османской империи. Командующий турецким флотом заявил русскому командованию: «Чёрное море есть величайшего и могущественнейшего монарха моего непосредственно наследственная область, в которой никто другой и малейшего участия и никакого права не имеет» [9, с. 549]. Оттоманская Порта не смирилась с неудачей у Ахтияра и двинула к крымским берегам флот — более чем 170 кораблей — якобы для переговоров о статусе Крымского ханства. Ясно, что такая военная армада имела совсем иные цели, чем переговоры, а именно — вызвать новое восстание

крымцев против Шагин-Гирея, вернуть турецкое господство над татарским народом.

А. В. Суворов 23 июля 1778 года уведомил командующего турецким флотом Гассан-пашу: «...Я по должности сочту себе за неперемный долг всеми силами охранять и защищать настоящее положение независимой и никому не принадлежащей области» [9, с. 783].

Россия стремилась решить обострившийся конфликт мирным путём. А. В. Суворов объявил в Крыму карантинное положение, поскольку на турецком флоте свирепствовала чума. Он отнёс все попытки турок высадиться на берег и указал им: «А вдобавок нахожу сказать моё удивление прибытию вашему в близкие к российским войскам места в такое время, когда флот ваш весь заражён смертельной язвой. Европейские узаконения вам известны: в охранении от столь вредной заразы учреждённый карантин не позволяет отнюдь ни под каким предлогом спустить на берег ни одного человека из ваших кораблей» [9, с. 704]. Более двух недель турецкий флот выискивал места для высадки десанта. Но, убедившись в боеспособности русской береговой обороны и видя на всём протяжении побережья русские отряды и жерла пушек, турецкие флотоводцы сочли благоразумным увести флот. Благодаря дипломатическим и организационным способностям А. В. Суворову удалось избежать кровопролитной войны.

Здесь, в Крыму, на Чёрном море, у генерал-поручика сухопутных войск А. В. Суворова зародился интерес к военно-морскому делу. В 1778 году ему дважды приходилось иметь дело с турецким флотом: первый раз — в Ахтирской бухте, второй — при оттиснении турецкой армады. А позже, в 1788 году на Кинбурнской косе, он своими пушками громил ещё одну турецкую эскадру. Суворов видел, что будущие стратегические успехи России на Чёрном море, на Балтике и других морях возможны лишь при тесном взаимодействии сухопутных и военно-морских сил. Такое стратегическое взаимодействие было осуществлено в 1799 году, во время Итальянского похода А. В. Суворова и Ионической экспедиции Ф. Ф. Ушакова в Средиземное море.

Зародившийся в Крыму, интерес к военно-морскому делу сохранился у Суворова на всю жизнь, но условия службы и должностные обязанности долгое время не давали ему возможности приступить к морской практике. Такая возможность представилась лишь в 1791–1792 годах, когда он уже в чине генерал-аншефа с июня 1791 года руководил строительством крепостей на границе Финляндии со Швецией, а с 8 (19) января 1792 года был назначен командующим Финляндской дивизией. Одновременно он стал командующим Балтийской флотилией гребных судов [6, с. 38]. На Балтике 62-летний генерал-аншеф граф Рымникский

с азов начал изучать военно-морское дело. Вскоре ему был присвоен чин мичмана Российского флота.

О своём скромном морском звании А. В. Суворов не забывал никогда. В марте 1799 года из Италии, по случаю доблестного взятия неприступной французской крепости на острове Корфу эскадрой Черноморского флота Ф. Ф. Ушакова (имевшего, кстати, второе имя — «Морской Суворов»), фельдмаршал восторженно писал адмиралу: «*Ура! Русскому флоту!.. Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу, хотя бы мичманом!*» [38, с. 117–118].

Немало приложил усилий выдающийся полководец по обеспечению порядка и укреплению российского влияния в Крыму. Несмотря на то что Шагин-Гирей занял ханский престол лишь благодаря усилиям России, он всё же был недостаточно надёжен. Чтобы закрепить зависимость Шагин-Гирея и Крымского ханства в целом, императрица Екатерина II приняла решение о переселении из Крыма в Россию христианского населения. Христиане Крыма, которых насчитывалось более 30 тысяч (армяне, греки, грузины и др.), приносили немалый доход хану, и их переселение ослабляло экономику ханства, ставило в зависимость от поставок продовольствия и денежной помощи из России. Была и другая причина переселения — христиане нередко терпели притеснения со стороны турок и татар, особенно во времена войн с Россией. Красноречивое свидетельство козловского (евпаторийского) армянина Киркор-аги приводит в своей книге «В память столетия Крыма» В. Х. Кондараки: «*Останавливаясь иногда над прошлым, я невольно вспоминаю и тот страх, который проникал в наше тело при имени [турецкого] паши. Для этого чудовища повесить христианина была обыкновенная забава... Но всего хуже бывало нам, когда начиналась война с русскими. Тогда мы должны были ради спасения нашей головы уходить куда-нибудь подальше от этих повелителей... Наши жёны и дочери скрывались от всякого турка, како от чёрта*».

По мнению исследователя Р. Т. Дейникова, христианское население Крыма держало в своих руках основную массу торговли, ремесла и финансов государства. После переселения христиан внешнеэкономические связи Крыма были переориентированы с Османской империи на Россию. А последняя ещё и приобрела более 30 тысяч трудолюбивых переселенцев на своих малозаселённых южных окраинах. Ещё один немаловажный факт — большинство ростовщиков ханства были христиане. Они ссуживали хану весьма значительные суммы. После отъезда христиан Шагин-Гирей попал в полную финансовую зависимость от России [19, с. 64–65].

А. В. Суворовым 18 (29) сентября 1778 года была составлена «Ведомость, учиненная с показанием сколько разного рода из Крымской земли, каких го-

родов и деревень отправлено в Россию христиан обоего пола мужского и женского, из оных коликое число оставших для торговли, зимующих тоже за своими расправами по домам о том значится ниже сего». Согласно этой «Ведомости», летом 1778 года из Крыма было выведено 31 386 христиан, в том числе из Козлова 1549 человек [9, с. 711–714]. Помимо свободных христиан, подданных хана, были ещё выкуплены и выведены десятки христиан-ясырей, то есть рабов. В одном Козлове А. В. Суворовым был выкуплен и освобождён 71 раб-ясырь — грузины и один валах [9, с. 711]. Освобождение рабов — это закономерное явление в жизни А. В. Суворова, ярого противника всякого деспотизма и насилия над человеком.

В середине сентября 1778 года переселение христиан из Крыма было завершено. 2 октября 1778 года Суворов рапортовал из Бахчисарая князю Потёмкину и приложил к рапорту документ — «Ведомость, учинённая коликое число по выводу христиан в расход денежной казны по артикулам употреблено». Из «Ведомости» следует, что на переселение христиан была израсходована огромная по тем временам сумма — 75 029 рублей 92 копейки [9, с. 752–753, № 314]. В частности, в «Ведомости» отмечено, что «*на заплату же татарам за недостаточных христиан долгов — 204 р. 45 к.*»; при переселении вывозилось имущество церквей — «*под своз греческих церквей на покупку фур и волов — 254 р.*»; при освобождении рабов — «*за выкуп от татар ясырей — 240 р.*» [9, с. 752–753]. Шагин-Гирей считал инициатором переселения христиан Суворова. Хан всячески препятствовал процессу переселения, запугивая христиан и жалуясь на А. В. Суворова П. А. Румянцеву, Г. А. Потёмкину и Екатерине II. Между Суворовым и Шагин-Гиреем установились напряжённые отношения. Это было одной из причин, по которой командующий решил перенести свою штаб-квартиру из Бахчисарая в Козлов.

Глава III

А. В. Суворов в Гёзлёве — Козлове (Евпатория). Октябрь 1778 — май 1779 года

Последние письма и реляции А. В. Суворова из Бахчисарая датированы 20 (31) октября 1778 года, а первые его документы, отправленные из Гёзлёва (Козлова) — 24 октября (4 ноября) 1778 года. Так, в этот день он отправил из Козлова три письма в Бахчисарай Андрею Дмитриевичу Константинову, российскому резиденту (посланнику) при Шагин-Гирее. В них командующий рассказывал посланнику о несправедливых жалобах крымского правительства на русские войска, указывая, что это яви-

лось причиной его переезда из Бахчисарая в Козлов [9, с. 826–827, № 327, 328, 329]. В тот же день он выписал из Козлова «Ордер коменданту крепости Св. Елизаветы М. С. Вукотичу об определении в гарнизон крепости рядовых Днепровского егерского полка» [13, с. 33–34, № 30].

В архивах Москвы, Петербурга, Киева и других городов сохранились и частично опубликованы десятки рапортов, писем и распоряжений, написанных Александром Васильевичем в октябре 1778 — мае 1779 года и снабжённых пометкой: «Козлов», «В благополучном городе Козлове», «В благополучном Крыму, городе Козлове» [9, с. 826–827; 10, с. 171; 2, с. 135–211; 13, с. 33–36].

В указанные дни — с 20 по 24 октября 1778 года — А. В. Суворов переехал из Бахчисарая в Гёзлёв. Готовя перевод штаб-квартиры, он хотел иметь при себе части своего любимого Суздальского полка. Перед уходом из Бахчисарая по его распоряжению ещё 20 (31) октября «для лучших квартирных выгод шесть рот Суздальского пехотного полка из Ак-Мечетской гавани вступили в Козлов». К моменту переезда командующего в Гёзлёв в Северо-Западном Крыму располагались следующие воинские части: 1-й и 2-й Московские полки — вокруг Гёзлёва; Донской казачий полк и Суздальский пехотный — в Ак-Мечетской пристани, деревнях Сербулате, Кучук-Кару и в Тарханском Куте. Эти части составляли первую бригаду Крымского корпуса.

Между мечетью Хан-Джами и современной улицей Караева в Евпатории находилась внутренняя цитадель Гёзлёва, называвшаяся либо по воротам — «Одун-Базар-Капусу» («Ворота дровяного базара») либо иначе — «Кыз-Кале» («Девичья крепость»). По предположению А. В. Лоевского, именно в этой цитадели жил А. В. Суворов [29, с. 50–52].

В Козлов Суворов въехал, вероятнее всего, через восточные ворота гёзлёвской крепости, так называемые Одун-Базар-Капусу. Эти средневековые крепостные ворота, возведённые в конце XV — XVI веке и простоявшие столетия на пересечении современных улиц Караимской и Караева, были разрушены в 1959 году. Таким образом, этот памятник турецкой фортификации, восстановленный ныне, связан с именем выдающегося русского полководца.

Как уже упоминалось, А. В. Суворов впервые побывал в Гёзлёве в конце апреля 1778 года, когда инспектировал войска и занимался сооружением береговой и внутренней обороны Крыма. Им были проведены инженерно-строительные работы по восстановлению и реконструкции долгоруковских полевых укреплений на флангах Гёзлёва. Как военный инженер, он сам составил план этих работ. По свидетельству «Старого воина» (литературный псевдоним полковника Старинова, участника суворовских

походов), в период постройки крымских укреплений Александр Васильевич всегда и всюду возил с собой кожаный сундучок с чертёжными и математическими принадлежностями, которыми он пользовался для составления планов полевых фортификационных сооружений [2, с. 76]. Фельдмаршал П. А. Румянцев, хорошо знавший способности и возможности А. В. Суворова, называл его «знатоком инженерного искусства» [33, с. 65].

Кроме двух редутов, у Гёзлёва русские укрепления располагались в Западном Крыму: у Сербулатской пристани (село Портовое Раздольненского района), Ак-Мечетской гавани (посёлок Черноморское), Тарханского Кута (село Караджа — Оленёвка Черноморского района), у деревень Камышлы (село Ивановка Сакского района) и Контунган, на озере Богайлы (близ современного села Фрунзе Сакского района), и далее по устьям рек Бельбек, Кача до Ахтиярской бухты.

Переехав в Гёзлёв, А. В. Суворов провёл смотр войск, который был не парадом, а тактическими полевыми учениями. План одного из таких учений можно проследить по схеме, составленной им собственноручно в 1778 году и хранящейся в Российском государственном военно-историческом архиве [29, с. 51].

Попытаемся «прочитать» этот суворовский план, опубликованный А. Лоевским. Учения проводились силами трёх полков в районе современных евпаторийских улицы Токарева и проспекта Победы, на пространстве между морем и железнодорожным вокзалом. Со стороны моря располагались во фронт 1-й и 2-й Московские полки, между ними — полевая артиллерия, по флангам — полковая кавалерия. Эти части, которые по современной терминологии можно назвать «южными», имитировали наступающую сторону. На противоположном крае «поля сражения» были возведены полевые укрепления «северных» частей, которые представлял Суздальский полк с кавалерией и артиллерией из четырёх пушек.

После первичного построения «южные» выстроились в три походные колонны и двинулись на север. В районе современной улицы Дёмьшева «южные» вновь развернулись в полный фронт, а в районе нынешнего железнодорожного вокзала перестроились в два каре (построение четырёх шеренг по сторонам квадрата). В центре располагались оставшаяся часть войск, кавалерия и артиллерия. Затем центральный фронт войск продвинулся вперёд и выстроился в каре. Здесь по замыслу Суворова «южные» отбили нападение конницы «северных». После этого одно каре «южных» численностью менее полка стремительно атаковало позиции «северных», захватило их, преследуя отступающего «неприятеля». В этих учениях, хотя и схематично, но прослеживаются основные принципы военной тактики А. В. Суворова, его «науки побеждать».

В XVIII веке долгое время господствовали так называемая линейная тактика и тактика продвижения большими каре в размерах полка и более. Эти большие каре прикрывались заграждениями против конницы — «рогатками», что снижало манёвренность войск и вело к большим потерям от огня противника. Фельдмаршал П. А. Румянцев впервые в войне с турками применил более прогрессивную тактику продвижения небольшими каре без применения «рогаток». Эту тактику перенял и творчески развил А. В. Суворов. Такое построение войск принесло победы Румянцеву за Дунаем и Суворову под Туртукаем в войне 1768–1774 годов.

А. В. Суворову почти всегда на всём его боевом пути приходилось сражаться с превосходящими силами противника. Так и в учениях под Козловом позиции, «обороняемые» Суздальским полком, были «атакованы» каре менее чем в полк. Обычно после поражения противника его преследование западноевропейскими и старыми русскими полководцами не осуществлялось. Суворов же видел в преследовании отступающего врага один из основных способов достижения полной победы — это нашло отражение и в описываемых учениях у Козлова. Конечно же, победы Суворова не были похожи одна на другую, каждая из них была достигнута своим особым путём. Суворовские учения под Козловом можно рассматривать как одну из новаторских схем тактического боя малыми силами с превосходящими силами противника.

В Козлове русскому командующему приходилось заниматься не только боевой выучкой войск. Он ещё вёл и обширную переписку с высшим командованием и дипломатами. В письмах Александру Дмитриевичу Константинову, русскому резиденту (посланнику) в Бахчисарае, отправленных 24 и 25 октября 1778 года из Козлова, А. В. Суворов обращал внимание на попустительство Шагин-Гирея татарской знати, притеснявшей рядовое население, что могло привести к новому восстанию [9, с. № 323, 327, 330].

Видимо, не без стараний хана у А. В. Суворова вскоре возник конфликт с мусульманским духовенством. Суворов был глубоко верующим православным человеком. Он прекрасно знал Библию, весь цикл церковных служб и церковный обиход. Приняв под свою команду в 1765 году Суздальский полк в Ладого, он первым делом выстроил полковую церковь, составил молитвенник для солдат и краткий катехизис. В созданной им полковой школе сам преподавал Закон Божий [37, с. 100, 106].

Во всех военных испытаниях А. В. Суворова поддерживали молитва и горячая вера. Призывный клич, которым он напутствовал в бою своих «чудо-богатырей», был неизменен: «Мы — русские! С нами Бог!» И не случайно, видимо, ныне ставится вопрос о канонизации А. В. Суворова в лике святых [44, с. 7].

Известно, что Александр Васильевич был большим ценителем церковного пения и колокольного звона. На войне и в походах он всегда возил с собой походную звонницу.

8 (19) ноября 1778 года из Бахчисарая и Гёзлёва П. А. Румянцеву было отправлено «Прошение правительству Крымского старейшин к его сиятельству генерал-фельдмаршалу графу Петру Румянцеву-Задунайскому», в котором старейшины жаловались: «...из прежних наших жалоб с посланцами нашими поднесённых всевысочайшему императорскому двору и вашему сиятельству совершенно сведомо; а теперь осмеливаемся донести, что в противность нашего мусульманского закона, в городе Козлове начали в колокола звонить, чем весь народ в глубочайшее уныние приведён... просим повелеть сию для народу необычную и закону нашему весьма противную новость, совсем оставить» [9, с. 835, № 335].

Хотя имя А. В. Суворова в этом послании не упомянуто, нет сомнений, что оно очевидно, именно Суворов отказал старейшинам Крымского правительства в запрете на колокольный звон в православной церкви, и те обратились сразу к П. А. Румянцеву. Впрочем, это был уже не первый конфликт Суворова с мусульманским духовенством [9, с. 520].

18 марта 1779 года А. В. Суворов сообщал П. А. Румянцеву: «Всех войск теперь в Очакове состоит пехоты до 10 000, конницы до 1500 человек... Ожидают с нарочно посланным от паши Очаковского курьера последнего решения о войне. Ежели она будет, то намерены сделать десант... у Сербулата» [10, с. 125–127, № 28]. Таким образом, в это время была вполне вероятна новая война с Турцией.

В 1779 году А. В. Суворову стали поступать многочисленные жалобы от выведенных им из Крыма христиан о том, что в районах нового местопоселения в Приазовье нет условий для нормальной жизни. Суворов не остался равнодушен к людям, в чьих судьбах он принимал участие. В письмах князю Г. А. Потёмкину из Козлова Александр Васильевич не раз просил наместника императрицы уделить внимание этим вопросам.

В письме Г. А. Потёмкину от 29 апреля 1779 года из Козлова А. В. Суворов писал: «Светлейший Князь Милостивый Государь! Из подносимого приложения Ваша Светлость соизволите усмотреть недостатки, претерпеваемые переселенцами крымскими в нынешнем их положении...» [1, № 90].

Вслед за этим 2 (13) мая 1779 года он опять писал из Козлова Г. А. Потёмкину: «Светлейший князь, милостивый государь! Вашей светлости осмеливаюсь представить письмо, дошедшее ко мне от г. резидента Константинова, писанное к нему от преосвященного митрополита греческого Игнатия. Удостойте, светлейший князь, оное высокого вашей

светлости внимания». Митрополит Игнатий писал А. Константинову: «Прошу вас, духовного сына моего, меня не оставить; также и Александра Васильевича [Суворова], чтоб о нашем состоянии к ея величеству донёс и нам по возможности помочь по своим обещаниям не обленился...» [10, с. 171–172, № 55]. Обращения Суворова, Константинова и других не остались незамеченными. Уже 21 мая от Екатерины Великой последовала «Высочайшая грамота об устройстве христиан, выведенных из Крыма», направленная на улучшение их положения [10, с. 194–197, № 65].

Разместив свою штаб-квартиру в Гёзлёве, А. В. Суворов, не оставался всё время на одном месте. В январе 1779 года он выезжал на 10 дней в Полтаву, а оттуда направился на осмотр укреплений Астраханно-Моздокской линии. Из Бердянска через Арабатскую косу он в феврале прибыл в Бахчисарай.

10 (21) марта 1779 года между Россией и Турцией была подписана Айналы-Кавакская конвенция, согласно которой русские войска должны были в трёхмесячный срок покинуть территорию Крымского полуострова, а Турция признавала Шагин-Гирея законным ханом и подтверждала независимость Крымского ханства.

В апреле 1779 года А. В. Суворов в Козлове совместно с А. Д. Константиновым разрабатывал церемониал представления Шагин-Гирею нового русского резидента (посланника) П. П. Веселицкого. Эта церемония должна была продемонстрировать лояльность крымского хана русскому престолу. На разработку этикета дипломат А. В. Суворов потратил несколько дней. 17 (28) июня 1779 года резидент А. Д. Константинов доносил Государственной коллегии иностранных дел: «...13-го прибыл в Козлов... того же и в следующие 15-го и 16-го числа, сообразно предписанию его сиятельства графа П. А. Румянцева-Задунайского, советовал с генерал-поручиком и кавалером А. В. Суворовым о всём касательном до церемониала и в запас порядок сочинён. 18-го апреля отправился я из Козлова... 24-го послал я к визирю при ответном моем письме ниже сего с изъяснением, с переводчиком Дузою, сочинённый от меня в Козлове купно с генерал-поручиком и кавалером Суворовым обряд церемониала — «План аудиенции, представляющий аудиенц-камеру и в каком месте кто стоял» [10, с. 222, 235].

Весной 1779 года А. В. Суворов был занят подготовкой вывода русских войск с полуострова. Было решено перед уходом разрушить все ранее возведённые укрепления, чтобы ими не мог воспользоваться в будущем противник. 12 (23) мая в рапорте генерал-фельдмаршалу П. А. Румянцеву А. В. Суворов сообщал: «Г. резидент Константинов уведомляет меня, что светлейший хан, имея ещё в искренности Порты сумнение, просит, чтоб выводом войск из Крыма

не спешить и находящийся здесь егерский батальон до времени оставить... Что ж до примеченного его светлости неудовольствия относительно разрешения при выводе войск здешних укреплений, кои он намеревается занять своими беилями, то отзыв мой был, что в обстоятельствах сие ненадёжно, поколику вероломство силою своею ими большие воспользоваться может... разве Бахчисарайского укрепления в удобность его светлости...» [10, с. 185–186, № 61].

Порядок вывода русских войск был разработан в мае 1779 года и нашёл отражение в «Репортации о выступлении войск Крымского корпуса по бригадно и о прибытии за Перекопскую линию к Колончаку, а Кубанского по дирекциям примерно». В соответствии с этим планом из Козлова войска выводились 3 (14) июня, а полностью все войска должны были выйти 9 (20) июня [10, с. 191–194, № 64].

После вывода русских войск из Крыма на Днепр А. В. Суворов вернулся в Бахчисарай и ещё некоторое время рассматривал претензии ханского двора и проявил при этом лучшие дипломатические качества, защищая интересы России. Крым он покинул только в конце июля 1779 года [30, с. 22].

О своей многогранной деятельности в Крыму и на Кубани А. В. Суворов в «Автобиографии» писал: «Высочайшим императорским соизволением в 1776 году был я определён к полкам московской дивизии, в Крым, где около Карасу-Базара собравшиеся противные Шагин-Гирей хану партии я рассеял одним движением и, по прибытии его из Тамани, объявил его в сём достоинстве и, по продолжающейся болезни, отъезжал в Полтаву, для излечения.

В следующем году и в 1778 году командовал я корпусом Кубанским — один тот год не произошло никакого нагайского за Кубань. Учредил линию крепостей от Чёрного моря до Ставрополя.

Того же года обращён я в Крым и командовал корпусами крымским, кубанским на Днепре и иными войсками, вывел христиан из Крыма в Россию без остатка, вытеснил турецкую флотилию из Ахтиярской гавани, великого адмирала Гассан-пашу и Алибея анатолийского, со всем оттоманским флотом и транспортными с войском судами, коих всех по счёту было больше ста семидесяти, от крымских берегов обратил назад к Константинополю, воспрещением свежей воды и дров и выступил из Крыма с войсками в 1779 году.

За эту операцию был награждён золотой табакеркой с высочайшим её императорского величества портретом, украшенной бриллиантами» [6, с. 47, № 4].

Золотая табакерка от Екатерины II была наградой лишь за одну операцию. За всю же свою деятельность в Крыму и на Кубани в 1776–1779 годах полководец был награждён звездой Александра Невского.

Глава IV

**Присоединение Крыма к России.
Вторая Русско-турецкая война.
1783–1791 годы**

После вывода войск из Крыма А. В. Суворов в июле 1779 году получил назначение командовать войсками Малороссийской дивизии на границе с Крымским ханством.

В результате ухода русских войск положение в ханстве перестало быть стабильным. Шагин-Гирей несвоевременной европеизацией своего двора и армии, стремлением стать крымским «Петром Великим», отходом от общекрымских и мусульманских традиций, снискал враждебное отношение к себе во всех слоях крымского общества [28, с. 20–27; 14, с. 190–193; 17, с. 96–98].

Особую ненависть к себе хан вызвал казнями политических противников [36, 228]. У него поднялась рука даже на муфтия — главу крымских мусульман. В начале 1782 года муфтий просил хана более бережно относиться к традициям и законам ислама. Но на следующий день Шагин-Гирей его повесил [18, с. 67].

Весной 1782 года на Кубани и в Крыму вспыхнуло восстание во главе с Батыр-Гиреем и Арслан-Гиреем, братьями Шагина. Перепуганный хан был вынужден вновь обратиться к России. В октябре 1782 года русские войска князя Г. А. Потёмкина разбили отряды Батыр-Гирея в Крыму, а А. В. Суворов усмирил Арслан-Гирея на Кубани. Ханская власть в Крыму находилась в состоянии разложения. Шагин-Гирей потерял управление своими подданными. В конце концов 17 (28) апреля 1783 года Шагин-Гирей отрёкся от престола, и крымские старейшины обратились к Екатерине Великой с просьбой о принятии крымских татар в российское подданство [28, с. 32; 14, с. 194–195].

8 (19) апреля 1783 года Екатерина Великая подписала рескрипт о присоединении Крыма и Кубанской стороны к России. Князь Г. А. Потёмкин на горе Ак-Кая, близ Карасу-Базара, принял присягу от крымских мурз на верность России и фирман (письменный документ) «с изъявлением покорности». А. В. Суворов 10 (21) июля 1783 года привёл к присяге на верность татарские народы Кубани. Крымское ханство было упразднено; Крымский полуостров и Кубань вошли в состав Российской империи [14, с. 173].

28 июля 1783 года А. В. Суворов «за присоединение кубанских народов к империи награждён орденом Св. равноапостольного князя Владимира 1-й степени» [6, с. 35].

Состояние края в момент присоединения к России было плачевным. Ещё ни одна война не приносила процветания побеждённому народу. Экономические

и людские ресурсы Крыма были истощены в результате войны 1768–1774 годов, многочисленных внутрикрымских мятежей и междоусобиц, массовых эмиграций населения. Экономическая и политическая структура ханства развалилась. По определению видного современного российского историка Г. А. Санина, «ликвидация национальной государственности крымских татар была глубокой исторической драмой этого народа» [35, с. 170].

В 1784 году Суворову довелось в последний раз иметь дело с бывшим ханом Шагин-Гиреем. После отречения от престола Шагин-Гирей уехал на Тамань, где начал устанавливать контакты с мятежными ногайцами. Российское правительство поручило установить надзор за бывшим ханом. Суворову удалось выманить Шагин-Гирея из гор и отправить на определённое ему место жительства в России [14, с. 197].

В 1787 году А. В. Суворов, произведённый в генерал-аншефы, активно участвовал в осуществлении путешествия Екатерины II и её спутников в Крым и на юг России.

Путешествие Екатерины II продемонстрировало дальнейшую готовность России бороться за новые земли и за господство на Чёрном море. Турция в свою очередь стремилась взять реванш и вернуть Крымский полуостров под свою власть.

В августе 1787 года Османская империя объявила новую войну России. Для крымских татар в Стамбуле были выбраны два новых хана — Шахбаз-Гирей (1787–1789) и Бахт-Гирей (1789–1792), но они так никогда и не добрались до Крыма [17, с. 104].

В самом начале войны особая ситуация для России возникла на Херсоно-Кинбурнском направлении в Днепровском лимане. Крепость Кинбурн в стратегическом отношении являлась «воротами Крыма», она запирала подступы к полуострову. Турецкое командование планировало высадить из Очакова десант, захватить русский Кинбурн и от него прорваться к Перекопу, отрезать российские войска, разбить их и овладеть Крымом.

Кинбурн приобрёл ключевое значение для обороны Крыма. Екатерина II, только что вернувшаяся из Тавриды, умоляла князя Г. А. Потёмкина удержать Кинбурнскую крепость. Но он в ответных письмах сообщал императрице, что не надеется отстоять крепость и что в связи с этим возможна потеря Крыма вообще.

Оборона Херсоно-Кинбурнского района была возложена на А. В. Суворова, который сразу же взялся за усиление крепостной фортификации и провёл все необходимые инженерно-строительные работы.

30 сентября 1787 года турецкий флот открыл ураганный огонь из 500 орудий по Кинбурну. На

следующий день, 1 (12) октября, на Кинбурнскую косу высадился турецкий десант. В ожесточённом сражении, длившемся весь день, турки были сброшены в море. Турецкие потери составили 4,5 тысячи убитыми, русские — 138 убитых и до 300 раненых. Сам Александр Васильевич получил тяжелейшее ранение и был почти при смерти [34, с. 86–89]. Он писал в письме генералу Текелли: *«Я получил картечу в бок, потерял дух и был от смерти на волосах... Прострелена моя рука. Я истекал кровью... я омыл на месте руку в Чёрном море...»* [32, с. 67–68].

Победа, одержанная полководцем в этом сражении, коренным образом изменила обстановку. Угроза захвата турками Крыма была предотвращена. За полный разгром врага А. В. Суворов был награждён алмазным пером с буквой «К» (Кинбурн).

В конце мая 1788 года к Очакову подошёл мощный турецкий флот Хасан-паши с прежней целью: уничтожить российскую Днепровскую флотилию гребных судов, высадить десант, захватить Кинбурн и начать наступление на Перекоп. Перед отплытием из Стамбула турецкий адмирал обещал султану, что он *«возвратится завоевателем Крыма либо положит голову»*. Но турецкий флот был разбит Днепровской гребной флотилией и двумя суворовскими батареями на Кинбурне. Об этом деле А. В. Суворов сообщал Г. А. Потёмкину: *«Наши ядра пробивали оба борта, достигая до противоположного берега»* [1, с. 156]. Суворов и российские моряки вновь отстояли Тавриду.

Навсегда вошли в историю русского военного искусства победы А. В. Суворова при Кинбурне, Фокшанах, Рымнике и легендарный штурм Измаила. Победа в Русско-турецкой войне 1787–1791 годов закрепила положение России на Чёрном море.

29 декабря 1791 года в городе Яссы (Молдавия) был подписан мирный договор. Территория между Бугом и Днестром вместе с крепостью Очаков стала российской. Турция признала присоединение Крыма к России, но без права передачи Россией полуострова какому-либо другому государству.

Глава V

Крым в дальнейшей жизни А. В. Суворова. 1792–1796 годы

Вскоре после победоносного штурма Измаила у А. В. Суворова произошёл конфликт с князем Г. А. Потёмкиным. Известна суворовская эпитафия на главнокомандующего, высмеивающая напыщенность и отношение к людям князя Таврического:

Одной рукой он в шахматы играет,
Другой рукою он народы покоряет.
Одной ногой разит он друга и врага,
Другую топчет вселены берега.

В самый разгар войны с Турцией А. В. Суворов был снят с дунайского театра военных действий и отправлен 25 июня 1791 года на строительство крепостей на границе Финляндии со Швецией. С этим заданием императрицы он справился блестяще и 8 (9) января 1792 года был назначен главнокомандующим Финляндской дивизией [6, с. 40].

К осени 1792 года обострились отношения России с Турцией. Екатерина II возвращает А. В. Суворова на юг и 10 (21) ноября 1792 года назначает *«начальствующим войсками в Екатеринославской губернии, во вновь приобретённой области и в Тавриде расположенными»* [6, с. 40]. Одновременно он был назначен начальником Экспедиции строения южных крепостей [39, с. 74]. Под его руководством крупнейший военный инженер Ф. П. Деволян с группой инженеров проектировали и осуществляли строительство большой системы крупных крепостей от Днестра до Тамани. На этом обширном пространстве в 1792–1795 годах были реконструированы восемь ранее имевшихся крепостей: Херсонская, Очаковская, Кинбурнская, Перекопская, турецкий замок Ени-Дунья в Хаджибее, Гёзлёвский замок в Евпатории, Ени-Кале. Были построены шесть новых крепостей: Севастопольская, Павловская близ Керчи, Фанагорийская близ Тамани, Одесская (Хаджибейская), Овидиопольская (Адждидерская), Тираспольская [39, с. 58–75, 148–184]. Некоторые из этих крепостей стали ядром новых черноморских городов.

Комплекс мер по усилению обороны Крымского полуострова был намечен в 1792 году. Вместо небольших полевых редутов и батарей, как это было в 1777–1779 годах, основное внимание теперь уделялось крупным крепостям. Главной из них являлась база Черноморского флота — Севастополь, куда и прибыл А. В. Суворов в январе 1793 года. Планы укрепления города были обсуждены им с адмиралом Ф. Ф. Ушаковым. Были разработаны под личным руководством А. В. Суворова проекты пяти батарей: Константиновской и Александровской многоярусных батарей для защиты входа в Северную бухту; Михайловской и Павловской батарей, *«которые назначаются внутри главной бухты»*; наиболее мощной намечалась батарея Николаевская — *«сей форт заключать в себе будет запасные и пороховые Magazine, арсеналы морские»* [3, с. 182].

При А. В. Суворове было начато строительство четырёх батарей инженером Г. П. Реми и архитектором Гагемейстером. К 1795 году две береговые батареи были возведены. Однако государственное финансирование строительства осуществлялось крайне медленно и нерегулярно. Чтобы спасти положение, А. В. Суворов был вынужден заключать контракты с частными подрядчиками. Не получив от финансового ведомства казённых денег, он попал в долги,

был вынужден занять 100 000 рублей для возмещения расходов по строительству фортов. Не имея возможности вернуть долг, командующий распорядился продать свои имения. Лишь после этого Екатерина II, сочтя, что дело зашло слишком далеко, распорядилась оплатить долги А. В. Суворова за казённый счет. Так строились крепости Севастополя...

Сооружение остальных заложенных А. В. Суворовым фортов затянулось на 50 лет. Их строительство заканчивал уже в 1846 году английский инженер Дж. Уpton.

Пять фортов-батареи, запроектированных и построенных частью А. В. Суворовым, частью Дж. Уптоном, сыграли важнейшую роль в первой героической обороне Севастополя 1854–1856 годов и во второй обороне 1941–1942 годов. Творения великого полководца служили славе Севастополя и России на протяжении полутора столетий...

Из пяти суворовских фортов-батарей ныне сохранились лишь два — Константиновский и Михайловский. Остальные были разрушены немецко-фашистскими захватчиками.

Кроме грандиозных береговых фортов-батарей, А. В. Суворов и Ф. П. Деволан запроектировали две земляные крепости. На Северной стороне Севастополя должен был разместиться большой квадратный форт. На Южной стороне А. В. Суворов обратил внимание на Бульварную высоту (ныне Исторический бульвар). Здесь проектировалась пятиугольная крепость, но эти проекты не были осуществлены. В 1798 году в близких к намеченным А. В. Суворовым местам были построены несколько иные земляные крепости [39, с. 67–68].

Для усиления обороны Керченского пролива под прямым руководством А. В. Суворова южнее Керчи, за мысом Ак-Бурун, была построена земляная Павловская крепость, а также отремонтирована и частично реконструирована крепость Еникале.

На противоположном берегу пролива, близ Тамани, для обороны Крыма с востока была возведена мощная Фанагорийская крепость с пятью бастионами.

По указанию А. В. Суворова инженер-майором Ф. П. Деволаном были разработаны проекты восстановления и реконструкции Перекопской крепости и старой гёзлёвской цитадели в Евпатории. Эти проекты реализовались лишь частично.

В Крыму командующий занимался не только крепостями. В конце 1793 — начале 1794 года был составлен новый генеральный план застройки Симферополя — центра Таврической губернии. План был разработан Ф. П. Деволаном и подписан к утверждению А. В. Суворовым. Предполагалось на месте старой татарской Ак-Мечети построить европейский город с прямоугольными кварталами и улицами шириной 10 саженей (21 м). Однако данный

проект не был принят Г. А. Потёмкиным и Екатериной II [39, с. 170–171].

В 1793 году по инициативе А. В. Суворова и под руководством Ф. П. Деволана начали осуществляться меры по устройству карантинных в южных городах — Очакове, Севастополе, Феодосии и Керчи. Важное место в системе карантинных занимала Евпатория, являвшаяся в то время крупным торговым портом на Чёрном море [24, с. 354]. Проект евпаторийского карантин был разработан Ф. П. Деволаном в 1794–1795 годах. На мысе Лотос-Буруни, к юго-западу от города, в 1795 году был построен сначала временный карантин и начато строительство большого стационарного. Он представлял собой комплекс зданий, имел пристань [39, с. 180–181]. Строения карантин были обнесены высокой и толстой стеной, что придавало вид крепости. Так оно и было: к карантину перешли функции старого земляного суворовского редута 1778–1779 годов, который уже потерял своё военное значение. В случае войны евпаторийский карантин мог быть превращён в крепость.

Для обслуживания нужд карантин и таможни адмирал Ф. Ф. Ушаков ежегодно на время навигации отправлял из Севастополя шлюпку, о чём он неоднократно уведомлял таврического губернатора С. С. Жегулина. «В Евпаторию также одна шлюпка с людьми в надлежащее время отправлена быть имеет», — писал губернатору Ф. Ушаков 25 февраля 1794 года. И через год, в январе 1795-го, «по одной десятидневсельной шлюпке с подлежащим числом людей при карантинах Феодосии и Евпатории определены и оставлены от флота в ведомство и распоряжение карантинных смотрителей» [12, с. 78–79, № 63; с. 88–89, № 76].

Основанный по инициативе А. В. Суворова евпаторийский карантин просуществовал до 1908 года. Его постройки ныне не сохранились, на их месте теперь располагается Центральный детский клинический санаторий.

Принимая меры по укреплению береговой обороны Тавриды, А. В. Суворов 3 (14) мая 1793 года из Херсона писал таврическому вице-губернатору К. И. Габлицу: «Белевский пехотный полк, квартирующийся при Карасубазаре, нахожу я удобным перевести в Евпаторию» [12, с. 33, № 3].

Для размещения войск к северу от карантин были выстроены казармы. А для снабжения всех армий, располагавшихся на юге России, по указанию А. В. Суворова в Евпатории был возведён амбар для хранения шести тысяч пудов зерна, построены три больших склада для хранения соли [39, с. 181].

В августе 1794 года полководец на время покинул юг России и отправился на подавление антиросийского восстания в Польше. После этого А. В. Суворов инспектировал возведённые им в Финляндии крепости.

Весной 1796 года А. В. Суворов был назначен командующим крупнейшей в России и в Европе армией, размещавшейся в пяти южных губерниях, в том числе Таврической. Это было четвёртое и последнее его назначение на юг. Штаб-квартира главнокомандующего располагалась в городе Тульчине, недалеко от Винницы.

После смерти Екатерины II А. В. Суворов попал в царскую немилость вследствие конфликта с императором Павлом. В феврале 1797 года он был уволен с воинской службы. На юг России и в Крым он больше никогда не возвращался.

После двух лет опалы А. В. Суворов снова был призван в строй. Под давлением внешних военно-политических обстоятельств император вынужден был назначить старого генерал-фельдмаршала командующим союзной русско-австрийской армией. Со своими «чудо-богатырями» А. В. Суворов в 1799 году совершил знаменитые горные Итальянский и Швейцарский походы. Ему был пожалован титул «князь Итальянский», а 28 октября 1799 года присвоено звание генералиссимуса.

В эпитафии одной из современных книг, первой прославившей благочестие полководца, приводится яркая автохарактеристика А. В. Суворова: *«Хотите ли меня знать? Я вам себя раскрою: меня хвалили цари, любили воины, друзья мне удивлялись, ненавистники меня поносили, при дворе надо мною смеялись. Я был при дворе, но не придворным, а Эзопом, Лафонтеном: шутками и звериным языком говорил правду. Подобно шуту Балакиреву, который был при Петре Первом и благодетельствовал России, кривлялся и корчился. Я пел петухом, пробуждая сонливых, угомонял буйных врагов Отечества. Если бы я был Цезарь, то старался бы иметь всю благородную гордость его души, но всегда чуждался бы его пороков...»* [44, с. 7].

6 (17) мая 1800 года на семидесятом году жизни Александр Васильевич Суворов скончался. Он был похоронен в Петербурге, в Александро-Невской лавре. На надгробии высечена простая и величественная эпитафия: *«Здесь лежит Суворов»*.

Начав военную карьеру солдатом, А. В. Суворов более 40 лет отдал русской армии и вошёл в военную историю как непобедимый и никем непревзойденный полководец. Он подтвердил пророческие слова Г. Р. Державина:

И славы гром
Как шум морей, как гул воздушных споров,
Из дола в дол, с холма на холм,
Из дебри в дебрь, от рода в род,
Прокатится, пройдет,
Промчится, прозвучит
И в вечность возвестит,
Кто был Суворов...

Глава VI

Памятники А. В. Суворову в Крыму

*О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россия!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась,
дивился мир...
А. С. Пушкин*

Суворовские традиции всегда сохранялись не только в русской армии, но и в обществе. В 1918 году десять лозунгов из суворовской «Науки побеждать» были включены в «Служебную книжку красноармейца».

Однако затем наступили другие времена. Как ни горько, но в 1920–1930-х годах деяния великого полководца рассматривались уже с другой точки зрения. С нелёгкой руки первого советского историка-марксиста М. Покровского великий полководец именовался не иначе как «цепной пёс русского царизма» — так ему мстили за поимку Пугачёва и подавление польского восстания.

Всё изменилось только 7 ноября 1941 года, когда на военном параде на Красной площади из уст Сталина имя Суворова прозвучало среди имён других великих полководцев России. 29 июля 1942 года указом Верховного совета СССР был учреждён орден Суворова трёх степеней. Этим орденом первым был награждён Г. К. Жуков за победу под Сталинградом.

После Великой Отечественной войны в стране началась кампания по увековечению памяти А. В. Суворова. В Крыму первым таким шагом стало появление в 1946 году на географической карте полуострова села Суворовского (бывш. Богай) близ Евпатории [4, с. 403]. В 1948-м добавились сёла Суворово (бывш. Аранчи) Бахчисарайского района и Суворово (бывш. Джулга) Красноперекопского района (ныне Армянский) [4, с. 415, 422]. Появились площадь и улица Суворова в Севастополе, а также улицы его имени в городах Крыма.

Во многих городах бывшего СССР были возведены монументальные памятники великому полководцу. Наиболее величественный воздвигнут в Москве в 1982 году на бульваре Суворова.

Установлены памятники полководцу и в Крыму: в Симферополе, Севастополе, Белогорске и Евпатории. Первый из них — в крымской столице в 1951 году (заменён в 1984 г.), последний — в Евпатории в 2004-м.

Перечень памятных мест, связанных с именем А. В. Суворова в городах Крыма

Симферополь

1. В марте 1777 года на левом берегу Салгира, близ селения Ак-Мечеть, А. В. Суворов возвёл земляные укрепления временного лагеря: Александровский редут (теперь возле него стоит гостиница «Украина») и передовое укрепление редута — люнет (на его месте теперь расположен сквер Победы со строящимся собором Св. Александра Невского). По свидетельству А. И. Маркевича, следы суворовского укрепления были заметны ещё на рубеже XI–XX веков [30, с. 2].

На месте Александровского редута в 1951 году был установлен бюст А. В. Суворову. В 1984 году к 200-летию Симферополя скромный бюст полководца был заменён новым памятником, изображающим генералиссимуса в полный рост. Общая высота композиции 5 м. Фигура изготовлена из ковanej меди и установлена на пьедестале из розового гранита. Авторы памятника — симферопольский скульптор В. С. Гордеев, архитектор А. А. Полегенький, художник-конструктор П. Г. Владарский. Памятник торжественно открыт 19 июня 1984 года.

2. Имя А. В. Суворова первым увековечено на памятной скрижали, воздвигнутой в сквере на улице Р. Люксембург в честь 200-летия Симферополя.

Севастополь

1. Памятниками великому полководцу являются Константиновский и Михайловский форты-батареи, проектирование и начало строительства которых осуществлялось в 1793 году под руководством начальника Экспедиции строительства южных крепостей А. В. Суворова.

2. В 1983 году, в связи с 200-летием основания города, на площади Суворова, у подножия каменной лестницы, что спускается по улице Сергеева-Ценского, установлен памятник полководцу — бронзовый бюст на четырёхгранном постаменте. Авторы памятника — скульпторы В. В. Рябков и В. С. Гордеев, архитекторы Г. Г. Кузьминский и А. С. Гладков. Общая высота памятника — 5,34 м [21, с. 21–23].

Белогорск

1. Памятником истории местного значения является место, где в марте 1777 года располагался лагерь А. В. Суворова. Памятный знак установлен на западной окраине города.

2. В сквере на улице Луначарского в 1952 году установлен монументальный, хотя и сравнительно скромный, бетонный бюст А. В. Суворова.

3. Недалеко от села Яблочного, близ Белогорска, растёт 700-летний дуб высотой 18 м и диаметром ствола 3,8 м. Раньше дуб назывался «Четыре брата», а теперь — «Суворовским». Местное предание гласит, что под этим дубом в марте 1777 года А. В. Суворов встретился с калга-султаном Ширином, турецким наместником в Карасубазаре [41].

Евпатория

В начале 1980-х годов сотрудники Евпаторийского краеведческого музея предложили воссоздать на Карантинном мысу, в районе морского порта, земляной редут и установить на его территории памятник А. В. Суворову. Была написана историческая справка, разработан эскизный проект. В 1984 году симферопольский скульптор А. Кольцов сделал макет памятника. Однако всё осталось лишь на бумаге.

Вновь вопрос увековечения имени А. В. Суворова в Евпатории был поднят в 2003 году в ходе подготовки к празднованию 2500-летнего юбилея города. По инициативе главного архитектора Х. С. Лотошникова разработан проект мемориала полководцу на набережной имени Терешковой, в сквере имени Караева, напротив собора Св. Николая, примерно там, где в 1795 году по указанию А. В. Суворова был возведён один из складов соли.

Архитектурная часть комплекса «Бастион Суворова» проектировали евпаторийские архитекторы С. Крикуненко, Т. Шумило, инженер-конструктор Т. Шафранская (консультант Х. Лотошникова).

Скульптурная часть создана симферопольским скульптором А. Максименко.

Мемориальный комплекс сооружён из местного камня ракушечника и облицован судакским плитняком. В плане он имеет десятиугольную форму и состоит из трёх смежных частей. Северо-западный фронт «бастиона» имеет прямоугольную «орудийную амбразуру» для установки здесь пушки. Размеры мемориала: длина — 11,8 м, максимальная ширина — 9,0 м, высота — от 1 до 3 м.

На северном фасаде установлен медный бюст А. В. Суворова работы скульптора А. Максименко. Торжественное открытие памятника состоялось 11 июня 2004 года.

Таким образом, ныне на территории Крыма есть четыре скульптурных памятника А. В. Суворову. Все они запечатлели полководца в общеизвестном образе генералиссимуса. Однако следует заметить, что в Крыму в этом звании он никогда не был. Ни один скульптор не изобразил А. В. Суворова в чине генерал-поручика, в коем он впервые ступил на крымскую землю в 1777 году.

Александр Васильевич Суворов провёл непосредственно в Крыму около двух лет — 1777–1779 годы,

а затем ещё много лет (до 1796 г.) его деятельность в качестве командующего разными группами войск на юге России была также прямым образом связана с Крымом.

Командуя войсками Крымского корпуса в 1777–1779 годах, он проявил себя не только как опытный и одарённый военачальник, но и как мастер военно-инженерного искусства, тонкий политик и дипломат, организатор и администратор. Здесь усилился его интерес к военно-морскому делу, который сохранялся на протяжении всей жизни. Здесь он впервые осуществлял военные операции в горной местности, что пригодилось впоследствии в Итальянском и Швейцарском походах.

А. В. Суворов сыграл выдающуюся роль в деле присоединения Кубани к России. Он был одним из создателей базы Черноморского флота славного Севастополя.

Находясь за пределами полуострова, полководец не раз защищал Крым, как это было в 1787–1788 годах при Кинбурне, да и на протяжении всей Русско-турецкой войны 1787–1791 годов.

А. В. Суворов — одна из величайших исторических личностей, ступавших на крымскую землю. И на этой земле сохранились многие следы его неутомимой деятельности. Кроме грандиозных многоярусных батарей Севастополя, кое-где ещё сохранились и менее заметные остатки земляных полевых укреплений — батарей, редутов, крепостей. Большинство из тех 29 полевых укреплений, что были

возведены А. В. Суворовым в 1778 году, застроены в XIX–XX веках и теперь недоступны для научного исследования. Тем не менее некоторые суворовские полевые укрепления, возможно, ещё уцелели. Один из таких — редут у села Ивановка (бывш. Камышлы) Сакского района. По словам московского археолога А. Б. Колесникова, этот редут чётко виден на аэрофотоснимке 1975 года и очень точно помещается на современной карте к северо-востоку от села Ивановка.

Возможно отыскать следы рва от суворовского редута в восточной части Евпатории, известного по планам города конца XVIII века. К югу от Керчи могут ещё сохраняться остатки сравнительно крупной Михайловской земляной крепости, возведённой А. В. Суворовым.

В памяти русского народа А. В. Суворов навсегда остался великим полководцем и патриотом своей Родины:

Се русский Геркулес —
Где сколько ни сражался,
Всегда непобедим остался,
И жизнь его полна чудес!

Г. Р. Державин

И сегодня мы с гордостью повторяем слова М. И. Кутузова — его великого ученика и соратника: *«Пусть всякий помнит Суворова: он научал сносить и голод и холод, когда дело шло о победе и славе русского народа».*

Источники

1. А. В. Суворов. Письма. — М., 1987. — (Серия «Литературные памятники»).
2. А. В. Суворов. Документы. — М. : Воениздат, 1951. — Т. 2.
3. А. В. Суворов. Документы. — М. : Воениздат, 1952. — Т. 3.
4. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. : справочник. — Симферополь : Таврия-Плюс, 1999.
5. Адмирал Ушаков. — М. : Воен.-морск. изд-во, 1951. — (Серия «Русские флотоводцы»).
6. Генералиссимус Суворов : сб. док. — М. : ОГИЗ, 1947.
7. Государственный реестр недвижимых памятников истории и культуры Республики Крым. — Т. 1 : Памятники истории и монументального искусства. — Кн. 1. — Симферополь, 1995.
8. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. — СПб, 1886. — Т. 1.
9. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. — СПб, 1885. — Т. 2.
10. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. — СПб. 1887. — Т. 3.

11. Екатерина II и Г. А. Потёмкин. Личная переписка. — М., 1997
12. Новые документы А. Суворова, Ф. Ушакова, Г. Потёмкина-Таврического и М. Кутузова. — Симферополь, 1947.
13. П. А. Румянцев, А. В. Суворов, М. И. Кутузов. Документы и материалы. — Киев : Наукова думка, 1974.
14. Цебриков И. М. Справедливые действия при врате Крыма в Таврике 1783 года / публ. Н. Болотиной // Москва — Крым : истор.-публ. альманах. — М. : Фонд эконом. и гуманист. связей «Москва — Крым», 2000. — Вып. 1.

Исследования

15. Александр Васильевич Суворов. Каталог. Государственный исторический музей.
16. Гаврилов Б. И. Слава Чёрного моря. Флот и Севастополь в конце XVIII — начале XIX вв. // Москва — Крым : истор.-публ. альманах. — М. : Фонд эконом. и гуманист. связей «Москва — Крым», 2000. — Вып. 1.
17. Гайворонский А. Созвездие Гераев : краткие биографии крымских ханов. — Симферополь : Доля, 2003.
18. Дейников Р. Т. Российские военные и дипломаты о статусе Крыма в период правления Шагин-Гирея //

Москва — Крым : истор.-публ. альманах. — М., 2002. — Вып. 4.

19. Дейников Р. Т. Присоединение Крыма к России в конце XVIII столетия как естественно-исторический процесс // Москва — Крым : истор.-публ. альманах. — М., 2001. — Вып. 3.

20. Дейников Р. Т., Масаев М. В. Присоединение Крыма к России // Отечественная история. — 2000. — № 3.

21. Доронина Э. Н., Яковлева Т. И. Памятники Севастополя. — Симферополь : Таврия, 1987.

22. Драчук В., Чельшев Ю., Кара Я. Керкнитиды — Гёзлёв — Евпатория. — Симферополь : Таврия, 1977.

23. Дружинина Е. И. Кучук-Кайнаджирский мир (его подготовка и заключение). — М. : Изд-во АН СССР, 1955.

24. Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. — М. : Изд-во АН СССР, 1959.

25. Екатерина II и Г. А. Потёмкин. Личная переписка. — М., 1997

26. История города-героя Севастополя. 1783–1917. — К., 1960.

27. Колтухов С. Г. Укрепления перекопские, I тыс. до н. э. — XV–XIX вв. // Свод памятников истории и культуры АРК : Джанкойский, Армянский, Красноперекопский районы. — Симферополь, 2002.

28. Лашков Ф. Ф. Шагин-Гирей, последний крымский хан : истор. очерк. — Симферополь, 1991.

29. Лоевский А. Евпатория. Путеводитель. — Симферополь : Таврия, 1982.

30. Маркевич А. И. Краткий очерк деятельности генералиссимуса А. В. Суворова в Крыму // ИТУАК. — 1901. — № 31.

31. Масаев М. В. Присоединение Крыма к России. — Симферополь, 1997.

32. Надинский П. Суворов в Крыму. — Симферополь, 1950.

33. Назаров К. С. А. В. Суворов и военно-инженерное искусство // Из истории русского военно-инженерного искусства : сб. ст. — М. : Воениздат, 1952.

34. Осипов К. Александр Васильевич Суворов. — М. : Госполитиздат, 1950.

35. Санин Г. А. Крым в геополитике и войнах России XV–XIX вв. // Москва — Крым : истор.-публ. альманах. — М., 2000. — Вып. 1.

36. Смирнов Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. — Одесса, 1889.

37. Песковский М. Л. А. В. Суворов : его жизнь и военная деятельность : биограф. очерк. — Челябинск : Урал, 1995. — (Серия «Жизнь замечательных людей». Биографическая библиотека Ф. Ф. Павленкова).

38. Тарле Е. В. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798–1800). — М. : Воениздат, 1948.

39. Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII в. — Киев : Наукова думка, 1984.

40. Цветаев В. Тактическое наследие А. В. Суворова // А. В. Суворов : из материалов, опубликованных в связи со 150-летием со дня смерти. — М. : Воениздат, 1951.

Газетные публикации

41. Гусарова М. Как дуб «Четыре брата» суворовским стал // Крымское время. — 2003. — № 137. — 1 авг.

42. Памятная скрижаль // Крымская правда. — 1984. — № 152. — 5 июля.

43. Полководцу и патриоту // Крымская правда. — 1984. — № 140. — 20 июня.

44. Ильюнина Л. «Покой души — у престола Всевышнего» // Русский мир. — 2004. — № 9 (69).

К 100-летию начала Первой мировой войны

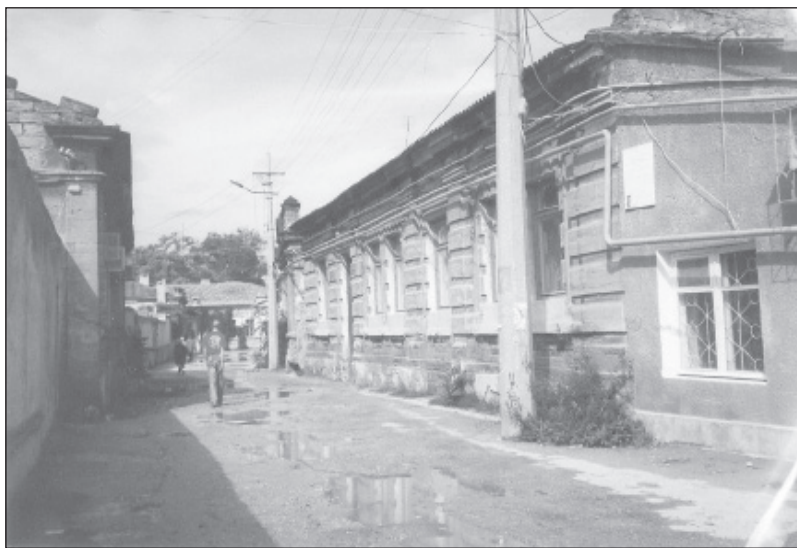
Минный заградитель «Прут»: бунт и гибель Новое из истории Черноморского флота

Предисловие и подготовка материала А. С. Бачинской, А. А. Бачинской

В фондах Евпаторийского краеведческого музея более полувека существует небольшой архив, связанный с судном «Прут». В истории Черноморского флота имя этого корабля занимает особое место. В 1905 году, почти одновременно с «Потёмкиным», тогдашнее учебное судно «Прут» было охвачено вооружённым восстанием. В 1914-м «Прут» уже в качестве минного заградителя вступил в неравный поединок с германо-турецким линкором «Гёбен» и эскадренным миноносцем «Лейтенант Пуцин», открыл счёт русским жертвам в войне на Чёрном море. Таким образом, в судьбе корабля отразились два важнейших исторических эпизода, и по сей день вызывающих различные интерпретации: революционные события на Черноморском флоте и начало Первой мировой войны на черноморском театре военных действий. Следует сказать, что евпаторийские документы проливают свет на некоторые важные обстоятельства как одного, так и другого.

Прежде всего речь идёт о воспоминаниях бывшего командира учебного судна А. П. Барановского «Прут» в 1905 году».

Александр Петрович Барановский был сыном Петра Ивановича Барановского, который в Синопском бою 1853 года командовал флагманским кораблём «Императрица Мария».

Евпатория, переулок Голикова, 6 (ранее переулок Узкий, где проживала семья Барановских)

Во время сражения он был контужен, после выздоровления принимал участие в обороне Севастополя 1854–1855 годов в качестве коменданта Северной стороны. Ушёл в отставку в звании вице-адмирала.

П. И. Барановский умер в 1886 году в Севастополе.

А. П. Барановский продолжил военно-морскую семейную традицию: во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов плавал на корабле «Великий князь Константин» под командованием С. О. Макарова. Принимал участие в боевых операциях. Во время революции 1905 года командовал судном «Прут». По результатам рас-

следования обстоятельств захвата судна матросами его как командира, допустившего бунт, уволили в отставку в конце августа 1905 года. Со временем опальный капитан поселился в Евпатории. Судя по орфографии, воспоминания были написаны им до 1917 года. Известно, что он отправлял или планировал отправить их Горькому — в музей сохранился черновик письма писателю. Обстоятельства попадания воспоминаний Барановского и ряда других документов в Евпаторийский краеведческий музей не сохранились.

Известно, что в 1950 году, после смерти Барановского, его родственники передали большую часть его документов и вещей в Музей Черноморского флота. Согласно справке начальника политуправления Черноморского флота контр-адмирала Б. Калачёва от 30 июня 1951 года, приложенной к воспоминаниям, «документы и фото Барановских музей Черноморского флота получил от Инны Александровны и Ольги Александровны Барановских — дочерей Александра Петровича Барановского, которые проживают в г. Евпатории, Узкий переулок, № 6. <...> Анна и Ольга Барановские на-

ходятся в крайне тяжёлом материальном положении: Ольга Александровна Барановская, рождения 1885 г., в настоящее время получает трудовую пенсию 150 рублей в месяц, Инна Александровна, рождения 1880 г. — больная, нигде не работала, находится на иждивении сестры Ольги. На Ольгу и Инну Барановских в местных органах компрометирующих материалов не имеется». Вряд ли родственники намеревались продать эти воспоминания Евпаторийскому краеведческому музею, тем не менее неизвестно, были они им куплены или получены безвозмездно. Известно лишь, что это произошло в 1953 году, как явствует из инвентарного номера.

Кроме автографов А. П. Барановского, в музей была передана также фотография корабля с надписью на обратной стороне: «Дорогому другу... [неразборчиво] на долгую память. Бывший командир учебного судна «Прут» А. П. Барановский. 28 февраля 1931 г.». К сожалению, ни даты смерти, ни места захоронения А. П. Барановского в Евпатории мы не знаем.

Воспоминания капитана Барановского интересны тем, что проливают свет на некоторые обстоятельства восстания на Черноморском флоте летом 1905 года. Мемуары капитана довольно сильно отличаются от версии, известной нам по знаменитому фильму С. Эйзенштейна. В частности, до сих пор идёт дискуссия о том, имело ли место злополучное «червивое мясо» в борще, якобы вызвавшее бунт. Воспоминания Барановского заставляют посмотреть на этот факт совершенно под иным углом, точно так же, как и на вопрос о том, был ли мятеж вообще стихийным бунтом или заранее организованной акцией. Мемуары Барановского интересны и с точки зрения характеристики атмосферы, царившей на флоте накануне и в период первой революции. Из них совершенно ясно, что она решительно не вписывается в ставшие классическими представления об «острой классово-вой борьбе».

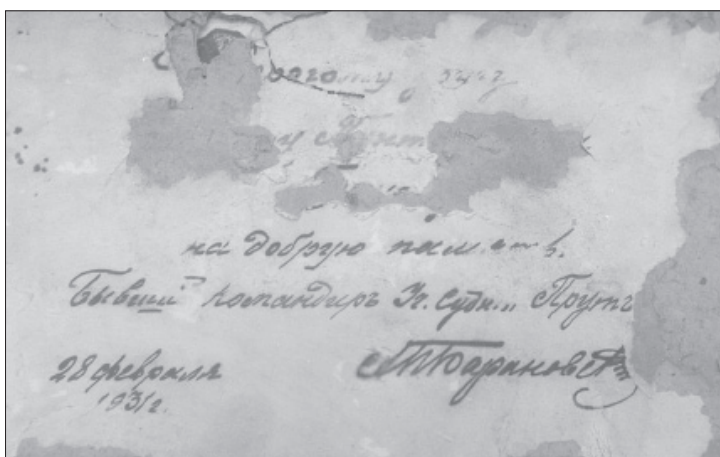

Фото учебного судна «Прут» с надписью на обратной стороне

Воспоминания другого моряка с судна «Прут», тоже жителя Евпатории, Степана Пантелеймоновича Гурцака «Гибель минного заградителя «Прут» в Чёрном море в 1914 году» о последних днях исторического корабля были написаны в 1934 году. Как и в случае с воспоминаниями А. П. Барановского, обстоятельства их попадания в Евпаторийский краеведческий музей неизвестны, однако они имеют следующий по порядку инвентарный номер от 1953 года. Скорее всего, обе рукописи попали в музей одновременно. Как явствует из рассказа дочери Гурцака Е. С. Куликовой, записанного в 2005 году, семья Гурцака была хорошо знакома с семьёй Барановского и сослуживцы поддерживали между собой тесные взаимоотношения. Из воспоминаний Е. С. Куликовой известны также обстоятельства смерти Барановского.

«Мой отец — Гурцак Степан Пантелеймонович, — рассказала Е. С. Куликова, — служил на корабле «Прут» минёром. <...> Когда я была в Севастополе, в музее Черноморского флота, то видела часы и коврик дома А. П. Барановского, командира корабля «Прут», дворянина, потомка из нескольких поколений моряков, с которым мой отец поддерживал отношения уже после революции 1917 года до дня его гибели. У А. П. Барановского была жена редкой красоты, по национальности караимка.

Недалеко от Евпатории у них было имение. Семья Барановских входила в царское время в круг общения И. К. Айвазовского, который числился в штате Черноморского флота».

Позже, как свидетельствует очевидец Е. С. Куликова, имение у Барановских забрали и они обосновались в Евпатории по адресу переулок Узкий, 6 (ныне переулок Голикова).

«В семье Барановских было две дочери — Инна Александровна и Ольга Александровна, у них были женихи, и в 1917 году сёстры имели возможность выехать в Англию со своими женихами, но решили остаться с родителями, чтобы заботиться о них. Женихи эмигрировали в Англию сами. Когда умерла их мать, её похоронили на русском кладбище, и красивый, стройный её муж А. П. Барановский часто навещал её. Он уже плохо видел и слышал и однажды, возвращаясь, не увидел и не услышал шум идущего поезда, и случилась трагедия. Мой отец после смерти Барановского перестал ходить к ним, а остались дочери Барановского доживать свою жизнь в родительском доме, но по составу семьи занимали уже меньшее помещение», — свидетельствует Елизавета Степановна, которая бывала в их доме до 1970-х годов.

Воспоминания Гурцака посвящены последнему боевому походу «Прута». Хотя мы достаточно хорошо осведомлены о последнем бое этого корабля прежде всего благодаря опубликованным в 1969 году в США и переизданным в 1997 году в России воспоминаниям П. А. Варнека (см.: Варнек П. А. Последние минуты минного заградителя «Прут» // Гангут. — 1997. — №. 12-бис), мемуары Гурцака интересны несколькими важными подробностями, а также общим взглядом на события октября 1914 года. Написанные в советское время, они носят менее романтический характер, чем мемуары эмигранта Варнека, дают скептические характеристики действиям русского командования в начальный период войны на Чёрном море.

Между тем «Прут» продолжает интересовать историков и сейчас. В 2008 году была проведена экспедиция по поиску затонувших в Чёрном море кораблей. Руководитель экспедиции директор Департамента подводного наследия Института археологии НАН Украины Сергей Воронов с помощью американского океанографического судна «Патфандер», оснащённого современным оборудованием для сканирования дна, обнаружили у берегов Крыма пять кораблей: два античных, затонувших не менее тысячи лет назад, немецкую подводную лодку и советский катер времён Второй мировой войны, а также минный заградитель «Прут», погибший в 1914 году.

Воспоминания о «Пруте» из фондов Евпаторийского краеведческого музея публикуются впервые, орфография текстов приведена в соответствии с современными нормами русского языка, но без стилистических изменений.

А. П. Барановский. «Прут» в 1905 году

Война с Японией потребовала ускоренных выпусков специалистов, а так как Финский залив вскрывается поздно, то решено было Балтийскую школу минёров и слушателей минного офицерского класса послать для практических занятий в Чёрное море. Так как учебное судно «Прут»¹ предыдущие годы плавало в составе учебного отряда и на нём были приспособлены помещения для жилья и классов машинной школы, то «Пруту» было приказано начать кампанию с 1 февраля с прибывшими по железной дороге балтийцами, коих прибыло 200 учеников с инструкторами и учителями во главе с начальником капитаном 2-го ранга Петром Петровичем Муравьевым (командир «Азии»)².

Два с половиной месяца «Прут» был в полном распоряжении школы, оказывая ей всяческое содействие в её занятиях. Состав школы был безукоризненный, и взаимоотношения были наилучшими.

Приближалась Пасха, и надо было позаботиться и приготовить всего к празднику на такую массу. По приказу было разрешено истратить по одному рублю на человека. И вот в начале Страстной недели я распорядился, чтобы избрали по пять человек от судовой команды и от учеников школы... С этим десятком я съехал на берег в Севастополь и отправился в кондитерскую Миханько, у которого были выставлены пробы пасок разной цены. Пришли в кондитерскую: ну, красавцы, пробуйте, какая вам больше понравится! Начали отщипывать и пробовать. Конечно, понравилась та, которая стоила 40 рублей за фунт. Обращаюсь к кондитеру, который меня узнал, с вопросом о цене.

- Вам по знакомству — 35 копеек за фунт.
- Не дам.
- Сколько возьмете?
- Тысячу фунтов.

Ахнул и уступил по 25 копеек за фунт. Такая же процедура произошла и у знакомого неопита в гастрономическом магазине при покупке колбас, ветчины и сала. Также спустил цену чуть ли не вполтину. Благодаря тому, что я дело не поручил комиссару и артельщикам, а поехал сам с выборными, удалось, не выходя из нормы, приобрести, кроме куличей, яиц, ветчины, колбас, сала, ещё

несколько ящиков яблок и апельсинов, и люди видели, что командир выторговывает каждый грош, но не для себя (как потом мне поведали ученики школы о некоторых балтийских командирах), а для своих «красавцев».

Но, к сожалению, мне не светлым пришлось с ними встретить праздник. В Страстной четверг была получена телеграмма о немедленной высылке школы в Кронштадт. Пришлось немедля послать в город купить несколько больших ящиков и половину всего приобретённого для праздника запаковать, а также приготовить анкерок с вином. Подали баржу, погрузили всё и всех — и на вокзал. Отъезжающие ученики вызвали меня на палубу и здесь усадили в приготовленное ими кресло и начали качать, а офицеры поднесли фотографическую группу с трогательной надписью.

Немного спустя со своими свободными офицерами поехал на вокзал. Здесь от коменданта узнал, что по маршруту этот воинский поезд должен прибыть в Страстную субботу вечером на станцию Дно, где стоит до понедельника. Тогда я попросил коменданта телеграфировать на станцию Дно, чтобы на воскресенье был приготовлен на 200 человек обед из двух блюд с белым хлебом за счёт командира «Прута» и что весь произведённый расход будет немедленно возмещён через него — севастопольского коменданта станции, моего хорошего знакомого. Трогательно распрощались, и поезд ушёл, не зная о сделанном мною распоряжении.

На первый день Пасхи я получил длиннейшую телеграмму от учеников-минёров со станции Дно, в которой они поздравляли с праздником и благодарили за заботу о них, которую они «по гроб не забудут». Так мы навеки расстались.

Затем «Прут» был послан в Одессу в распоряжение артиллерийского ведомства, а также принять школу Одесского училища торгового мореплавания. Возвратясь из Одессы, «Прут» продолжал выполнять различные поручения штаба флота, находясь в отдельном плавании до 1 июня.

В числе этих отдельных поручений «Пруту» было поручено перевести из Балаклавы в Ставрополь, на Кавказ, опального великого князя Николая

¹ «Прут» — бывший пароход Добровольного флота «Москва», спущен на воду в 1879 г., место постройки — Англия, Глазго. Водоизмещение 5459 т, длина 109,7 м, ширина 13,1 м, углубление (осадка) 7,9 м. Приобретён российским флотом в 1895 г. Использовался в качестве учебного судна. В 1909 г. использовался как минный заградитель и был вооружён восемью 47-мм орудиями, в 1914 г. являлся единственным большим заградителем Черноморского флота.

² **Муравьев Пётр Петрович** (1860–1940 или начало 1941). Возможно, у А. П. Барановского ошибка, поскольку Муравьев был командиром учебных судов «Африка» (1904–1907) и «Европа» (1907–1909). Помощник начальника (1907–1909), начальник (1909–1911) учебно-минного отряда Балтийского флота. Впоследствии — начальник Главного управления кораблестроения. В июне 1915 г. переведён на должность помощника (второго заместителя) морского министра. После Февральской революции уволен, после Октябрьской — уехал во Францию, где и умер.

Константиновича³. 8 мая ко мне на квартиру прибыли жандармейский генерал Васильев и главный медицинский инспектор Министерства внутренних дел тайный советник Лев Фёдорович Рагозин, который был командирован царём Николаем II для перевозки великого князя и водворения его в Ставрополь. Имея от царя особые инструкции и полномочия, адмирал Чухнин⁴ дал в его распоряжение «Прут». Начались переговоры. Князь упёрся и не хотел ехать. Несмотря на то, что Рагозин ездил в Балаклаву к нему, а затем — ко мне с разными вопросами, и наконец, когда я заявил, что готов принять всё его имущество вплоть до экипажей и лошадей, князь согласился ехать. Но тут возник ещё весьма щекотливый вопрос. Рагозин сообщил мне, что царь приказал не отдавать великому князю никаких почестей, положенных по морскому уставу. Я попросил письменное предписание, ибо князь — сын бывшего генерал-адмирала, с которым часто плавал, и знает хорошо свои права. Поэтому он, несомненно, задаст мне вопрос, почему ему не отдадут положенные почести, и тогда что я могу ответить ему без письменного распоряжения власти имущих? Поехали вместе к Чухнину, и тот, выслушав мой доклад, нашёл его правильным, заявив Рагозину, что нельзя командира военного судна ставить в такое неловкое положение. По уставу всякое лицо может отказаться от положенных ему почестей, и поэтому решено было поручить Рагозину дипломатично склонить князя к отказу от почестей. И вот Рагозин, не знаю, каким путём, но добился и наконец привёз мне короткую записку от князя, в которой он назначил день и час своего приезда на Царскую пристань в Севастополе, и закончил её так: «При моем прибытии прошу, чтобы кроме вас, командира, я не видел ни одной рожи, иначе я поверну и уеду обратно».

С утра 13 мая «Прут» ошвартовался у Царской пристани и приступил к погрузке имущества великого князя вплоть до экипажей и лошадей, а к вечеру прибыли прислуга и два мальчугана-сарта⁵. 14-го, после полудня, прибыл его багаж, Рагозин

и дантист Сибольди. Около трёх часов показалась на спуске коляска наёмного извозчика, запряжённая четвёркой лошадей. Я приказал всем уйти с палубы и до вызова не показываться, вахтенному начальнику быть в рубке на мостике. Подъехала коляска к сходням, я с букетом в руках спустился по сходням и через открытое окно приветствовал его супругу, и он запросто поздоровался со мной, затем он дал особый свисток, на который выскочили с «Прута» сартанки, подбежали к окну коляски, и великий князь через окно начал подавать им целую серию маленьких собачонок, одну даже на трёх ногах. Прodelал он это со смехом и шутками. Затем изнутри открыл дверцу и вышел. Я помог выйти Надежде Александровне, предложил ей руку, и по сходням пошли мы на палубу судна, на котором действительно не видно было ни одного живого существа. Великий князь был очень великого роста, всё лицо брито, даже брови. Одет в чёрную морскую офицерскую накидку, а на голове — громадный шлем из люфы, что ещё увеличивало по росту. Взойдя с нами на палубу, он попросил указать приготовленное для него помещение, я проводил его в свою кормовую каюту, и он приказал вынести из неё кровать, свистнул своих сартят, которые тотчас перед ним появились, и через несколько минут моя каюта преобразилась: на полу разостлан невероятных размеров толстый матрац, покрытый дорожным атласным одеялом, в голове — персидский с перламутровой инкрустацией шестигранный табурет, на котором положены знаки ордена Андрея Первозванного с цепью и звездой и большой, украшенный драгоценными камнями меч. На моё молчаливое недоумение великий князь со смехом пояснил, что он живёт по-восточному, и затем шёпотом спросил меня, много ли жандармов село на «Прут». Когда я доложил ему, что ни одного жандарма на судне нет, то надо было видеть, как он обрадовался и бросился к жене делиться с нею радостью. Тут явились к нему Рагозин и Сибольди, и он им заявил, что для него сегодня счастливый день,

³ **Романов Николай Константинович**, великий князь (1850–1918) — сын великого князя Константина Николаевича, младшего брата императора Александра II, внук Николая I. Окончил Академию Генерального штаба. В 1874 г. был замешан в скандале с кражей императорских драгоценностей, после чего объявлен душевнобольным с запрещением жить в столицах. В 1877 г., проживая в Оренбурге, опубликовал работу «Водный путь в Среднюю Азию, указанный Петром Великим» (без указания авторства), совершил несколько поездок вглубь казахских степей, тайно женился на дочери местного полицмейстера Надежде Александровне Дрейер, после чего уехал в Туркестан и поселился (после узаконения брака) в Ташкенте, где женился вторично. Занимался предпринимательством, благоустройством Ташкента и окрестностей, построил оперный театр и первый в Ташкенте кинотеатр. Пытался строить железную дорогу и оросительный канал. Отречение императора в феврале 1917 г. воспринял с восторгом, поднял красный флаг над своим домом и отправил приветственную телеграмму Временному правительству. Умер от воспаления лёгких на даче под Ташкентом.

⁴ **Чухнин Григорий Павлович** (1848–1906) — русский военно-морской деятель, вице-адмирал (1903), командующий Черноморским флотом. Проходил службу на Балтийском, Чёрном морях, на Тихом океане. Организатор борьбы с революционным движением на Черноморском флоте и подавления ноябрьского восстания в Севастополе в 1905 г. Утвердил смертный приговор П. П. Шмидту и другим участникам восстания. Пережил несколько покушений. Убит на даче «Голландия» революционером-боевиком. Похоронен в соборе Святого Владимира в Севастополе.

⁵ Сарты — общее именование малых оседлых племён Средней Азии.

ибо он не увидит ни одной жандармской рожи, ни явной, ни тайной. Забыл, бедняга, что ведь Рагозин-то в данном случае является тем же жандармом с полномочиями и инструкциями от самого царя. Правда, Рагозин оказался в высшей степени порядочным человеком. А дело в том, что в Балаклаве великий князь шагу не мог сделать без сопровождения «синиц» тайных и явных, и потому вполне понятна его радость хоть сутки их не видеть.

Под вечер снялись из Севастополя в Новороссийск с приказанием прибыть туда ровно в три часа дня. Обогнув Херсонесский маяк и имея большой запас времени, я лёг курсом вдоль Южного берега Крыма при полном штиле. Время ужина. Князь пожелал ужинать в кают-компании вместе с офицерами. И он, и жена его держали себя чрезвычайно просто и мило. Затем по его просьбе вынесены на ют стол и стулья, и он пригласил нас всех, угощал кофе, ликёрами и сигарами, и так при яркой луне и полном штиле просидели и беседовали за полночь. Он так просто и по-товарищески себя держал, что в конце концов я рискнул задать ему очень интересовавший меня вопрос о том, за что он в опале. И он мне объяснил подробно и откровенно, что широкой публике, конечно, неизвестно. А объяснил он мне следующее.

Когда бездетный император Александр I умер, то на престол по его завещанию должен был вступить его брат Константин Павлович, бывший в то время наместником в Варшаве и женатый морганатическим браком на княжне Лович. Великий князь же Николай Павлович, второй брат Александра I, был простым великим князем (а не цесаревичем, как Константин, был женат и имел сына Александра). Цесаревич Константин Павлович предпочёл остаться в Варшаве и отказался от престола в пользу брата Николая (что и вызвало революцию 1825 года). Николай вступил на престол, и после его коронации у него родились сыновья Константин, Николай и Михаил Николаевичи, которые уже явились сыновьями императора. По основанному закону Павла I о престолонаследии, после смерти императора вступает

на престол старший сын императора. Таким образом, после смерти Николая I должен был вступить сын императора Константин Николаевич, а не сын простого великого князя Александр Николаевич. «Но Николай I, вопреки закону, передал престол Александру II, и так как он был человеком добрым и гуманным, то отец мой, — говорил князь, — смирился и занял пост генерал-адмирала флота, в котором он служил, очень любил его и старался усилить. Но неожиданная смерть его и вступление на престол Александра III — этого жандарма — перевернула судьбу мою и моего отца, который считался у них «красным». Отец мой был заменён Алексеем Александровичем⁶ и лишён права въезда в Россию, а я как старший его сын и прямой наследник был объявлен умалишённым, заслан в Ташкент без права выезда и под надзор явной и тайной полиции. Ведь теперь-то на престоле должен быть не Николай, а я. Вот бы теперь, командир, повернуть да дёрнуть в Константинополь, а? Как вы думаете?» — с хохотом он закончил свою речь.

На другой день, в условленный час, «Прут» ошвартовался у цементного завода в Новороссийском порту, подали сходню; вошёл начальник порта и сообщил мне ужасную весть о том, что наша эскадра у Цусимы⁷ разгромлена, Рождественский⁸ и Небогатов⁹ в плену и т. д. Как громом поразило меня это известие, и я просил его не сообщать великому князю. В это время Рагозин принёс мне прочитать телеграмму в 150 слов, которую великий князь приказал отправить в Грецию сестре своей Ольге Константиновне¹⁰ и в которой он сообщает о переезде в Ставрополь и о восторге по поводу плавания, о «Пруте» и его составе. По выгрузке на поезд его имущества и багажа я приготовил уже соответствующие званию почести; он вышел и был очень тронут, попрощался с командой, дал ей 300 рублей в артель и трогательно распростился с нами.

За сутки пребывания его на «Пруте» я убедился, что он совершенно в здравом уме, человек очень развитый, большой энциклопедист, читает массу серьёзных книг, русских и иностранных (большая своя библио-

⁶ Романов Алексей Александрович, великий князь (1850–1908) — четвёртый сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны; российский военачальник. С 15 мая 1883 г. — генерал-адмирал русского флота.

⁷ Цусимское морское сражение произошло 14 (27) — 15 (28) мая 1905 г. в районе острова Цусима в Японском море, в котором российская 2-я эскадра флота Тихого океана потерпела сокрушительное поражение от Императорского флота Японии.

⁸ Рождественский Зиновий Петрович (1848–1909) — российский флотоводец, вице-адмирал (1904), генерал-адъютант (1904). Во время Цусимского сражения командовал российской 2-й эскадрой флота Тихого океана. Флагманский корабль «Князь Суворов» был выведен из строя и потоплен, сам вице-адмирал получил тяжёлое ранение в голову. Миноносец «Бедовый», на котором находился раненый Рождественский, сдался в плен.

⁹ Небогатов Николай Иванович (1849–1922) — российский флотоводец, контр-адмирал. Участвовал в Цусимском сражении в качестве младшего флагмана на эскадренном броненосце «Император Николай I». После выхода из строя флагмана принял командование эскадрой. 15 мая 1905 г. сдал японскому флоту эскадренные броненосцы «Император Николай I», «Орёл» и броненосцы береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин» и «Адмирал Сенявин». 22 августа 1905 г. за сдачу в плен «исключён из службы с лишением чинов. В декабре 1906 г. приговорён к смертной казни, заменённой десятью годами крепости.

¹⁰ Ольга Константиновна, великая княжна (1851–1926) — супруга короля Греции Георга I.

тека), и если позволял себе какие-либо эксцентричности, то только скуки ради.

Возвратясь в Севастополь, «Прут» продолжал оставаться в отдельном плавании, состоя в распоряжении штаба флота до 1 июня.

С 1 июня «Прут» вступил в состав судов отдельного учебного отряда под командой контр-адмирала Писаревского¹¹ и по примеру предыдущих годов принял с броненосца «Екатерина II» 500 человек учеников, машинистов и коچهгаров с их инструкторами и преподавателями.

В первый же четверг по расписанию мыли бельё и койки и подняли их для просушки на леерах¹². Перед обходом старший офицер доложил мне, что судовая команда волнуется на баке. Я отправился на бак и застал там почти всю судовую команду (ученики ещё были внизу, в классах) около бельевых лееров.

— В чём дело, красавцы?

— Да посмотрите, ваше великоблагородие, — заявляет мне боцман, — ведь бельё учеников кишмя кишит вшами, ведь эдак и мы все завширеем.

Я поднялся на полубак и, когда мне развернули одну, другую рубашку, невольно ужаснулся: они буквально были усеяны живыми насекомыми. Надо было принять экстренные и энергичные меры к устранению этого зла на судне. Я тотчас же поехал к адмиралу, доложил обо всём и просил разрешения прекратить занятия школы впредь до полной очистки учеников, их вещей и помещений от вшей. И вот после обхода были устроены бочки с паровыми змеевиками, изготовлена баня, борта обвешаны парусиновыми полками, и затем по одной смене белья чистого из чемоданов пущено в бочки для пропарки, а тем временем на обвешанной палубе раздевались догола, стриглись под № 1 — и в баню, а снятое бельё — в бочку. Таким путём нужно было остричь, перемыть и переодеть 500 человек, не допуская сообщения их с ещё не очищенными. А затем пропарить перегретым паром все их чемоданы с содержимым. Эта операция заняла трое суток. Насекомых из бочек собирали черпаками — это было что-то невероятное. Оказывается, что на «Екатерине II» они жили в плесневелых нижних, весьма тёмных казематах, бани и не видали — понятно, завшивели и заразили всё помещение, на «Пруте» же этого, к счастью, сделать не успели. Таким образом, к следующей неделе все были уже чистенькими и жизнь вошла в свою колею.

В этом же году старшим офицером «Прута» был лейтенант Н. И. Руднев, молодой, усердный, но довольно глупенький (таким он был известен во флоте), по натуре добродушный, распоряжения давал не приказательным, а просительно-слезливым тоном; иногда отдавал несуразные приказания, и матросы вступали с ним в препирательство. Когда он впервые явился ко мне, то я в каюте глаз на глаз предупредил его, что я враг мордобойства и карцеров, и в этом отношении на него нельзя было пожаловаться — с командой общался хорошо и заботливо. Кроме него, больше флотских офицеров (желтопогонников) не было. Ревизором, ротным командиром и вахтенным начальником были все белопогонники — прапорщики запаса, призванные на службу по случаю войны с Японией помощники капитанов коммерческих судов. Все они были весьма опытными и хорошими мореходами, но чисто гражданского склада и с командой — старшими товарищами. Судовой состав команды, плававший со мною в предыдущем году, был также очень хорошим: большая часть уже закончила срок службы и подлежала увольнению в запас; каждый исполнял своё дело честно и добросовестно.

Судовая жизнь вступила в свою колею, по будним дням ученики школ — в классах на занятиях и ни на какие судовые работы не отвлекались; судовая команда — по установленному расписанию: после спуска флага женатые увольнялись на берег, остальные — пение, танцы, игры до восьми часов.

16 июня «Прут» должен был выйти в море на практику учеников действующих котлов и машин. Обыкновенно «Прут» выходил два раза в месяц, и штаб использовал эти выходы для своих поручений. В этот раз штаб флота поручил зайти на Тендру, передать на стоящий там броненосец «Потёмкин» двух офицеров — мичмана и лейтенанта, а также с комиссией от порта освидетельствовать постройку новой временной учебной батареи на Тендровской косе, для каковой цели с предписанием штаба явились на «Прут» капитан 1-го ранга Матюхин, капитан 2-го ранга Щиголев и портовый техник Иванов. Кроме того, штаб предписал принять несколько семейств матросов и доставить их в Николаев.

Главный командиром в это время был вице-адмирал Чухнин, но он незадолго до этого был вызван в Петербург на особое совещание по борьбе с усиливающимся в войсках революционным движением под влиянием наших поражений в войне с Японией. Именно Чухнина заменял старший флагман вице-адми-

¹¹ Писаревский Сергей Петрович (1848–1908) — вице-адмирал. В 1877 г. — лейтенант, командир минного катера «Синоп». Награждён орденом Св. Георгия «в воздаяние за отличие, оказанное при взрыве Турецкого броненосца у Сухума, в 1877 г.». В 1902 г. — капитан 1-го ранга, командир броненосца «Георгий Победоносец». В 1905 г. — контр-адмирал, начальник учебного отряда Черноморского флота, затем старший флагман Черноморской эскадры. Участвовал в подавлении ноябрьского восстания в Севастополе.

¹² Леер — туго натянутый трос, оба конца которого закреплены на судовых конструкциях (стойках, мачтах, надстройках и т. д.).

рал Кригер¹³. Начальником штаба был контр-адмирал Данилевский¹⁴.

«Прут» должен был сняться с якоря после восьми часов утра. Пары были разведены; все пассажиры прибыли, и только что подняли флаг, как с сигнальной мачты я был вызван сигналом в штаб. Здесь адмирал Данилевский приказал мне отложить съёмку с якоря до вечера и приготовить помещение для 200 машинистов и кочегаров для Николаевского адмиралтейства. При этом он сообщил мне конфиденциально, что в Николаевском порту забастовали все мастерские и решено снять по несколько человек надёжных машинистов и кочегаров с судов и временно послать в Николаевский порт. Также он сообщил мне, что на «Потёмкине» что-то произошло необычайное, но что именно — ещё не известно.

Вернувшись на «Прут», я приказал загасить жар в топках и объявить, что «Прут» снимется в шесть часов вечера, как я условился с начальником штаба, но в три часа получил из штаба служебную записку начальника штаба о том, что отправка в Николаев машинистов и кочегаров отменена и я могу сниматься с якоря по своему усмотрению.

В 18 часов снялся на Тендру, куда пришёл с рассветом, но «Потёмкина» здесь не оказалось. Комиссия съехала на батарею, и в семь часов утра, по возвращении комиссии, снялся в Николаев, куда прибыл и встал на якорь на Спасском рейде в 10 часов. Так как должен был пробывать в Николаеве три дня, то приказал пары в котлах прекратить.

Несколько человек из команды обратились с просьбой отпустить их на побывку к родным в ближайшие селения по реке Буг. Я разрешил их уволить на время стоянки, и они тотчас же были свезены на Варваровский мост. Сам я съехал с рапортом к командиру порта на Спасскую пристань; поднялся наверх, на дачное шоссе, — ни трамвая, ни извозчиков. Порядочное время прождал и пошёл пешком в надежде встретить извозчика на спуске. Значительное расстояние прошёл, едет извозчик с седоком-мужчиной; поравнявшись, седок останавливает экипаж, соскакивает и предлагает уступить его мне, при этом сообщил мне, что трамвай забастовал и часть извозчиков тоже, что он живёт поблизости на даче и пойдёт пешком. Я поблагодарил любезного незнакомца и отправился на его извозчике в город. По пути извозчик сообщил мне, что сегодня утром на Собор-

ной улице в полицмейстера была брошена бомба и в городе беспорядки, что в Адмиралтействе была забастовка, но вчера приступили к работам. Подъехал к квартире командира порта в здании бывшей библиотеки, перед домом — взвод казаков. Контр-адмирал Загорянский¹⁵ принял меня в кабинете, стоя у телефона. Выслушав рапорт мой, предложил сесть на диван и закурить, пока он закончит разговор по телефону. В это время вошёл его старший помощник капитан 1-го ранга Лапин, ещё несколько офицеров и окружили меня с расспросами и сообщениями новостей. В это время открылась дверь кабинета и капитан Юрьев с порога обратился к адмиралу, что только что пришёл «Прут» и по дороге команда взбунтовалась, убила командира и выбросила его за борт. Адмирал перебил его восклицанием: «Что вы докладываете мне бабы сплетни; что за чепуха — вот он сидит, здрав и невредим!» Сконфуженный Юрьев подошёл ко мне сконфуженный и сообщил, что так передали с оптического телеграфа. Чтобы несколько сгладить этот неприятный эпизод, я поднялся с дивана и с постной физиономией обратился к адмиралу: «Ваше превосходительство, прикажите отслужить панихиду по безвременно скончавшемуся рабу божьему, предстоящему перед вами». Все расхохотались моей шутке, но у меня остался в мозгу след от сообщения Юрьева, и я сам себе сказал: «Мотай на ус!» Адмирал, закончив свой разговор, сообщил мне, что «Потёмкин» в Одессе под красным флагом, что эскадре адмирала Кригера приказано усмирить «Потёмкина», употребив все средства, вплоть до взрыва его. Отпуская меня, адмирал обещал держать меня в курсе событий.

Около 11 часов я вернулся на «Прут», и старший офицер, встречая меня у трапа, с испуганной физиономией доложил мне, что команда самовольно начала купаться за бортом. Я перешёл к левому борту и громко сделал замечание вахтенному начальнику, что у него мало концов и штормтрапов за бортом, что это не море, а река с довольно сильным течением и надо при купании зорко следить за купающимися. Таким образом, для всех получилось впечатление, что купание легальное. Для меня же это было уже вторым предостережением надвигающегося чего-то.

В четыре часа с пристани доставили срочную телеграмму адмирала Кригера: «Не теряя ни минуты, идите в Одессу». Так как вода в котлах была горячая,

¹³ Кригер Александр Христианович (1847— после 1917) — русский военно-морской деятель, начальник Николаевской морской академии и директор морского кадетского корпуса, вице-адмирал, в 1905 г. — главный командир Черноморского флота. Уволен в отставку за «медлительность и нерешительность в подавлении матросского бунта на броненосце «Кн. Потёмкин».

¹⁴ Данилевский Александр Александрович (1859—?) — русский военно-морской деятель, командир крейсера «Баян». Контр-адмирал. Председатель комиссии для наблюдения за постройкой кораблей в Чёрном море. Уволен со службы в 1917 г.

¹⁵ Загорянский-Кисель Аполлинарий Сергеевич (1848 — после 1917) — вице-адмирал. Служил на Балтийском и Чёрном морях, участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., контр-адмирал. В 1904–1906 гг. занимал должность командира Николаевского порта и градоначальника Николаева. В 1906 г. произведён в чин вице-адмирала с увольнением от службы.

то я приказал в машину, чтобы пары были готовы к пяти часам, а сам тотчас же съехал к командиру порта с этой депешей. Оказалось, что и он получил срочную телеграмму немедленно выслать «Прут» в Одессу. Обсудив обстоятельства, мы пришли к заключению, что, вероятно, был бой с «Потёмкиным», что, вероятно, имеется много убитых и раненых, для перевозки которых адмирал и вызывает «Прут». Я доложил ему, что тотчас по возвращении на судно снимусь, и просил его отправить по железной дороге тех шесть человек, которые отпущены мною в деревню на два дня. Вернулся на судно и около шести часов снялся в Одессу.

В Лимане встретил идущий в Николаев пароход «Эреклик», который сигналом передал новое приказание адмирала Кригера — идти на Тендру, такой же сигнал с позывными «Прута» был и на сигнальной мачте в Очакове.

Так как «Прут» — глубоководное судно, то из Лимана повернуть прямо на Тендру нельзя, а надо огибать с запада Одесскую банку, то есть приблизиться к виду Одессы и тогда уже повернуть на юг. Когда проходили Очаков, всё чаще и чаще стали встречаться различные мелкие суда — баржи, шаланды, баркасы, наполненные народом, очевидно бегущим из Одессы. Стало смеркаться, и над Одессой появилось зарево пожара, быстро усиливающееся. Когда же больше стемнело и мы ближе подошли, то на фоне горевшей эскадры ярко выступали силуэты двух броненосцев и миноносца. Команда буквально усеяла бак, а все офицеры собрались на мостик. Пошли разные догадки и споры. Я громким голосом высказал своё мнение, самое верное в данной обстановке, а именно, что адмирал Кригер усмирил «Потёмкина», оставил его караулить другой броненосец на время, а сам с остальной эскадрой пошёл на Тендру, чтобы передать на «Прут» убитых и раненых для доставки в Севастополь. Это была наиболее правильная мысль. Понемногу все разошлись по койкам спать.

На Тендру пришёл в субботу 18 июня с рассветом, встал на якорь, но никого здесь не застал. Так как ушли из Николаева, не успевши купить на рынке мяса и хлеба, то тотчас же ревизор на баркасе был послан на берег купить живого быка и хлеба. Пока ревизор ходил в ближайший посёлок за покупками, гребцы баркаса накопили целое ведёрко дождевых червей для наживки на удочки. Часов в шесть на фелюге рыбаками был доставлен бык, и, пока его поднимали на палубу «Прута», рыбаки сообщили команде, что эскадра накануне подходила к Одессе, «Потёмкин» вышел ей навстречу, и в то время, как прорезал строй, «Георгий Победоносец» под-

нял красный флаг, с криком «ура!» присоединился к «Потёмкину», на других судах также начались волнения, почему адмирал Кригер повернул с эскадрой в море, а «Потёмкин» вернулся в Одессу с «Георгием», что в Одессе поднялись портовые рабочие и поднимали эстакаду и что в Одессе уже революция. С утра на «Пруте» проводились генеральная мойка, чистка и уборка по субботнему расписанию.

После подъёма флага я через Тендровский маяк послал в Одессу на имя адмирала Кригера депешу о том, что прибыл на Тендру и ожидаю распоряжений. К 11 часам окончили мытьё и приборку; день был очень жаркий, и на море мёртвый штиль. В 11 часов мне была подана проба борща из убитого быка, раздали вино и обед. Только я собрался выйти из кормовой рубки в кают-компанию обедать, как вахтенный доложил мне, что на баке команда волнуется и не хочет есть борщ, потому что он с червями. Это сообщение меня удивило, так как мясо в борще было от убитого утром на палубе быка. Я немедленно пошёл по правому спардеку¹⁶ и, выйдя на бак, у новобранца, сидевшего у первого бака, взял ложку и зачерпнул борща. Действительно, с ложки свешивался длинный червяк, который оказался ещё живым и извивался.

Я громким голосом обратился к хозяину ложки:

— Червяк живой?

— Точно так! — ответил довольно грубым тоном.

— Но ведь борщ кипел. Как ты думаешь, может быть, в кипятке живой червяк? Ведь он сварится.

— Верно! — воскликнул сообразивший молодой матрос.

— Значит, вам кто-то подсыпал в баки с борщом живых дождевых червей, что утром накопили на берегу для ловли рыбы удочками.

Я приказал вылить весь борщ из баков за борт и сейчас же приступить к варке нового борща, причём тут же при всех мясо было осмотрено и оказалось совершенно свежим. Пока же будет готов новый борщ, я приказал комиссару немедленно заварить чай и выдать к нему хлеба и коровьего масла.

Таким образом, этот манёвр, направленный на то, чтобы поднять массу, не удался. Для меня же это было третьим предостережением.

Перед закатом солнца с маяка сообщили, что имеется телеграмма. Послали шлюпку с офицером, который привёз мне депешу в запечатанном сургучной печатью конверте. Депеша от командующего войсками Одесского военного округа следующего содержания: *«Эскадра ушла в направлении Севастополь. Повидимому, там неблагоприятно. Будьте осторожны и осмотрительны. Генерал Коханов»*. Сам собой

¹⁶ Спардек — верхняя лёгкая палуба от форштевня до ахтерштевня, располагавшаяся выше главной палубы. В настоящее время спардеком часто называют средние надстройки на судах.

явился вопрос: где неблагополучно? На эскадре или в Севастополе? Я собрал к себе в каюту всех офицеров, пассажиров (капитана 1-го ранга Матюхина, капитана 2-го ранга Щёголева и двух предназначавшихся для «Потёмкина»), а также директора Одесского училища торгового мореплавания статского советника Гавришева и всех преподавателей школ, объявил им содержание полученной депешки, высказал своё мнение о напряжённом состоянии духа команды в настоящий момент и просил всех быть насколько хладнокровными и сдержанными в своих действиях и словах — никаких эксцессов и обо всём докладывать мне, но насколько спокойнее. При этом я объявил, что если до рассвета не получу никаких известий от адмирала, то в пять утра снимусь в Севастополь.

В восьмом часу раздали койки; небольшая часть матросов легла спать на верхней палубе на баке и шкафуте¹⁷. Вечер был безлунный, полный штиль, очень душно, и с косы налетали тучи комаров. Когда стемнело, то на палубе мне под ноги что-то подкатилось, я нагнулся и поднял шар из хлеба величиной с кулак; перебрасывая его с одной руки на другую, я с ним дошёл до юта и незаметно выбросил за борт. Немного спустя вахтенный начальник подошёл ко мне на ют и тихонько сообщил, что ему под ноги брошен шар. Я приказал не обращать внимания людей на эти выпады и не принимать никаких действий. В этих выпадах я усматривал желание вызвать на какой-либо эксцесс. В жилых палубах койки раскатали, но спать не ложились и зловеще собирались кучками. Я пошёл по жилым помещениям, стал нажимать на дежурных, что не пущены электрические вентиляторы и потому люди не могут лечь спать, и предлагал некоторым брать койки и идти наверх, доложив вахтенному начальнику, что я разрешил спать и на шканцах, и на юте. Таким образом, под видом жары и комаров я массу людей разослал спать в различные стороны и тем предотвращал сборища. Так я до полночи путешествовал по всем помещениям судна, и таким путём не представилось возможности устроить летучки. Уже за полночь понемногу все успокоились и заснули. Только в дейдвудном¹⁸ коридоре с большими предосторожностями Петрову, Титову, Чёрному и другим удалось провести в строгой конспирации небольшой митинг и принять решение: завтра в море в подходящий момент поднять восстание, бескровно овладеть судном и идти на соединение с «Потёмкиным» и «Георгием» в Одессу. Об этом я узнал уже на другой день от Петрова.

Ввиду того что возбуждённые люди не спали далеко за полночь, я приказал старшему офицеру распорядиться по вахте, чтобы утром команду не будить: пусть спят, пока сами проснутся. Под утро стало прохладнее и люди крепко спали по всей палубе под тентами. Так я в шестом часу и снялся с якоря одним вахтенным отделением, никого не тревожа, и лёг по курсу на Севастополь, имея ход 12 узлов. Часов в семь и позже люди стали просыпаться с удивлением, что их не будят; им объявили, что это по моему приказанию, так как они очень долго не могли заснуть, тем более что сегодня воскресенье. После завтрака для освежения окатили палубу и обдали водой стоявшие тенты. Команда работала весело, с шутками и баловством, как в обыкновенное время. К 10 часам на ют был вынесен образ, стали собираться певчие и священник уже облачился. В это время я с верхнего мостика пошёл в кормовую рубку переодеть китель к молитве; все офицеры также пошли по своим каютам переодеться.

Только я вошёл в рубку, как вбежал вахтенный квартирмейстер и взволнованным голосом доложил: «Ваше высокоблагородие! На баке команда взбунтовалась, расхватила винтовки и открыла пальбу во все стороны». Я не торопясь вышел из рубки через левую дверь, приказал батюшке начинать богослужение без меня и направился на бак через левый коридор спардека. Я успел заметить, что на ют уже собралась порядочная кучка матросов, примерно человек сто. Потом оказалось, что священник в облачении с крестом и Евангелием бросился за мной, но его у выхода из машины на спардек остановили с предупреждением не ходить — могут убить. Оказалось, что когда часть людей собралась в кубрике и с криком «ура!» бросилась и расхватила винтовки, то большая часть собравшихся заколебалась. И вот, чтобы их заставить примкнуть, начали ругать их площадной бранью и изменниками и для острастки стали стрелять вверх в открытое море в открытый люк фор-трюма¹⁹. Стоявший над ним тент весь изрешетили, и одной шальной пулей был наповал убит на мостике вахтенный начальник прапорщик Нестерцев. В этот момент в люк наклонился боцман Козлитин и получил смертельные раны, от которых вскоре умер в судовом лазарете. Обе эти первые жертвы были чисто случайными, так как на последнем митинге было решено поднять восстание без кровопролития и без жертв, о чём мне на митинге было заявлено, и когда я указал на два трупа, положенных на ют и прикрытых кормовым флагом, с вопросом «А это же что?», то в ответ полу-

¹⁷ Шкафут на кораблях и судах — средняя часть верхней палубы от фок-мачты до грот-мачты либо от носовой надстройки (бак) до кормовой (ют).

¹⁸ Дейдвуд — кормовая оконечность судна в подводной его части между ахтерштевнем и килем.

¹⁹ Фор-трюм — помещение, расположенное в носовой части корабля.

чил заверение, что все очень сожалеют, «видит Бог», раздались возгласы: «Мы этого не хотели, и в этом не повинны».

И я этому поверил, так как прапорщик Нестерцев был ротным командиром и пользовался любовью матросов, да и боцман Козлитин живоглотом не был и рукоприкладством не занимался.

Идя коридором, я слышал на баке сильный шум, крики, ругань и стрельбу. Мимо меня прожужжало несколько пуль. Как только я показался из коридора, был окружён толпой и сзади в голову получил столь сильный удар, что из глаз посыпались искры и я потерял сознание; но, падая, я был подхвачен судовым кочегаром Чугуновым, защищён им от возможных сгоряча дальнейших ударов и втиснут в штурмовую каюту, где я упал на палубу. Дверь заперли, и Чугунов поставил часового. Затем также без сопротивления были арестованы все судовые офицеры и пассажиры, а также и преподаватели школ вместе с начальником Одесского училища торгового мореплавания статским советником Гаврищевым и заперты в каюту под мостиком. На судне на юте был созван митинг, на котором избирали судовую комиссию с А. Петровым во главе, повернули и направили курс на Одессу. Время подходило к обеду, и Петров распорядился в этот день к обеду водки команде не давать и поставил часовых у ахтер-люка²⁰ и камбуза, дабы чего не вышло: от ревизора комиссия потребовала сдачи ей судовой кассы, которую и приняла от него под расписку. В своё время дан был обед. В кают-компании также накрыт стол, как всегда, и офицеров под конвоем привели обедать. Когда они заняли свои места, то оказалось, что у приборов не было ни одного ножа. На вопрос их, почему нет ножей, получили ответ, что комиссия не разрешила дать ножи, «дабы чего не вышло».

Я, лёжа на палубе в штурманской каюте, стал понемногу приходить в себя, чувствуя сильный холод на голове. Оказалось, что мой вестовой пробрался ко мне, притащил из буфета лёд и стал прикладывать мне на голову, и когда я открыл глаза, то он расплакался и стал меня целовать, затем сунул мне в рот папиросу и исчез. Немного спустя он опять явился, притащил мне водки, закуски и хлеба и стал меня кормить. Затем помог мне подняться и перейти на койку. Чем я мог в этот момент отблагодарить эту честную, добрую душу, если не горячим объятием и поцелуем?

Немного спустя открылась дверь и вошёл машинный содержатель, который от имени комиссии предложил мне подписать изготовленное им требование об отпуске угля из одесского склада РОПиТ, из чего я понял, что идём в Одессу (расспрашивать я не хо-

тел, так как у открытых дверей каюты была толпа). Я молча подписал это требование, и он ушёл; дверь опять заперли на ключ. Вскоре отворилась дверь, и меня позвали на ют. Когда я шёл по левому спардеку, сзади раздался возглас: «Дай дорогу командиру!» Это меня несколько удивило, но и обрадовало, хотя я тотчас же подумал о том, какой же я командир: иду под конвоем, исполняя чьё-то распоряжение. Тут какая-то несурзность. Прошёл на ют — полная тишина, хотя было, наверное, душ семьсот или более; даже на моей кормовой рубке сидели свеса ноги, вплотную друг к другу. Расступились и пропустили меня в середину. Несколько минут гробового молчания. Наконец из толпы выступил ученик машинной школы А. Петров и обратился ко мне с вопросом, понимаю ли я происшедшее. Я ответил отрицательно. Тогда он с жаром начал задавать мне ряд вопросов, разбирая подробно весь существующий государственный строй и его неурядки. Начал с урядника и сельской полиции, об их злоупотреблениях и притеснениях, всяких поборах и побоях.

— Что, разве это неправда? — спрашивает меня возбуждённо.

— Да большинство их такое, — спокойно отвечаю я, и он бросает торжествующий взгляд на толпу: видите, мол, и командир подтверждает мои слова.

Дальше начинает переходить, и довольно ловко, к вышестоящим приставам, исправникам, губернаторам и министрам, называя ряд известных в этом отношении лиц и указывая на известные факты всяких злоупотреблений с их стороны. И каждый раз задаёт мне вопрос — мне приходится подтверждать. Постепенно переходит к делам на Востоке, вызвавшим войну с Японией, которая терпит неудачи. Опять приходится подтверждать. Толпа возбуждается, он переходит к тому, что, значит, всё зло — от власти и начальства; их быть не должно — все должны быть равными. И с возгласом: «Долой власть с Николаем во главе! Да здравствует свобода!» — поднял руку вверх и застыл передо мной в этой позе. Всё замерло и ждёт моего ответа, ведь я до сих пор ничего не отрицал, наоборот, подтверждал. Я выждал время и сколько мог спокойно обратился к толпе:

— Вот вы, красавцы мои, слышали, какой вам рай земной нарисовал Петров? Все равны, свободны; нет ни богатых, ни бедных; каждый делает своё дело и так далее. Конечно, может быть, когда-нибудь человечество доживёт до этого рая; но сейчас об этом и думать нельзя — слишком ещё масса темна и неразвита. Вот сейчас говорили, что не нужно власти никакой, тебя избрали командиром — исполняй своё дело честно и добросовестно, а закончил дело —

²⁰ Ахтер-люк — один из трёх главных люков, служащий для спуска в трюм разного рода груза, а также помещение для хранения провизии.

и такой же, как и все. Ну а вот сейчас вы все подчиняетесь беспрекословно кому-то, какой-то власти...

— Вы устали, ваше высокоблагородие, пожалуйте в свою кормовую каюту, — перебил мою речь Петров, когда увидел, что я подхожу к сути и могу испортить впечатление от его речи.

Пришлось подчиниться «ненужной власти» и идти в свою кормовую каюту, у дверей которой был поставлен ружейный часовой, и на мой вопрос я получил ответ, что я свободен звать к себе кого хочу, а что часовому поставлен, чтобы меня кто-либо не обидел. Вот какая заботливость обо мне со стороны судовой комиссии! Забыл упомянуть, что я всё оставался в погонах и с кокардой и мне снять их не предлагалось, в то время как остальных офицеров и даже унтер-офицеров первым делом распогонили.

Первым навестил меня в кормовой каюте судовой священник, который оставался всё время на свободе. Он-то и сообщил мне отдельные эпизоды, как равно и курьёз с обеденными ножами в кают-компани; что комиссия боялась, как бы кто-либо из офицеров не зарезался. По его словам, вначале в кают-компани было очень подавленное настроение, но эпизод с ножами сразу развеселил всех и обед прошёл оживлённо, как всегда.

Перед закатом солнца я услышал, что машину застопорили. В иллюминаторы я увидел Одессу. Потом машина опять заработала, и «Прут» повернул в море. Оказалось, что «Потёмкина» уже здесь не было; «Георгий Победоносец» стоял в гавани за молом и под Андреевским флагом, а вышедший на встречу лоцман сообщил, что «Потёмкин» ушёл в Румынию. В данном случае лоцман просто обманул, так как «Потёмкин» в это время был у Тарханкута с целью перехватить «Эреклик», на котором должен был идти адмирал Чухнин из Николаева в Севастополь, но Чухнин изменил свой маршрут и поехал в Севастополь тем же экстренным поездом; «Потёмкин» же двинулся в Феодосию.

Отошли от Одессы уже в сумерки, на юте был слышен изрядный шум многих голосов. Происходил большой митинг, на котором был поднят вопрос о том, что делать дальше. Масса раскололась. Часть стояла на том, чтобы идти на розыски «Потёмкина», часть предлагала идти в Румынию, часть — в Севастополь. Долго шумели, спорили и ни к чему окончательно не пришли и постепенно разошлись. На слух машина работала узлов десять. Шли всю ночь.

Рано утром опять слышен над головой топот массы ног, затем кто-то сбегает по трапу, отворяется дверь моей каюты и раздаётся голос:

— Ваше высокоблагородие, команда просит вас наверх!

Надеваю фуражку и поднимаюсь по трапу на ют — вся команда в сборе, полная тишина одна-две

минуты; наконец выступает Петров с заявлением, что дело, очевидно, провалено.

— «Георгий Победоносец» изменил делу революции, «Потёмкин» неизвестно где, «Прут» почти без угля, и потому остаётся идти в Севастополь на милость начальства! — с иронией закончил он свою речь.

Но вот чем объяснить начальству всё происшедшее? Лица у всех мрачные, гробовая тишина, и все взоры обращены на меня. Я немного подумал и обратился к команде со словами:

— Знаете что, красавцы мои, моя песня всё равно уже спета; я беру всю вашу вину на себя. Придём в Севастополь, я приглашу адмирала, и вы валите всё на меня.

— Да что же мы будем говорить ему?

— Что хотите. Говорите, что вас бил, истязал, не кормил, и всё что вздумается.

— Да ведь это же неправда!

— Всё равно — семь бед, один ответ. А я никого из вас не выдам.

Сразу повеселели, и мне было предложено принять судно в командование и дано слово, что все мои приказания будут исполняться беспрекословно, «как будто ничего не было».

Офицеров моментально освободили, и комиссия сдала кассу ревизору до копейки, о чём он мне тут же доложил.

Я поднялся на мостик, определил место судна и дал курс на Севастополь, куда и прибыл в восемь утра. Подходя, поднял свои позывные, флагман ответил мне: «Ясно вижу». Затем поднял сигнал: «Прошу позволения встать на своё место по диспозиции». На что получил ответ: «Не разрешаю!» Вот так положение! Что же делать? В это время из Севастополя вышел миноносец и, пройдя вдоль правого борта «Прута», повернул мне под левый борт и поднял какой-то условный знак. В это время на берегу, на батареях, пробили тревогу и солдаты рассыпались по орудиям. Что такое? В чём дело? В порт не пускают. Подошёл уже близко к входу в бухту. Никаких распоряжений. Недолго думая отдал якорь на траверзе Николаевского мыска под направленными на нас жерлами орудий батарей. Спустил шлюпку и отправился на вольный рейд с коротким рапортом к адмиралу Кригеру. Доложил ему о происшедшем и прошу поехать со мной на «Прут» и выслушать претензии команды. Адмирал Кригер наотрез отказался ехать и тем поставил меня в очень неудобное положение. По счастью, в это время к нему приехал начальник учебного отряда контр-адмирал Писаревский, который выслушал мою просьбу, тотчас же выразил готовность поехать на «Прут», чем очень меня обрадовал и вывел из крайне неудобного положения перед командой ввиду отказа адмирала Кригера.

Приехали на «Прут», адмирала встретили по положению. Обошёл караул и команду, поздоровался. Ответили дружно (адмирала Писаревского вообще очень любили). Я обратился к адмиралу с просьбой разрешить мне удалиться, так как команда желает заявить о претензиях ко мне. Я ушёл на ют, а адмирал приказал справа и слева зайти в круг и обратиться с вопросом.

— Вы хотели заявить мне что-то? Я вас слушаю.

Из задних рядов послышались одинокие робкие выкрики: «Командир нас бил, истязал, не кормил!» Адмирал в недоумении слушал, изредка спрашивая: «Ещё что-нибудь?» Он чувствовал, что это всё не то, что тут что-то другое. Наконец выскочил А. Петров, повернулся к товарищам с возгласом:

— Да ведь это всё ложь и неправда! И командир, и офицеры все хорошие, и никто нас не обижал, мы ими довольны. Дело не в этом. Ваше превосходительство, ведь вы понимаете, что по всей России идёт революция и среди рабочих и крестьян брожение. Ну вот и мы за «Потёмкиным»...

— Так ты это хотел сказать? — перебил его адмирал. — Хорошо, я так и доложу главному командиру. Больше ничего?

— Больше ничего, — ответил Петров.

Адмирал съехал, и немного погодя начались наши мытарства.

Начальник Одесского училища торгового мореплавания немедленно свёз своих питомцев на отходящий в Одессу пароход и тем избавил их от присутствия на предстоящем суде.

Затем по приказу адмирала Чухнина на «Прут» была прислана пехотная рота для несения судовой караульной службы, а с «Прута» оружие свезено на берег. Это всё ещё за пределами порта. Затем пожаловал сам адмирал Чухнин. Он поднялся по трапу на палубу, ни с кем не поздоровался и отправился прямо на шкафут, где по обеим сторонам стояла во фронт повахтенно команда. Войдя на возвышенный люк, он приказал команде справа и слева зайти вокруг него и обратился с речью.

Адмирал Чухнин был среднего роста, худощавый, с небольшой острой бородкой; когда он говорил, его серые раскосые глаза устремлялись куда-то в пространство, поверх слушающих, голос негромкий, без повышения и понижения тонов, никто никогда не слышал, чтобы он крикнул. Это был сухой и чёрствый человек с большим самомнением и в высшей степени упрямый. Долго, сухо и монотонно произносил он речь, построенную на любви к Родине, воинском долге и верности присяге. Когда он говорил с возвышения, я стоял возле него снизу и видел, что те, кто стоял ближе к нему, ещё кое-как слушали его с угрюмыми лицами и поддакивали, а в задних рядах совсем не слушали. Эта утомительная речь тянулась

больше получаса и закончилась требованием выдать всех зачинщиков и, кто желает остаться верным царю и Отечеству, дать присягу через судебного священника. «Поняли?» — обратился он с вопросом, на что ближайшие ответили: «Точно так». Но я видел и чувствовал, что эти два предложения Чухнина невыполнимы. Нервы у всех были настолько напряжены, люди настолько взволнованы, что такие неумные требования могли привести совсем к нежелательным результатам. Меня что-то толкнуло непроизвольно, и я громким голосом перебил речь Чухнина:

— Ваше превосходительство! Разрешите мне сказать несколько слов.

Чухнин с удивлением сверху уставил на меня свои раскосые глаза, а я, не дожидаясь его ответа, обратился к команде:

— Красавцы мои! С вами только что говорил главный командир. Но он не только главный командир и генерал-губернатор — он только что вернулся из Петербурга с огромными полномочиями и властью. Так будем же просить его быть ходатаем не о прощении, а о смягчении ожидающей нас кары!

Как по мановению волшебной палочки, вся масса опустила на колени и разрыдалась. Рыдание было столь громкое, что на ближайших судах было услышано. Сам Чухнин также не выдержал столь небывалой сцены и расплакался, но скоро взял себя в руки и обратился к команде:

— Ну полно! Довольно! Я вижу ваше раскаяние и донесу государю.

Слез с люка и, ни с кем не простившись, — в катер и отвалил от борта. Для него, сухого и чёрствого человека, расплакаться на виду у стольких людей — позор, по его убеждению, и, вероятно, это вызвало у него лишь злобу и раздражение против «Прута». Обещания своего, данного восьмистам человекам в такой исключительный момент, он не исполнил и в дальнейшем излил на «Прут» всю свою злобу за тот единственный, может быть, во всей его жизни благородный порыв сердца, когда он расплакался и дал слово ходатайствовать о смягчении участи и впоследствии не исполнил его. Конечно, требования Чухнина о выдаче зачинщиков и о принятии присяги выполнены не были.

«Прут» стоял вне порта под наведёнными дулами береговых батарей с внутренним караулом сухопутной армейской роты, не имея сообщения с берегом. С закатом солнца и всю ночь вокруг «Прута» циркулировал чей-то паровой катер, не подпуская близко никого, точно зачумлённый. Конечно, у всех нервное состояние было напряжено до высшей степени.

Утром, после подъёма флага, стали съезжаться на «Прут» неинтересные гости — прокуроры, следователи и прочая судейская мелкота с портфелями. Команда была собрана во фронт на шкафуте, и на-

чалось выявление зачинщиков и участников мятежа (революцию не признавали). Эта тяжёлая и томительная процедура без всякого результата тянулась более двух часов. Судебные ищайки старались опознать зачинщиков по разным, известным только им признакам, но неудачно. Выхватывали из фронта самого по виду несуразного и всякими устраиваниями и запугиваниями старались вырвать у него какие-либо указания. Но команда держалась твёрдо, и все судейские ухищрения оставались бесплодны. Общее нервное напряжение поднималось. Наконец из фронта выскочил вперёд А. Петров с возгласом:

— Я знаю, что меня ожидает виселица! Я, Петров, был зачинщиком всего дела!

Это был ужасный момент. По фронту точно электрическая искра прошла. Все вздрогнули. А судейские власти настолько ошалели от такой неожиданности, что замерли в немом оцепенении.

— Ну что же не берёте меня? Обалдели?! — воскликнул Петров.

Я не вытерпел, снял фуражку со словами: «Низко тебе кланяюсь, Петров, за твой героический поступок!»

Вслед за этим выскочили из фронта Титов и Чёрный. Их окружили солдаты караула и посадили в одну из кормовых пустых кают, рядом с кают-компанией. Объявлен был обеденный перерыв. Команде был дан обед и отдых, а мы спустились в кают-компанию, но никто к еде не мог притронуться после произошедшего эпизода. В это время старший офицер лейтенант Руднев доложил мне, что арестованные просят, чтобы им дали их гитару и балалайку. Я приказал немедленно удовлетворить их просьбу, и через несколько минут из-за переборки послышалась их музыка — весёлые, разухабистые мотивы. Так мы начали обед под весёлую музыку обречённых на казнь!

На другой день после подъёма флага на «Прут» явился капитан 1-го ранга В. И. Радецкий со служебной запиской из штаба фронта: *«Вместо заболевшего капитана 2 ранга Барановского назначается командиром судна «Прут» капитан 1 ранга Радецкий, которому предлагается немедленно принять судно от первого и вступить в командование им».*

Судейские члены доложили о моём предерзностном поступке, и Чухнин меня моментально убрал. Поклонился матросу! Да, я невольно склонил голову перед героем-рыцарем и не раскаивался в своём поступке никогда.

Так я был снят «по болезни», не подавав рапорт о болезни, — это тоже небывалый случай.

Немедленно сдал судно и с вещами съехал на берег, простившись со всеми крайне удивлёнными.

Начались вызовы на допросы к прокурору полковнику Александрову. Я с первого же раза рассказал

всё подробно о произошедшем, не упоминая, кроме Петрова, Титова и Чёрного, ни единой фамилии.

В остальное свободное время, сидя дома, я в толстой тетради стенографически восстанавливал все события до мельчайших подробностей.

Пятого августа по улицам забегали мальчишки со свежими телеграммами и кричали: «Свежие новости — уволено два адмирала и три командира!» И действительно, из агентской телеграммы я узнал, что уволены в отставку вице-адмирал Кригер, контр-адмирал Вишневецкий²¹ (первый — старший флагман и держал свой флаг на броненосце «Чесма», а второй — младший флагман), капитан 1-го ранга Гузевич — командир «География Победоносца», лейтенант барон Клодт фон Юнгербург, командир миноносца, бывшего при «Потёмкине» на Гендре, и капитан 2-го ранга Барановский — командир «Прута».

Я с этой агентской телеграммой тотчас отправился к Чухнину, который выразил удивление и при мне позвонил по телефону в штаб, из которого получил ответ, мол, только что получена телеграмма из Петербурга, сообщающая, что высочайшим приказом по флоту от 1 августа мы все уволены в отставку. Когда я выходил от Чухнина, то в прихожей столкнулся с вице-адмиралом Кригером, очень взволнованным и направлявшимся в кабинет Чухнина.

И так я сидел дома, а все остальные четверо были на своих командных постах пять суток, будучи фактически в отставке. Небывалый случай — отставной адмирал командует целой эскадрой!

С 24 по 30 июля, то есть немного больше, чем через месяц, состоялся суд. Это было что-то ужасное, а не акт Фемиды. Заседание суда проходило в Килен-бухте, в помещении воздухоплавательного парка. Вся ближайшая местность была оцеплена. Состав суда также был особенным. Настоящий председатель военно-морского суда генерал-лейтенант Андреев, увидя, что это будет не суд, а марионетка на ниточке Чухнина, заболел. Его заместил полковник Кетриц — «как прикажете». Членами суда были назначены все четыре — временные по выбору Чухнина из строевых штаб-офицеров флота: капитаны 1-го ранга Барон Нолькен и Соловьёв и капитаны 2-го ранга Чабовский и Заводов; при этом первый из них — Нолькен — не имел права быть судьёй в этом деле, так как он был начальником учебного отряда и судил команду «Прута» — его отряда. Прокурором выступал полковник Александров, который составил обвинительный акт 12 июля о предании суду «прутовцев» по ст. 1255 Военно-морского судебного устава с применением к ним «наказаний, установленных для военного времени».

Каждый день, по утрам, под железным конвоем привозили к парку судимых в количестве 44 человека, а также собиралась масса свидетелей.

Это был не суд, а терзание. Меня в качестве свидетеля прямо замучили вопросами; требовали указать всех «виновных», но я, кроме указанных выше трёх, никого не называл.

— Кто нанёс вам удар по голове и чем?

— Не знаю, удар был сзади, а там у меня глаз нет; ведь вам здесь Адаменко заявил, что сгоряча в азарте он нанёс мне удар. Что же вам ещё надо!

— Вы себя недостойно вели, заявляет остзейский барон Нолькен; вы должны были выпустить пять пуль в них, а шестую — в себя.

— Во-первых, я не находил это нужным, а во-вторых, у меня револьвера никогда и в заводе не было.

— Как так? А что же было у вас в кобуре при походной форме?

— Папиросы и закуска, — спокойно отвечаю я.

И вот после стольких дней глумления окончился наконец этот шемякин суд, вынесший свой драконовский приговор, продиктованный заранее Чухниным; ибо каждый день по окончании заседания председательствующий и прокурор в паре ездили с подробным докладом к Чухнину.

Суду было предано 44 человека (см. таблицу).

По годам службы они распределились так:

- с 1898 года — 7 человек;
- с 1899 года — 9 человек;
- с 1901 года — 3 человек;
- 1902 года — 6 человек;
- 1903 года — 3 человек;
- 1904 года — 5 человек;
- 1905 года — 12 человек.

Их сословное разделение было таково:

- из крестьян — 34 человека;
- из мещан — 8 человек;
- из казаков — 2 человек.

Что касается нравственного облика, то под судом был один человек за побег со службы, а дисциплинарным взысканием равномерно подвергались:

- 6 раз — 1 человек;
- 3 раза — 7 человек;
- 2 раза — 4 человек;
- по 1 разу — 6 человек.

Всего 19 человек, остальные 26 человек были безупречны.

И вот эти 44 человека, в их числе и 25 безупречных, были осуждены на каторжные работы от пяти лет до бессрочных, а четверо: Петров, Титов, Чёрный и Адаменко²² — к смертной казни.

По всем воинским законам нижний чин, защитивший своего начальника, награждался. Я на суде

Должность	Предано суду, чел.
Строевые квартирмейстеры	1
Старшие минёры	1
Командир	1
Барабанщик	1
Матросы 1 ст.	4
Матросы 2 ст.	16 (из них 11 учеников школы)
Машин. квартирмейстеры 1 ст.	1
Машин. квартирмейстеры 2 ст.	1
Машинисты 1 ст.	5
Машинисты 2 ст.	5
Кочегарн. квартирмейстеры 1 ст.	2
Кочегарн. квартирмейстеры 2 ст.	1
Кочегары 1 ст.	1
Кочегары 2 ст.	2

ходатайствовал за Чугунова, который защитил меня от возможных дальнейших ударов озверевшей толпы, но суд не внял моему ходатайству и припаял ему двенадцать лет каторги. И у Чухнина не дрогнула рука утвердить этот небывало жестокий приговор суда!

Кроме того, остальная часть команды, не привлекавшаяся к суду, по распоряжению морского министра Бирилёва разжалована в низшие статьи и звания административно и заслана в пехотные части маньчжурской армии на Дальний Восток.

Даже сам «Прут» — кузов корабля — попал в опалу и из учебного судна был обращён в тюрьму для возвращающихся «потёмкинцев».

Перед казнью четырёх к ним подослали провокаторов с предложением выдать известных им офицеров, которые принимали участие в социалистическом движении, обещая за это помилование. И вот соблазнили Титова, который поддался на эту удочку и выдал одного механика, но сам всё-таки был расстрелян. И тут совершили двойную подлость!

Благодаря тому, что дело «Прута» разбиралось первым, вся злоба власть имущих и разразилась на «Прут»; по количеству осуждённых и по жестокости над ними приговора «Прут» занял первое место в истории революции 1905 года на Черноморском флоте. За революцию на «Потёмкине» и «Георгии Победоносце» не было казнено ни одного и наивысший срок каторги был пять лет. Даже сам броненосец «Князь Потёмкин Таврический» за революцию попался в милость и сопричислен к лицу святых — переименован в «Святой Пателеймон».

²¹ Вишневецкий Фёдор Фёдорович (1859–?) — офицер Балтийского флота, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., контр-адмирал (1903), младший флагман Черноморского флота (1904). С 1 августа 1905 г. в отставке.

С. П. Гурцак. Гибель минного заградителя «Прут» в Чёрном море в 1914 году

Вместо предисловия

29 октября 1934 года исполнилось 20 лет со времени печального для Черноморского флота события, когда на траверзе Балаклавы, на большой глубине, был потоплен турецким крейсером «Гёбен» наш минный заградитель «Прут», на котором я тогда плывал минёром и едва спасся.

К сожалению, по независящим от меня обстоятельствам я не мог ко дню юбилея предложить читателям мой правдивый рассказ об этом печальном событии и, предлагая его теперь, вперёд прошу читателя отнестись снисходительно к моему первому литературному опыту.

Я сам происхожу из крестьян Киевской губернии, Уманского уезда, селения Каменечье.

В 1911 году по набору я был взят на военную службу и зачислен матросом в Черноморский флот. Затем я попал в школу минёров, которую окончил в 1912 году. Империалистическая война застала меня в должности минёра на минном заградителе «Прут», вместе с которым чуть не погиб 29 октября 1914 года.

Исторические сведения о минном заградителе «Прут»

В 1870-х годах прошлого столетия русским правительством был создан в Чёрном море так называемый добровольный флот. За границей купили серию больших океанских пароходов, суда эти плавали под коммерческим флагом, но весь командный состав и часть матросов были из военного флота. Правление его находилось в Петербурге и возглавлялось адмиралом, а главное торговое агентство — в Одессе.

Таким образом, эта организация являлась полувойска и полукommerческой; в мирное время пароходы её предназначались для товаро-пассажирских рейсов Одесса — Владивосток с заходом в промежуточные китайские и японские порты, в военное же время они превращались в крейсера и транспорт при боевой эскадре.

Первым из пяти купленных пароходов были «Россия», «Петербург», «Москва», «Нижний Новгород» и «Саратов». И по соответствующему укомплектованию пущены в вышеуказанные рейсы.

Один из этих пароходов — «Москва» — под командой капитана 1-го ранга Чирикова, возвращаясь

первым рейсом с пассажирами и грузом в Одессу, при входе в Красное море выскочил на каменный риф у мыса Гвардафуй и со своим грузом погиб; пассажиры и экипаж были спасены.

Вместо погибшего за границей был куплен роскошный пароход и назван «Москвой». На нём предпринял путешествие морской министр адмирал Лесовский¹, в первый раз пожелавший обозреть наши дальневосточные побережья и порты (Сибирской железной дороги тогда ещё не было). Для этого воюжа пароход был роскошно отделан и снабжён всякими приспособлениями, вплоть до громадных механических вееров в кают-компани, приводимых в движение особыми приборами от главной машины, дабы его превосходительство не изволило страдать от тропической жары и мух. Но это роскошно обставленное и дорого стоившее путешествие обошлось очень дорого и лично самому министру.

На возвратном пути в Китайском море «Москва» попала в самый центр тайфуна, и так как она имела вместо 200 тысяч груза только министра со свитой, что для неё было малоощутимым, то подвергалась такой сильной качке, что его превосходительство изволил упасть и сломать себе ножку и, несмотря на все принятые меры, вскорости благополучно скончался. Так всё печально окончилось для морского министра, в первый раз пожелавшего ознакомиться с нашими тихоокеанскими владениями.

До середины 1880-х годов «Москва» продолжала совершать очередные рейсы Одесса — Владивосток. С началом же постройки броненосного флота в Чёрном море понадобилось большое количество специалистов-машинистов, кочегаров, минёров и артиллеристов для укомплектования броненосцев и других судов. Поэтому у добровольного флота были взяты более устаревшие к тому времени пароходы и переименованы: «Россия» — в «Березань», «Петербург» — в «Днестр» и «Москва» — в «Прут», и из них был составлен особый учебный отряд под командой отдельного контр-адмирала. На судах этих были устроены школы специалистов, для чего приспособлены верхние светлые грузовые трюмы, часть коих занята была под жилое помещение учеников. На «Березани» — школа минёров и минных машинистов, на «Днестре» — артиллеристов, и на «Пруте» — 500 учеников школы машинистов и кочегаров со своими инструкторами и учителями.

¹ Лесовский (Лессовский, Лесовской) Степан Степанович (1817–1884) — российский флотоводец, адмирал. В 1870-е гг. товарищ управляющего морским министерством, министр, в 1880-е гг. — главный начальник морских сил на Тихом океане, член Госсовета, глава комиссии по пересмотру морского устава.

Кроме того, в нижних трюмах этих трёх судов размещено по восемь вёрст разборной Декавилевской дороги² и по четыре осадных орудия; всё это предназначалось для овладения Константинополем с моря в будущем и находилось в ведении сухопутной артиллерии, а для десанта на особых шлюпках поднималось по два плоскодонных понтона с воздушными ящиками.

Два раза в месяц «Прут» выходил на три-пять дней в море для практики учеников у действующих механизмов и котлов. Так всё шло благополучно до 1905 года.

Под влиянием ряда наших неудач в Порт-Артуре среди матросов в экипажах и на судах стали увеличиваться недовольствие и революционное настроение, поддерживаемые Ю. Р. С. Д. О.³ В экипажах и на судах ежедневно разбрасывались пудами прокламации, призывавшие к революции. В кают-компаниях молодые офицеры открыто осуждали дальневосточную авантюру придворной камарильи. Через верстовых эти разговоры доходили в матросские кубрики и ещё больше укрепляли их в верности прокламаций и возмущали против действий правительства; сдача же Порт-Артура и цусимский разгром окончательно переполнили чашу терпения и вылились в ряды открытых восстаний на «Потёмкине», «Георгии Победоносце» и «Пруте» в июне 1905 года. К этому времени на всех судах нашего флота были небольшие социал-демократические ячейки, руководимые береговой организацией и ведущие пропаганду среди своей команды. Таким путём подготовлялось всеобщее восстание судов Черноморского флота, когда вся эскадра соберётся в Тендровском заливе. Но... «Потёмкин» упредил события, и широко задуманный план был провален, отдалив всеобщую революцию на много лет.

Учебным судном «Прут» в это время командовал капитан 2-го ранга Барановский — семидесятилетний народолюбец, известный своим хладнокровием, честностью, сердечным отношением к матросам, среди которых он пользовался большой любовью и доверием. Отзывчивый к нуждам матросов, он очень многих выручал из беды. Он был ярким противником мордобойства и карцеров; на «Пруте» карцер был обращён в склад всякого хлама. С командой он был заботлив и держал себя как старший товарищ; здоровался не иначе как: «Здорово, красавцы мои!» — и команда весело и дружно отвечала. Он не дрожал перед начальством и резал правду-матку. Началь-

ство его ценило как честного и хорошего работника, но держало его в чёрном теле, считая «красным». Это тот капитан 2-го ранга Барановский, который на заседании, созванном во дворце главным командиром вице-адмиралом Тыртовым⁴ для выработки мер борьбы против самовольного ухода из казарм матросов после вечерней поверки, позволил себе предложить весьма смелую по тому времени мысль, которая через ординарцев и вестовых быстро стала известна в казармах дивизии и ещё больше подняла к нему любовь и уважение матросов.

— Ваше превосходительство! Разрешите мне изложить своё мнение по данному вопросу откровенно, не боясь за последствия. Мы, офицеры, имеем своё прекрасное Морское собрание, где с семьями заполняем свободное время развлечениями, балами, спектаклями, концертами и другими увеселениями. Мы имеем одну из лучших на юге библиотек, дающую обширный материал для ума; мы имеем взаимные семейные общения и другие удовольствия. А что имеет матрос? Ведь теперешний матрос далеко ушёл от типа 30–40-х годов; большинство их окончило сельские школы и достаточно грамотны и развиты. Что же мы даём им для заполнения вечернего досуга после дневного труда, подчас довольно тяжёлого? Ведь в судовых и экипажных библиотеках, кроме сказок про царя Салтана и подобной дребедени, ничего нет. Неужели такой массе молодой, здоровой и развитой молодёжи можно приказывать в восемь часов вечера: «Ложись и спи!» Весьма понятно, что они после вечерней поверки ищут развлечений в различных притонах на Корабельной слободке. Дайте ему разумную пищу для ума, дайте ему культурное развлечение, и он не удерёт из казармы. Надо и для них устроить вечера, спектакли, игры и другие культурные посещения и развлечения, заполнить досуг, особенно в зимние долгие вечера, и тогда не понадобится запирают их на замок — они сами не уйдут.

Его поддержали несколько молодых командиров, и сам адмирал Тыртов, весьма добрый и гуманный человек, склонился на его сторону и как инициатору поручил немедленно претворить слово в дело, разрешив для этого пользоваться средствами порта и дивизии.

Капитан 2-го ранга Барановский взялся за это дело весьма энергично. Кликнул клич. В экипажах нашлись добровольцы — плотники, столяры, монтеры, художники, а также актёры, певцы, музы-

² Декавилевская дорога — железнодорожный путь с шириной колеи 500 мм. Названа по имени разработчика — французского инженера Поля Декавила. Широко применялась как военно-полевая железная дорога для подвоза боеприпасов внутри фортификационных сооружений, в промышленности и в горнодобывающей промышленности разных стран.

³ Ю. Р. С. Д. О. — аббревиатура С. П. Гурцака, по-видимому, означает «Южная революционная социал-демократическая организация».

⁴ Тыртов Павел Петрович (1838–1903) — русский флотоводец, адмирал, с 1896 г. — управляющий Морским министерством и член Государственного совета.

канты, танцоры, декламаторы и даже фокусники весьма недурные.

Живо дело закипело. Здание в два счёта — бывший склад мин Уайтхеда в минном адмиралтействе — было превращено в театр на 1500 зрителей с несколькими переменами декораций, оборудован сценарий и режиссирован; попутно организована труппа, и начались еженедельные спектакли. Сначала ставились водевили с дивертисментами, а затем пошли более серьёзные пьесы, комедии Островского и другие. Адмирал Тыртов часто посещал эти спектакли, а семья его была завсегдатаем. Сразу число «бегунов» в экипажах резко понизилось, как равно и пьянство с дебошами на Корабельной стороне. Но ночные переезды такой массы матросов через Южную бухту, особенно в дурные погоды, подали мысль устройтею подать проект устройства во дворе дивизии лёгкого здания с театром, несколькими помещениями с библиотекой, бильярдами, кеглями и другими развлечениями, а также буфетом с продажей по минимальным ценам различных продуктов, прохладительных напитков и пива под наблюдением дежурного по дивизии офицера с тем, чтобы к 11 часам всё заканчивалось и матросы расходились по своим экипажам.

Главный командир адмирал Тыртов одобрил и утвердил этот проект, но внезапная смерть его и кратковременное пребывание адмирала Скрыдлова⁵ задержали выполнение задуманного, а вступивший затем в должность главного командира вице-адмирал Чухнин не только отменил все гуманные начинания своих предшественников, но прибег к весьма жестоким и суровым мерам, вызвавшим к нему ненависть матросской массы и приведшим в конце концов его самого к гибели.

При адмирале Тыртове было распоряжение всех женатых матросов, свободных от службы, увольнять на ночь на берег с судов и экипажей. Адмирал Скрыдлов не только подтвердил это распоряжение предшественника, но ещё и добавил «полуженатых», которых тоже разрешалось увольнять.

Сухой же и чёрствый адмирал Чухнин не только отменил все эти гуманные меры, но в ноябре 1904 года распорядился всем жёнам выехать на родину, чем и вызвал первую открытую вспышку в дивизии, последствием которой были смерть штабс-капитана Штейна⁶ и ранение контр-адмирала Писаревского и после которой уже пошло сильное

революционное движение, вылившееся в 1905 году в известные события на ряде судов, а затем и в самой дивизии.

Старшим офицером на «Пруте» был лейтенант Руднев — маленький, рыженький, шустренький, но довольно глупенький, безобидный и незлобивый; по натуре очень добрый, все распоряжения отдавал плаксиво-просительным тоном. Матросы часто вступали с ним в препирательство, доказывая несурезность его приказаний. Если командир в это время был на мостике или поблизости, то укоризненным тоном только обзывал его: «Николай Иванович!» И этого было достаточно, чтобы он моментально стушевался, а матросы делали что надо и как надо. Больше на «Пруте» флотских офицеров-золотопогонников не было. Ротный командир, ревизор, штурман и вахтенные начальники были так называемые прапорщики запаса. Всё это бывшие помощники капитанов коммерческого флота, призванные по случаю войны с Японией. Это были прекрасные мореходы, но совершенно штатские люди. С матросами они держали себя как старшие товарищи. Механиками и преподавателями школы были молодые инженеры-технологи, одевшие белые погоны, но в душе оставшиеся студентами.

Благодаря такому высшему командному составу боцман, фельдфебель и другие чины низшего командного [состава] были также очень сдержанны в обращении с матросами и учителями, и на судне жилось хорошо.

15 июня 1905 года под вечер «Прут» вышел в своей обыденный учебный рейс в море. На нём в это время было 250 человек судовой команды, 500 учеников машинной школы и 30 учеников Одесского училища торгового мореплавания с директором и двумя преподавателями. Из Севастополя «Прут» должен был зайти на Тендру и в Николаев по поручению штаба, но едва он пришёл в Николаев, как срочной телеграммой начальника эскадры вице-адмирала Кригера был вызван в Одессу, а по дороге сигналом в Очакове ему было приказано идти на Тендру. Но, придя туда на рассвете 18 июня и прождав там сутки, с рассветом снялся в море для следования в Севастополь. Стоя на Тендре, от местных рыбаков стало известно, что 14-го на «Потёмкине» произошло восстание, что, перебив командный состав, матросы завладели броненосцем и под красным флагом ушли в Одессу, где к нему

⁵ **Скрыдлов Николай Илларионович** (1844–1918) — русский флотоводец, адмирал. Начальник эскадры Тихого океана (1900–1902). Главный командир Черноморского флота и портов Чёрного моря (27 января 1903 — 1904), После гибели адмирала С. О. Макарова — командующий флотом в Тихом океане, но вскоре возвращён в Петербург с назначением членом Адмиралтейств-совета. После убийства Г. П. Чухнина — командующий Черноморским флотом и портами Чёрного моря (1906–1907).

⁶ Имеется в виду эпизод, с которого началось восстание в Севастополе. 11 ноября 1905 г. один из солдат Белостокского пехотного полка, построенного для разгона матросского митинга, застрелил штабс-капитана полка Штейна и ранил контр-адмирала Писаревского.

присоединился броненосец «Георгий Победоносец», отделившийся от эскадры, которая повернула и ушла в Севастополь. Поэтому матросы «Прута» и ученики, полагая, что уже началось исполнение общего плана — овладение флотом, после ряда летучих митингов решили также поднять знамя восстания, но совершить этот переворот бескровно. И действительно, 19 июня, около 10 часов утра, в море весь командный состав без сопротивления был арестован, судно поступило в распоряжение судового комитета и было направлено в Одессу на присоединение к «Потёмкину». Но в Одессе его уже не оказалось, а «Георгий Победоносец» стоял в гавани внутри под Андреевским флагом. Что делать? Повернули обратно в море и здесь, убедившись, что дело провалено, на нескольких митингах, на которые приводили и командира, решили наконец идти в Севастополь и отдаться на милость начальства. Но чем объяснить всё происшедшее? Тогда командир заявил:

- Валите, красавцы, всё на меня!
- Но что же мы можем говорить?
- Заявляйте, что я вас бил, истязал, не кормил.
- Да ведь это же ложь, вас знают, не поверят.
- Всё равно моя песня спета, валите всё на меня,

а я никого из вас не выдам.

Вручили судно командиру, освободили офицеров и 20 июня пришли в Севастополь на милость начальства. Милость же оказалась небывалой жестокостью. Первым делом адмирал Чухнин предал особому присутствию военно-морского суда с применением статей военного времени 44 человека из состава команды «Прута» и учеников. Председатель суда генерал-лейтенант Андреев отказался, и его заместителем был назначен член суда полковник Кетриц. Вместе с прокурором полковником Александровым он ежедневно после заседания (продолжались заседания целую неделю) ездил с докладами к адмиралу Чухнину, который таким образом негласно руководил судом. Результат: четверым участникам назначена смертная казнь — ученику Петрову, машинисту Титову, матросам Чёрному и Адаменко; остальным 39 человекам — каторга от пяти лет и выше, до бессрочной. Кроме того, остальная команда без суда, административным порядком заслана в пехотные части Маньчжурской армии с понижением в низшие статьи и звания. А раньше, ещё до суда, старший флагман вице-адмирал Кригер и младший флагман контр-адмирал Вишневецкий, командир «Прута», старший офицер и остальные были уволены в отставку — «за слабость, проявленную во время бунта на судах», не желая признать эти вспышки революционными действиями. И вот у жестокого адмирала Чухнина не дрогнула рука утвердить приговор суда полностью, несмотря на то

что суд сам ходатайствовал о замене смертной казни каторжными работами. Хотя адмирал Чухнин и был известен как человек чёткий и сухой, но такой жестокости никто не ожидал. Чем же объяснить это? Вскорости нашлась разгадка. Дело в том, что ещё в начале июня он был вызван в Петербург в особую комиссию по борьбе с развитием революционного движения в войсках и флоте в связи с неудачами на Востоке. И вот 14 июня в Зимнем дворце на заседании под председательством самого царя Николая он торжественно заявил, что ручается за благополучие вверенного ему Черноморского флота. Как раз в это время царю подали срочную телеграмму из Одессы от командующего войсками, в которой тот доносил, что в Одессу прибыл броненосец «Потёмкин», управляемый революционным комитетом из команды, которая перебила почти всех офицеров с командиром во главе; что в Одессе в связи с этим начались беспорядки среди молодёжи и рабочих. Это сообщение произвело впечатление разорвавшейся бомбы, и Чухнин испытал полный конфуз. Тотчас же ему был дан особый экстренный поезд и приказано немедленно ехать и усмирять свой флот всеми мерами, вплоть до уничтожения «Потёмкина» минами вместе со всеми «мятежниками». Старшему флагману вице-адмиралу Кригеру телеграммой царя было приказано немедленно идти с эскадрой в Одессу и уничтожить «Потёмкин». Вот он и пошёл в Одессу; «Потёмкин» вышел ему навстречу и так лихо прорезал эскадренный строй, что «Георгий Победоносец» с криком «ура!» присоединился к нему, и на прочих кораблях начались волнения. Поэтому адмирал Кригер моментально повернул свою эскадру и полным ходом направился в Севастополь, чтобы скорее вывести её из сферы действия «Потёмкина», который вместе с «Георгием Победоносцем» вернулся в Одессу. Затем в Севастополь вернулся из Петербурга адмирал Чухнин и организовал погоню за «Потёмкиным» с целью взорвать его. Для этого был назначен особо быстроходный контрминоносец под командой верного командира и вместо матросов на него были назначены охотники-офицеры (нашлись же такие!). Но этот быстроходный миноносец гонялся за «Потёмкиным» по всему Чёрному морю и нигде не мог его найти. Всюду он приходил спустя несколько часов после ухода «Потёмкина» в неизвестном направлении, вплоть до ухода его в Румынию. Чухнин потерпел новое фиаско. Вот почему он рвал и метал громы и молнии в бессильной злобе и всей жестокостью обрушился на «Прут», который был в его власти. Даже самый кузов «Прута» понёс наказание — судно было обращено в плавучую тюрьму для «Потёмкинцев», а «Потёмкин» по приводу из Румынии был переименован в «Св. Пантелеймона».

Таким образом, «Прут» по числу жертв должен стоять первым среди прочих своих сверстников по революции, и он вложил славную страницу в истории революции в Черноморском флоте в 1905 году, а о нём почему-то позабыли, и имена четырёх казнённых товарищей — Петрова, Титова, Чёрного и Адаменко — покрылись мхом неизвестности, а память о них имеет право быть увековеченной наравне с прочими, положившими свою жизнь за свободу.

В последующие годы «Прут» опять был обращён под школу, но уже минную.

Кроме того, в 1912, 1913 и 1914 годах «Прут» назначался для перевозки царского багажа из Севастополя в Ялту. Для этого подходили мы к Царской пристани и принимали с поездов так называемую гофмаршальскую и гоффурьерскую часть — явную и тайную полицию для охраны Ливадии, придворную челядь — лакеев, поваров, поварят, прачек, кучеров, егерей с различными собаками и пр. Всего душ до шестисот со всяким багажом, помимо огромных окovaných медью сундуков — чемоданов царского гардероба. Это называлось «почётным» поручением, и мы на это время являлись как бы состоящими в свите «придворным судном». И это военное судно, да ещё и заградитель, перевозит царских собак!

После Японской войны минное дело стало быстро развиваться. В Чёрном море было два минных заградителя, построенных по проекту лейтенанта Степанова, — «Буг» и «Дунай», которые имели под палубами особые приспособления для сбрасывания мин заграждения, заряженных пятью пудами пироксилина. Но мины эти уже были признаны негодными, как равно и суда, их вмещавшие. Поэтому был взят «Прут» и обращён в минный заградитель, но уже гораздо более мощный, чем указанные выше два судна.

На «Пруте» в трюмах помещалось 800 мин, заряженных шестью пудами тола, который во много раз сильнее пироксилина, и сама конструкция мины совсем другая, а поэтому по верхней палубе вдоль обоих бортов укладывались рельсы, по которым мина, поднятая стрелой из трюма вместе с якорем, на особой тележке подвозилась к корме и сбрасывалась за борт вместе со своей тележкой. Так как эти мины предназначались специально для заграждения входа

из Босфора в Чёрное море, то постановка их требовала особых приспособлений, ввиду того что в Босфоре при глубине 40–50 саженей существует два противоположных течения, а именно: одно — верхнее — несёт воды из Чёрного моря слоем до известной глубины, а другое — нижнее — несёт воды обратно в Чёрное из Мраморного моря. И вот, изучив скорости этих течений при различных направлениях и силе ветра, мины должны были проплыть известное расстояние по верхнему течению и затем уже опустить свои якоря на дно и автоматически останавливаться на заданной глубине от поверхности моря.

Для этого у каждой мины имелся часовой механизм, который по прошествии заданного времени опускал щеколду вьюшки, стальной трос быстро сматывался — и якорь опускался на дно, остановив автоматически мину на заданной глубине. Всю эту сложную и продолжительную операцию «Прут» должен был проделать под прикрытием боевой эскадры.

Империалистическая война застала меня на «Пруте» в должности минёра-заградителя. Кроме нас, 205 человек судового состава, на «Пруте» помещался ещё класс учеников-минёров с инструкторами и учителями.

Командиром был капитан 2-го ранга Быков⁷ — небольшого роста, с лысиной во всю голову, очень хладнокровный и тихий. С командой обращался очень хорошо: никого не наказывал, знал хорошо своё дело и лихо управлял судном. Старшим офицером был капитан 2-го ранга (фамилию забыл — немецкая⁸), на вид суровый, но в душе очень добрый человек; никогда не дрался и не ругался. Минным офицером был лейтенант Рагуцкий — очень требовательный и строгий, но не жестокий. Ротным командиром — мичман Смирнов, вполне оправдывал свою фамилию. Ревизор мичман Верещагин — весьма вежливый и сдержанный. Ещё был вахтенный начальник мичман Татаринов, в высшей степени простодушный юнец; он часто на баке играл с командой в плитки, и если проигрывал (тогда надо было вести на себе выигравшего), то откупался шоколадом; а выигравший человек ездил верхом на проигравшем, как малое дитя, команда его называла «наш татарёнок».

⁷ **Быков Георгий Александрович** (1874 — после 1930) — капитан 1-го ранга. Окончил Морской корпус (1893). С 1901 г. — флаг-офицер командующего Практической эскадрой Чёрного моря, старший флаг-офицер штаба командующего Черноморским флотом; с 1907 г. — на строевых должностях: старший офицер канонерской лодки «Кубанец» (1907–1908), командир эсминца «Звонкий» (1908–1911), яхты «Колхида» (1911–1912), эсминца «Живой» (1912–1913) и с 22 апреля 1913 г. — заградителя «Прут». После окончания Первой мировой войны — в эмиграции. С конца 20-х гг. жил в Брюсселе (Бельгия); в 1928–1936 гг. являлся председателем союза (объединения) офицеров Российского императорского флота в Бельгии. В 1932 г. выступал в Брюсселе перед эмигрантами с докладом о гибели «Прута». Предположительно, материалы этого выступления легли в основу статьи П. А. Варнека.

⁸ По-видимому, **Лонткевич Юрий Львович** (1881–?) — старший лейтенант (1914). Окончил Морской корпус (1903). В 1903–1904 гг. служил на кораблях эскадры Тихого океана, участник обороны Порт-Артура. С апреля 1914 г. — старший офицер минного заградителя «Прут». В 1920 г. числился на службе в белом Черноморском флоте.

Специалисты-командиры были также хорошие люди и с матросами жили дружно и хорошо, чего, к сожалению, нельзя сказать о боцмане Коллюжном; это был известный в Севастополе зверь-мордобой. Когда вызывали всех наверх для какого-нибудь аврала, то он становился у трапа и нещадно бил по спинам цепочкой с криком «чтоб не было последних!», а как это может быть при узких крутых судовых трапах; да и вообще должен же кто-нибудь войти последним. Команда его ненавидела. На берег он съезжал очень редко, но возвращался всегда пьяный с избитой физиономией — матросы задавали ему складчину. Ему под пару был и фельдфебель Савченко. Таким образом, если бы не эта мерзкая пара, то жизнь на судне была бы очень хорошей, ибо остальные все были дружны и сплочены.

28 октября 1914 года вся боевая эскадра под флагом командующего флотом адмирала Эбергарда⁹ утром вышла из Севастополя в море для производства боевой стрельбы по щитам. С начала войны это была первая стрельба за полгода. Вместе с эскадрой вышел и «Прут», на котором находилась особая комиссия, наблюдавшая результаты стрельбы со стороны. Надо заметить, что с Турцией в это время мы уже были в состоянии войны¹⁰, и было известно, что немцы передали Турции два новых быстроходных крейсера — «Бреслау» и «Гёбен»¹¹, специально предназначенные для операций в Чёрном море, и можно было ожидать их появления у наших берегов, так как вход из Босфора в Чёрное море ещё не был заминирован и они, пользуясь быстроходностью, каждую минуту могли появиться в различных пунктах и причинять нам большой вред.

Под вечер стрельба была закончена, эскадра вернулась в Севастополь и встала на свои бочки. Вернулся также «Прут» и встал по диспозиции на свою бочку против Аполлоновой балки. Свезли на берег артиллерийщиков за провизией, писарей и свободных женатых; всего 26 человек. Неожиданно последовал сигнал командующего флотом по радио: «Прут» — немедленно сняться, идти в Ялту,

принять пехотный батальон и доставить его в Севастополь.

Пришлось оставить спущенных на берег людей и без них и провизии идти. Снялись и пошли; уже темнело. Обогнули Херсонес и легли на курс на Сарыч, закрыв все огни. Шли довольно далеко от берегов. Ночью по радио стало известно, что к Одессе подходил турецкий броненосец, бомбардировал Одесский порт и потопил стоявшие в нём наши канонерскую лодку «Донец» и миноносец. В это время на горизонте много мористее нас показались огни судна, идущего параллельным курсом (впоследствии стало известно, что это был турецкий крейсер «Бреслау», бомбардировавший Феодосию и, вероятно, имевший намерение перехватить «Прут», но мы шли без огней, и это ему не удалось, хотя он долго шёл нашим курсом). Я был на вахте и назначен на дежурную шлюпку, почему находился на юте возле телеграфной рубки и ясно видел огни этого судна и следил за ним: оно то приближалось, то отдалялось; ясно было, что он ищет кого-то.

С рассветом подошли к Ялте, и командир по радио запросил разрешения командующего флотом войти в порт, но в ответ получил приказание «не входить в Ялтинский порт, а немедленно возвращаться в Севастополь, так как неприятельская эскадра в Чёрном море». Невольно возникает вопрос: почему же адмирал Эбергардт не выслал нам навстречу для прикрытия от врага хотя бы пару броненосцев? Ведь «Прут» артиллерии как таковой не имел, а начинён был минами до отказа и мог взлететь на воздух от первого снаряда, попавшего в минный погреб.

Повернули и обратно пошли в Севастополь, но опять пошли очень мористо. Судно, огни которого мы видели почти всю ночь, скрылось за горизонтом, и мы шли, надеясь проскочить благополучно в Севастополь.

Уже подходили к Сарычу, когда на горизонте показались дымки, шедшие наперерез в направлении как будто из Евпатории. По мере сближения мы узнали в них свой дивизион миноносцев под ко-

⁹ Эбергард Андрей Августович (1856–1919) — русский военно-морской и государственный деятель, адмирал (1913). С 1911 г. — командующий Морскими силами Чёрного моря. В 1916 г. снят с должности Николаем II, заменён А. В. Колчаком и назначен членом Государственного совета. Уволен в отставку в декабре 1917 г.

¹⁰ В действительности, хотя русскому командованию и было известно о прорыве в Чёрное море германских крейсеров, официально Турция не находилась в состоянии войны. Она началась именно с набега «Гёбена» и «Бреслау» на русские порты и нападения на корабли. Россия объявила войну Турции 2 ноября 1914 г.

¹¹ «Бреслау» (нем. Breslau) — германский лёгкий крейсер типа «Магдебург» времён Первой мировой войны. В 1914 г. передан Турции, получил имя Midilli. Вместе с линейным крейсером «Гёбен» вёл операции на Чёрном море. В январе 1918 г. подорвался на mine и затонул с большей частью команды. Водоизмещение 4480 т, скорость хода 27,6 уз. Бронирование: пояс — 70 мм, палуба — 12,7 мм, орудия — 102 мм. Вооружение: 12 x 105-мм орудий, два торпедных аппарата.

«Гёбен» (нем. Goeben) — германский линейный крейсер типа «Мольтке» времён Первой мировой войны. Введён в строй в 1912 г. В 1914–1917 гг. вёл операции на Чёрном море против русского флота и кавказского фронта русской армии. С августа 1914 г. — в составе турецкого флота под именем «Султан Селим-грозный» (тур. Yavuz Sultan Selim) или просто Yavuz. До 1950 г. был флагманом военно-морского флота Турции. Водоизмещение 22 979 т, скорость 28,5 уз. Бронирование: пояс — 280 мм, барбет и башни — 230 мм, палуба — 76 мм. Вооружение: 10 x 280-мм, 12 x 150-мм, 12 x 88-мм орудий, четыре торпедных аппарата.

мандой лихого князя Трубецкого¹², который склонился к нам; но в это время из-за Херсонесского мыса миноносцы подвергались обстрелу, и потому они повернули в море и быстро скрылись. Впоследствии оказалось, что в них стрелял «Гёбен», подходивший к самому входу в Севастополь и пустивший туда несколько снарядов, один из коих попал в морской госпиталь; потом «Гёбен» безнаказанно прошёл по минному заграждению и ушёл в море, несмотря на то что на рейде стояла вся броненосная эскадра и по военному времени под парами и в боевой готовности.

Вот, подходя к Херсонесу, «Гёбен» и обстрелял дивизион миноносцев, один из которых был повреждён снарядом и имел убитых и раненых.

Вскоре из-за Херсонеса показался и сам «Гёбен» с двумя турецкими миноносцами и направился к нам. Наш командир капитан 2-го ранга Быков до войны был командиром «Колхиды» в Константинополе и сразу узнал «Гёбен» и, взвесив возможные последствия встречи с «Гёбеном», приказал пробить водяную тревогу. Всей команде было приказано приготовить все шлюпки к спуску, надеть спасательные пояса и пробковые матрацы; в машину передано приказание потушить огонь в топках и вытравить пар из котлов. «Прут» в это время повернул в море, а «Гёбен» быстро к нему приближался. Не знаю, для чего нам было приказано поднимать мины из погребов (может быть, командир думал успеть выбросить их за борт). В это время минный офицер лейтенант Рагуцкий¹³ с палубы просил командира разрешить взорвать мины (он имел уже в руках взрыватель и подрывные патроны), но командир Быков не разрешил, ответив ему с мостика, что нет смысла губить понапрасну столько людей, когда есть возможность спасти их, и приказал спускать шлюпки. Лейтенант Рагуцкий спустился в трюм и звал охотников присоединиться к нему для взрыва судна, но никто на его зов не пошёл, так как уже начали спускать шлюпки. По приказанию командира открыли кингстоны, и вода пошла в трюмы.

В это время «Гёбен» подошёл, развернулся правым бортом к нам, отрезав нас от берега на высоте Балаклавы, и поднял сигнал «предлагаю сдать», имея все орудия направленными в «Прут». У нас в ответ на приказание командира подняли на обеих мачтах Андреевские флаги и стали садиться в шлюпки и отваливать от борта. Часть команды в поясах прямо бросилась в воду и отплывала от судна. Не-

которые, особенно кондукторьё, даже переоделись в чистое платье. Командир с несколькими офицерами сошёл с судна последним, и в этот момент с «Гёбена» раздался залп по носовой части «Прута», коим разнесло полубак; отдались якоря, и на баке вспыхнул пожар. Вслед за этим вторым залпом «Гёбен» развернул спардек, а третьим — снёс грот-мачту, и весь «Прут» охватило пожаром, и он немедленно стал погружаться в воду кормой (может быть, лейтенант Рагуцкий всё-таки подорвал дейдвуд, так как «Прут» пошёл ко дну вертикально кормою вниз и лейтенант Рагуцкий на нём погиб).

Когда «Прут» начал медленно опускаться кормой, турецкие два миноносца приблизились и начали в него стрелять минами Уайтхеда, но ни одной не попали. И это — в стоячее судно и днём! Хорошая стрельба!

Я и около ста человек плавали в воде: миноносцы прошли перед нами — плававшими — и никого не подобрали, хотя некоторые и зывали к ним о помощи, зачоченев в холодной воде; они направлялись к нашим шлюпкам и снимали с них всех и доставили на «Гёбен», предварительно раздев всех догола. Так им были взяты в плен командир, доктор, несколько кондукторов (переодевшихся в новые платья) и часть команды, всего человек восемьдесят, а шлюпки пустые бросили. «Гёбен» с миноносцами ушли, а мы начали ловить пустые шлюпки и влезать на них, спасая друг друга. Некоторые шлюпки тем временем успели значительно отойти к берегу в направлении к Георгиевскому монастырю, где в это время показалась под берегом «Колхида» — судно «Красного Креста», высланная начальством из Севастополя. Но, к сожалению, «Колхида» своими действиями только осрамила «Красный Крест». Она забрала с приставших к ней шлюпок людей и отправилась обратно в Севастополь с докладом, что больше нет нуждающихся в её помощи. Командир «Колхиды» не потрудился подойти к месту гибели «Прута» и посмотреть, нет ли плавающих людей, а нас-то оставалось изрядное количество в холодной октябрьской воде. Чем он рисковал? Ведь «Гёбен» и миноносцы ушли, а «Колхида» была под флагом «Красного Креста»! Замарала она этот крест своими действиями, ибо она бросила на произвол судьбы много ещё плавающих людей; нас оставалось в воде ещё 36 душ.

«Прут» пошёл ко дну ровно в 7 часов 43 минуты утра.

¹² **Трубецкой Владимир Владимирович**, князь (1868–1931) — капитан 1-го ранга (1913). Окончил Морской корпус (1891); участник Русско-японской войны, командир подводной лодки «Сом» (1904–1906). В 1906–1912 гг. служил на Балтике, командовал эсминцами «Сильный» (1907–1909) и «Донской казак» (1909–1912). С 1912 г. — командир дивизиона эсминцев на Чёрном море: 3-го (1912–1913) и 1-го — с декабря 1913 г. После Первой мировой войны — в эмиграции, жил и умер в Париже.

¹³ У С. П. Гурцака — Рагуцкий, в других вариантах **Рогузский (Рогусский) Александр Владиславович** (1887–1914) — лейтенант (1913). Окончил Морской корпус (1909) и Минный офицерский класс (1913).

Я твёрдо запомнил момент гибели «Прута» потому, что около меня держался на воде наш штурман — лейтенант Игнатъев, у которого были герметически закрытые часы, и он крикнул: «Семь сорок три!»

Итак, в 7 часов 43 минуты утра 29 октября 1914 года минный заградитель «Прут» исключительно по вине командующего флотом адмирала Эбергардта, с полным запасом мин заграждения, близ базы Черноморского флота пошёл ко дну на горе нам и на радость врагам. И действительно, тяжело и горько было видеть, как эта махина встала на дыбы и медленно опускалась кормой, унося с собой все мечты о заграждении Босфора. Многие из нас не выдержали этого потрясающего зрелища и плакали. За что погибло судно!

Понемногу мы, заочневшие от холода и подерживая друг друга, поймали пустую, брошенную

турками нашу шлюпку, влезли в неё и направились к берегу, у которого показалась посланная из Севастополя подводная лодка, и она нас на буксир и привела в Севастополь, заочневших, усталых, голодных.

Сколько товарищей погибло¹⁴, мы точно не могли знать, так как неизвестное количество попало в плен, а часть, бесспорно, утонула, но одно могу заверить, что все, ещё плававшие на месте гибели «Прута», после позорного ухода «Колхиды» собрались вместе и подлодка доставила нас в Севастополь, не оставив в море ни одного человека. Может быть, несколько человек пошли ко дну сразу, а также остались на «Пруте» с лейтенантом Рагуцким, но в гибели их никто не повинен, так как все меры к спасению всех были своевременно приняты.

¹⁴ Личный состав корабля пытался спастись на шлюпках, койках и спасательных поясах. Но часть его (три офицера, в том числе командир, корабельный врач, два кондуктора и 69 матросов) была снята со шлюпки и поднята из воды турецкими миноносцами и взята в плен. В лагере Кутахия, куда были доставлены пленные, желая облегчить жизнь кондукторов, Быков заявил туркам, что их чин офицерского ранга, и поэтому турки сообщили, что в плен было взято шесть офицеров. Остальные (три офицера и 199 матросов) были подняты на борт вышедшей из Балаклавы подводной лодки «Судак» и затем переданы на борт госпитального судна «Колхида», которое доставило их в Севастополь. В бою погибли лейтенант Рогусский, мичман Смирнов, иеромонах Антоний, боцман Колжонный и 25 матросов.

По последним данным обнаружения, координаты объекта 44°38'N 33°12'E. Глубина 124 м. Возвышение над грунтом 14 м.

К 95-летию окончания Гражданской войны

В. Н. Гуркович

Первое захоронение воинов Русской армии за всю эпоху советской власти

В конце прошлого века — начале нынешнего в Крыму было сооружено несколько памятников жертвам красного террора — у Максимова дачи в Севастополе, на старом кладбище Карантина в Феодосии, в урочище Багреевка (близ водопада Учан-Су, у дороги Ялта — Ай-Петри)...

И первым в этом списке стоит памятник на братской могиле офицеров Русской армии, павших при защите Крыма в 1920 году.

История этой братской могилы нигде полностью не описана. Поэтому я встретился с директором Красноперекопского краеведческого музея Львом Петровичем Кружко, большим энтузиастом изучения прошлого перекопской земли, хранителем её реликвий и памятников. Не случайно уважающие Льва Петровича коллеги и товарищи с признательностью и улыбкой произносят его фамилию по-новому: «Кружко-Перекопский».

В беседе со мной Лев Петрович рассказал, что в 1991 году на кладбище села Таврического Красноперекопского района были обнаружены останки «одного военного». Вездесущие мальчишки принесли эту весть в школу, а из неё сигнал поступил инспектору охраны памятников Красноперекопского райисполкома Александру Ивановичу Матиашу и директору Красноперекопского краеведческого музея. Оперативно была создана комиссия, которая выехала на место обнаружения останков неизвестного воина.

При расчистке прилегающего к костяку грунта были обнаружены останки ещё трёх человек. Комиссия по мере сил изучила материальные находки — пуговицы, фурнитуру и другие фрагменты военного

обмундирования, православные нательные крестики — один золотой и два серебряных.

В итоге комиссия пришла к выводу, что обнаруженные останки четырёх человек принадлежала белогвардейским офицерам, погибшим в годы Гражданской войны.

В разговоре я задал вопрос Л. П. Кружко: почему о местонахождении этой могилы на сельском кладбище никто не знал? Ведь обычно люди, проживающие в небольших населённых пунктах, знают, кто похоронен на местных погостах, когда и как их предали земле. Кладбищенская информация, как правило, передаётся многими людьми из поколения в поколение на протяжении длительного времени.

И Лев Петрович объяснил, что село Таврическое было образовано в 1958 году. Оно появилось на совершенно чистом месте, ранее не застроенном и не освоенном. Территория для строительства села находилась на небольшом возвышении рельефа. Рядом с селом был выделен участок для организации местного кладбища. И вот в 1991 году при рытье котлована для индивидуальной могилы было обнаружено более раннее групповое захоронение.

«С определённой степенью уверенности, — продолжал Лев Петрович, — можно сказать, что именно на этом месте были позиции белых — защитников Ишуньских укреплений, благо что здесь небольшая господствующая высота. Четверо упомянутых офицеров погибли, судя по всему, не в сражении, а были расстреляны красными после окончания боевых действий. Для их захоронения, вероятнее всего, и был использован окоп. Понятно, что эта могила

Надгробие с эпитафией, составленной Л. П. Кружко (Красноперекопск). Фото Ларисы Кружко

изначально ничем не была обозначена и, естественно, в 1958 году, когда выделилась земля под сельское кладбище вновь образованного посёлка, никто не мог знать о существовании захоронения периода Гражданской войны.

Лев Петрович поведал о тех сложностях, трудностях и других внештатных проблемах, которые возникли после обнаружения останков, как тогда говорили, белогвардейских офицеров: «Время было советское. Естественно, о перезахоронении воинов Белой армии не могло быть и речи. Такое мнение было, как говорится, в «верхах». Разные предложения были высказаны насчёт того, как поступить с останками. Негласно «сверху» высказывали своё мнение: предать их земле тут же, на месте их обнаружения, и... ничем не обозначать».

В одном из писем Л. П. Кружко мне выразил свою точку зрения на этот, не имеющий прецедента вопрос: «Я давно мечтал, чтобы на земле, где закончилась братоубийственная Гражданская война, был бы хоть какой-то памятник на могиле погибших воинов Белой армии и располагался бы он рядом с братской могилой красноармейцев.

Хотелось это сделать в назидание будущим поколениям, чтобы помнили о грандиозной националь-

ной трагедии, учились бы на её уроках. Л. Н. Толстой говорил, что война — это безумие. Мне бы хотелось добавить, что Гражданская война — многократное безумие!

Исходя из своих убеждений, я предложил перезахоронить останки белогвардейцев в охранной зоне Перекопского рва, в восточной его части, напротив братской могилы бойцов огневой бригады 51-й дивизии Красной армии.

Своё предложение я мотивировал тем, что меняются времена, хотим мы этого или не хотим, но наступает период переосмысления исторических событий, и не за горами дни, когда к нам, на Перекоп, поедут представители зарубежной русской диаспоры...

В деле перезахоронения останков воинов нам с А. И. Матиашиом во многом помог директор совхоза «Пятиозёрный» Иван Иванович Шишкин. По его распоряжению был отлит большой железобетонный православный крест, изготовлен гроб, выделены трактор с прицепом.

Захоронение останков белогвардейских воинов, состоявшееся 27 мая 1991 года, было более чем скромным. Моя просьба пригласить представителей общественности и, согласно православным канонам, отслужить панихиду, была отклонена. Поэтому перезахоронение останков прошло в присутствии семи человек: меня, А. И. Матиашиа, тракториста и четырёх рабочих».

В 2004 году архитектор и дизайнер из Москвы Антон Челобиев, интересуясь темой Гражданской войны, посетил Перекоп. Увидел он и братскую могилу четырёх русских воинов, увенчанную крестом. Надо отметить, что надмогильный крест был изготовлен рабочими совхоза «Пятиозёрный», которые не имели подобного монументального опыта и, вероятно, не знали всех технологических тонкостей при отливке крестов-памятников. Одним словом, памятник требовал замены. Антон Челобиев, уезжая в Россию, попросил директора Красноперекопского краеведческого музея организовать замену первоначального, пришедшего в упадок памятника новым, из более долговечного материала. Московский архитектор на этот проект выделил свои личные деньги. Безвозмездно и без каких-либо условий.

Лев Петрович Кружко вспоминает: «В мастерской по изготовлению памятников в городе Армянске мне дали альбом образцов памятников. Свой выбор я остановил на стеле из чёрного полированного камня, верхняя часть которой представляла собой стилизованное изображение языков пламени.

Именно тогда я почувствовал, что огонь — лучший символ, имеющий ёмкие и разные значения: борьба, вера, вечная память...

Долго пришлось подыскивать эпитафию для памятного. Из массы перечитанных стихотворений различных поэтов я выбрал четверостишие местного, но довольно известного за пределами Крыма поэта из Армянска — Зыгмунта Левицкого:

*Безвременье вечно не длится,
Ветер отвалы разворошил —
И проступают нетленные лица
Тех, кто воистину верил и жил».*

В беседе со мной Лев Петрович признался, что особенно много времени и сил отдал он разработке информационно-памятного текста на надгробной плите. Вариантов было множество. Тем более что сражения на перекопской земле происходили и в 1918, и в 1919, и в 1920 году. Однако наиболее кровопролитные бои шли именно в 1920-м, причём последние — на Ишуньских позициях. И вроде бы простой вопрос стоял перед Л. П. Кружко: кто были погибшие? В советское время их обычно называли: «офицеры вооружённых сил «чёрного барона» Врангеля», «офицеры-врангелевцы» и просто «врангелевцы» или «белогвардейцы». Примечательно, что

в коммунистическую эпоху в печати невозможно было встретить, казалось бы, простую фразу: *Красная армия на Перекопе в 1920 году сражалась с Русской (!) армией...* Именно так официально с 28 апреля 1920 года называлась армия, которая вела боевые действия против Вооружённых сил РСФСР на последнем этапе Гражданской войны. И, наконец, Лев Петрович пришёл к мысли, что в эпитафии следует указать не на принадлежность погибших к офицерскому сословию, а на то, что эти русские люди погибли как воины. Так родилась надпись: *«Здесь покоится прах воинов Русской армии. 1920 год»*. На мой взгляд, предельно лаконичная и исторически выверенная фраза, невольно заставляющая остановиться у этого надгробия и основательно задуматься.

Относясь с большим почтением к тем, кто достойно предал земле останки воинов одной из сторон Гражданской войны, счёл своим долгом поведать обо всех обстоятельствах, деталях этого скорбного и нужного дела. Первого достойного захоронения воинов Русской армии, жертв Гражданской войны. Первого захоронения — подумать только! — за всю эпоху советской власти.

К 70-летию Великой Победы

С. Н. Ткаченко

«Результат боя всех подразделений...»

К вопросу о событиях в районе Васильковской балки (Зуйские леса) в январе 1944 года

В период оккупации Крымского полуострова немецко-румынские войска и немецкая администрация установили режим, который сопровождался геноцидом, отличался исключительной жестокостью по отношению к населению, проживавшему на оккупируемых территориях, — массовыми репрессиями и уничтожением граждан, разрушением и разграблением объектов народного хозяйства, культурных ценностей [1, с. 49–50]. Этот режим характерен жестоким подавлением сопротивления и инакомыслия; в крымском варианте (как, впрочем, и в других местах) события имели формы борьбы не только с партизанами, но и с местным гражданским населением, частично ушедшим в леса горной части полуострова осенью 1943 года.

Указанное место — Васильковская (встречается также название Васильковая, иногда Василькова) балка (или урочище Васильки — по картографическим данным [2; 3, с. 20]) — находится в 6 км к югу от центра селения Баксан (ныне село Межгорье Белогорского района) и в 5 км к северу от высоты 914,0 (гора Колан-Баир, Долгоруковская яйла). Оно представляет собой долину одного из левых притоков реки Бурульча — полноводного ручья Шетлеук-Чокрак, между горами Токуш (высота 701,0) и Бурма (высота 731,0), к западу от полян Уч-Алан, густо поросшую лиственным лесом, с крутыми склонами, изобилующую мелкими балками и оврагами. Ручей перекрыт порогами и перекатами [4, с. 41]. В окрестных лесах, обобщенно называемых Зуйскими — по названию посёлка Зуя, с ноября 1941 года постоянно базировались партизанские отряды и велись боевые действия.

Балка ныне относительно доступна, к ней от села Межгорье ведёт хорошо наезженная лесная дорога вдоль реки Бурульча (туристический маршрут, переход № 151: турстоянка «Курган Славы» — село Межгорье [5]); в ней сходятся несколько троп из окрестностей. Исторических данных, что в урочище Васильки находилась какая-то деревня, нет. Некое поселение в балке, предположительно, существовало, о чём свидетельствуют два каменных развала. При этом наиболее обширный верхний участок, с хорошо сохранившимися основаниями стен, находится в средней части Васильковской балки, в обширной пойме. Можно предположить, что оно и дало название балке.

В ноябре 1943 года советские войска захватили плацдарм на Керченском полуострове и на южном берегу Сиваша. Создалось впечатление, что скоро Крым будет очищен от оккупантов и их пособников. Не оценив полностью создавшуюся обстановку, областной подпольный партийный центр (ОППЦ), находившийся в Зуйских лесах, после приказа оккупационной администрации от 29 октября 1943 года о «добровольной» эвакуации населения из Крыма принял недостаточно обоснованное решение (не задумываясь серьёзно о его последствиях) разослать своих представителей в сёла Симферопольского, Зуйского, Карасубазарского (Белогорского), Старокрымского, Алуштинского и Бахчисарайского районов с задачей поднять народ на уход в лес к партизанам» [6, с. 293]. К этому же призывало и обращение «К населению Крыма» (письмо жителей, ушедших в лес), выпущенное в виде листовки 3 ноября 1943 года [6, с. 299–300; 7, с. 438].

Освящение Поклонного креста

В результате под защиту партизан ушло в общей сложности не менее 10 000 человек: женщин, стариков и детей с домашним скарбом, скотом и запасами продовольствия. Так, только из 13 населённых пунктов, расположенных вокруг Крымского заповедника, под защиту отрядов 4-й партизанской бригады к середине декабря ушёл 2701 человек, в том числе из деревень Саблы (ныне Партизанское) — 437, Бодрак (ныне Трудолюбовка) — 529, Мангуш (ныне Прохладное) — 278, Бия-Сала (ныне Верхоречье) — 359 человек [8, л. 202–205; 9, л. 23; 10, л. 16]. Точных данных о гражданском населении Карасубазарского и Зуйского районов, ушедших в леса, не найдено — общие оценки указывают на 3–3,5 тысячи человек. В частности, А. В. Басов пишет о 3000 гражданских лиц под защитой партизан в Зуйских лесах, в заповеднике — 4735, в старокрымских лесах — 2000 человек [11, с. 222].

Необходимо отметить, что в послевоенной литературе по истории Крыма 1941–1944 годов, со ссылками на архивные документы, по исследуемому району приводились следующие данные: «1 декабря 1943 г. ...Численность партизан составляет

3506 человек. ...К этому дню под защиту партизан 1-й, 5-й и 6-й бригад пришли 1691 житель, в т. ч. 669 женщин и 778 детей» [12, с. 125]. А уже на 10 декабря приводятся сведения, что под защитой партизан в лесах укрывалось до 10 тысяч жителей предгорных и горных деревень [12, с. 12]. Указывается численность самих партизан — 3597, в частности 1056 — в южных лесах (заповедник), 1929 — в средних (Зуйские и Карасубазарские леса) и 612 — в восточных (Старокрымские леса). Налицо рост партизанских рядов на 90 человек, вероятно, из пришедшего населения. Вышеуказанные бригады базировались в Зуйских лесах, их командиры — Ф. И. Федоренко, М. М. Егоров, Г. Ф. Свиридов соответственно. Кроме того, отмечено, что из деревень Зуйского района партизанские отряды пополнили ещё в конце октября 300 человек, а в ноябре — 102 [12, с. 119–120]

В работах исследователя крымского партизанского движения и участницы событий Е. Н. Шамко говорится о том, что в Зуйских лесах находилось около 3000 человек [13, с. 85].

Присутствие населения, расположившегося в так называемых гражданских лагерях, лишило партизан их основного боевого качества — манёвренности — и вынудило вести несвойственные партизанам позиционные оборонительные бои, чего, собственно, и добивалось немецкое командование, так как в период затяжных боёв коммуникации 17-й армии оказывались в безопасности.

Оккупационные власти ужесточили режим с конца 1943 года. Карательные отряды сожгли почти все деревни, из которых мирное население ушло в леса. По существующим данным, всего было сожжено 81 селение и в них 5268 дворов [14, с. 16], причём на территории Зуйского района — 21 населённый пункт

Текст на мемориальной доске памятника в Васильковской балке

Поклонный крест в Васильковской балке

с 880 дворами [15, с. 264]). Войска, выделенные для противопартизанской борьбы, приступили к проведению операций, направленных на блокаду и уничтожение партизанских группировок в Старокрымских, Карасубазарских, Зуйских лесах и в Крымском заповеднике.

Первыми на очереди оказались Зуйские леса, так как в них находились партизанские аэродромы, ОППЦ, три партизанские бригады и большое количество мирного населения. 24 декабря 1943 года командование оккупационных войск в Крыму развернуло наступление против партизан Зуйских лесов. Карательный корпус, выделенный для этой цели, состоял из трёх румынских горнострелковых дивизий, четырёх немецких пехотных и восьми полицейских батальонов. Им были приданы 16 танков, несколько эскадрилий штурмовой и бомбардировочной авиации, 18 миномётных и 12 артиллерийских батарей разных калибров. Партизаны имели гораздо меньше сил: карателям противостояли 1, 5 и 6-я бригады общей численностью 2345 человек, одна батарея 76-мм пушек и одна батарея горных установок «катюш» [13, с. 76]. В течение месяца, до начала операции, над партизанскими лагерями летали немецкие самолёты. Авиация противника один за другим наносила бомбовые удары, обстреливала лес из пушек и пулемётов, сбрасы-

вала листовки, призывавшие партизан и гражданское население сдаваться. Несколько раз предпринималась разведка боем. А с 27 декабря 1943 года началась первая фаза генерального прочёса в Зуйских лесах, продолжавшаяся до 8 января 1944 года [16, с. 101].

Партизаны были вынуждены защищать гражданские лагеря, частью сил (3-й и 21-й отряды) заняв позиционную оборону [17, с. 392]. Опасаясь, что остатки 1, 5 и 6-й партизанских бригад подвергнутся разгрому, КШПД передал в лес приказ: «Молния — Ямпольскому, Савченко. ...В крайнем случае сохраняйте боевой состав, маневрируйте, невзирая на опасность, грозящую мирному населению... Булатов 1.1.44 г.» [18, л. 8].

В результате 3–4 января 1944 года произошла трагедия в Васильковской балке, где мирное население и раненые были подвергнуты массированным бомбостурмовым ударам авиации, после чего в балку ворвались румыны и добровольцы. Эти события отражены как в отчётных архивных документах [19, л. 67–68], так и в опубликованных мемуарах [17, с. 392–394; 20, с. 262–264; 21, с. 146; 22, с. 248–250] и воспоминаниях партизан [23, л. 140–141; 24, л. 78–79] и гражданских лиц — очевидцев событий [25]. Трагедия нашла своё отражение в публицистике того времени, но основной идеей опубликованных статей было обвинение немецких (без упоминания о румынских войсках) оккупантов в преступлениях против мирных граждан [26, с. 68–69, 82–85]. В послевоенной историографии исследуемый вопрос не нашёл отражения даже в Книгах Памяти Крыма. Подробная и правдивая история событий, произошедших в указанном месте, до сих пор не написана.

Анализ зарубежных исследований позволяет детализировать хронологическую картину первой операции румынского горнострелкового корпуса в Зуйских лесах. Известно, что в конце 1943 — начале 1944 года побережье от Феодосии до Севастополя прикрывал 1-й румынский горнострелковый корпус (три горнострелковые дивизии), на него также возлагалась задача борьбы с партизанами. Штаб корпуса находился в Симферополе [27, а. 245].

Состав соединений, сведённых в 1-й горнострелковый корпус, был следующим:

- 1-я горнострелковая дивизия: 1-й и 2-й горнострелковые, 1-й горный артиллерийский полки, моторизованный конный эскадрон;
- 2-я горнострелковая дивизия: 4-й и 5-й горнострелковые, 2-й горный артиллерийский полки, моторизованный стрелковый эскадрон (разведка);
- 3-я горнострелковая дивизия: 3-й и 6-й горнострелковые, 3-й горный артиллерийский полки, моторизованный стрелковый эскадрон (разведка).

Одна горнострелковая дивизия по штату — около 12 000 человек, 24 горных 75-мм и 100-мм орудия,

12 противотанковых 37-мм орудия [28, с. 30, 52–53]. В действительности же численность личного состава в дивизии составляла 8000–9000 человек.

В 1-й горнострелковый корпус также входили части корпусного подчинения — дополнительный батальон горных стрелков, дорожный (сапёрный) батальон и госпитали полков [29]. Как и в кавалерии, горнострелковые войска имели более высокий уровень подготовки и профессионализма, чем регулярная пехота. Инициатива на уровне батальона была более развитой. Они были подготовлены для боёв на сложной местности, но отсутствие артиллерии сделало их уязвимыми в открытом поле.

По оценкам румынской и немецкой разведок, партизанские формирования в горных районах в ноябре 1943 года насчитывали около 7000–8000 вооружённых мужчин. План был разработан в штабе корпуса и предполагал окружение партизанских отрядов, а затем постепенное уничтожение их [30, а. 211].

Были созданы три тактические группы. Первая (полковник Балан) включала 8, 10 и 16-й батальоны 2-й горнострелковой дивизии, один батальон из 3-й горной дивизии, один отряд связи, три артиллерийские батареи из 2-й горнострелковой дивизии, четыре 120-мм миномёта, одна противотанковая батарея, один взвод военной полиции из 2-й горнострелковой дивизии и одна батарея из 3-й горнострелковой дивизии. Вторая (полковник Мавричи) — 2-й горнострелковый батальон из 1-й горнострелковой дивизии, один немецкий батальон, два 120-мм миномёта, четыре немецких 20-мм моторизованных орудия, один отряд связи из 2-й горнострелковой и один взвод из 1-й горнострелковой дивизии. Третья тактическая группа (подполковник Бориславский) состояла из двух батальонов: 3-й горнострелковой дивизии, артиллерийского батальона и одного сводного отряд из подразделений 3-й горнострелковой дивизии и горнострелкового корпуса. 1-я и 2-я группы были подчинены 2-й горнострелковой дивизии генерал-майора Иона Думитраче [30, а. 212–213].

Операция началась 29 декабря 1943 года, в пять часов утра. Тяжёлые бои проходили на высотах 1004 (восточнее деревни Ангара), 1279 (хребет Тырке), 909,3, 884 (южнее хребет Калан-Баир). С 1 января 1944 года тактические группы были реорганизованы следующим образом: первая тактическая группа находилась в подчинении генерала Думитраче, 2-я и 3-я — генерал-майора Леонарда Мосульски (3-я горнострелковая дивизия) [29].

В нанесении авиационных ударов по местности в рамках антипартизанской

операции участвовали три части штурмовой авиации 4-го воздушного флота люфтваффе — германская группа III./SG3 (командир — гауптман Хайнц Хоге, всего самолётов-штурмовиков — 13 Ju-87D-3, 21-Ju 87D-5) и румынская группа Grupul 3 Pikaј (15 Ju-87D-3/D-5). На конец декабря 1943 года — 49 самолётов, аэродром базирования — Каранкут (ныне окрестности села Весёлого Джанкойского района) с бетонной взлётно-посадочной полосой; расстояние от аэродрома до Васильковской балки — 75 км; в качестве штурмовиков использовались также бипланы Go-145 из 6-й ночной группы NSGr6 (около 30 самолётов, аэродром Каранкут). Кроме штурмовиков, установлено применение самолётов-разведчиков FW-189A-3 из разведэскадрильи 1.(H)/21 (аэродром Сарабуз, 14 самолётов), а также возможно использование другой авиатехники из частей люфтваффе [31, с. 413–414; 32].

В ходе боевых действий с 28 декабря 1943 по 8 января 1944 года партизаны и мирное население понесли большие потери, многие пропали без вести. По существующим послевоенным данным партизанской стороны, потери только партизан составили убитыми 88 человек, ранеными — 250. Каратели захватили в плен и расстреляли 176 раненых партизан; точные данные по гражданскому населению отсутствуют [33, с. 188–189]. По показаниям немецкой стороны, в операции было взято в плен 150 человек и убито на месте 100 партизан, большинство пленных приговорены к смертной казни и расстреляны, всё население поголовно ограблено, разграблено минимум 12 деревень, урожай полностью уничтожен [34, с. 387]. Румынские исследователи приводят несколько отличающиеся данные: «4 января группа партизан была окружена

Васильковская балка. Современный вид

Памятник в Васильковской балке

и ликвидирована. В течение 7 дней боевых действий советские партизаны, по данным румынской стороны, понесли следующие потери: 1147 убитых и раненых, 2559 пленных. Потери румын: 43 убитых и 189 раненых» [29].

Очень красноречивы данные отчёта немецкой военно-экономической инспекции, которые целесообразно привести полностью: «27 декабря 1943 года особое подразделение военно-экономической инспекции 105 (Крым) под руководством старшего лейтенанта Хартман было задействовано в широкомасштабной операции против партизан. Подразделению, сформированному из частей различных подразделений, принадлежали 20 членов военно-экономической инспекции 105 (Крым). Отбытие подразделения 27 декабря 1943 года в 23 часа в Чавку, 23 километра юго-восточнее Симферополя, по шоссе на Алушту. 28 декабря 1943 года, 3 часа: восхождение подразделения в качестве третьего подразделения особо составленного истребительного батальона для борьбы с партизанами на высоту 1001 восточнее Чавки. Восхождение было крайне тяжёлым. До 11 часов утра 29 декабря 1943 года — сопротивление партизан, поддержанных орудийным и миномётным огнём. Лишь около 15 часов высота была взята при поддержке ба-

тальона ротмистра Брендель [Rittmeister Brendel]. Трофеи захвачены не были, трупы партизан были убиты. Батальон ночевал на высоте при дожде, снегопаде и резком падении температуры. На протяжении следующих дней нападение было продолжено и был прочёсан лежащий в северном направлении лес. 5 января 1944 года батальон достиг Тау-Кипчак и был там распушен на постой. Результат боя всех стрелковых подразделений: около 1200 мёртвых бандитов, 2865 пленных (около 3/4 женщин и детей), 3 артиллерийских орудия 7,62 мм, 2 орудия залпового поражения [катюши], 7 миномётов, 17 пистолет-пулемётов, 8 противотанковых ружей, 11 пулемётов, 636 ружей и винтовок.

Доля особого подразделения военно-экономической инспекции 105 (Крым) в этом результате: 9 убитых бандитов, 59 пленных, 5 парашютных контейнеров с боеприпасами, 1 противотанковое ружьё. Итого было уничтожено: 31 партизанский лагерь и 340 хижин.

Собственные потери стрелковых подразделений: 31 убитыми, 213 ранеными.

Особое подразделение военно-экономической инспекции 105 (Крым) потерь не имело» [35, с. 159].

Анализируя советские архивные источники, в частности радиограммы в Крымский штаб партизанского движения, можно говорить об определённом соответствии действительности румынских и немецких данных. Так, сообщалось [36, л. 13–14], что к началу февраля в лагеря отрядов и бригад собралось около 200 человек из гражданского населения, в период бомбардировок и прочёса разбежавшегося по лесу. Приняв за основу приведённые выше данные о 3000–3200 человек, ушедших в лес, и 2500–2800 — захваченных в результате операции, а также о не менее 400 погибших и пропавших без вести граждан, можно утверждать, что общая картина представляется определённой.

Значительное число мирных жителей было угнано карателями из леса в концентрационные лагеря, в том числе в лагерь смерти на территории совхоза «Красный», где многие погибли в январе — апреле 1944 года [34, с. 325, 337, 339, 369]. Всего по данным Государственной крымской республиканской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, на 2 октября 1944 года в Зуйском районе Крымской АССР было расстреляно 123 гражданина, угнано в рабство 231 человек, всего 354 жертвы [37, л. 14]. Данные, уточнённые на сентябрь 1945 года по этому же району, составляют: 219 мирных граждан расстреляно, 1 — замучен, 315 — угнано в рабство

[14, с. 259; 38, с. 209]. Несомненно, что среди этих людей были и мирные жители, попавшие в трагедию в районе Васильковской балки.

В приказе Крымского штаба партизанского движения № 48 от 1 марта 1944 года суровой критике было подвергнуто партизанское руководство в Крыму за потери в период с 29 декабря 1943 по 8 января 1944 года. Правильно указывалось на отсутствие манёвра, что сделало более эффективными действия артиллерии и авиации противника, отмечалась неоправданная смена командиров 5-й бригады: Ф. С. Соловей, Н. П. Шестаков, И. И. Москалёв, С. А. Осовский и опять Ф. С. Соловей [39, л. 25–26].

Оправившиеся от прочёса (во всех лесах горной части Крыма) отряды оказались в разной степени пополнены личным составом. Некоторые практически прекратили существование. Когда общая картина стала достаточно понятна, в Крымском штабе партизанского движения провели очередную и, как оказалось, последнюю реорганизацию. Приказом № 9 от 29 января 1944 года Центральная оперативная группа упразднилась; в районе действия 1, 5, 6-й бригад было приказано сформировать Северное

соединение в составе 1-й и 5-й бригад. 6-я бригада расформировывалась, а её личный состав шёл на пополнение 1-й и 5-й бригад. В районе действия 4-й бригады предписывалось сформировать Южное соединение в составе 4, 6, 7-й бригад. В случае совместных действий соединений общее руководство возлагалось на командира Северного соединения. Был назначен командный состав соединений, бригад, утверждён штат штаба соединения [6, с. 298–299]. 19 февраля 1944 года создано Восточное соединение на базе 2-й и 3-й бригад. Дислокация соединений: Северное — в Зуйских лесах, Южное — в лесах Бахчисарайского района, Восточное — в Старокрымских лесах. Партизанская борьба на временно оккупированной территории Крыма продолжалась до середины апреля 1944 года — до освобождения полуострова.

Кроме вышесказанного, необходимо всё же отметить, что события в начале января 1944 года в Зуйских лесах, в районе Васильковской балки, — малоисследованная и редко упоминаемая трагедия партизанского движения в Крыму и гражданского населения в годы Великой Отечественной войны.

1. Нюрнбергский процесс : в 2 т. — М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1954. — Т. 1. — 915 с.

2. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО), ф. 216, оп. 1142, д. 30–42. Карты : Крым. Декабрь 1941 — январь 1942 ; карта Крыма 1941 г. — 1 : 100000.

3. Атлас : Путешествуем по горному Крыму [Карты]. — 1 : 50000. — Симферополь : Союзкарта, 2008. — 80 с.

4. *Белянский И. Л.* Крым. Географические названия. Краткий словарь / И. Л. Белянский, И. Н. Лезина, А. В. Суперанская. — Симферополь : Таврия-Плюс, 1998. — 160 с.

5. Перечень переходов туристских трасс в горно-лесной зоне Автономной Республики Крым (приложение 4) / Постановление Верховного Совета АР Крым от 12 апреля 2005 года № 160 «Об обеспечении безопасности туристов и экскурсантов, посещающих горно-лесную зону Автономной Республики Крым».

6. Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. и материалов. — Симферополь : Таврия, 1973. — 496 с.

7. *Пономаренко П. К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944 / П. К. Пономаренко. — М. : Наука, 1986. — 439 с.

8. Государственный архив в Республике Крым (ГАРК), ф. П-151, оп. 27, д. 17.

9. ГАРК, ф. П-151, оп. 1, д. 50.

10. Там же, д. 63.

11. *Басов А. В.* Крым в Великой Отечественной войне. 1941–1945 / А. В. Басов. — М. : Наука, 1987. — 336 с.

12. *Кондранов И. П.* Крым. 1941–1945. Хроника / И. П. Кондранов. — Симферополь : КАГН, 2000. — 224 с.

13. *Шамко Е. Н., Шамко В. И.* По следам народного подвига : Маршрутами мужества и славы крымских партизан и подпольщиков в годы Великой Отечественной войны : путеводитель / В. И. Шамко, Е. Н. Шамко. — Симферополь : Таврия, 1986. — 176 с.

14. Книга Памяти Республики Крым. — Т. 6. — Симферополь : Таврида, 1995. — 272 с.

15. Книга Памяти Республики Крым. — Т. 3. — Симферополь : Таврида, 1995. — 703 с.

16. Шамко Е. Партизанское движение в Крыму в 1941–1944 гг. / Е. Шамко. — Симферополь : Крымиздат, 1956. — 159 с.

17. *Луговой Н. Д.* Побратимы : партизанская быль / Н. Д. Луговой. — Киев : Политиздат, 1974. — 560 с.

18. ГАРК, ф. П-151, оп. 1, д. 68.

19. Там же, ф. П-1, оп. 6, д. 33.

20. *Федоренко Ф. И.* Годы партизанские. 1941–1944 / Ф. И. Федоренко. — Симферополь : Таврия, 1990. — 288 с.

21. Колтаков Н. Е. Всегда в разведке / Н. Е. Колтаков. — Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2008. — 176 с.
22. Степанов Е. Партизанскими тропами / Е. Степанов. — Симферополь, 1951. — 303 с.
23. ГАРК, ф. П-156, оп. 1, д. 58
24. Там же, ф. П-151, оп. 1, д. 47.
25. Воспоминания Н. П. Антоник [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://iremember.ru/partizani/antonik-nina-pavlovna.html>
26. Немецкие варвары в Крыму : сб. материалов / сост. Р. М. Вуль. — Симферополь : Красный Крым, 1944. — 112 с.
27. Dumitrache I. Divizia de cremene — Memorii din campania 1941–45 / I. Dumitrache. — Muzeul Judetean de Istorie Brasov, 1997. — 126 а.
28. Эббот П., Томас Н. Союзники Германии на Восточном фронте (1941–45) / П. Эббот, Н. Томас. — М. : Эксмо, 2001. — 64 с.
29. Nitu Victor, Pusca Dragos. Last stand in Crimea — 1944 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.worldwar2.ro/operatii/?article=775>
30. Dutu A. Armata Romana in al doilea razboi mondial (1941–1945) / A. Dutu, F. Dobre, L. Loghin. — Dictionar Enciclopedic, Editura Enciclopedica, 1999. — 237 а.
31. Кузнецов А. Я. Большой десант. Керченско-Эльтигенская операция / А. Кузнецов. — М. : Вече, 2011. — 464 с.
32. Michael Holm. The Luftwaffe, 1933–45 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ww2.dk/air/attack/sg3.htm>
33. Яковлев В. П. Преступления. Борьба. Возмездие / В. П. Яковлев. — Симферополь : Крымиздат, 1961. — 240 с.
34. Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют. Крымский выпуск. — Т. 2 / сост. А. В. Валякин. — Симферополь : Доля, 2010. — 392 с.
35. Журнал боевых действий военно-экономической инспекции 105 (Крым) с 1 октября 1943 по 31 декабря 1943 года, приложения к журналу боевых действий [Kriegstagebuch des Wirtschaftskommandos 105 (Krim) vom 1. Oktober 1943 bis 31. Dezember 1943, Anlagen zum Kriegstagebuch] / пер. с нем. А. Эрлих, Р. Фребе, 2003 // Историческое наследие Крыма. — 2004. — № 6–7. — С. 156–159.
36. ГАРК, ф. П-151, оп. 1, д. 16.
37. Там же, ф. П-156, оп. 1, д. 69.
38. Книга Памяти Республики Крым. — Т. 8. — Симферополь : Таврида, 1998. — 365 с.
39. ГАРК, ф. П-151, оп. 1, д. 16.

Л. А. Науменко

О традиционной русской культуре в Крыму: коллекция самоваров и предметов чайной церемонии из фондов Крымского этнографического музея

В 1992 году, на правах филиала Крымского республиканского краеведческого музея был создан Крымский этнографический музей (КЭМ). Довольно быстро он превратился в один из крупных культурных центров Крымского полуострова. Важнейшими этапами этого процесса стали открытие собственного здания музея вместе с постоянно действующей экспозицией в апреле 1999 года [1] и получение им статуса самостоятельного Крымского республиканского учреждения «Этнографический музей» в сентябре 2009 года [2].

С первых лет своей деятельности сотрудниками Крымского этнографического музея был выбран принцип комплексного, всестороннего изучения этнической истории Крыма, без акцентирования внимания на прошлом отдельных народов, проживавших или проживающих на территории полуострова. Такой подход постепенно превратил его в уникальное профильное музейное учреждение на юго-востоке Украины, в котором собраны материалы по этнографии сразу 25 народов и этнических групп этого региона. Ещё один момент необходимо отметить. Помимо присущей любому музею собирательской, выставочной, просветительской работы, значительные усилия коллектива КЭМ всегда были сосредоточены на научной деятельности. Причём, если первоначально она фактически сводилась к организации собственных либо в сотрудничестве с другими научными заведениями, полевых экспедиций, направленных в том числе на пополнение экспонатами фондов музея [3], то в последние годы речь идёт о крупных проектах в области изучения

этнической истории Крыма [4], а также публикациях — каталогов либо обзорных статей собственных этнографических коллекций [5].

В фондах Крымского этнографического музея хранится более 12 тысяч экспонатов. Многие из них образуют обширные тематические коллекции, изучение которых способно достаточно полно осветить ту или иную область культуры и быта населения Крыма. К таковым, безусловно, относится коллекция самоваров и предметов чайной церемонии КЭМ, общему обзору которой посвящена данная статья.

Вначале кратко об истории её формирования. В апреле 2007 года Крымский этнографический музей приобрел коллекцию самоваров и предметов чайной церемонии, которую в течение пятнадцати лет собирал житель Симферополя Юрий Константинович Наскрипяк. Коллекция насчитывала 98 предметов. Из них почти половину (45 экземпляров) составляли самовары, остальные предметы (подстаканники, кофейники, сливочки, чайники, подносы, коробки из-под сладостей, ситечка для чая) относились к атрибутам чайной церемонии. В настоящее время число самоваров увеличилось до 60, а предметов чайной церемонии — до 80 единиц хранения. Чем интересна эта коллекция для музея? Прежде всего своими размерами. Вместе оказались собранными около ста единиц близких по тематике предметов, являющихся целостным источником по истории русской традиционной культуры конца XIX — начала XX века. Кроме того, необходимо отметить обилие в ней фабрик-изготовителей разнообразных по форме и объёму самоваров, от самых

маленьких, емкостью до 200 граммов, до самых больших, вместимостью до 20 литров.

Точного ответа на вопрос, когда появляются самовары, до сих пор не существует. Известно лишь, что первое их упоминание в источниках содержится в описи имущества Онежского второклассного Крестового монастыря 1746 года, где среди прочих предметов упоминаются и два самовара с трубами из зелёной меди [6]. Приблизительно в это же время, в 40–70-х годах XVIII века, в Англии в быту использовали так называемые чайные урны, или «чайные сосуды, служившие для кипячения воды». Они состояли из двух частей: шарообразного съёмного тулова, внутри которого была впаина конусовидная труба, служившая для тяги, и стационарной подставки с ножкой, на которой крепилась жаровня для углей в виде невысокого цилиндра с многочисленными отверстиями на стенках [7]. Привычную же нам форму самовары приобрели, очевидно, уже ближе к концу XVIII века. Тогда же, вероятно, возникают и первые известные нам самоварные фабрики. В России центрами производства самоваров становятся Москва, Санкт-Петербург и, конечно же, Тула. Из источников известно, что впервые самоварное производство в России было организовано в Туле в 1778 году оружейником Фёдором Лисицыным. Впоследствии его «дело» перешло к сыновьям — Ивану и Назару [8]. Несколько забегая вперёд, отметим, что в коллекции КЭМ в основном присутствуют самовары, изготовленные именно на тульских фабриках. Лишь два экземпляра были сделаны в Москве, ещё два относятся к советскому периоду.

Постепенно изготовление самоваров становится весьма прибыльным занятием. Кустари быстро превращаются в фабрикантов, мастерские — в фабрики. Ко второй половине XIX века в России уже насчитывалось около трёхсот фабрик, производивших самовары. Только в одной Туле их было около ста. Здесь складываются целые «самоварные» семейные династии — Баташёвых, Шемариных, Воронцовых, Сомовых. В Туле к 70-м годам XIX века насчитывалось около десяти фабрик однофамильцев Баташёвых. Самая ранняя из них основана в 1825 году Иваном Григорьевичем Баташёвым, позже она перешла к его сыну, Николаю Ивановичу Баташёву, сдавшему её, в конце концов, в аренду семье фабрикантов Тейле. В 1840 году возникает фабрика Василия Степановича Баташёва, существовавшая затем как фирма под брендом «Наследники В. С. Баташёва». В 50–60-х годах XIX века появляется фабрика Александра Степановича Баташёва, переданная братьям Алексею и Ивану, при которых она и прекратила своё существование [9]. В коллекции Ю. К. Наскрипняка самоваров фабрик Баташёвых более половины, в том числе отмеченные нами.

Значительная конкуренция в области самоварного производства, очевидно, привела к тому, что каждая фабрика стремилась производить оригинальную продукцию. Отсюда такое разнообразие форм самоваров на рынке. На примере нашей коллекции можно проследить, какие из них были самыми распространёнными. Наиболее широко в коллекции КЭМ представлены самовары с туловом в форме банки, рюмки и вазы (рис. 1–3). Присутствуют также изделия в форме дули (груши), шара, яйца (рис. 4–6, 9) [10].

Рис. 1. Самовар-банка. Торговый дом братьев Шемариных. Начало XX в. (КП-4237, ИБ-2031)

Рис. 2. Самовар-рюмка. Фабрика «Аленчиков и Зимин». Конец XIX — начало XX в. (КП-4235, ИБ-2029)

Рис. 3. Самовар-ваза. Фабрика И. Ф. Капырзина. Начало XX в. (КП-4233, ИБ-2027)

*Рис. 4. Самовар-дуля.
Паровая фабрика
наследников В. С. Баташёва.
Конец XIX — начало XX в.
(КП-4245, ИБ-2039)*

*Рис. 5. Самовар-шар.
Торговый дом братьев Шемариных.
Начало XX в.
(КП-4308, ИБ-2102)*

*Рис. 6. Самовар в форме пасхального
яйца. Товарное производство
В. И. Поласатого, мастерские
фабрики В. П. Баташёва.
Начало XX в. (КП-4247, ИБ-2041)*

К концу XIX — началу XX века самовар окончательно входит в быт и культуру русского человека. В некоторых домах имелось по два самовара — повседневный и праздничный. В коллекции Ю. К. Наскрипняка также есть экземпляр праздничного самовара. Это самовар фабрики В. С. Баташёва с туловом в форме пасхального яйца (рис. 6).

Продукция фабрик, изготавливавших самовары, исчислялась пудами, но наряду с весовыми самоварами простых форм, делали и штучные, так называемые ценовые. Цена их была намного выше. Если пуд самоваров в 1855 году стоил 15 рублей, то ценовые шли по 3 рубля 15 копеек за штуку [11]. В фондах КЭМ к ценовым возможно отнести ряд сосудов, являющихся настоящими произведениями декоративно-прикладного искусства. Например, латунный, никелированный самовар фабрики Ванькина, с туловом в форме гладкой рюмки и перехватом в верхней части, круглым, ступенчатым основанием на четырёх фигурных ножках. Поддувало и конфорка у него с фигурными прорезями, ручки в виде двух резных пластин, скреплённых деревянным держателем, кран с рельефной розеткой в основании и ключом-«веткой». Датируется концом XIX — началом XX века (рис. 7).

В коллекции КЭМ выделяется латунный, никелированный самовар фабрики Тейле, начала XX века. Тулово в форме шара. Ручки в виде двух резных пластин, соединённых деревянными держателями. Основание круглое, ступенчатое, с четырьмя фигурными ножками. Кран с рельефной розеткой в основании (рис. 8).

Хочется также отметить латунный, никелированный самовар фабрики «Аленчиков и Зимин» с туловом в форме гранёной рюмки с двумя колонками, конца XIX — начала XX столетия. Борт корпуса украшен литыми горошинами. Основание круглое, ступенчатое, с четырьмя раздваивающимися ножками. Поддувало и конфорка с фигурными прорезями. Ручки вертикальные, состоящие из двух фигурных пластин, соединённых резными деревянными держателями. Кран гранёный, с рельефной розеткой в основании. Ключ крана в виде решётки (см. рис. 2).

Кроме формы, как уже отмечалось, различной была и вместимость самоваров. Небольшие самовары использовали в качестве дорожных, большие — как стационарные в трактирах.

Очень популярными в XIX веке становятся дорожные самовары — как правило, четырёх-, шести- и восьмигранные. Такие самовары имели съёмные ножки и вислые на вертлюгах ручки. Подобные приспособления делались для того, чтобы было удобнее складывать изделия в специальные дорожные сундучки (погребца) [12]. В коллекции Ю. К. Наскрипняка дорожные восьмигранные самовары представлены единственным экземпляром. Клеймо мастера-изготовителя сохранилось очень плохо, оно практически нечитаемо. Самовар латунный, предположительно конца XIX века. Кроме него, в коллекции есть ещё три вместимостью от 200 до 300 граммов. Два самоварчика — фабрики Григория Романова в Туле. Один из них с туловом в форме гладкой рюмки, другой — в форме вазы. Мастер-изготовитель последнего самовара неизвестен.

Рис. 7. Самовар-рюмка.
Фабрика Е.А. Ванькина,
конец XIX — начало XX вв.
(КП — 4224, ИБ — 2018)

Рис. 8. Самовар-шар.
Фабрика Тейле.
Конец XIX — начала XX в.
(КП-4226, ИБ-2020)

В конце XIX века, когда русский человек не представлял себе уже жизни без самовара, в моду входят бульотки — небольшие сосуды на подставке со спиртовкой. Бульотка, уже наполненная горячей водой, обычно ставилась на стол, и при помощи спиртовки вода в ней поддерживалась в состоянии кипения до тех пор, пока не закипал другой самовар. Учитывая, что в ходе чаепития обычно выпивали не один самовар, бульотки оказались как нельзя кстати. Наиболее распространены они были в домах столичной аристократии [13]. В коллекции КЭМ имеются две бульотки фабрики Фаберже и самовар фабрики Тейле с туловом в форме банки со спиртовкой в основании. Особый интерес вызывает бульотка с туловом в форме чайника сферической формы, с крышкой, увенчанной костяной шишечкой, и ручкой в виде двух завитков, скреплённых фигурным держателем из слоновой кости. Основание бульотки утерьяно. Данный сосуд датируется, предположительно, серединой XIX века, остальные относят-

ся к более позднему времени, скорее всего, к концу XIX столетия (рис. 10).

Несколько слов о фирмах, подделывавших изделия известных фабрик. Изготовители фальшивой продукции во второй половине XIX века уже ориентировались на предприятия, имевшие известность в самоварном деле. К примеру, самовары, клеймённые фамилией Баташёвых, были наиболее популярны. Они охотно раскупались и поэтому сохранились в больших количествах до настоящего времени. Лжефабриканты пытались подделывать клейма известных фабрик. У нас в коллекции есть самовар фабрики лже-Баташёвых — самовар-дуля Г. А. Сорокина. Как известно фабрикам Баташёвых было много, поэтому фабриканты всегда указывали свои инициалы. В нашем случае указана только фамилия, при этом ошибочно написанная через «о» — «Баташов» (рис. 11–12).

Производство самоваров продолжалось и после революции 1917 года, хотя с установ-

Рис. 9. Самовар-дуля.
Фабрика Ванькина.
Конец XIX — начало XX в.
(КП-4223, ИБ-2017)

Рис. 10. Бульотки. Варшава. Конец XIX — начало XX в.
(КП-4253, ИБ-2047; КП-4272, ИБ-2066)

Рис. 11. Самовар-дуля.
Предположительно, фабрика лже-Баташёвых.
Конец XIX — начало XX в.
(КП-4250, ИБ-2044)

Рис. 12. Клеймо самоварной фабрики
лже-Баташёвых

лением советской власти самоварная промышленность постепенно прекращает своё существование.

Во многом это связано с происходившей начиная с 1918 года национализацией предприятий. Фабрика наследников В. С. Баташёва, к примеру, была передана во введение Тулпатронзавода (рис. 13–14).

Большая часть самоваров в советское время продолжала выпускаться многочисленными ар-

телями. Наиболее известны «Прогресс», «Наше будущее», «Красный пахарь». Самовары артели «Наше будущее» в 1923 году на Всероссийской сельскохозяйственной выставке были удостоены диплома первой степени за отличную выработку, доброкачественную сборку и лучший фасон. На самоварах, выпущенных этой артелью, можно прочитать клеймо: «Самоварная фабрика 1-й кооперативной артели, удостоенная диплома

Рис. 13. Самовар-шар.
Производство Тульского патронного завода (бывшая фабрика Н. И. Баташёва).
20–30-е гг. XX в. (КП-4236, ИБ-2030)

Рис. 14. Клеймо Тулпатронзавода

Рис. 15. Клеймо артели «Наше будущее»

Рис. 16. Самовар-банка.
Артель «Наше будущее»,
20-е гг. XX в. (КП-4271, ИБ-2065)

1-й степени» [14]. Именно с такой надписью (рис. 15) имеется самовар-банка (рис. 16) и в коллекции Ю. К. Наскрипняка.

Постоянный интерес к истории самовара как са­мо­быт­но­му образцу русского декоративно-приклад­но­го искусства и русского быта, необычайная его

популярность на протяжении почти 300 лет объяс­ня­ются, вероятно, тем, что это «неживое» изделие из металла для нагревания воды имеет живую «душу», так как олицетворяет гостеприимство и радушие, дру­жеское общение, душевную беседу, домашний покой и уют.

1. Ныне экспозиционные площади выставки «Мозаика культур Крыма» составляют около 500 кв. м, на кото­рых представлены 1,5 тыс. предметов, рассказывающих о хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуре, обычаях, обрядах, традициях и праздниках двадцати народов и этнических групп, связанных с исто­рией полуострова — армян, белорусов, болгар, греков, евреев, итальянцев, караимов, крымских татар, крымчаков, немцев, поляков, русских, украинцев, французов, цыган, мордвы, швейцарцев, немцев-менонитов, чехов и эстонцев.

2. Об истории организации музея см.: *Науменко Л. А.* Крымский этнографический музей : первые десять лет // *Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы : материалы и исследования / отв. ред. : М. А. Араджиони, Ю. Н. Лаптев.* — Симферополь, 2002. — С. 355–361.

3. *Величко Т. В.* Отчёт о полевых исследованиях в сёлах Терновка и Родное в августе 2002 г. // *Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы : материалы и исследования / отв. ред. : М. А. Араджиони, Ю. Н. Лаптев.* — Симферополь, 2002. — С. 283–287 ; *Величко Т. В., Савинова О. В.* Научный отчёт о проведении первого этапа комплексной экспедиции по этнографическому изучению русского населения Крыма // *Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы : материалы и исследования / отв. ред. : М. А. Араджиони, Ю. Н. Лаптев.* — Симферополь, 2002. — С. 429–431.

4. Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры / сост. Ю. Н. Лаптев. — Симферополь, 2000 ; Чехи в Крыму. Очерки истории и культуры / сост. Ю. Н. Лаптев. — Симферополь, 2005 ; Этническая история Крыма в таблицах, картах и диаграммах (по данным переписей населения) : информ.-справ. пособие / авт.-сост. А. С. Петро-

градская ; под ред. Ю. Н. Лаптева. — Симферополь, 2007 ; Эстонцы в Крыму. Очерки истории и культуры / сост. : Е. А. Лагода, Ю. Н. Лаптев, М. Р. Никольская. — Симферополь, 2008.

5. Болгары Крыма в коллекции Крымского этнографического музея / сост. О. Б. Гайворонская. — Симферополь, 2008 ; *Науменко Л. А., Таратухина Е. Е.* Восточные славяне Крыма. Одежда. Обувь. Аксессуары. Из коллекции КРУ «Этнографический музей». — Симферополь — Керчь, 2013 ; Частичный обзор этой коллекции, одной из наиболее крупных в фондах КЭМ (около 200 предметов), см. : *Таратухина Е. Е.* Коллекция украинской одежды в фондах КЭМ. Сорочки // *Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы : материалы и исследования / отв. ред. : М. А. Араджиони, Ю. Н. Лаптев.* — Симферополь, 2002. — С. 245–249 ; *Науменко Л. А.* Верхняя комнатная одежда : сарафан (из фондов КЭМ) // *Русские в истории Тавриды : материалы научно-практической конференции.* — Симферополь, 2003. — С. 193–198.

6. *Волкова В. С.* Русские самовары в собрании Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства // *Музей 6.* — М., 1986. — С. 182.

7. *Гилодо А. А.* Русский самовар. — М., 1991. — С. 8–9.

8. www.samovar.holm.ru

9. *Волкова В. С.* Русские самовары в собрании Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства. — С. 183.

10. Эти наименования даны по ассоциации с известными предметами («шар», «яйцо», «ваза»), либо обозначают самовары определённой формы — цилиндрической («банка»), грушевидной («дуля») или, к примеру, в виде сужающегося книзу цилиндра («рюмка»). Конечно, все они условны, но получили распространение ещё в XIX в.

11. *Гилодо А. А.* Русский самовар. — С. 19–20.

12. *Фрайкопф Г.* Русские самовары. — М., 1996. — С. 24 ; Самовары России. — М., 2010. — С. 36–37.

13. *Фрайкопф Г.* Русские самовары. — С. 18 ; *Гилодо А. А.* Русский самовар. — С. 22 ; Самовары России. — М., 2010. — С. 40–45.

14. www.samovar.holm.ru

В. Г. Зарубин

Проблема статуса русского и других языков в Крыму в первой половине XX века

Проблема определения статуса языков является крайне актуальной в наши дни. В этой связи небезынтересно обратиться к крымскому опыту первой половины XX века.

После событий октября 1917 года в Петрограде и принятия 7 (20) ноября Центральной радой III Универсала, в котором в одностороннем порядке в состав Украинской Народной Республики (УНР) включались три северных уезда Таврической губернии (хотя и «без Крыма»), на повестку дня встал вопрос о самоопределении региона.

20 ноября (3 декабря) 1917 года делегаты от земств, городов, советов, профсоюзов, фабзавкомов, других организаций создают в Симферополе многопартийный (без участия большевиков и кадетов) и многонациональный Таврический губернский совет народных представителей (СНП), объявивший себя временной высшей властью в губернии.

Создание СНП было первой попыткой в истории Крыма XX века образовать представительный многонациональный орган власти, пользующийся доверием населения, однако показал он себя вялым и беспомощным, ограничившись разработкой избирательного закона в связи с так и не созданным крымским учредительным собранием, финансовыми вопросами. Языковые проблемы в данный период нормативного регулирования не получили.

С другой стороны своё видение решения проблемы статуса Крыма предлагают и большевики. 24 ноября (7 декабря) 1917 года II конференция (съезд) РСДРП(б) Таврической губернии в Симферополе, констатируя, что население Крыма состоит из различных национальностей и крымские татары не составляют на полуострове большинства, принимает решение о возможности проведения референдума об

автономии Крыма, в то же время подчёркивая, «что все местные организации обязаны вести самую энергичную агитацию против разжигания национальных страстей в местном населении разными националистическими группами и партиями, противопоставляя их буржуазному национализму нашу интернационально-пролетарскую точку зрения». По отношению к СНП специально подтверждалось, «что только власть Советская в центре и на местах является единственно законной истинно народной властью» и признавался правильным отказ большевиков губернии участвовать в его создании. Впоследствии крымские большевики об идее референдума не вспоминали [1].

В то же время Мусульманский исполком организует 26 ноября (9 декабря) в Бахчисарае Курултай (съезд) крымских татар, создавший 13 (16) декабря национальное правительство — Директорию во главе с Ч. Челебиевым (Челеби Джиханом) и утвердившей «Крымскотатарские основные законы» (конституцию, первую в истории Крыма), в которой провозглашалась Крымская Демократическая (Народная) Республика [2].

При этом следует отметить, что вопросы использования языков и их статуса в «Крымскотатарских основных законах» своего отражения не нашли.

Решения Курултая не привели к разрыву между СНП и Директорией. Их сближали антибольшевистские позиции. Будем иметь в виду, что в условиях начавшейся на полуострове Гражданской войны данную конституцию не представлялось возможным ввести в действие. Осталась лишь в её тексте и Крымская Демократическая (Народная) Республика.

Тем временем большевики и их союзники, опираясь на матросов Черноморского флота, захватывают

власть в Севастополе. Между матросами и эскадронцами происходят столкновения.

К 20-м числам января (по старому стилю) 1918 года крайне левые распространяют свою власть на всю территорию полуострова, хотя в горных районах она остаётся эфемерной. СНП, Курултай и Директория объявляются распущенными.

Декретами сформированного ЦИК советов Таврической губернии 19 и 21 марта провозглашается Социалистическая Советская Республика Тавриды, созданная в экстремальных условиях германского наступления на Украину, де-юре считавшейся самостоятельной, но де-факто входившей в состав Советской России и выполнявшей декреты и распоряжения её органов власти.

Большевистско-левоэсеровский по составу Совет народных комиссаров Республики Тавриды практически не уделял внимания решению национальных проблем [3]. Вне его поля зрения остались и языковые вопросы. Разве что 15 апреля народный комиссариат просвещения издал декрет о введении новой орфографии русского языка и нового правописания во всех учреждениях и типографиях Республики Тавриды [4].

Статус русского языка в это время по сравнению с дореволюционными временами фактически не изменился.

Существование Республики Тавриды УНР игнорировалось. Телеграммы и письма, посылаемые её властными структурами в Крым на украинском языке, адресовались «губернияльному комиссару на Таврии» (без указания фамилии) либо конкретным учреждениям. Зачастую эти послания носили достаточно странный характер. Так, отдел государственного коннозаводства департамента сельского хозяйства Министерства земельных дел УНР 3 апреля требует от управляющего Государственной таврической конюшней немедленно сменить все надписи с русского языка на украинский, а также одновременно перевести всё делопроизводство данного учреждения на украинский язык [5]. 16 апреля отдел православной церкви департамента исповеданий Министерства внутренних дел УНР просит *«губернияльного комиссара на Таврии», «не вмешиваясь во внутреннюю жизнь Православной Церкви, пристально наблюдать, чтобы духовенство исполняло распоряжения о поминании на службе Божьей по церквям Государство и Власть Украинскую (а не Российскую)»* (в документе подчёркнуто красным. — В. З.). *«О случаях, когда в церквях не исполняется это распоряжение, Департамент просит немедленно его оповестить»* [6]. Разумеется, внимания на подобные указания не обращалось и они не исполнялись.

После падения Республики Тавриды и оккупации к 1 мая 1918 года всей территории полуострова гер-

манскими войсками встал вопрос о формировании местной власти. Вначале оккупанты предпринимали попытки опереться на немецких колонистов в Крыму, затем на лидеров крымскотатарского национального движения, которое в это время представляло формирование власти на полуострове следующим образом.

Парламентская комиссия возрождаемого Курултая в своём проекте создания высшей власти в Крыму видело татарский парламент краевым парламентом, пополненным представителями других народностей, проживающих на полуострове, избирающим главу правительства (преьера), который формирует свой кабинет (совет министров или директорию), получающий доверие парламента. До образования общего парламента правительство является ответственным перед татарским парламентом. Официальными языками новообразованного правительства являются русский и татарский. Флагом правительства принимается голубой флаг [7] («кок-байрак», знамя Чингисхана).

На своём заседании 18 мая Курултай объявил себя временным крымским парламентом с инициативой формирования правительства. Премьер-министром единогласно был избран один из лидеров национального движения Дж. Сейдамет.

Однако его фигура совершенно не устраивала русскую общественность полуострова. Германское командование, не желающее обострения обстановки на оккупированной территории, вынуждено было идти на компромиссы. В конце концов оно остановилось на фигуре литовского татарина, генерал-лейтенанта, бывшего командующего 1-м Мусульманским корпусом М. А. Сулькевича. С 5 июня он приступает к формированию первого Крымского краевого правительства, в состав которого помимо русских, вошли представители немцев-колонистов и Дж. Сейдамет в качестве министра иностранных дел.

25 июня утверждается Декларация первого Крымского краевого правительства, ставшая, по сути, своеобразным конституционным актом, в котором русский был возведён в ранг государственного языка, но с правом пользования на официальном уровне татарским и немецким [8].

Таким образом, впервые в истории Крыма XX века был официально определён статус русского языка. С отменой распоряжений и постановлений органов Республики Тавриды вновь были возвращены прежняя орфография и правописание.

Хотя Сулькевичем была признана культурно-национальная автономия крымских татар, им делался ряд уступок, за что он обвинялся в протатарской политике, лидерам национального движения хотелось большего.

В обращении к германскому правительству от 21 июля 1918 года председатель Временного бюро татарского парламента А. Х. Хильми и его единомышленник А. С. Айвазов (за которыми явно стоял Дж. Сейдамет) отметили, что татары — «наиболее старинные господа Крыма» и посему следует восстановить их «владычество». Эти деятели хотели преобразования Крыма в независимое нейтральное ханство, опирающееся на Германию и Турцию, «образования татарского правительства в Крыму с целью совершенного освобождения Крыма от господства и политического влияния русских» и т. д. [9]

Подобные требования вызывали негодование русской общественности. Авторитет правительства Сулькевича, управляющего авторитарными методами, стремительно падал. Начался правительственный кризис. Вакансии в кабинете Сулькевич вынужден был заполнять своими креатурами из числа литовских татар.

Кроме того, обострились отношения с Украинской державой гетмана П. П. Скоропадского, который требовал присоединения полуострова к Украине. Против Крыма была развёрнута таможенная война, украинские войска заняли часть Арабатской стрелки и Перекоп. У Перекопа дело дошло до перестрелок пограничников с обеих сторон [10]. Германское командование, разумеется, не могло оставаться в стороне. По его настоянию Сулькевич согласился на переговоры, которые начались в Киеве 5 октября [11].

Украинская делегация представила «Главные основания соединения Крыма с Украиной» из 19 пунктов. Суть их сводилась к следующему: «Крым соединяется с Украиной на правах автономного края под единой Верховной властью Его Светлости Пана Гетмана»; международные отношения, управление армией и флотом, законодательство, финансы находятся в ведении Украины (правда, Крым мог иметь собственные вооружённые силы); сферы местного самоуправления, торговли, промышленности и земледелия, народного просвещения, религиозная, национальная, здравоохранения, путей сообщения (кроме железных дорог), а также вопрос определения государственного языка подлежат ведению Крыма и на них «не распространяются общие законы Украинской Державы»; при гетмане состоит статс-секретарь по крымским делам, который назначается гетманом из числа трёх кандидатов, предложенных Крымским правительством [12].

Как видим, Киев предлагал Крыму весьма широкую автономию. Однако крымская делегация, исходя из того, что «по отношению к Украине Крым совершенно независим и самостоятелен», расценила «Основания» как не «проект соединения», а как «проект порабощения» [13].

Симферополь, отвергнув «Основания», выдвинул контрпредложение крымской делегации, предлагая «установить с Украинской Державой федеративный союз» и заключить двусторонний договор [14].

Хотя компромисса достигнуть не удалось, Украиной была приостановлена таможенная война, её части покинули крымскую территорию, а делегация Краевого правительства отметила, что теперь Украина «считается с фактически существующим положением, в силу которого Крым является отдельным, независимым от Украины самостоятельным краем» [15].

С началом революции в Германии судьба правительства Сулькевича была решена. 15 ноября 1918 года приступило к своей деятельности второе Крымское краевое правительство во главе с крупным крымским землевладельцем, бывшем депутатом I и IV Государственных дум, членом Государственного совета, кадетом С. С. Крымом, включающее представителей партии конституционных демократов, социалиста-революционера, правого социал-демократа, беспартийных. Это правительство опиралось на вошедшие в Крым части Добровольческой армии и войска Антанты и имело более широкую общественную поддержку [16]. Оно считало себя временным до созыва Всероссийского учредительного собрания.

В декларации нового Крымского краевого правительства от 14 ноября провозглашалось стремление к возрождению единой и неделимой России как свободного демократического государства, «в котором будут обеспечены права на самобытную культуру всех народностей, его населяющих». Правительство понимало под «стремлением к возрождению единой России» «не старую бюрократическую, централизованную Россию, основанную на подавлении и угнетении отдельных народностей, а свободное демократическое государство, в котором будут обеспечены права на самобытную культуру всех национальностей, его населяющих». При этом «правительство почтёт своим долгом обеспечить интересы всех национальностей Крыма, в частности, оно озабочено удовлетворением справедливых стремлений и законных интересов многочисленной татарской части населения» [17].

Однако крымские татары в правительство С. С. Крыма войти отказались и ему не доверяли.

К январю 1919 года Дирекцией юстиции был разработан «Проект положения культурно-национальной автономии мусульман Крыма», принятый Бюро крымскотатарского парламента. В целях противодействия политике большевиков здесь высказывались идеи «восточной демократии», «советов народных депутатов» (в противовес советам рабочих депутатов) и даже «неклассового большевизма»,

«отказа от политики угодничанья тем или иным классовым элементам». О независимости Крыма речь уже не шла, по крайней мере открыто.

Автономия распространялась на дела религиозные, культурно-просветительские, социальные нужды, суд, распоряжение бывшим вакуфным имуществом (имуществом религиозных организаций); для реализации её создаётся национальный парламент — Меджлис-мебусан (собрание депутатов), избираемый татарским населением Крыма на три года «на основах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования», исполнительный орган — директория. Совет директоров национальной директории осуществляет свою власть через дирекции: религиозных дел, юстиции, народного просвещения, финансов и вакуфов, общих дел и внешних сношений.

Таким образом, Курултай теряет функции национального парламента, сохраняя своё значение всемусульманского съезда Крыма. В качестве национального герба утверждается изображение «тарак тамгасы» (тамга династии Гиреев (Гираев) в виде гребня), а флага — полотнище серо-голубого цвета с изображением национального герба в верхнем углу у древка.

В данном проекте предусматривалось, что в составе общих судебных установлений и мировых съездов должен быть по крайней мере один член, говорящий на татарском языке для участия в избирательном деле, стороной в которой являются мусульмане. Кроме того, «в мировых участках, в которых мусульмане составляют 40 и более процентов населения, мировые судью должны избираться из мусульман, а при недостатке кандидатов-мусульман — из лиц, знающих татарский язык».

Также, согласно проекту, «язык, на котором говорят мусульмане Крыма, признаётся равноправным с русским и другими языками в школе, суде, управлении и общественной жизни».

«Переписка, адресуемая органами национально-го управления и отдельными мусульманами в правительственные и общественные учреждения, может быть написана на татарском языке». Также «мусульманам Крыма, учащимся в общекрымских учебных заведениях, гарантируется право и возможность изучать свою религию, родной язык, историю и литературу наравне с другими национальностями» [18].

Открытие Меджлис-мебусана планировалось на 1 марта. Но 23 февраля правительство обвинило Бюро крымскотатарского парламента в связях с Турцией с целью отделения Крыма от России и образования на полуострове независимого ханства. Начались аресты активистов национального движения, проведены обыски у отдельных членов Бюро, в помещени-

ях, занимаемых им и Директорией, в редакциях национальных газет. Эти действия вызвали протесты крымских татар, в том числе Бюро, которое заявило, что осуществлённое властями насилие напоминает «худшие времена самодержавного режима» [19].

4 марта расширенное заседание Меджлис-мебусана при небольшом числе представителей всё-таки открылось, заседания длились более недели. Делегаты заслушали доклад председателя Директории Мисхорлы о деятельности её за истекший год (доклад носил в основном финансовый характер). Был разработан проект реформы духовенства с целью ограничить его функции религиозными обрядами. По более или менее значимым вопросам политики Меджлис, однако, резолюций не принимал, «Положение о культурно-национальной автономии мусульман Крыма» не обсуждал и не утверждал, равно как не дал оценки деятельности Краевого правительства, но одобрения Добровольческой армии не выразил [20].

Хотя вторым Крымским краевым правительством не принималось специальных решений по языковым вопросам, русский фактически являлся единственным официальным языком. На нём публиковались правительственные решения и распоряжения, велось делопроизводство.

Правда, следует отметить, что, учитывая наличие на территории полуострова войск Антанты, Министерство внешних сношений с 18 декабря организовало издание «Bulletin» на английском и французском языках (с середины января 1919 г., с уходом английского флота оно выходило только на французском; всего вышло 16 номеров). С начала 1919 года для французских союзников три раза в неделю издавались «Dernieres Nouvelles» («Последние новости») (вышло 25 номеров) [21].

К 1 мая 1919 года Крым, исключая Керченский полуостров, был занят советскими войсками. Создаётся Крымская ССР. Её руководство по прямым указаниям центра уделило значительное внимание национальным вопросам. Во Временное рабоче-крестьянское правительство, возглавляемое Д. И. Ульяновым, братом В. И. Ленина, было введено пять крымских татар-коммунистов.

Татар активно пытаются вовлечь в политическую жизнь. При Крымском областном комитете РКП(б) создаётся мусульманское бюро (появляются мусульманские секции при местных парторганизациях коммунистов). В городах и уездах развернули деятельность комиссариаты по мусульманским делам. На татарском языке издаются коммунистические газеты и пропагандистская литература. Крымскотатарский язык наряду с русским, для которого опять введены новые орфография и правописание, стал официальным [22].

К концу июня 1919 года Крымская ССР пала под ударами белых. Сразу же были отменены все законы, приказы и распоряжения советской власти, украинского и Крымского краевого правительств [23]. Восстановлена Таврическая губерния, в состав которой включены Бердянский, Мелитопольский и Днепровский уезды [24]. Её главном начальствующим назначается генерал-лейтенант Н. Н. Шиллинг, который вскоре становится Главном начальствующим Новороссийской области, составной частью которой является Таврическая губерния.

Единственным официальным языком остаётся русский, вновь вводятся прежние орфография и правописание.

Такая же ситуация сохраняется и при Правительстве юга России во главе с генерал-лейтенантом П. Н. Врангелем. Однако, пытаясь найти общий язык с некоторыми украинскими кругами, ведя операции в Северной Таврии с многочисленным украинским населением, 8 ноября он издаёт приказ № 194, уравнивающий на Украине украинский язык с русским: *«Признавая, что украинский язык является, наряду с российским, полноправным языком Украины, приказываю: всем учебным заведениям, как правительственным, так и частным, в коих преподавание ведется на украинском языке, присвоить все права, установленные существующими законоположениями для учебных заведений той или другой категории с общегосударственным языком преподавания»* [25].

С падением режима Врангеля в Крыму устанавливается чрезвычайное правление Крымревкома. Новые власти стараются привлечь на свою сторону различные национальности полуострова. Создаётся национальная печать, развивается национальное образование.

18 октября 1921 года В. И. Ленин, М. И. Калинин и А. С. Енукидзе подписывают постановление ВЦИК и СНК об образовании автономной Крымской Социалистической Советской Республики.

Создание республики в Крыму обуславливалось как внутренними условиями, так и международными. Приграничная территория в качестве автономии должна была играть роль своеобразного «буфера» между Советской Россией и сопредельными государствами, служить «витриной» достижений политики Советского государства, особенно национальной, а также являться форпостом продвижения мировой революции на Восток.

10 ноября 1921 года I Всекрымский учредительный съезд Советов принимает Конституцию автономной Крымской ССР, являющейся территориальным многонациональным образованием в составе РСФСР.

Конституция формулирует основные положения национальной политики новой власти, которые

базируются на свободном и равном союзе наций. При этом отменяются *«все существовавшие ранее национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения»*. Учитывая интересы наиболее многочисленных национальных групп, проживающих в Крыму, государственными языками признаются русский и татарский (ст. 2) [26]. На этих же языках делаются надписи на символах автономии. Герб Крымской автономной ССР был аналогичен российскому, его окаймляли надписями на русском и татарском языках: *«КрымССР», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»*. Флаг представлял собой красное полотнище с надписью на двух языках *«Крымская Социалистическая Советская Республика»* (ст. 31, 32) [27].

С начала 1920-х годов на полуострове начинает осуществляться политика «коренизации» (татаризации), направленная на формирование национальных управленческих кадров, увеличение их числа во властных структурах, расширение сферы применения татарского языка, приобщение крымских татар к советскому образу жизни, вовлечение их в состав промышленного рабочего класса. Но административные методы её осуществления, непродуманность ряда мер способствовали определённой напряжённости в межнациональных отношениях, стимулировали карьеристские настроения в среде татарской интеллигенции и управленцев.

5 мая 1929 года VI съездом Советов Крымской АССР принимается новая редакция Конституции автономии. Вопрос о языках получил в ней некоторую трансформацию. Так, ст. 6 Конституции Крымской АССР провозглашала: *«Исходя из прав равенства граждан независимо от их расовой и национальной принадлежности и признавая совершенно несовместимым с основными законами Республики установление или допущение каких бы то ни было преимуществ для отдельных национальностей, а тем более какого бы то ни было угнетения национальных меньшинств или ограничения их равноправия, Крымская Автономная Социалистическая Советская Республика, признавая общеупотребительными языками языки русский и татарский, в то же время каждому гражданину обеспечивает возможность в его сношениях с государственными органами и общественными организациями пользоваться родным языком, равно как и пользоваться таковыми на заседаниях съезда Советов, на всяких других съездах, заседаниях и разных выступлениях, в том числе и в суде и общественных организациях. Национальным меньшинствам обеспечивается обучение на родном языке в школе»*.

Как видим, понятие «государственный язык» из текста Конституции исчезло.

Согласно ст. 106 Конституции, Крымская АССР имела свой государственный герб и флаг.

Государственный герб Крымской АССР «состоит из изображения на красном фоне в лучах солнца золотых серпа и молота, помещенных крест-накрест, рукоятки кнuzu, окружённых венцом из колосьев пшеницы, с надписями на русском и татарском языках «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и с инициалами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Крымской Автономной Социалистической Советской Республики» (ст. 107).

Государственный флаг Крымской АССР «состоит из полотнища красного (алого) цвета, прямоугольного, с соотношением длины к ширине, как два к одному.

В левом верхнем углу флага, около древка, помещаются золотые буквы РСФСР и Крымской АССР на русском и татарском языках» (ст. 108).

В соответствии со ст. 44 Конституции РСФСР и во изменение текста Конституции, принятой 1-м Учредительным съездом Советов автономной Крымской ССР, VI съезд Советов Крымской АССР постановил: «Принять и внести на утверждение Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета и окончательное утверждение Всесоюзного Съезда Советов текст Основного Закона (Конституции) Крымской Автономной Социалистической Советской Республики в нижеследующей редакции» [28].

С 1927 года в автономии началось создание национальных сельских советов. По итогам отчётно-выборной кампании 1929 года было образовано 427 сельских совета, из них 201 национальный: 144 татарских, 33 немецких, восемь болгарских, пять греческих, два эстонских, по одному еврейскому, чешскому и армянскому национальному совету [29]. Значительное число советов считались смешанными.

Впоследствии в Крыму появляются три украинских сельских совета, с переселением на полуостров еврейского населения заметно увеличивается число еврейских сельсоветов, но ликвидируется чешский [30].

В 1930 году в Крымской АССР было 16 районов, из них выделены как национальные: Биюк-Онларский (немецкий), Фрайдорфский (еврейский), Ишуньский (украинский), Балаклавский, Бахчисарайский, Ялтинский, Алуштинский, Судакский (татарские). Симферопольский, Карасубазарский, Евпаторийский, Джанкойский, Сейтлерский, Ленинский, Старокрымский и Ак-Мечетский районы считались смешанными [31].

Национальными сельсоветами и районами считались те, в которых 60 процентов и более составляли представители той или иной национальности [32].

Делопроизводство здесь переводилось на национальные языки (особое внимание уделялось крымскотатарскому). Руководители, срывающие этот процесс, привлекались к ответственности, вплоть до уголовной [33].

В Конституции Крымской АССР, разработанной на основе Конституции СССР 1936 года и утверждённой IX Чрезвычайным съездом Советов Крымской АССР 4 июня 1937 года, понятие «государственный язык» также отсутствовало, но предусматривалась публикация законов Крымской АССР на русском и татарском языках (ст. 24), на них же сохранялись и надписи на гербе и флаге автономии (ст. 111, 112).

Судопроизводство в сельских районах, районах городов и посёлках с большинством татарского населения могло вестись на татарском языке, русского населения — на русском; в сельских районах и посёлках с большинством немецкого или еврейского населения соответственно на немецком и еврейском языках, а в центральных судебных учреждениях — на татарском и русском языках (ст. 78). Гарантировалось обучение в школах на родном языке (ст. 88) [34].

Утверждение этой Конституции Крымской АССР законом РСФСР состоялось 2 июня 1940 года [35].

В 1935 году на территории Крыма проведено административное переустройство. За счёт разукрупнения созданы дополнительно девять районов. В результате всего их стало двадцать пять. Севастополь, Симферополь, Керчь и Феодосия объявлялись городами республиканского подчинения. В 1937 году создан Зуйский район [36].

С начала 1920-х годов в Крыму развивалось национальное образование, издавались периодические издания на различных языках, действовали национально-культурные организации, поощрялась культурно-просветительская работа среди национальных меньшинств и т. д. Однако с конца 1920-х годов эта деятельность начала сворачиваться. Многие деятели национальной интеллигенции были репрессированы. Борьба с «буржуазным национализмом» достигла своего апогея в конце 1930-х годов. По представлению КрымЦИК президиум Верховного Совета автономии принимает секретное решение о ликвидации в 1938 году 19 национальных сельских советов, реорганизации 11 национальных сельсоветов в обычные, ликвидации 13 искусственно созданных и малочисленных сельсоветов [37].

Добавим, что в этот период крымскотатарский язык несколько раз менял свою графику. До 1928 года использовалась арабская графика, до 1939 года — латинская («новый тюркский алфавит» — яналиф), затем — кириллица.

При этом надо отметить, что успехи в сфере образования национальных меньшинств в Крыму явно завывшались. Так, впоследствии выяснилось, что из всех спецпоселенцев крымского контингента, насильственно переселённых с полуострова в 1944 году, на март 1949 года:

- имели высшее образование: 626 татар, 71 грек, 45 болгар, 67 армян, 33 других (входящих в состав семей этого контингента), 31 других (не входящих в состав семей этого контингента);
- имели среднее образование: 5861 татарин, 392 грека, 375 болгар, 431 армянин, 214 других (входящих в состав семей этого контингента), 172 других (не входящих в состав семей этого контингента);
- имели низшее образование: 67 607 татар, 7012 греков, 6456 болгар, 4016 армян, 2034 других (входящих

в состав семей этого контингента), 1687 других (не входящих в состав семей этого контингента);

- были неграмотными: 22 796 татар, 1424 грека, 1079 болгар, 684 армянина, 601 другой (входящий в состав семей этого контингента), 535 других (не входящих в состав семей этого контингента).

Итого высшее образование имели 873 человека, среднее — 7645, низшее — 88 812, неграмотными были 27 119 человек из числа спецпоселенцев крымского контингента [38].

Таким образом, в первой половине XX века в Крыму был предпринят ряд попыток по определению статуса русского и иных языков, что нашло отражение в различных нормативных документах. Изучение этого опыта является крайне важным и в сегодняшних реалиях.

1. Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы / отв. ред. П. Н. Надинский. — Симферополь, 1957. — Т. 1 : Март 1917 г. — апрель 1918 г. — С. 118–119.
2. См.: Зарубин В. Г. К вопросу о первом опыте конституционного строительства в Крыму // Державно-правові проблеми Північного Причорномор'я : Історія та сучасність // Вісник Університету внутрішніх справ. — Харків, 1999. — Вип. 7, ч. 1. — С. 48–53.
3. Дубко Ю. В. Советская Республика Тавриды : авантюра большевистского государственного строительства. — Симферополь, 1999. — С. 161–163.
4. Хазанов Г. И. Советская Социалистическая Республика Тавриды // Борьба большевиков за власть Советов в Крыму : сб. ст. — Симферополь, 1957. — С. 157.
5. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГАРК), ф. Р-1694, оп. 1, д. 96, л. 7.
6. Там же, л. 8.
7. Крым. — 1918. — 12 мая // Ялтинский голос. — 1918. — 16 (3) мая ; Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. [Документы] / сост. А. Г. Зарубин // Вопросы развития Крыма : науч.-практ. дискус.-аналит. сб. — Симферополь, 1996. — Вып. 3. — С. 37–38.
8. Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого правительства. — Симферополь, 1918. — № 1. — Отдел первый. — С. 1–7 / Фонд Центрального музея Тавриды, КП11978/364 ; К населению Крыма // Крымско-украинские переговоры : собрание документов, касающихся пребывания в Киеве делегации Крымского правительства. 26 сентября — 16 октября 1918 г. — Симферополь, 1918. — С. 69–78 ; ГАРК, ф. Р-1000, оп. 4, д. 19, л. 15.
9. ГАРК, ф. П-150, оп. 1, д. 67, л. 56–57 ; Протоколы заседаний Таврической учёной архивной комиссии за 1918–1919 гг. : приложения к 57-му тому Известий Таврической учёной архивной комиссии. — Симферополь, [1920]. — С. 27–30 ; Крымскотатарское националь-

ное движение в 1917–1921 гг. / сост. А. Г. Зарубин. — С. 43–47.

10. Зарубин В. Г. К вопросу о территориальном споре между Крымом и Украиной (1918 г.) // Проблемы политической истории Крыма : итоги и перспективы. Материалы научно-практической конференции 24–25 мая 1996 г. — Симферополь, 1996. — С. 42–44.

11. Об их ходе см.: Мальгин А. В. Внешняя политика Крымского Краевого правительства генерала Сулькевича // Крымский музей. — Симферополь, 1995. — № 1. — С. 61–62.

12. Крымско-украинские переговоры : собрание документов, касающихся пребывания в Киеве делегации Крымского правительства. 26 сентября — 16 октября 1918 г. — Симферополь, 1918. — С. 20–22.

13. Там же. — С. 4–5, 46.

14. Там же. — С. 41–43.

15. Там же. — С. 8.

16. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Второе Крымское краевое правительство (ноябрь 1918 — апрель 1919 г.) // Отечественная история. — М., 1998. — № 1. — С. 65–76.

17. ГАРК, ф. Р-999, оп. 1, д. 163, л. 87–88об ; Там же, оп. 1, д. 98, л. 14 ; Крымское краевое правительство в 1918/19 г. // Красный архив. — М., 1927. — Т. 3 (22). — С. 128–129.

18. ГАРК, ф. П-150, оп. 1, д. 67, л. 75–77, 96 ; Крым. — 1919. — 3 янв. ; Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. / сост. А. Г. Зарубин // Вопросы развития Крыма : науч.-практ. дискус.-аналит. сб. — Симферополь, 1996. — Вып. 3. — С. 52–55.

19. Крымский вестник. — 1919. — 26 (13) февр. ; Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. / сост. А. Г. Зарубин // Вопросы развития Крыма : науч.-практ. дискус.-аналит. сб. — Симферополь, 1996. — Вып. 3. — С. 59.

20. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Симферополь : Антика, 2008. — С. 458.

21. Зарубин В. Г., Зарубин А. Г. Периодические издания Крыма (март 1917 — ноябрь 1920 г.) // Крымский архив. — Симферополь, 2001. — № 7. — С. 268, 272.
22. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Симферополь : Антиква, 2008. — С. 507.
23. ГАРК, ф. Р-2235, оп. 1, д. 4, л. 4 ; Там же, д. 16, л. 1.
24. Там же, д. 16, л. 1.
25. Зарубин А. Г. Украинский вопрос при П. Н. Врангеле (по материалам крымской печати 1920 г.) // Проблемы политической истории Крыма : итоги и перспективы. Научно-практическая конференция. Материалы. Симферополь 24–25 мая 1996 г. — Симферополь, 1996. — С. 40–42 ; Зарубин А. Г. К вопросу о крымско-украинских отношениях периода гражданской войны // Клио. — СПб., 1998. — № 2 (5). — С. 217–218.
26. Конституция Крымской Социалистической Советской Республики // Крымская АССР (1921–1945) / сост. Ю. И. Горбунов. — Симферополь, 1990. — С. 257. — (Вопросы — ответы ; вып. 3).
27. Там же. — С. 262.
28. Конституция Крымской АССР и положения, постановления и инструкции о строении органов власти Крымской АССР, объём прав и круг деятельности. — Вып. 1. — Симферополь, 1930. — С. 10–30.
29. Пащенко В. Н. Этногосударственное строительство в Крыму в первой половине XX века (1900–1945 гг.). — Симферополь, 2008. — С. 139.
30. Крымская АССР (1921–1945) / сост. Ю. И. Горбунов. — Симферополь, 1990. — С. 22–23. — (Вопросы — ответы ; вып. 3).
31. Там же. — С. 22.
32. Очерки по истории Крыма / под общ. ред. И. С. Чирвы. — Симферополь, 1964. — Ч. III : Крым в период социалистического строительства (1921–1941 гг.). — С. 191.
33. Пащенко В. Н. Указ. соч. — С. 48–50.
34. Конституция (Основной закон) Крымской Автономной Советской Социалистической Республики. — Симферополь, 1938.
35. Пащенко В. Н. Указ. соч. — С. 75.
36. Крымская АССР (1921–1945) / сост. Ю. И. Горбунов. — Симферополь, 1990. — С. 23. — (Вопросы — ответы ; вып. 3).
37. Пащенко В. Н. Указ. соч. — С. 147.
38. Земсков В. Н. Спецпоселенцы из Крыма (1944–1956 гг.) // Крымский музей. — Симферополь, 1995. — № 1. — С. 78.

Д. А. Борисов

«Заниматься физкультурой!»

История становления физической культуры и спорта в Крыму в 1919–1923 годах

1. Организационные мероприятия по развитию физкультуры и спорта в Крыму

История становления и развития физкультурного движения и спорта в советском или «красном» Крыму в годы Гражданской войны и в 20-е годы XX века остаётся практически неизученной исследователями. Нет ни научной, ни краеведческой литературы по данной теме. Сведения в газетах обрывчатые и не носят характер научных публикаций, без ссылок на источники и т. п.

В 1918 году было создано Главное управление всеобщего военного обучения (Главвсеовуч). На него наряду с массовой военной подготовкой населения было возложено руководство физической культурой и спортом. В том же году при Наркомате

просвещения был организован первый в Советском Союзе институт физической культуры.

Органы Всеовуча развернули кипучую работу. Осенью 1918 года они создали в Петрограде первый военно-спортивный клуб, а затем такие же клубы были открыты во многих городах страны. Кроме того, на предприятиях, в учреждениях стали организовываться многочисленные физкультурные кружки.

К 1 мая 1919 года Крым, исключая Керченский полуостров, был занят советскими войсками. Как и в декабре 1917 — январе 1918 года. Вновь создаются военно-революционные комитеты как органы власти с чрезвычайными полномочиями [1].

В течение апреля ревкомы возникли во всех более или менее крупных центрах Крыма. При организации руководства на местах ревкомы обязывают всех чиновников оставаться на местах, подчиняясь новой власти, предпринимают меры по учёту и охране имущества. Областной ревком приступил к реализации большевистской программы, национализируя банки, транспорт, флот, имения, крупные предприятия и курортные учреждения [2].

В отношении развития физкультуры и спорта предпринимались меры по сохранению спортивного инвентаря и учёту спортивных инструкторов. Делалось это в целях развития военного обучения, так как Гражданская война продолжалась и большевикам требовались свежие силы. Они понимали, что без физической подготовки создать боеспособные подразделения невозможно. И на основании приказа из цен-

Парад физкультурников. 1930 г.

Физкультурники на Красной площади

тра ялтинским уездным военным комиссаром 4 мая 1919 года издаётся приказ № 15 по отделу всеобщего военного обучения [3].

В нём говорится, что «на основании приказа Губвоенкома от 24 апреля 1919 года за № 24 объявляю для всеобщего сведения, что подлежат учёту через Отдел Всеобщего Военного обучения все инструкторы по спорту и физическому воспитанию, а также все приборы, пособия и руководства, имеющиеся в спортивных обществах, клубах, магазинах и у частных лиц. Всё взятое на учёт спортивное имущество частных лиц и организаций, а также территории (площадки), недвижимость этих организаций объявляется государственной собственностью и до окончательного перехода сохраняется за их владельцами под их полную ответственность.

До объявления срока окончательной передачи имущества в государственную собственность:

1. Частным владельцам и спортивным организациям привести в порядок свои площадки, клубы, залы и пристани.

2. Состоящих для охраны их сторожей и других служащих оставить на местах и удовлетворить соответствующим содержанием из средств владельцев и организаций.

3. Ремонт и окраску судов продолжать.

4. По приведении в полный порядок суда спустить в воду.

5. С открытием сезона клубам начать свои функции, руководствуясь указаниями, которые будут даны дополнительно.

6. Немедленно при всех спортивных клубах и организациях образовать коммунистические ячейки, на обязанностях которых должно лежать:

- а) контроль над управлениями делами обществ;
- б) утверждение приёма новых членов и их исключение.
- в) заведывание инвентарём.

§ 2

Неисполнение сего приказа влечёт предание суду Военно-Революционного Трибунала и полную конфискацию имущества.

За военного комиссара Лёвин
Военный руководитель Петрухин
Начальник отдела всеобщего обучения
Козырев» [4].

Как видим, меры наказания за сокрытие спортивного инвентаря предусматривались строгие. К сожалению, неизвестно, как был исполнен данный приказ и был ли исполнен, так как в июне 1919 года в Крым вошли части А. И. Деникина и советским органам

власти пришлось в спешке покинуть полуостров, чтобы вернуться в ноябре 1920 года.

К середине ноября 1920 года большевики занимают весь Крым, остатки армии Врангеля эвакуируются в Турцию. 14 ноября 1920 года формируется вновь Крымский революционный комитет. При Симферопольском уездном военно-революционном комитете создаётся Крымский территориальный полк, прообраз военного округа. И, что интересно, первый приказ по Крымскому территориальному полку от 21 ноября 1920 года был об учёте всего спортивного инвентаря.

Приведём его полностью.

«21 ноября 1921 года
гор. Симферополь

Приказ № 1

Крымского территориального полка
3 декабря 1920 г.

§ 1

На основании приказа Губвоенкома за № 11 приказываю всем частным лицам, магазино-владельцам и общественным организациям, располагающим предметами спорта, в течении 3-х дней со дня опубликования сего приказа представить подробную опись таковых.

Учёту подлежат следующие предметы: гантели, гири, параллельные брусья, шесты, итрабаты, блоки, трапеции, штанги, лестницы, английские веревки, футбольные мячи, и ботинки, спортивные библиотеки, тросы, фехтовальные маски, тировые ружья, монтекристы, винчестеры и патроны к ним, практические и механические мишени, прицельные станки, резины для гимнастики, боксерские перчатки, роликовые коньки и проч. принадлежности спорта.

§ 2

Всем инструкторам по спорту явиться на учёт.

§ 3

Сведения должны быть представлены в Штаб Крымского территориального полка, Мюльгаузенская, дом Христофорова, кварт. 5.

Неисполнение сего приказа влечёт преданию суду Военно-революционного трибунала.

Командир Кад.-Территориального полка Чижик
Адъютант Яцимирский» [5].

Интересно, что данный приказ был распечатан на плотной бумаге и развешивался по Симферополю.

Несомненно, что и данный приказ планировал учитывать спортивный инвентарь и спортивных инструкторов для нужд военного обучения.

И мера наказания как для совершивших воинские преступления: «Неисполнение сего приказа влечёт преданию суду Военно-Революционного трибунала».

Но, видимо, в первые годы становления советской власти в Крыму физкультурные вопросы волновали только военные власти. У Крымского совнаркома и Крымского центрального исполнительного комитета было много других проблем.

Утверждение проекта положения Крымского совнаркома о совете физической культуры происходит 22 мая 1922 года, но исполнено не было, о чём свидетельствует отсутствие документов деятельности совета физической культуры [6].

Об этом свидетельствует протокол заседания президиума КрымЦИК и КСНК от 26 апреля 1923 года.

На этом заседании 13-м пунктом было рассмотрено ходатайство крымвоенкома С. Кричовцова и начальника Всевобуча Крыма М. Семёновского об отпуске средств на устройство и оборудование спортплощадки в Симферополе. В постановлении указано: «Ходатайство отклонить» [7].

Почему ходатайство было отклонено и почему оборудование «к 5-летию всевобуча спортивной площадки имени В. И. Ленина» [8] в Симферополе было не нужно, в постановлении не мотивируется.

Военком в своём ходатайстве от 26 марта 1923 года говорил

Знак участника Всесоюзного парада физкультурников

о необходимости расширения военной подготовки в Крымском всеобуче.

Приведём цитату военкома, где он указывает, что спортивная площадка необходима, так как «неотложное решение этого вопроса вызывается, с одной стороны, необходимостью принять меры предупреждения против наблюдаемого упадка (вырождения) физических и нервных средств населения от последствий войн, голода, холода и эпидемий, с другой — теми огромными задачами, которые ставит Мировая Социальная революция классу трудящихся в СССР.

Международные пробы физических сил, так называемые Олимпиады (выделено нами. — Д. Б.) в последний раз в 1912 году так реши-

ли вопрос о превосходстве: на первом месте была Америка, на 2-м Германия и почти одинаково с ней Англия.

Таким образом, Крымвсеобуч надеется, что настоящее ходатайство об отчуждении потребных земельных участком под показательные спортивные и детские площадки срочно будут удовлетворены» [9].

Военком со своей просьбой не был услышан, видимо, из-за невозможности выделения земли и средств под оборудование спортплощадки. Хотя в ходатайстве и объяснительной записке военком Крыма говорит о том, что спортплощадка предназначена не только для военной подготовки, но и для всех желающих совершенствовать свою физическую форму.

В объяснительной записке он указывает, что «потребно в первую очередь 1,1/3 десятин ровной

Первые физкультурники

Физкультурники на демонстрации 1 мая 1932 г.

земельной площади в виде прямоугольника с соотношением сторон 40 × 80 саженей. Необходима ограда. Поскольку интересны и нужны стройность и порядок спортивной жизни на беговой дорожке и футбольное поле — необходимо устройство вокруг бегового поля одного ряда скамеек.

Спортивный навильон крайне важен для сбережения приведённого в смете спортивного инвентаря, помещения сторожа, раздевания и хранения верхнего платья активных посетителей спортплощадки.

Кроме текущей работы по воспитанию и спортивизации населения, каждая окружная и областная показательная площадка имеет задачей служить в целях популяризации и привлечения к спорту масс трудящейся молодёжи посредством устройства на ней спортивных праздников в виде розыгрыша в праздничной обстановке окружных и областных первенств» [10].

Смета составляла 1284,64 рубля золотом, причём, помимо строительных материалов и спортивного инвентаря, было предусмотрено закупить спортивную литературу: «Олимпийский спорт» В. Котова, «Футбол союзный» Ромма и Панкеля, комплект журналов «Физкультура», «Известия спорта» и «Спартак» [11].

Жаль, что в общем нужное начинание откладывалось. А центр шлёт циркуляры, требующие развития физкультуры и спорта в Крыму.

Так, 15 мая 1923 года, почти через месяц после отклонения ходатайства крымского военкома, приходит цир-

куляр начальника всеобщего военного обучения Украинского военного округа И. Шифрина всем начальникам губернского военного обучения. Похоже, что дело развития физкультуры и спорта сдвинулось с мёртвой точки, так как в этом циркуляре указано, что по решению Всесоюзного ЦИК физическая культура «ныне включена в общую систему трудового воспитания населения» [12].

Далее в циркуляре содержатся следующие требования: «3. Поручить составление календаря по различным видам летнего спорта, с 15.07 по 01.08 провести губернские Олимпиады.

<...>

7. Оказывать широкое содействие частям Красной армии и

органам НКВД в организации спортивных кружков и ячеек «Спартак» на фабриках и заводах, также в войсковых частях» [13].

О развитии сети спортивных площадок: «9. Озаботиться улучшением и открытием новых спортплощадок» [14].

Видимо, в Петрограде озаботились всерьёз физическим здоровьем населения страны. Теперь за физическое развитие населения отвечают не только военные, но и гражданские органы власти.

2. «Гражданский» период в истории крымского спорта

Уже 22 мая 1923 года на заседании президиума Крымского ЦИК под председательством Ю. П. Гавена (протокол № 21) при рассмотрении вопроса о Совете физической культуры постановили: «Положение о Совете физической культуре утвердить. Состав совета утвердить под председательством тов. Буянова. Предложить соответствующим ведомствам выдвинуть своих исполнителей» [15].

Всероссийский ЦИК рассылает указания утвердить положения об окружных советах физической культуры и спорта при президиумах окрисполкома.

В Крыму данное положение об окружных советах физической культуры и спорта при президиумах окрисполкома утверждается на заседании Крымского ЦИК протоколом № 23 от 5 июля 1923 года [16].

Ю. П. Гавен

9 июля 1923 года в Крыму распространяются правила приёма в Государственный институт физической культуры Наркомздрава.

Правила рассылаются ВЦИК телеграммами Народному комиссариату здравоохранения, Народному комиссариату просвещения, Контрольному совету профессиональных союзов, Совету физкультуры за подписью секретаря президиума Буркова и заведующего общим отделом Гордоном.

В правилах приёма говорилось, что «Государственный институт физической культуры Наркомздрова готовит:

- 1) инструкторов по физкультуре;
- 2) преподавателей по физкультуре;
- 3) научных сотрудников;
- 4) врачей-специалистов;
- 5) вспомогательный персонал;
- 6) помощников инструкторов для фабрик и заводов» [17].

По всем специальностям, кроме помощника инструктора для фабрик и заводов и вспомогательного персонала, обучение длилось пять лет, а по данным специальностям — шесть месяцев.

Анализируя документы и материалы, можно сказать, что 1923-й является годом начала становления и широкого развития физической культуры в стране и в Крыму.

И 18 сентября 1923 года Совнарком Крымской АССР своим постановлением утверждает положение о совете физкультуры, которое является исполнением указания постановления ВЦИК за подписью М. Калинина.

Основные пункты Положения следующие:

«§ 1. Для направления дела физического развития трудящихся и исполнения постановления ВСФК в жизнь в губерниях при Губисполкоме учреждается на правах постоянной комиссии Губернский Совет физической культуры.

На совет возлагается:

Плакат Всесоюзной спартакиады 1928 г.

ответственному представителю от отделов Губисполкома, Губвоенкомата, ОНО, Губздравотдела, ГПУ, Губтруда, а также от ГК РКП(б), Губкома, РКСМ и ГСПС, Председатель ГКФК и его заместитель утверждаются Президиумом Губисполкома.

ГКФС выдаёт руководящие постановления по вопросам физической культуры для всех ведомств, учреждений и организаций в губернии.

Кроме периодических заседаний и совещаний, Совету предоставляется право организовывать губернские и местные конференции по физкультуре» [18].

Как указывалось выше, 1923-й явился годом оживления физкультурной работы и началом развития спортивного движения в Крыму.

4 мая 1923 года в Крымский областной комитет РКП(б) направляется письмо от окружного комитета Российского коммунистического союза молодёжи (ОК РКСМ) с просьбой отпуска средств на спортивные нужды и оборудование спортплощадки.

Текст содержал следующее:

«В дополнение к секретному письму ОК РКСМ препровождает при сём смету на спортивную работу по Крымской организации РКСМ на лето 1923 года всего на сумму 289 600 рублей.

Фото на обложке журнала «Огонёк» (1905, № 20)

И просит отпустить таковые средства следующей развёрстке:

1. Совнарком — 135 000 р.
2. ОК РКП — 80 000 р.
3. Окрисполкомы окружкомам РКСМ — каждый по 10 000 р.

Итого 7 округов — 70 000 р.

4. Окружкомы РКСМ — 4800 р.

Секретарь ОК Коган» [19].

К письму прилагалась смета на спортивную работу (см. таблицу), судя по которой можно узнать, какие виды спорта получали развитие в те годы.

Итак, составим список приоритетных для 1923 года видов спорта, получивших активное развитие. Это футбол, баскетбол, лаунтеннис, гимнастика и пешеходный туризм и экскурсии.

Крымский комитет РКП(б) перенаправил письмо и смету в Крымский совнарком, и, что интересно, деньги по этой смете были выделены, в отличие от ходатайства военкома в апреле 1923 года [21].

На фоне общих организационных и спортивных мероприятий наблюдалось достаточно пренебрежительное отношение к процессам дальнейшего развития и распространения отдельных видов спорта. Проблема осложнялась тем, что создание спортивных союзов не всегда зависело от организации и проведения европейских и мировых первенств по тому или иному виду спорта.

**Смета на спортивную работу
для Крымской организации РКСМ [20]**

Наименование расходов	Кол-во	Сумма, руб.
Оборудование 7 спортивных площадок	7	105 000
Покупка принадлежностей для 30 футбольных команд	35	33 000
Приобретение бутц для 7 показательных команд считая 11 человек в команде	77 п.	23 100
Приобретение 7 комплектов лаун-тенниса	7	7000
Покупка 14 комплектов крокет	14	4200
7 комплектов баскетбол	7	7000
7 комплектов принадлежностей для гимнастики, игр и экскурсий		15 600
Пошив костюмов для 7 показательных команд считая 11 человек в команде, для 7 групп гимнасток для 210 ч.	287	57 400
Содержание руководителей в течение 6 месяцев (май — октябрь), 14 инструкторов и 7 сторожей	21 ч.	17 500
На проведение в октябре Всекрымской Олимпиады с 200 участниками	1	20 000
Итого		289 800

1. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Симферополь : Антиква, 2008. — С. 501.

2. Там же.

3. ГАРК, ф. Р-1603, оп. 1, д. 2, л. 19–20.

4. ГАРК, ф. Р-1603, оп. 1, д. 2, л. 19–20.

5. ГАРК, ф. Р-538, оп. 1, д. 106, л. 7.

6. ГАРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 102, л. 1.

7. ГАРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 278, л. 2.

8. ГАРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 278, л. 32.

9. ГАРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 278, л. 28.

10. ГАРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 278, л. 29.

11. ГАРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 278, л. 30.

12. ГАРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 285, л. 132.

13. Там же.

14. Там же.

15. ГАРК, ф. Р-460, оп. 4, д. 262, л. 3.

16. ГАРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 114, л. 8–9.

17. ГАРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 114, л. 30.

18. ГАРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 367, л. 286.

19. ГАРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 102, л. 3.

20. ГАРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 102, л. 4.

21. ГАРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 102, л. 1.

История одной семьи

Предисловие и подготовка материала В. В. Орехова

В этом номере мы публикуем материалы из истории одной симферопольской семьи, любезно предоставленные Юрием Ивановичем Маниным — учёным-математиком, обладающим без преувеличения мировой известностью.

Семья Ю. И. Манина тесно связана с судьбой Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (с 1925 г. — Крымский государственный педагогический институт, с 1972 г. — Симферопольский государственный университет имени М. В. Фрунзе).

Ю. И. Манин родился в Симферополе 16 февраля 1937 года. Здесь же получил среднее образование. Родители Ю. И. Манина — выпускники Крымского пединститута. Мать — Ревека Зиновьевна Миллер — окончила филологический факультет. Отец — Иван Гаврилович Манин — выпускник географического факультета. С 1938 года И. Г. Манин — секретарь парткома института и ассистент кафедры экономгеографии, в августе 1941 года назначен помощником директора по учительскому институту, заведовал Фундаментальной научной библиотекой вуза, в 1943-м добровольцем вступил в ряды Красной армии. Последнее письмо с фронта датировано октябрём 1943 года. Место гибели и захоронения неизвестны.

В 2010 году сын бывшего секретаря парткома Крымского пединститута математик Юрий Иванович Манин посетил вуз. О подробностях визита нам рассказал проректор по научной работе Таврического национального университета имени В. И. Вернадского профессор В. Н. Бержанский: «Юрий Иванович Манин — известный российский математик, алгебраический геометр, член-корреспондент РАН, академик РАЕН, член пяти иностранных академий, Почётный доктор нескольких известных в мире университетов, лауреат Ленинской премии. Он является одним из основоположников некоммутативной алгебраической геометрии и квантовой информатики. Юрий Иванович в течение почти 30 лет был профессором МГУ, затем 12 лет — содиректором Института имени Макса Планка в Германии, почётным профессором которого является в настоящее время.

И. Г. Манин (слева) и его старший брат, Н. Г. Манин.
Фото 1930-х гг.

В апреле 2010 года Ю. И. Манин принял участие в Днях науки в ТНУ, в программе «Гость Таврического университета», прочёл актовую лекцию. Эта лекция, названная «Абстрактное искусство математики», была посвящена истории становления математики, воплощению удивительных геометрических фигур в промышленности, искусстве, архитектуре и даже музыке. Лекция прошла в переполненном зале, а для её съёмок в Симферополь специально приехали тележурналисты даже из Голландии.

Отец Ю. И. Манина — Иван Гаврилович Манин — в 1941 году руководил

эвакуацией нашего вуза на Кавказ. Юрий Иванович бережно сохранил документы, повествующие об этом периоде нашей истории, и передал их копии в дар музею ТНУ. Среди них копии личного дела И. Г. Манина, а также одной чрезвычайно ценной рукописи. Это воспоминания З. Г. Миллера, деда Ю. И. Манина, который описал подробности эвакуации и в 1942 году подарил рукопись своему пятилетнему внуку».

Эти документы переданы Ю. И. Маниным Таврическому университету и освещают одну из трагических страниц нашей истории. Кроме того, Ю. И. Манин любезно согласился написать предисловие, которое мы помещаем ниже и которое послужит наилучшим комментарием к публикуемым материалам.

История одной рукописи

Рукопись моего деда «Из пережитого (история одной эвакуации)», законченная 16 февраля 1942 года и впервые публикуемая сейчас, описывает эвакуацию одной семьи из Симферополя на восток, через Керченский пролив и Каспий, и дальше в Среднюю Азию.

В 1941–1942 годах по всему Союзу перед наступающими немецкими войсками были эвакуированы сотни тысяч, если не миллионы, семей.

«Э-ваку-ация» буквально означает «о-пустошение»: города и деревни опустошались от живших в них людей, прежде чем превратиться в гибельный театр военных действий других людей — солдат воюющих армий. Эвакуированные попадали в города и деревни, где их никто не ждал и не был готов принять. Народная этимология «выковырянные» точно передавала отношение к ним.

Рукопись деда посвящена мне и закончена в мой пятый день рождения. Я родился в Симферополе. Мои родители в то время были студентами Крымского педагогического института: мама — на филологическом факультете, отец — на географическом. К началу войны мама уже училась в аспирантуре и готовила диссертацию о писателе и декабристе А. А. Бестужева-Марлинском.

Институт был создан как Таврический университет в 1918 году, с 1921 по 1972 год он назывался Крымским педагогическим институтом, с разными комбинациями прилагательных, в 1972-м опять превратился в университет.

На географический факультет института отец поступил после армии и работы токарем на Севастопольском морском заводе, по направлению в счёт «партийскачи». В 1938 году он уже был преподавателем, ассистентом на географическом факультете,

потом вдобавок заведовал Фундаментальной библиотекой пединститута (уникальная по богатству: в ней до сих пор хранится экземпляр первопечатной Библии Гутенберга).

Мама, Ревекка Зиновьевна Миллер, и папа, Иван Гаврилович Манин, жили в небольшой комнатухе близко от института. Я жил у дедушки с бабушкой, маминых родителей, на улице Субхи, 16. Этот маленький домик сохранился и мало изменился за пролетевшие семьдесят лет.

По субботам и воскресеньям папа с мамой навещали нас или забирали меня с собой, погостить у них.

Сразу после начала войны, в августе 1941 года, когда мне было четыре с половиной года, отец был назначен помощником директора института и фактически организовывал его эвакуацию.

История любой эвакуации — это история распада. На восток увозили предприятия, учреждения, местные отделения творческих союзов. Распад начинался

Студенты второго курса географического факультета.
В последнем ряду второй слева — И. Г. Манин. Декабрь 1935 г.

с того, что в действующую армию уходили мужчины призывного возраста — отцы, мужья, сыновья... Семьи и производство оставались на плечах женщин. Руководители, критически важные специалисты, получали открепление от военного призыва — как тогда говорили, бронь.

Пединститут не мог продолжать своё существование как самостоятельное учебное заведение, размещённое в собственных зданиях, располагающее стабильным корпусом преподавателей и студентов. Найденное на пределе сил решение — слияние Крымского пединститута с Махачкалинским (а точнее, поглощение первого вторым) оказалось последней стадией распада: работа была предоставлена примерно половине приехавших преподавателей. Отец отказался от предложенного ему рабочего места и уехал с оставшимися преподавателями дальше на восток.

Бронь была и у моего отца, потому что он занимался эвакуацией пединститута. После Махачкалы он трижды подавал заявления в военкомат, добиваясь, чтобы бронь сняли и отправили его в действующую армию. На третий раз его просьбу удовлетворили.

В августе 1942 году отец ушёл в армию, после нескольких месяцев подготовки был отправлен на фронт и скоро «пропал без вести» — погиб — вместе со многими безымянными солдатами. Последнее сохранившееся его письмо с передовой датировано 10 октября 1943 года. Оно написано в окопе под миномётным обстрелом: «Фриц бросает мины так, что забросал песком всё письмо»...

Уход отца был последней по времени потерей нашей семьи в 1942 году. Вскоре после моего дня рождения тяжело заболела и умерла бабушка. Дед ненадолго пережил её гибель: он ушёл из жизни по своей воле, вскрыв себе вены.

В начале рукописи дед рассказывает, как его с женой чуть не выслали в начале войны как немцев (с предупреждением за пять часов). Спасло от высылки их то, что у деда («случайно», по его словам) сохранились свидетельства о рождении и браке.

Цепь ещё более невероятных случайностей привела к тому, что некоторые из этих документов дошли до меня и лежат передо мной на столе.

Мой дед по матери, Зиновий Григорьевич (Зундель Гиршевич) Миллер, родился в Юзовке 5 мая 1879 года.

Юзовка называлась потом Троцк, Сталино, Донецк. Необычно звучащее название восходит к основателю города Джону Джеймсу Хьюзу, англичанину, построившему первый в Донбассе рельсопрокатный завод и обосновавшемуся в усадьбе при нём.

Заметка, вырезанная из газеты (неустановленной даты, предположительно, 1904 года), называ-

ется «Мир искусства» и начинается так: «Из Юзовки нам сообщают о предстоящем юбилее двадцатилетней сценической деятельности антрепренёра местной группы русских драматических артистов С. Я. Волгина. <...> На юбилей С. Я. Волгина готовится к постановке пьеса «Юдифь», соч. З. Г. Миллера».

Рукопись пьесы «Юдифь» тоже лежит передо мной. Она, как и «История одной эвакуации», написана в тетради. Она прекрасно сохранилась, лишь поблекли чернила и половина последнего листа оборвана. Почерк молодого деда отличается тем же щегольством.

На титульной странице штамп:

*«К представлению дозволена
С.-Петербург, 19 февраля 1904 г.
Цензор драматических сочинений (подпись)»*

По-видимому, это был взлёт литературной карьеры деда. Я не знаю, как она продолжалась дальше. Мама говорила мне, что до революции он был либеральным журналистом. Документальных свидетельств об этом, как и о дальнейшей его жизни, у меня нет.

В Юзовке же он познакомился с моей бабушкой, Ханной Янкелевой. У них родились две дочери: Рахиль (Рашель, Роза) и Ревекка (Вера). В 1916 году семья переехала в Симферополь.

Старшая дочь (в замужестве Миллер-Будницкая) примерно с 1930 года жила в Ленинграде. Она стала известным литературоведом, специалистом по западноевропейской литературе. С её предисловием вышел довоенный сборник стихотворений Редьярда Киплинга. В «Интернациональной Литературе» была опубликована её статья о Джойсе. Вместе с мужем она пережила всю Ленинградскую блокаду.

О предках моего отца я знаю только то, что написано в короткой автобиографии из личного дела. Его отец был лесником и крестьянином.

От этого деда сохранилась одна фотография и передаваемое изустно устное же (дед Гаврила грамотой не владел) четверостишие.

На фотографии мужик в лаптях, с толстовской бородой и суровым взглядом сидит на стуле, поставленном прямо в лесу.

Четверостишие посвящено сезонной смене жилья. Семья перебиралась из лесной сторожки в сельскую избу:

Соберём свои лоскутья,
старый веник — одни прутья,
и печальною гурьбой
побредём к себе домой.

Автобиография Ивана Ивана
Евгеньевича.

Родился в 1908 году, 10 апреля, в семье
Косеянкина-Бедрица, в селе Олишох Еврейской
области Уманского уезда Подольской
губернии.

До 1917 года отец в имении, с мамой
старшим братом и двоюродными работами по
хозяйству у помещиков и кулаков. Затем отец
работал землекопом на прокладке железной
дороги, позднее слесарем механиком, т.е. ханом
своим не имел, а мамой была сдана
в долговременную аренду кулаку.

Во время Октябрьской революции отец
имел бедняцкое хозяйство (1 лошадей, 1 корову,
4-5 десятин пахотной земли) и, занимаясь
земледелием, одновременно производил
слесарные изделия, а затем начал обра-
ботку. В 1920-21 годах, 13-го августа,

хозяйство отца пришло в полный упадок;
в 1924 году он оставил семью в наследство,
а в 1928 году умер. Отец умер в 1924 г.

С 1920 года начался мой трудовой
деятельный в хозяйстве отца. С 1924 г. по
1925 год я работал укладчиком сыпучих в
местной мастерской кулаков в городе Умань.
С 1925 г. по 1928 год снова работал в
хозяйстве отца. С 1928 г. по 1930 год в
г. Бердичеве, работал токарем на металлургии на заводе
«Уралсепаратор» в городе Бердичеве. С 1930 г.
по 1932 год служил в РККА. С 1932 г. по
1933 год работал токарем на металлургии на
Севастопольском металлургическом заводе. С 1933 года
по настоящее время живу в г. Бердичеве,
Украина.

Воспитывался в семье, образование
я не получил, окончил лишь церковно-при-
ходскую школу в 1919 году. Впоследствии

занимался самообразованием, посещал раз-
личные курсы, успешно окончил политехни-
ческую школу в г. Бердичеве и в 1933 году был
назначен парторгом Севастопольского
в г. Бердичеве (г. Бердичеве). Здесь я
был назначен студентом социально-экономиче-
ского отделения, которое в 1934 году расфор-
мировалось, и я перешел снова на прежний
курс вновь организованного историко-экономиче-
ского факультета (первый курс, преподавание на
национально-экономическом отделении, затем
как подготовительный курс).

В 1926 году я вступил в РКП(б).
С этой времени приняв активное участие
в общественной жизни. В 1928 году вступил
в кандидаты РКП(б) и в 1930 году был пере-
веден в члены РКП(б).

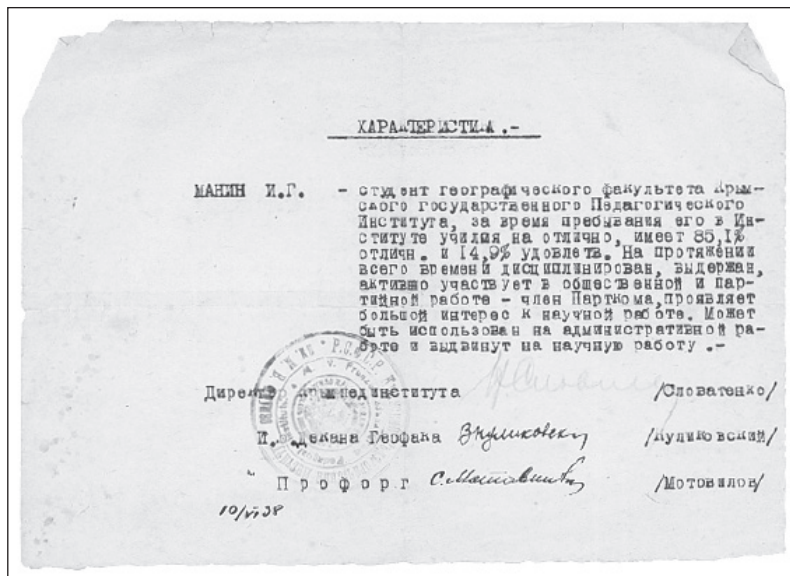
Все мои секторы в настоящее время
работают преподавателями средних школ.

(в г. Бердичеве и Севастополе), одна сестра -
работница фабрики (в Бердичеве), одна сестра -
слесарь завода по коже и одна работница
предприятия в металлургии в г. Севастополе.
Братья - майор, служил в Красной армии.
Других родственников не имею.

И. Манин

14/8-1938
Бердичев
1910-1941
И. Манин

Автобиография И. Г. Манина. 1938 г.

Характеристика И. Г. Манина. 1938 г.

В гурьбе брели мой отец, его старший брат и пять их сестёр.

Страсть к стихоплётству, видимо, была генетической: её унаследовали четыре следующие поколения Маниных.

Мои дедушка и бабушка умерли в узбекском городе Чарджоу, отсюда же в армию ушёл отец, но для сохранившегося обломка семьи, мамы и меня, эвакуация не кончилась: её последним этапом стал переезд летом 1943 года в Мирзачуль, станция Голодная Степь.

К этому времени у нас не осталось почти ничего. Мама, теперь школьная учительница, жила в состоянии почти непрекращающейся депрессии, а я почувствовал себя взрослым и ответственным членом семьи.

Я также начинал становиться ответственным членом общества. Ходил в старшую группу детского сада, когда появился текст нового Гимна Советского Союза. Текст был вручён мне как единственному умеющему читать в группе с поручением: к завтрашнему дню выучить его наизусть и руководить его изучением в группе. На пути домой я уселся на подвернувшуюся бетонную тумбу и стал читать, болтая ногой:

Союз нерушимый республик свободных...
Да здравствует созданный волей народов...

До сих пор помню, что я подумал тогда: «Какая скверная рифма — «свободных — народов»!»

Мама и я вернулись в Симферополь летом 1945 года, после Победы. На Субхи, 16, жили другие люди, мы никогда там больше не были. Никаких прав на квартиру в Симферополе у нас не оставалось. Мама больше всего жалела об утрате семейной библиотеки.

Нас приютила сестра отца, Мария Гавриловна Александрова, чей муж тоже погиб на фронте. Она с двумя детьми жила в доме по Карла Либкнехта, 5, где когда-то размещался отель «Бристоль». Вдоль длинного коридора на втором этаже шли одно- и двухкомнатные квартиры, на столиках рядом с дверьми стояли примусы, вода и общий туалет находились во дворе. Со двора же можно было спуститься в подвал, разделённый на квартирные отсеки.

В этом подвале и погибли хранимые мамой бумаги семьи, в частности письма отца, которые лежали в чемодане: весной в половойде подвалы были залиты.

Две рукописи деда, пять писем отца и несколько старых документов мама хранила в квартире Марии Гавриловны, а потом ещё в нескольких комнатах, которые она последовательно снимала в разных районах города.

Мама не вернулась ни в аспирантуру пединститута, ни в школу: её приняли на работу в Крымиздат, и спустя недолгое время она стала там главным редактором художественной литературы. Эту работу она потеряла, когда до Симферополя докатилась волна кампании против космополитизма.

В Симферополе я окончил начальную и среднюю школу, в 1953 году уехал в Москву и поступил на мехмат МГУ. Но это уже совсем другая история.

«История одной эвакуации» записана в школьной тетрадке тех времён, с таблицей умножения на задней обложке. Она написана неправдоподобно ясным и красивым почерком, почти без помарок, каждая буква — каллиграфическое совершенство. Дед макал школьную ручку-вставочку в чернильницу-непроливашку. (Позже я ходил с этой чернильницей в школу; в особо холодные зимние ночи чернила в ней замерзали, и приходилось в школе дышать на них и дробить их пером.)

Ветер времени унёс дедов почерк, вставочки и чернильницы-непроливашки.

У меня на столе сейчас рукопись деда лежит рядом с «рукописью» — распечаткой блога — моего внука, Фёдора Манина. Прошлым летом, окончив институт, он в одиночку пересёк на велосипеде всю Японию с севера на юг. Свои путевые впечатления он описывал в блоге wealllivein-japan.

Родители назвали меня Юрием. Отец, географ, часто обращался ко мне «Юкон!» или «Юкатан!», и я долго думал, что эти слова — просто мои ласковые домашние прозвища.

Юрий Манин
18 июля 2010 г.

Дорогому Юрочке от любящего его деда

Из пережитого (История одной эвакуации)

Настоящую, быть может, последнюю мою литературную работу я посвящаю своему единственному многолюбимому внуку Юрочке. На заре своей жизни этот младенец, которому не было тогда ещё и пяти лет, совершил это трудное путешествие-бегство от жестоких вражеских банд по морям и суше. Вместе со мной, на закате моих дней, вместе со всей нашей семьёй он терпел все ужасы тяжёлого второго 1941 полугодия.

Вторая Отечественная война сразу вовлекла Крым в свою орбиту. Жители Севастополя ещё не знали, что коварный враг напал на нашу любимую Родину, а город уже бомбили с воздуха. В Симферополе, где я жил со своей семьёй последние 25 лет, с 22 июня стали готовиться к предстоящим вражеским налетам: спешно оборудовали газо- и бомбоубежища, устанавливали дежурства у ворот и т. д.

Война застала нашу семью «в разброде». Мой зять Ваня, как преподаватель географии в Крымском педагогическом институте, руководил экскурсией группы студентов этого института на Кавказе — уехал туда ещё в конце мая. За несколько дней до отъезда Вани уехала в Ленинград его жена, моя дочь Векка, аспирантка Крымского пединститута по кафедре литературы; она увлекалась творчеством Марлинского и уехала в Ленинград для работы в местных хранилищах над рукописями этого писателя.

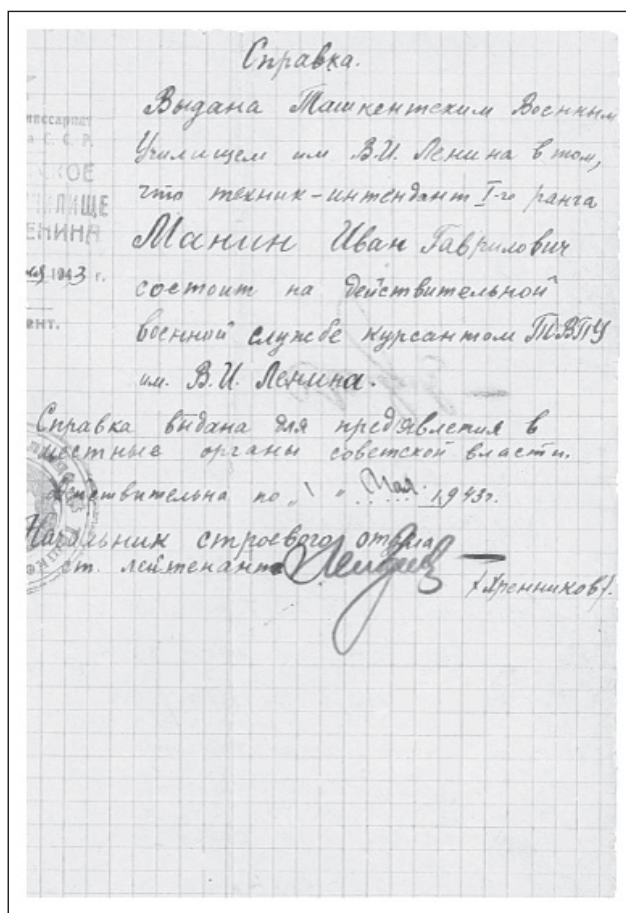
В Ленинграде жила в это время и моя старшая дочь Роза, критик по западной литературе. Она жила в этом городе уж более 10 лет, жила полной культурной жизнью. Различие в характерах и темпераментах моих дочерей, различие в мировоззрениях моих детей не давало возможности любить друг друга; но в общем они жили дружно. Отчасти их связывала общая любовь к литературе, общность культурных интересов и стремлений.

В Симферополе к началу войны остались только я с женой и дорогим нашим внуком Юрочкой (сыном Вани и Векки). Нашему городу с начала войны угрожали воздушные налёты, и вполне понятно, что уже с первых дней стали вывозить детей из этого города в менее опасные места, каковыми оказались тогда колхозы Ленинского района. Несмотря на все старания вывозить детей организованно, чувствовалась некоторая растерянность в этой работе, и она плохо ладилась. Юрочку отпускать жена отказалась.

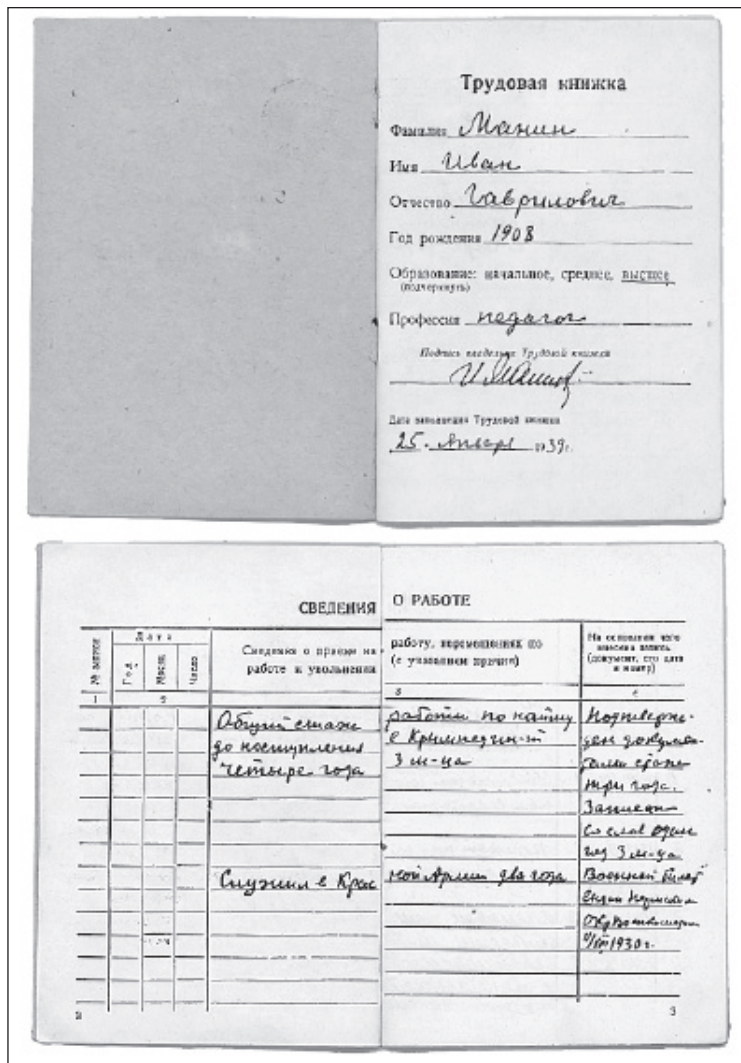
Шли кровавые тяжёлые дни. Вернулась Векка из Ленинграда, полная ужасных впечатлений. Около недели она была в дороге; встречалась с бежав-

шими из пограничных населённых пунктов людьми; слышала рассказы о зверской жестокости немцев; видела плачущих детей, потерявших родителей, несчастных родителей, дети которых остались на территории, захваченной немцами. Она измучилась от всего виденного и слышанного. С этого времени она на многие месяцы потеряла сон и покой.

Приехал с Кавказа и Ваня. Кавказ ещё был далёк от ужасов войны; но и он в дороге немало наслышался о систематическом, хладнокровном истреблении немцами советских людей в захваченных ими местностях; он приехал, полный решимости отомстить этим одичавшим ордам за смерть советских граждан. Он и Векка записались в народное ополчение. С энтузиазмом они рыли окопы, строили укрепления вокруг Симферополя. Бодрая вера в конечную победу страны социализма над одичавшим врагом, никогда

Справка о том, что И. Г. Манин является курсантом Ташкентского военного училища

Страницы из трудовой книжки И. Г. Манина

не покидавшая верных советских граждан, особенно воодушевляла нас в первое время войны.

К сожалению, наша бодрость не поддерживалась вестями с фронтов, и скоро многие из нас начали чувствовать усталость. Каждый день мы слышали по радио тоскливые сообщения о «победоносном» шествии немецкой «военной машины», о захвате наших городов и других населённых пунктов. Правда, всё это компенсировалось сообщениями об уничтожении Красной армией многих немецких дивизий; но все советские люди уже стали сознавать, что недёшево обходится нам эта борьба. Тайные враги и изменники Родины усилили также свою отвратительную работу.

Мы получили письмо от Розы — сердечное, милое письмо, которое впервые за всё время разлуки дышало искренностью и любовью к нам. В прошлом было много расхолаживающих разногласий между мною и ею. Теперь она писала, что в душе её произошла «переоценка ценностей», что в настоящее

время чрезвычайных исторических событий, когда тёмная сила тянет человечество к ужасам средневековья, она особенно тоскует, особенно чувствует свою оторванность от семьи. Вместе жить, а если придётся, то и погибнуть вместе, лишь бы не страдать в одиночестве.

Немцы продолжали гибнуть целыми полками, целыми дивизиями; но с упрямством раненого дикого зверя все шли вперёд, все продолжали захватывать нашу территорию, сжигать населённые пункты, убивать и мучить беззащитных стариков, женщин и детей. Немецкие полчища тучами приближались к городу Ленина. Ощетинился Ленинград — десятки тысяч трудящихся встали на защиту своего родного города. В ленинградское ополчение вступил и муж Розы — Марк. Роза же в конце августа предполагала быть эвакуированной, и письменная связь между нами прервалась.

Между тем гитлеровцы уже рвались к югу. Сообщалось, что немцы захватили Кировоград, Первомайск; затем новое печальное сообщение Советского информбюро: «Нами оставлены Николаев и Кривой Рог». Солнечному Крыму угрожала явная опасность. Началась усиленная эвакуация из Крыма женщин и детей. Придя раз со службы, я застал жену свою — Анюту — и дочь Векку в слезах, вещи все разбросаны. Ваня сообщил нам, что семьи работников педагогического института эвакуируются. Я же с Ваней останемся в Симферополе, а если враг захватит Крым, то уйдём в партизаны.

Увы! Это были только благие намерения, это были только мечты, которым не суждено было осуществиться. Провели бессонную ночь, а к утру Анюта заявила, что не поедет без меня, что после ряда десятилетий совместной жизни она не оставит меня, слабого старика, одиноким. Векке тоже не очень-то хотелось оставить Ваню. Понятно, с какой радостью мы на другой день встретили известие, что эвакуация семей работников пединститута временно отложена. Жизнь снова вошла в нормальную колею, и только каждое утро с замиранием сердца слушали сообщение информбюро.

Через несколько дней со мной произошёл чуть ли не трагикомический случай. По некоторым соображениям, из районов, близких к театру военных действий, в том числе и из Крыма, эвакуировалось всё немецкое население. Плохая ли работа крымских органов Наркомвнудела тому причиной или было допущено прямое вредительство, но меня, потомствен-

ного еврея, приняли за немца (моя фамилия Миллер), и мне было объявлено, чтобы я и жена моя были готовы к эвакуации через пять часов.

Вспомнился мне характерный рассказ одной моей сослуживицы немки, бывшей замужем за евреем. Их десятилетнего сына школьники дразнили «немцем», и он пожаловался учительнице: «Они называют меня немцем, а ведь это совсем неправда — я не немец, а еврей»... Чтобы доказать, что я не немец, а еврей, начальник милиции потребовал представить ему старые метрические свидетельства о моём рождении и браке. Случайно они у меня оказались, и хотя с загадочной досадой, но начальнику милиции пришлось вычеркнуть меня из списка эвакуируемых немцев.

Около этого времени Ваня был назначен заместителем директора Крымского педагогического института (директором тогда был профессор Боровский). Ваня при этом горько шутил: «Поздно меня назначили на эту работу». Действительно, враг всё приближался к Крыму; дорога на север уж была отрезана; эвакуировались только по Крымской железной дороге на Керчь, а оттуда морем — на Тамань или Темрюк. Через эти два пункта эвакуируемые из Крыма распределялись по колхозам Краснодарского края. Некоторым жилось там удовлетворительно, но иным так плохо, что пришлось даже вернуться в Крым.

Последние дни августа. После занятия немцами Днепрпетровска окончательно была назначена эвакуация семей работников пединститута. Вещи наши были уложены, всё было готово к отъезду, но в последнюю минуту Ваня заявил: «Нет, не отпущу вас одних в неведомую дорогу, без средств к существованию!..» Это инспирировалось, по-видимому, рассказами возвращавшихся из краснодарских колхозов о недружелюбном отношении местного населения к эвакуированным, о росте антисемитизма и т. д. Агенты Гитлера и на Кубани вели свою отвратительную агитацию. С 1 сентября начались занятия в пединституте, но враг всё приближался, и было не до учёбы. Значительная часть симферопольских служащих и рабочих была отправлена в Сарабуз для устройства укреплений, рытья траншей; отправились туда также почти все студенты педагогического института вместе с Ваней. Мы остались в Симферополе одиночками, тоскующими. Одиночество ещё более усилилось после эвакуации близкой нам семьи Двоскиных. Дочь их, Соня, также была аспиранткой пединститута и наиболее близкой подругой Векки.

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, переводившая по (с указанием причин)	На основании чего выписан запис (указываются его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1						
				Крымский педагогический институт	судья-исполнитель И. Г. Манин	
1	1938	VI	1	Университет Сорбонны Париж	Валентина В. К. Манин	
2	1938	IX	1	Крымский педагогический институт	Манин В. К. Манин	
3	1941	IV	13	Колхоз им. Сталина Краснодарского края	директора колхоза	Иванов И. И. Манин
4	1941	V	1	Сарабузский район Краснодарского края	районный комитет	Иванов И. И. Манин

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, переводившая по (с указанием причин)	На основании чего выписан запис (указываются его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
5	1941	V	1	Колхоз им. Сталина	районный комитет	Иванов И. И. Манин
6	1941	VI	1	Колхоз им. Сталина	районный комитет	Иванов И. И. Манин
7	1941	VI	25	Колхоз им. Сталина	районный комитет	Иванов И. И. Манин

Страницы из трудовой книжки И. Г. Манина

Раз как-то встретил моего бывшего сослуживца по Госплану Литроника, жена и сын которого эвакуировались несколько недель тому назад. Он поведал мне грустную повесть о страданиях его несчастной семьи, которая где-то валяется в Краснодарском крае. Письма его жены полны отчаяния. Когда я рассказал ему о наших колебаниях и высказал мысль, не лучше ли остаться в Симферополе, он напомнил мне слова Синедриона, когда жители Галилеи обратились к нему с вопросом: «Платить ли римлянам дань или лучше не платить?» Синедрион послал им следующий ответ: «Горе вам, если будете платить; но и горе вам, если не будете платить...»

Как-то Векка зашла в канцелярию института; она встретила директора, который сообщил ей, что получена телеграмма из Комитета по делам высшей школы с предложением эвакуировать весь преподавательский состав и студентов в Краснодар, где и продолжить учебу. Немедленно был послан в Са-

рабуз автомобиль за Ваней, которого снабдили полномочиями и откомандировали в Краснодар для ведения переговоров с местными властями по вопросу размещения в этом городе Крымского пединститута. Путь был рискованный, дорога полна опасностями; но это не останавливало Ваню: молодой администратор слишком любил свой институт.

Ваня должен был вернуться в Симферополь 18 сентября; но воздушные налёты немцев на наш город всё усиливались. И центральные, и местные власти торопили с эвакуацией института. Директору Боровскому пришлось назначить 17 сентября днём выезда института. Векка непрерывно плакала: она уедет и, быть может, никогда больше не увидит Ваню. Юрий беспомощно и тоскливо жался к бабушке, не зная, чем утешить свою любимую, плачущую маму. И днём и ночью в нашу жизнь часто врывается ужасный вой сирены — извещалось, что вражеские стервятники налетели на Симферополь.

Утром 18 сентября — день, когда мы должны были уехать из Симферополя, даже не простившись с Ваней, когда мы все сетовали на злую гримасу судьбы, — солнце, милое крымское солнце вдруг засияло, улыбнулось нам своей тёплой осенней улыбкой. Зашла работница канцелярии пединститута и сообщила нам, что эвакуация института из-за каких-то формальностей отложена на несколько дней. Радость наша сменилась нетерпеливым ожиданием приезда Вани; но солнце зашло, а Вани всё не было. Эту ночь мы провели почти без сна — мерещились всевозможные ужасы; но и 19 сентября Ваня не приехал.

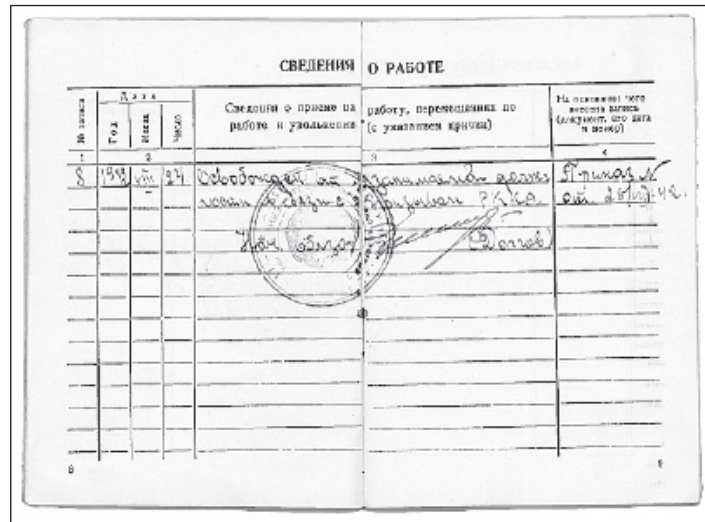
Снова непрерывные слёзы Векки, снова тоскливое личико Юрочки, выражающее беспомощность и желание помочь чем-либо своей любимой маме. Вечером этого дня мы все, по обыкновению, сидели в темноте. Векки не было дома. Вдруг дверь открылась и вошёл Ваня. Аня бросилась ему на шею с криком: «Ва-а-ня!» Это был крик потомка дряхлого многострадального народа-скитальца, который, вновь отправляясь странствовать, нашёл свою опору в потомке молодого бодрого народа. Ему не страшны никакие гитлеровцы; при всяких условиях, при всяких возможностях он строит и будет строить социализм.

Это была для нас радостная ночь. Правда, поездка Вани не совсем увенчалась успехом: краснодарские власти приняли его холодно, советовали не эвакуировать институт в Краснодар. Весь край переполнен беженцами, а враг уже приближается к Кубани. «Тем не менее, — закончил Ваня, — мы поедем, невзирая ни на что: институт должен быть спасён!..» Когда я слушал слова Вани, прислушиваясь к подробностям его поездки, к дорожным впечатлениям, в голове моей смутно звучали слова древнего Синедриона, перефразированные на новый лад: «Горе вам, если вы поедете, но и горе вам, если вы не поедете!..» И мы поехали. Вечером, 22 сентября, ровно через три месяца после начала войны, мы отправились на эвакуационный пункт. Несмотря на захваченный нами десяток узлов и чемоданов, мы много дорогих нам

вещей, особенно ценных книг, оставили в Симферополе. Мы сразу сделались нищими странниками, отправляющимися в неведомую даль, бегущими от яростного врага, от мучительной смерти. Вспомнил я увлекавшую нас в этом году книгу американского писателя «Гроздь гнева», повествующую о том, как зажиточные фермеры сразу превратились в нищих странников под напором враждебного им капитала.

Оставили мы в Симферополе близко знакомую нам семью преподавателя института Михайлова, человека весьма культурного. Он — русский, потомок казаков, она — еврейка, дочь портного из Могилёва. Он очень любил свою жену и маленького сына, и хотел спасти их от гитлеровцев; но он любил и свои вещи, свой уютный уголок, свою мебель, свои книги. Он уже почти готов был к отъезду, но в последнюю минуту вещи победили его — он явился к нам измученный, осунувшийся и подавленным голосом сообщил: «Я не поеду. Не могу оставить всё то, что так дорого для меня. Лучше погибну со всеми дорогими мне вещами, чем жить без них...»

Из эвакуационного пункта весь институт, около 200 человек, отправился на вокзал. Тёмная, мрачная ночь. Носились слухи, что бомбили Сарабуз, Джанкой — станции, которые мы должны были проехать. Посадка была кошмарная. В каждый вагон стремились попасть большое количество пассажиров —

Страницы из трудовой книжки И. Г. Манина

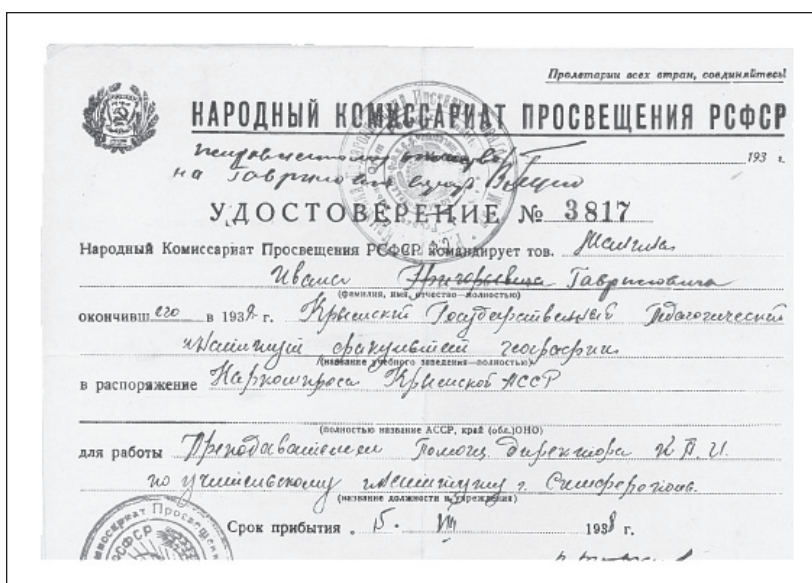
почти вдвое против нормы. Вещи бросали в двери, в окна — куда попало, и вслед за ними залезали люди. Если к этому прибавить полный мрак, злобный шёпот давящих друг друга пассажиров, страх перед возможной бомбёжкой со стороны врага, то страшная картина понятна. Уже первые шаги эвакуируемых были усеяны терниями.

Даже пассажиры с крепкими нервами провели ночь без сна. Теснота была такая, что многим пришлось простоять всю ночь на ногах — негде было даже присесть. В проходах валялись в беспорядке узлы, чемоданы. Преступный элемент не преминул воспользоваться этим хаосом — у некоторых эвакуируемых в эту ночь пропали наиболее ценные, наиболее необходимые им вещи. С тоской, с мучительным ожиданием чего-то страшного мы проехали Сарабуз, проехали Джанкой и к утру очутились в менее опасной зоне. С рассветом эвакуируемые приободрились, стали разыскивать и приводить в порядок свои вещи.

В Керчи, куда мы приехали уже после полудня, простояли недолго. К вечеру погрузились на баржу, которую катер вёл на буксире в Темрюк. Прекрасный осенний крымский вечер. Катер отчалил, за ним потянулась баржа. Последние лучи заходящего солнца освещали родные крымские берега. С грустью мы смотрели на этот дорогой нам полуостров, который почти для каждого из нас был связан со многими воспоминаниями, многими переживаниями. Кто-то тяжело вздохнул, послышался тяжёлый шёпот: «Прощай, милый Крым!» Какая-то тяжесть легла на сердце: увидим ли ещё когда-нибудь этот маленький солнечный край...

Через несколько часов нам уже было не до сентиментальностей. Поднялась буря, бушующие волны заливали баржу. Катер бросил якорь. Пять часов мы стояли на месте и испытывали все ужасы качки. Все мы валялись на палубе, больные морской болезнью, почти без сознания. В эту ночь Ваня показал всю самоотверженность сына, мужа и отца. Едва держась на ногах, он ухаживал с любовью за каждым из нас. Ночь была холодная. Юрочка также сильно страдал от морской болезни, и мы опасались за его здоровье: впервые его нежный организм подвергся такому суровому испытанию. К счастью, всё обошлось благополучно.

К утру мы, измученные, приехали в Темрюк. Эвакуационный пункт, где мы должны были высадиться в ожидании парохода на Краснодар, оказался грязным

Распоряжение Наркопроса о назначении И. Г. Манина помощником директора Крымского пединститута

сараям, со всех сторон дул ветер; он скорее напоминал большой дореволюционный карцер, чем место (sic) отдыха и ожидания для эвакуируемых. Ваня решил поместить нас на частной квартире, где мы расположились с некоторым удобством. Но этот уют дорого обошёлся нам. Хозяин оказался жадным, недобросовестным человеком, да и на всём пути, как мы впоследствии убедились, местное население драло с эвакуируемых: сторговавшись за комнату по 25 руб. в сутки, он впоследствии потребовал по 40 руб.

Два дня мы пробыли в Темрюке; отдохнули, приободрились. На другой день, к вечеру, мы сели на пароход, отправлявшийся по Кубани в Краснодар. Пароход этот, напоминавший скорее старую, полустлевшую скорлупу, был битком набит пассажирами, так что и сесть было негде. С большим трудом Ване удалось найти удобный уголок для Анюты и Юрочки, приткнулся и я в этом уголке. Ваня же с Веккой и другим преподавательским персоналом валялись на грязной палубе. Один из студентов даже горько пошутил: «Мы путешествуем комфортабельно, наподобие мистера Твистера». Это никого не рассмешило — было не до шуток.

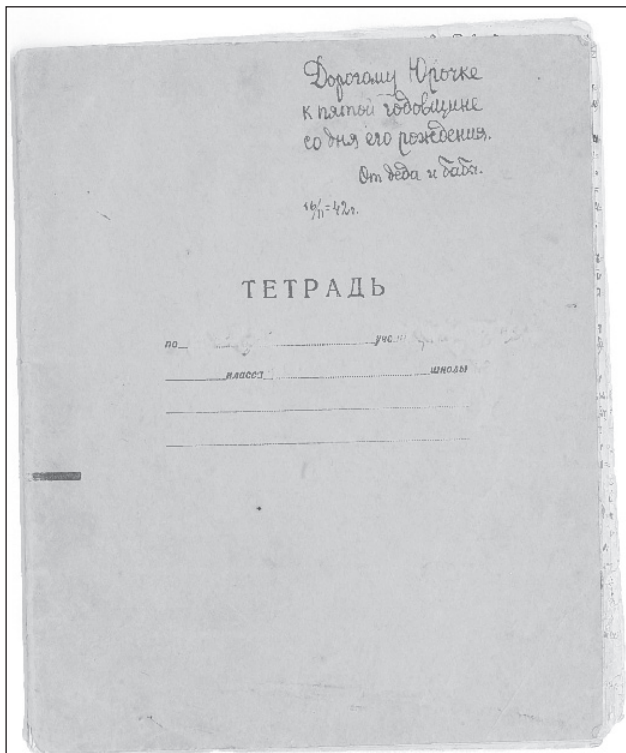
Почти двое суток мы путешествовали по Кубани. К вечеру второго дня мы прибыли в Краснодар, высадились на пристань. Ваня отправился в город для выяснения нашего размещения. Скоро он явился с сообщением, что в здании местного педагогического института нам отведены две комнаты: большой зал для студентов, меньший — для преподавательского персонала. В городе царили мрак, полное затемнение, жуткая тишина. Чувствовалось приближение фронта. И я вспомнил старую восточную мудрость,

что от плохой жизни не убежишь, ибо она бежит быстрее и догоняет тебя. Впоследствии эта мудрость подтвердилась.

В здании института мы расположились «по-эвакуационному», как прозвали наши бытовые условия некоторые преподаватели. Спали мы на столах; ели и пили — где попало и что попало. Каждое утро слушая радио, мы убеждались, что враг всё приближается к Краснодару. Город нервничал, ожидая воздушного нападения. Окна замуровывались, строились бомбоубежища, рылись щели. Всё это больно напоминало Симферополь в последние месяцы. Кроме того, несмотря на все препятствия, на непрописку, на вражду местного населения к «беженцам», город был переполнен эвакуированными и бежавшими с прифронтовой полосы.

Приехала к нам Соня Двоскина с её родителями — договорилась с администрацией Крымского пединститута о включении её и родителей в списки эвакуируемого института. Рассказали нам грустную повесть её жизни в последнем месяце. Они поселились в Платнировской станице. Вначале жизнь была сносной, но по мере приближения фронта усилилась агитация против «беженцев-евреев», распространялись различные небывлицы, вроде того, что в Кубань, мол, направили много евреев и коммунистов, чтобы отравить всех казаков и овладеть их добром. эвакуируемым прямо угрожали: «Прибудут гитлеровцы, и мы всех вас вырежем»...

Обложка рукописи З. Г. Миллера

Тем временем дела Крымского пединститута плохо налаживались. О развёртывании академических занятий в Краснодаре нечего было и думать. Местные власти с нескрываемой враждой отнеслись к нашему институту, не создавали ему никаких условий для продолжения работы, да и близость фронта этому препятствовала. Одно время была даже попытка со стороны местных властей выселить нас из здания пединститута, выселить на вокзальную площадь, где валялись под открытым небом тысячи беженцев в ожидании отъезда в более гостеприимные населённые пункты. Однако попытка к выселению у нас не удалась.

Целый месяц мы прожили в Краснодаре. Администрация Крымского пединститута вела переговоры с Комитетом по делам высшей школы о переселении нас в другой город, но переговоры дали неудовлетворительные результаты. В Краснодаре мы впервые встретили беженцев-бессарабцев, которые почти с первых дней войны странствовали по нашему великому Союзу. Среди них было много порядочных, культурных людей; но были и грязные, опустившиеся, со всеми пороками прошлого, привитыми им румынским владычеством; они ещё не успели полностью освоить советскую психологию и были нам чужды, а подчас и невыносимы.

В последние дни нашего пребывания в Краснодаре усилилось тревожное настроение в этом городе. Наше войско оставило Таганрог, и враг приближался к Ростову. Кубань была в опасности. Носились слухи о воздушных налётах на многие станции. Эвакуированные в кубанские колхозы направлялись к ближайшим железнодорожным станциям, бежали в Краснодар; поток беженцев ничем не удержимой лавиной направлялся к железнодорожной линии, где и располагались под открытым небом, терпели все муки бездомных, а нередко чуть ли не с боем садились в вагоны и уезжали от ужасов.

А ужасы войны, ужасы приближающегося жестокого врага бежали за ним. За несколько дней до нашего отъезда немцы сделали налёт на краснодарский вокзал, расположенный недалеко от института. Снова знакомые нам картины: тревожный вой сирены, предупреждающий население об угрожающем положении; все бегут, прячутся в бомбоубежища. Адский шум и треск разрывающихся снарядов. В зале, где мы находились, от сотрясения воздуха были выбиты окна. По окончании бомбежки кто-то из преподавателей Крымского пединститута нашёл осколок бомбы и присоединил его к своей «коллекции».

В последние дни местные власти изменили своё отношение к нам — «дружески» посоветовали скорее уехать из Краснодара и оказали нам значительное содействие в этой области. Нам были предоставлены три пассажирских вагона, где мы расположи-

лись вечером 28 октября. Было немного тесно — в купе, которое обыкновенно вмещает шесть пассажиров, посадили 11 человек. В нашем купе, помимо нас (пять человек) поместилась ещё семья Двоскиной (три человека) и семья Бомштейн (три человека). Скоро мы очень близко сошлись с семьёй Бомштейн, чрезвычайно милыми, интеллигентными работниками Крымского пединститута.

Несколько слов о семье Бомштейн. Оба они — и муж, и жена — бывшие участники гражданской войны. В них сохранилось много черт дружеского отношения к товарищам. Их дочь, миловидная 18-летняя девушка, Нелли, по окончании в Симферополе десятилетки была эвакуирована со знакомой семьёй в Краснодарский край, где попала в тяжёлые условия; она написала родителям отчаянное письмо. И отец, и мать, бросили всё и поехали искать свою любимую дочурку. Они нашли её в какой-то заброшенной станции, забрали её и ещё в Краснодаре присоединились к Крымскому пединституту.

Наш поезд, помимо трёх вагонов пединститута, состоял из целого ряда других разнообразных вагонов, в которых находилось много эвакуированных «в организованном порядке» из Одессы и других пунктов, захваченных немцами, — около 1000 человек. Почти на каждой станции мы были свидетелями ужасов «неорганизованной эвакуации». Эти несчастные, валявшиеся в грязи под открытым небом, осаждали наш переполненный поезд, нередко силой врываются в вагоны; они готовы были на что угодно лишь бы умчаться подальше от ужасов войны, от страха перед бомбёжкой.

Ехали мы медленно, подолгу стояли на станциях. Как-то проснувшись рано утром, мы были поражены жуткой тишиной. Скоро мы узнали, что нас завезли на какую-то глухую станцию; паровоза не было, ибо дальше везти нас не намерены. Дальше выяснилось, что нас высадят на этой глухой станции и используют для сельскохозяйственных работ. Полетели телеграммы к вышестоящим властям. Мы в неопределённом положении простояли целый день, а к вечеру

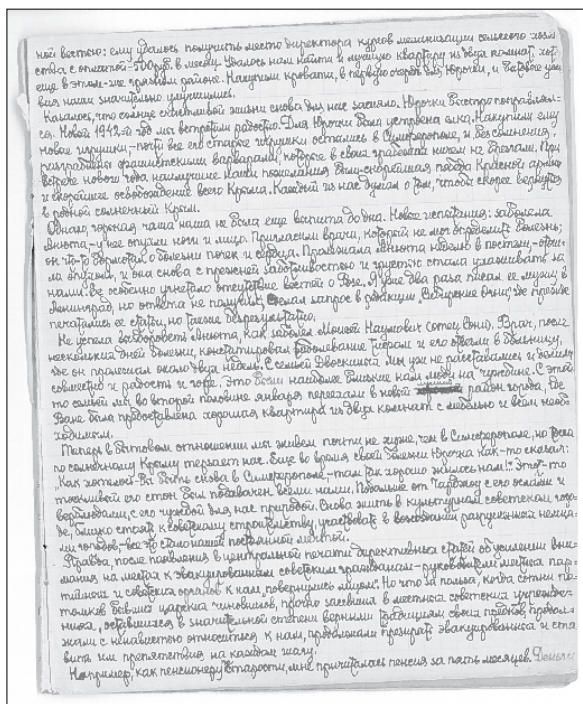
прибыла делегация из местных властей, которая решительно заявила нам, что мы должны здесь остаться и участвовать в сельскохозяйственных работах.

Было созвано экстренное собрание из преподавателей и учащихся пединститута, которому директор сообщил о создавшемся положении. Один из преподавателей института, старый учёный профессор Скворцов, первым высказался по этому поводу: «Если государству нужно, чтобы мы на время бросили книгу и взялись за лопату, то я первый сделаю это. Мы спокойно пойдём на сельскохозяйственные работы». Все единогласно согласились с мнением профессора Скворцова. Все три семьи из нашего купе стали живо обсуждать ближайшие перспективы жизни и труда на лоне природы.

Но советскому государству вовсе не нужно было, чтобы учёные забросали (sic) свои книги и принялись за лопаты. К нашему поезду неожиданно был прицеплен паровоз, и мы поехали дальше. Говорили, что железнодорожники перепутали и направили наш поезд на сельскохозяйственные работы «по ошибке». Как бы то ни было, но «ошибка» была исправлена, и мы мчались дальше. Направление у нас было на Баку, но в этот город нам не дали возможности ехать — высадили в Махач-Кала, портовый город на Каспийском море, и центральный город Дагестанской Республики.

Таким образом, 2 ноября мы очутились в Махач-Кала на площади, недалеко от вокзала, под открытым небом. Вся площадь и прилегающие улицы были запружены беженцами: в Махач-Кала накопилось до 50 тысяч беженцев, подолгу ожидавших очереди — переправиться через Каспий в Среднюю Азию, которая представлялась этим измученным скитальцам «землёй обетованной». Рассказывали, что в Красноводске организованно работает эвакуационная комиссия, которая всех прибывающих распределяет строго по специальностям. Этим рассказам верили, ибо это совпадало с желаниями беженцев.

Расположиться под открытым небом, смешаться с этой толпой грязных несчастных людей — это совсем не улыбалось участникам нашего эшелона. Боровский с Ваней отправились к директору местного

Страница воспоминаний З. Г. Миллера

пединститута просить о приюте. Однако директор этот — озлобленная желчная личность — и слышать об этом не хотел, и только когда Дагестанский народный комиссар просвещения распорядился о предоставлении нам двух залов в здании местного пединститута, он вынужден был согласиться. Для нашего тесного дружеского кружка это было особенно важно: Нелли, дочь Бомштейна, заболела и ей нельзя было провести осеннюю ночь под открытым небом.

Администрация Крымского пединститута собиралась эвакуироваться дальше; она разослала телеграммы-молнии всем правительствам Закавказья и Средней Азии, прося разрешения на временное пребывание института в каком-либо городе; но отовсюду получались отрицательные ответы. Старые профессора-преподаватели Крымского пединститута, измученные дорогой и продолжительным пребыванием в непривычных условиях, не решались отдаться на волю судьбы и самостоятельно перебраться через Каспийское море. Наиболее энергичные студенты, видя безвыходность положения института, оставили его и приспособились к другой работе.

Крымский пединститут таял не по дням, а по часам. Чтобы хоть немного улучшить положение, директор института профессор Боровский 9 ноября начал вести переговоры с местными властями о временном слиянии двух институтов — Крыма и Махач-Кала. Тов. Боровскому поставлены были жёсткие условия — почти половина преподавателей Крымского пединститута были оставлены за бортом. Ване предложили остаться преподавателем географии, но он отказался — его молодая, энергичная натура не могла согласиться с таким «непротивлением»; он возглавил группу оставшихся без работы около двух десятков преподавателей и сотрудников пединститута, решивших уехать в Среднюю Азию.

Однако легче было в глубокую древность перейти Чёрное море, чем переплыть в ноябре 1941 года Каспийское море. Рейсы пароходов от Махач-Кала до Красноводска были редкие и почти случайные, а перебраться через Каспий жаждали около 50 тысяч беженцев. Для портовых работников и даже для мелких служащих, работавших в порту, открывалось широкое поле для злоупотреблений. В порт никого не пускали, но кое-кому за определённую мзду удавалось проникнуть туда. Пробравшиеся же в порт и дождавшиеся (sic) парохода в хаосе, сутолоке и давке пробирались на пароход и в тяжёлых условиях переезжали Каспийское море.

Начались хлопоты Вани. Ему удалось получить разрешение на посадку на отправляющийся в Красноводск пароход; но когда вся группа с вещами направилась к пароходу, портовая администрация её в порт не пустила и пароход ушёл без нас. Пришлось расположиться в каком-то пустом амбаре вблизи порта.

В этом амбаре, помимо нас, находилось ещё несколько десятков беженцев, мечтавших во что бы то ни стало переправиться через Каспий. Эти люди, жившие дома как честные, зажиточные труженики, прозябали в этом сарае в нужде, в холоде, окружённые презрением и даже ненавистью местного населения.

Снова начались хлопоты Вани. Неутомимый, не терявший энергии, он по целым дням ходил по разным, имевшим отношение к нашему отъезду учреждениям, и добился наконец благоприятных результатов. Через три дня пребывания в амбаре, в одну холодную морозную ночь, всей нашей группе (18 человек) удалось при невероятных усилиях пробраться в порт и сесть на палубу парохода, отправлявшегося в Красноводск. Пароход был до невозможности перегружен беженцами и их вещами; все они валялись на грязной палубе; но, несмотря на все эти тяжёлые условия, мы считали себя счастливыми: мы едем в Среднюю Азию, где закончится наша эвакуационная жизнь».

Начались для нас тяжёлые дни и особенно кошмарные ночи. Какая-то подозрительная личность на пароходе пророчествовала: «Товарищи эвакуируемые! Вспомните день вашего отъезда из родимых мест: вы тогда ещё были уважающими себя людьми, но чем дальше вы едете, тем с каждым днём всё больше превращаетесь в нищих и презираемых. Так оно будет продолжаться. Не надейтесь на какую-либо помощь; население вас ненавидит, а правительству не до вас: немцы все идут вперёд, забирая новые области, и уж не видать вам, бездомным, родимых мест». Тяжело нам было слышать такие слова, но в них была некоторая доля отвратительной истины.

Двое суток мы носились по Каспийскому морю, который (sic) к тому же ещё взбушевал. Вся наша группа сильно страдала от холода, морской болезни, грязи и других неприятностей этого «морского путешествия». Достаточно отметить, что на пароходе даже не было для пассажиров доброкачественной питьевой воды, а для того, чтобы попасть в уборную, нужно было долго стоять в очереди. Но хуже всего была страшная «египетская казнь» — вошь; весь пароход был положительно обсыпан этим паразитом; он заползал в наши вещи, нашу одежду и причинял всем нам невыразимые муки.

Вечером 1 декабря мы прибыли в Красноводск. Все слухи об организованном устройстве здесь беженцев оказались неосновательными. Мы встретили здесь знакомую картину, какую наблюдали в Махач-Кала. Маленький город был переполнен беженцами, которые валялись на улицах. Местное население и здесь относилось к ним с презрением и безнаказанно положительно обирало их за разрешение переночевать на полу, за стакан кипятка и т. д. Выехать поездом из Красноводска, пожалуй, было не легче, чем

выехать пароходом из Махач-Кала. Чем дальше эвакуировались, тем положение ухудшалось.

Ночь с 1 на 2 декабря я впервые в своей более чем шестидесятилетней жизни спал в это время года на улице. В довершение всего на другой день погода резко изменилась. Полил дождь как из ведра. Мы промокли до нитки. К вечеру — резкое похолодание; дождь сменился вьюгой, столь редкой в этом городе. В этот день наша группа распалась: часть уехала в город Фрунзе к родным; наша же семья со (sic) семьёй Двоскиных и бывшим преподавателем Крымского пединститута Богдановым не имели прямого направления. Только около двух часов ночи нам удалось попасть в теплушку поезда, направлявшегося «в неведомую даль».

Все ужасы прежних поездок бледнеют перед этой последней нашей «эвакуационной поездкой». Теплушка эта оказалась грязной, вшивой, переполненной беженцами-бессарабцами. Крыша была продырявлена; шёл дождь, и мы чувствовали себя как в аквариуме. Мокрые, усталые, измученные мы прибыли в Ашхабад. Здесь мы решили остановиться, ибо не было сил ехать дальше. Но как только мы начали выгружаться, представитель милиции приказал нам сесть обратно в вагон. «Поезжайте в Чарджоу, — сказал он, — быть может там вам позволят поселиться, а в Ашхабаде нельзя».

Делать было нечего — мы покорились и поехали дальше. Только к вечеру 6 декабря наконец прибыли в Чарджоу. Однако здесь повторилась та же сцена, что и в Ашхабаде. На вокзале нас сурово встретил представитель НКВД; он угрожал нам двухлетним тюремным заключением за самовольную высадку и приказал нам ехать дальше. Пока мы с ним спорили, поезд ушёл, и мы остались в Чарджоу. Закончилось наше «путешествие». Мы решили терпеть какие угодно муки, но дальше не ехать. Нами овладела какая-то апатия — безразличное отношение к будущему в этом азиатском городе.

Мы с вещами расположились около здания вокзала — на вокзал нас не пустили. Наступила ночь, стал накрапывать дождик. Ваня с Соней ушли в город, чтобы разыскать для нас хоть какой-нибудь ночлег. Долго они искали, но безрезультатно. Наконец они наткнулись на эвакуированный сюда какой-то московский институт, который недавно только расположился в хорошем здании в центре города. Ване как-то удалось уговорить директора института разрешить нам переночевать хоть в коридоре, так как в противном случае нам предстоит провести ночь под открытым небом.

Мы оставили вещи в камере хранения, а сами направились на ночлег. Переночевали в коридоре. По-видимому, директор этого института уж пожалел, что оказал нам такое милосердие, — не успели

мы ещё проснуться, как он нам грубо и решительно заявил, чтобы мы немедленно оставили помещение. Я невольно подумал тогда о том, что злые чувства нередко берут верх над добрыми поступками. Ведь все работники этого института во главе с директором — сами эвакуированные, сами изгнанники и тем не менее не постеснялись оскорбить нас изгнанием из помещения.

Мы направились искать квартиру. Найти её в городе не было никакой надежды. В маленьком среднеазиатском областном городе осело уже более тысячи беженцев, и это несмотря на все препятствия, чинимые им. Население Чарджоу, как и местное население других городов, относилось с ненавистью к беженцам вообще и к евреям в особенности. Впервые за период нашей эвакуации мы наткнулись на чем-то питаемый здесь зоологический антисемитизм. Многие местные жители отказывались даже сдавать свои квартиры внаём ненавистным евреям.

«Они приехали к нам, — подслушал я даже разговор видного местного деятеля, — с туго набитыми кошельками. Для них нет ничего дорогого; они вырывают у нас последний кусок. Скоро в Чарджоу наступит голод, и в этом будут виновны беженцы-евреи, которые всё здесь закупают. И зачем терпеть их?! Ведь их даже нельзя назвать советскими гражданами: они якобы бегут от немцев, а в сущности их гонит страх перед войной. Многие из них под видом эвакуированных просто уклоняются от участия в войне: евреи с давних времён отличались своей трусостью...»

Пришлось искать жилище на далёкой окраине. Вблизи канала Баш-Дарья расположены несколько кварталов с примитивными кибитками вместо домов. Одна туркменка согласилась уступить нам за хорошую плату кибитку на несколько ночей. Кибитка была грязная, неудобная; спать приходилось чуть ли не на голом полу. Когда мы затопили примитивную печку, кибитка наполнилась едким дымом. Однако, утомлённые, мы крепко заснули; но среди ночи нас разбудил отвратительный рёв. То кричал хозяйский осёл, привязанный у наших дверей. И вспомнил я вычитанную где-то фразу: «Из всех голосов самый неприятный — крик осла».

Переночевали в этом неудобном убежище ещё одну ночь; затем мы «переехали» в другую кибитку в этом же районе. Комната была более удобная, с железной печкой, но такая маленькая, что мы с трудом уместились в ней. В этой комнатке произошли наиболее сильные наши переживания. Начать с того, что значительно усложнилось дело с пропиской. Местным «власть имущим» захотелось заслать нас подальше, в глушь, где нет даже культурных путей сообщения, куда нужно было направляться на ослах или верблюдах. Я был настолько измучен, что даже приветствовал мысль об уходе в пустыню.

Из нашей молодёжи Векка относилась ко всему безразлично, тем более что Юрочка приуныл, стал кашлять и чувствовал себя скверно. Только Ваня и Соня не теряли бодрости и продолжали энергично бороться с препятствиями. Наконец они добились того, что нас прописали в домовой книге, и мы сделали чарджоускими «постоянными жителями». Характерный факт: начальник милиции любезно расшаркался перед Соней: «Вы совсем не похожи и на еврейку. У вас чисто русский акцент, да и фамилия у вас чисто русская. Бывают же такие оказии...»

Впоследствии один из местных культурных старожилков объяснил мне причину столь распространённого здесь в последнее время антисемитизма: «Европейских и даже советских евреев здесь до войны не было. Среди местного русского населения в отношении евреев жили только воспоминания традиций царизма, что евреи, мол, вредный элемент, хриstopродавцы, для которых нет ничего святого. Весьма возможно, что «тайные гитлеровцы», играя на низменных обывательских чувствах, поддерживали это мнение, чему также способствовала малокультурность большинства местного населения».

Тем временем болезнь Юрочки развивалась. Мы все спали на голой земле, но для больного Юрочки соорудили какое-то подобие постели из чемоданов. Юрочка по целым ночам стонал; температура его достигала 39. Пригласили врача, который констатировал заболевание корью. Когда же период корьевого заболевания прошёл, а температура не снижалась, снова пригласили врача, который прямо заявил: «У ребёнка воспаление легких». Это время было самым тяжёлым в нашей эвакуационной жизни. Днём и ночью грудь нашего младенца разрывал резкий кашель. Он почти непрерывно стонал и метался в бреду.

Странное психологическое явление. Проводя дни и ночи почти без сна у постели маленького страдальца, нашего общего любимца, мы не находили слов для утешения. Почему-то мы обвиняли друг друга, чуть ли не возненавидели друг друга. Векка, как злая тигрица возле раненого своего тигрёнка, никому не позволяла даже прикасаться к Юрочке. Стыдно сознаться: однажды вечером я с упрямством набросился на Ваню, на самого близкого мне человека, который столько сделал для спасения нас всех от ужасов гитлеризма, от эвакуационных неприятностей и т. д., — на Ваню, который не меньше нас страдал, глядя на больного, любимого сына.

В нашу мрачную жизнь того периода светлым лучом проникали только радостные известия с театра военных действий. Немцы разбиты под Ростовом; мы отогнали их от Москвы и Ленинграда. Внимая ужасам, которые гитлеровцы творили в занятых ими районах, освобождённых потом нашей славной

Красной Армией, мы нередко думали о том, какую опасность избегли мы своевременной эвакуацией из Симферополя, и все пережитые нами в дороге неприятности, даже болезнь Юрочки, временами казались мелкими, ничтожными перед угрожавшей нам гитлеровщиной.

Юрочка начал медленно выздоравливать. Нужны были средства и для поправки ребёнка, и для жизни. Между тем наши «денежные запасы» иссякали. Мы усиленно стали искать работу, но тщетно. Руководители учреждений враждебно относились к эвакуируемым и неохотно брали их на службу. Даже Богданову, окончившему два факультета и хорошо знающему восточные языки, удалось достать работу только в отдалённом районном центре, в среднем учебном заведении. Особенно Ваня и Соня по целым дням неутомимо обивали пороги различных учреждений, но повсюду встречали отказ.

Только мне как-то случайно посчастливилось. Как пенсионер по старости, я заглянул в артель инвалидов. Там оказалась свободной вакансия статистика с оплатой 300 руб. в месяц. Это была очень мизерная для меня работа, но я охотно принял её. На другой день и Ваня пришёл с радостной вестью: ему удалось получить место директора курсов механизации сельского хозяйства с оплатой 500 руб. в месяц. Удалось нам найти и лучшую квартиру из двух комнат, хотя ещё в этом же грязном районе. Накупили кровати, в первую очередь для Юрочки, и бытовые условия наши значительно улучшились.

Казалось, что солнце счастливой жизни снова для нас засияло. Юрочка быстро поправлялся. Новый, 1942 год мы встретили радостно. Длю Юрочки была устроена ёлка. Накупили ему новые игрушки — почти все его старые игрушки остались в Симферополе и, без сомнения, разграблены фашистскими варварами, которые в своих грабежах ничем не брезговали. При встрече Нового года наилучшие наши пожелания были: скорейшая победа Красной Армии и скорейшее освобождение всего Крыма. Каждый из нас думал о том, чтобы скорее вернуться в родной солнечный Крым.

Однако горькая чаша наша не была ещё выпита до дна. Новые испытания: заболела Анюта — у нее опухли ноги и лицо. Пригласили врача, который не мог определить болезнь; он что-то бормотал о болезни почек и сердца. Пролежала Анюта неделю в постели — отошла опухоль, и она снова с прежней заботливостью и грустью стала ухаживать за нами. Её особенно угнетало отсутствие вестей о Розе. Я уже два раза писал её мужу в Ленинград, но ответа не получил; сделал запрос в редакцию «Сибирские огни», где печатались её статьи, но также безрезультатно.

Не успела выздороветь Анюта, как заболел Моисей Наумович (отец Сони). Врач, после нескольких

дней болезни, констатировал заболевание тифом, и его отвезли в больницу, где он пролежал около двух недель. С семьёй Двоскиных мы уж не расставались и делили совместно радость и горе. Это были наиболее близкие нам люди на чужбине. С этой-то семьёй мы во второй половине января переехали в новый район города, где Ване была предоставлена хорошая квартира из двух комнат с мебелью и всем необходимым.

Теперь в бытовом отношении мы жили почти не хуже, чем в Симферополе, но тоска по солнечному Крыму терзает нас. Ещё во время своей болезни Юрочка как-то сказал: «Как хотелось бы быть снова в Симферополе — там так хорошо жилось нам!..» Этот-то тоскливый его стон был подхвачен всеми нами. Подальше от Чарджоу с его ослиами и верблюдами, с его чуждой для нас природой. Снова жить в культурном советском городе, близко стоять к советскому строительству, участвовать в воссоздании разрушенных немцами городов — всё это стало нашей постоянной мечтой.

Правда, после появления в центральной печати директивных статей об усилении внимания на местах к эвакуированным советским гражданам — руководители местных партийных и советских органов повернулись к нам лицом. Но что за польза, когда сотни потомков бывших царских чиновников, прочно засевших в местных советских учреждениях, оставшихся в значительной степени верными традициям своих предков, продолжали с ненавистью относиться к нам, продолжали презирать эвакуированных и ставить им препятствия на каждом шагу. Например, как пенсионеру по старости, мне причиталась пенсия за пять месяцев. Деньги эти я должен был получить в местном горсобесе, но заведующий горсобесом целый месяц оттягивал выдачу мне денег. Наконец мне

это надоело, и я обжаловал его действия в Чарджоуский горсовет, в результате чего председатель горсовета предложил ему немедленно выдать причитающиеся мне деньги. Завгорсобесом очень рассердился и продолжал не платить мне. Кончилось дело тем, что ответственному секретарю горсовета пришлось самому пойти со мной в горсобес и заставить этого упрямяца немедленно выдать мне деньги.

Этот и ряд других подобных фактов напомнили мне скверный дореволюционный анекдот. Полицейский урядник, напившись пьяным даровой водкой у жившего на его участке еврея, спросил последнего: «Скажи откровенно, не стесняясь: кто здесь старше — я или царь?» Еврей простодушно возразил, что самый старший в России, а следовательно, и здесь, конечно, царь. «Врешь! — рассвирепел урядник. — Самый старший здесь — я: вот царь запрещает тебе жить здесь, а я говорю: живи! И ты живёшь». К сожалению, психология и логика этого урядника весьма близка к действиям многих работников местных учреждений.

Предполагалось, что многие эвакуированные осядут здесь и будут способствовать местному строительству, будут способствовать развитию местной экономической и культурной жизни. Трудно быть пророком в наши дни, трудно предвидеть что-либо определённое в этой области. С уверенностью могу только сказать, что сердца всех эвакуированных бьются одним желанием — скорее вернуться в родные места. Сердца же нашей семьи — начиная мною и кончая Юрочкой — переполнены тоскливым желанием: поскорее отпраздновать победу над врагом и вернуться в солнечный Крым.

*З. Миллер. Чарджоу.
16 февраля 1942 г.*

С. А. Андросов

Основные тенденции музейного строительства в Крыму в 1930-е годы

В широком спектре факторов, предопределяющих сохранение ценностей отечественной культуры, формирование исторической памяти и обеспечение преемственности культурно-исторического развития, особое место принадлежит музеям. Исследование исторического опыта развития музейного дела даёт возможность приблизиться к осмыслению роли и назначения музеев в культурной жизни современного общества. Изменение политики государства в данной сфере влекло за собой и изменение статуса музеев. Наглядный пример тому — деятельность крымских музеев в 1930-е годы, ставшая темой предлагаемой статьи.

Надо сказать, что в целом история музейного строительства в Крыму в этот период ещё не привлекала внимания исследователей, хотя некоторые её аспекты затрагивались в публикациях, посвящённых становлению и развитию отдельных музеев [1].

Основными источниками для разработки указанной темы послужили материалы Государственного архива Республики Крым. Для определения официального взгляда правительства на роль музеев в общественной жизни того времени были использованы документы главным образом нормативно-правового характера из фондов Центрального исполнительного комитета (ЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) Крымской АССР, Крымского республиканского комитета Компартии Украины. Особо важными для рассмотрения темы являются годовые отчёты музеев, в том числе статистические, которые сосредоточены в фондах Наркомата просвещения Крымской АССР (Крымнаркомпрос), Управления по де-

лам искусств Крымской АССР, Статистического управления Крымской АССР, Центрального музея Тавриды, Евпаторийского и Феодосийского краеведческих музеев. Их существенно дополняют докладные записки представителей музейного отдела Наркомпроса РСФСР, обследовавших деятельность крымских музеев. Сведения о репрессиях 1930-х годов в отношении музейных работников почерпнуты из уголовно-следственных дел, хранящихся как в Госархиве Республики Крым так и в Управлении Федеральной службы безопасности по Республике Крым и городу Севастополю. Свообразным источником по изучению музейного дела является периодическая печать. Статьи и заметки, опубликованные в местных газетах «Красный Крым», «Маяк Коммуны», содержат информацию об открытии музеев, о проводимой ими экскурсионной и просветительской работе.

1930-е годы принесли существенные изменения в деятельность крымских музеев. В советском музейном деле всё большее значение начинает приобретать идеологический фактор. С решениями состоявшегося в декабре 1930 года I Всероссийского музейного съезда связано формирование нового представления о функциях музея. Он должен был стать подлинным центром большевистской агитации и могучим орудием пропаганды достижений социалистического строительства в массах, своего рода «культурпросветкомбинатом». Подобное функциональное назначение музеев определяло их собирательскую, экспозиционную, научно-исследовательскую и экскурсионную работу.

В целях её правового обеспечения органами представительной и исполнительной власти РСФСР и Крымской АССР в 1930-е годы был принят ряд законодательных актов. Постановлением от 1 января 1934 года «О состоянии и задачах музейного строительства в РСФСР» президиум ВЦИК обязал Наркомпрос РСФСР пересмотреть сеть музеев, состоявших на местном бюджете, разработать систему мероприятий по повышению квалификации музейных кадров, создать на местах научно-методические советы, перераспределить между провинциальными музеями неиспользуемые экспонаты из запасников центральных музейных хранилищ, обеспечить своевременное издание музейных путеводителей и справочников [2]. В развитие указанного союзно-республиканского законодательного акта президиум КрымЦИК 2 сентября 1934 года принял своё постановление, которым предусматривалось укрепить личный состав музеев квалифицированными кадрами, обязать плановые, научно-исследовательские, хозяйственные и кооперативные организации бесплатно предоставлять музеям свои экспонаты, провести с помощью музеев учёт и паспортизацию памятников [3]. В постановлении президиума КрымЦИК от 7 сентября 1936 года «О состоянии музеев и обслуживании ими трудящихся» Крымнаркомпросу предлагалось уточнить профили и целевые установки музеев, перестроить работу так, чтобы в краеведческих музеях основной задачей был показ социалистического строительства, обеспечить пополнение музеев объёмными материалами [4]. Наконец, постановление КрымСНК от 28 ноября 1939 года «О работе музеев в Крыму» ориентировало музеи на необходимость создания отделов историко-революционного и социалистического строительства, перестройки экспозиции с широким представлением в них местных материалов [5].

На начало 1930-х годов в Крымской АССР функционировали Центральный краеведческий музей Крымской АССР, Керченский и Херсонесский историко-археологические музеи, Военно-исторический музей, Панорама обороны Севастополя 1854–1855 годов, Севастопольская картинная галерея, входившие в Севастопольское музейное объединение, Феодосийский музей, состоявший из историко-археологического музея и галереи И. К. Айвазовского, Ялтинский естественно-исторический музей, Восточный музей, Евпаторийский историко-культурный музей, Алупкинский и Бахчисарайский дворцы-музеи, Дом-музей А. П. Чехова, Судакская крепость, сельскохозяйственный музей при Центральном доме крестьянина. Все они, за исключением трёх последних, подчинявшихся соответственно Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина, Государственному

историческому музею (Москва), КрымЦИК, находились в ведении Крымнаркомпроса, в штате которого была предусмотрена должность инспектора по делам музеев. В его обязанности входили учёт музейной сети, рассмотрение и утверждение годовых планов и отчётов музеев, созыв методических совещаний по обсуждению музейных экспозиций, проверка состояния учёта и хранения музейных фондов, организация подготовки и переподготовки музейных кадров [6].

В соответствии с постановлением бюро Крымского обкома ВКП(б) от 13 марта 1936 года при КрымСНК было создано управление по делам искусств, в подчинение которому Крымнаркомпрос передал дворцы-музеи и картинные галереи [7].

В целях координации научно-исследовательской работы музеев постановлением президиума КрымЦИК от 14 мая 1936 года при Крымнаркомпросе был учреждён музейный научно-методический совет из представителей партийных и общественных организаций, сотрудников самого наркомата и руководителей ведущих крымских музеев [8]. Однако первые три года он, по сути, бездействовал. Крымнаркомпрос фактически устранился от руководства работой местных музеев, переложив его целиком на Центральный краеведческий музей Крымской АССР, за что подвергся резкой критике в приказе Наркомпроса РСФСР от 4 января 1938 года, в котором указывалось на ряд серьёзных упущений в музейном деле Крыма [9]. Деятельность совета несколько активизировалась в 1939 году, когда его возглавила непосредственно нарком просвещения Крымской АССР Поляковская. В обновлённый состав совета вошли заместитель наркома просвещения Крымской АССР Д. А. Акимов, профессор Крымского пединститута Н. А. Кожин, директора Центрального краеведческого музея Крымской АССР Чукин, Севастопольского музейного объединения В. М. Анкудинов, Центрального антирелигиозного музея Крымской АССР П. И. Тихомиров, Керченского историко-археологического музея Ю. Ю. Марти, Феодосийского краеведческого музея И. А. Даниленко, заместитель директора Херсонесского историко-археологического музея В. П. Лисин [10]. При совете было образовано пять секций: антирелигиозная, социалистического строительства, политико-просветительная, историческая, школьная. На заседаниях совета рассматривались актуальные вопросы деятельности музеев в сфере исследования, сохранения и популяризации культурного наследия прошлого, в том числе создание раскопчного фонда для проведения охранных мероприятий на архитектурно-археологических объектах, отчёты руководителей археологических экспедиций, утвержде-

ние списка памятников Крымской АССР, издание популярных брошюр о наиболее ценных памятниках в целях пропаганды их охраны среди местного населения.

Существенную роль в определении основных направлений деятельности музеев играли всекрымские музейные конференции и совещания. Показателем в этом отношении 1936 год. На январской конференции обсуждались отчётные доклады о работе Алушкинского и Бахчисарайского дворцов-музеев, Ялтинского объединённого и Керченского историко-археологического музеев, Севастопольского музея революции, а также мероприятия по подготовке к празднованию Пушкинского юбилея. 15 июня было проведено совещание музейных работников при Крымском обкоме ВКП(б) по итогам обследования работы музейных учреждений Крыма. В августе состоялась научно-методическая конференция, рассмотревшая актуальные проблемы деятельности краеведческих музеев. Резолюция проведённого в декабре 1938 года совещания музейных работников в качестве первоочередной определяла задачу перестройки экспозиций музеев на основе «Краткого курса ВКП(б)» и «Краткого курса истории СССР».

На протяжении последующего времени продолжался, в соответствии с правительственными установками того времени, процесс формирования и реорганизации музейной сети Крыма. Большое значение придавалось естественно-историческим, сельскохозяйственным и по истории экономики края музеям, призванным в доступной форме служить распространению производственных знаний среди населения. 24 мая 1930 года газета «Маяк Коммуны» информировала своих читателей: *«В Севастополе при биологической станции Академии Наук закончилось оборудование первого в СССР музея морской фауны и флоры, который с 23 мая открыт для широкой публики. Экспозиция музея собиралась в течение десятка лет. Помимо представителей всей фауны и флоры Чёрного моря, в музее для сравнения имеется также и отдел фауны Средиземного моря... Наряду с научным музеем имеет и громадное промышленное значение, так как в нём выставлены представители промысловых рыб, орудия лова, модели рыбных и устричных заводов [11].* В том же году начал деятельность районный сельскохозяйственный музей при ялтинском Доме крестьянина [12].

В 1932 году при участии и на пожертвования колхозов и промысловых артелей был учреждён музей экономики края в Евпатории [13]. Его экспозиция состояла из пяти отделов: сельского хозяйства, коллективизации, цензовой и кустарной промышленности, коммунального хозяйства.

В 1934 году при севастопольском Доме крестьянина открылся ветеринарно-агрономический музей. В первый год существования в нём всего числилось 20 экспонатов, с которыми познакомилось 3805 человек. Спустя три года количество предметов, представлявших все без исключения сельскохозяйственные культуры, в том числе специальные, возросло до 500, а посещаемость составила почти 19 000 экскурсантов [14].

Начало 1930-х годов в СССР было ознаменовано переходом власти к активным антирелигиозным действиям. Религия рассматривалась в качестве одного из основных препятствий на пути установления идеологической монополии. Огромными тиражами издавались антирелигиозные агитки, активно внедрялась новая форма массового образования — так называемая безбожная учёба. В печати появляются работы идеологов воинствующего безбожия — Е. М. Ярославского, Ф. Н. Олешука, Д. П. Бухарцева, где звучали идеи непримиримого отношения к религии. VII Всекрымский съезд Советов, состоявшийся 15–19 февраля 1931 года, отметив особое значение вопросов антирелигиозной пропаганды, дал поручение Крымнаркомпросу совместно с Союзом воинствующих безбожников организовать антирелигиозный музей [15]. Руководствуясь данной резолюцией, президиум КрымЦИК 5 декабря 1931 года принял постановление об учреждении в Симферополе Центрального антирелигиозного музея Крымской АССР [16].

Основное назначение музея состояло во всестороннем изучении религии как одной из идеологических надстроек в её историческом развитии в целях разоблачения её как орудия классового угнетения и массовой пропаганды идей воинствующего безбожия. Музейная экспозиция включала следующие основные разделы: наука и религия, происхождение и история религии, история религии народов Крыма, религия как орудие самодержавия, религия в советских условиях [17].

В 1932 году в здании бывшей караимской кенасы начал работу Евпаторийский антирелигиозный музей [18]. В 1939-м на основании постановления бюро Крымского обкома ВКП(б) Крымнаркомпрос приступил к организации двух антирелигиозных музеев в Керчи и Ялте [19]. В связи с недостаточным финансированием было принято решение считать их первоначально отделениями основных местных музеев. Экспозиция с антирелигиозным уклоном Керченского историко-археологического музея разместилась в переданном ему в 1938 году здании бывшей Иоанно-Предтеченской церкви [20]. Ялтинский антирелигиозный музей планировалось расположить в помещении бывшей Плещеевской

церкви [21]. В июне 1939 года начались ремонт и оборудование здания, а Центральный антирелигиозный музей Крымской АССР оказал методическую помощь в составлении плана экспозиции. Тем не менее из-за отсутствия средств музей развернуть так и не удалось. Крымский СНК постановлением от 18 ноября 1940 года счёл нецелесообразным открытие антирелигиозного музея в Ялте в связи с тем, что помещение церкви недостаточно по объёму для музея, находится вдали от центра города, а также не обеспечено объёмными экспонатами [22].

В эти же годы по мере утверждения в СССР тоталитарного режима пошло на убыль набравшее широкий размах после победы Октябрьской революции краеведческое движение. Прекращают деятельность Таврическое общество истории, археологии и этнографии и Российское общество по изучению Крыма. Учреждённое взамен их Общество по изучению Крыма, ликвидированное постановлением президиума КрымЦИК от 7 августа 1937 года, в основном сосредоточилось на исследовании производительных сил края, существовавших форм производства в их динамике. По сути, единственными центрами изучения региональной истории становятся краеведческие музеи. В 1931 году в структуру Керченского историко-археологического музея вошёл краеведческий музей [23].

На основании упомянутого постановления КрымЦИК от 2 сентября 1934 года «О состоянии и задачах музейного строительства в Крымской АССР» не позже 1936 года намечалось развёртывание музеев в семи районах. Крымнаркомпрос составил штаты и бюджеты организуемых музеев и направил директиву председателям райисполкомов об обеспечении их помещениями. Однако Наркомат финансов Крымской АССР, несмотря на проведённую большую подготовительную работу, профинансировал в 1937 году только три из них: Алуштинский, Карасубазарский и Старокрымский. Вследствие отсутствия помещения осталась нереализованной идея учреждения краеведческого музея в Севастополе. Предложение Севастопольского городского совета о включении в план социально-культурного развития города на третью пятилетку капитальных вложений в 800 тысяч рублей на строительство для него специального здания не нашло поддержки республиканских властей [24].

Количество краеведческих музеев росло не только за счёт создания новых, но и перепрофилирования уже существовавших. В 1933 году в краеведческий преобразуется Евпаторийский историко-культурный музей. Приказом Крымнаркомпроса от 17 января 1939 года окончательно определился профиль Ялтинского музея как краеведческого

музея Южного берега Крыма [25]. В том же году началась перестройка в краеведческий и Феодосийского историко-археологического музея [26].

В конце 1930-х годов завершилось организационное оформление Музея пещерных городов, сделавшего доступными для широкого ознакомления прежде всего местного населения находки, добытые в процессе археологических исследований средневековых памятников нагорья Юго-Западного Крыма [27]. Инициаторами его открытия выступили сотрудники Севастопольского музейного объединения и Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) [28]. Постановлением Крымского СНК от 19 октября 1937 года за музеем была закреплена объявленная заповедной территория расположения пещерных городов и комплексов: Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, Кыз-Куле-Бурун, Качи-Кальон, Сюрень, Мангуп-Кале, Эски-Кермен, «Топшана», «Донатор», «Шулдан», «Челтер», Бакла, Инкерман, Уч-Баш [29]. 13 мая 1938 года данное постановление было дополнено пунктом, по которому заповеднику передавалось пещерное поселение Козу-Кулак-Кая и, в свою очередь, из него исключался участок пещерного комплекса Бакла [30].

В 1938 году Наркомат земледелия Крымской АССР провёл вымежевание территории в 800 гектаров, где находилось девять архитектурно-археологических комплексов. Первоначально музейную экспозицию планировалось разместить в двухэтажном Благовещенском корпусе бывшего Инкерманского монастыря, о чём свидетельствует постановление президиума Севастопольского горсовета от 10 мая 1937 года [31]. Передача помещения затянулась, а в связи с переводом города на особый пограничный режим изменились условия работы музеев. Музей пещерных городов был переведён в Бахчисарай и открылся для посещения 7 декабря 1940 года в бывшей мечети Хан-Джами Бахчисарайского дворца. Отпала необходимость в существовании, надстройке, Севастопольского музейного объединения. В 1940 году оно ликвидируется, а все входившие в него музеи становятся самостоятельными. Произошло разделение общего бюджета Панорамы обороны Севастополя, оставшейся в ведении Крымнаркомпроса, и музея Крымской войны, переданного в июле 1940 года политуправлению Черноморского флота. После реорганизации и пополнения экспонатами из Музея Военно-морского флота (Ленинград) перед севастопольским музеем ставились более широкие задачи. Его экспозиция должна была отражать не только события Крымской войны, но и всю историю Черноморского флота с момента зарождения до современности.

Закономерным в то время становится появление музеев нового типа — историко-революционных, предназначенных воспитывать подрастающее поколение на революционных традициях народа и историческом опыте партии большевиков. В 1932 году с выставки «1905 год» начал свою деятельность Музей революции в Севастополе [32]. В его экспозиции насчитывалось свыше 400 документов, в основном машинописных и фотографических копий, полученных из центральных архивов, музеев и Всесоюзной библиотеки имени Ленина [33].

На заседании 17 декабря 1940 года КрымСНК постановил: «...Имея в виду, что существующая экспозиция Музея Революции отражает исключительно революционную историю Черноморского флота, передать Музей Революции со всей Экспозицией в ведение Управления политической пропаганды Черноморского флота» [34].

В преддверии 15-й годовщины освобождения Крыма от Врангеля 23 августа 1934 года КрымСНК было принято постановление о строительстве художественной панорамы «Взятие Перекопа» [35]. Собранный тремя экспедициями на Перекоп обширный исторический материал (воспоминания участников Гражданской войны, фотоснимки, зарисовки отдельных мест сражений, архивные документы) поступили в учреждённую правительственную комиссию, возглавляемую наркомом просвещения Крымской АССР Р. М. Александровичем. Первоначально панораму намечалось установить в Симферополе, но впоследствии специальным постановлением СНК СССР местом её пребывания была определена Москва.

В 1940 году, когда отмечалось двадцатилетие советизации Крыма, Управление по делам искусств РСФСР предложило КрымСНК перевезти в Симферополь для временного экспонирования в течение одного года находившуюся тогда в Ленинграде панораму «Штурм Перекопа». 4 мая груз, состоявший из панорамы, четырёх диорам: «Битва Первой Конной армии с врангелевцами у села Отрада», «Переход через Сиваш», «Штурм Чонгарского моста», «Битва в Карповой балке («Долине смерти») у Юшуни», а также 80 подготовленных этюдов к ним авторов-художников Г. К. Савицкого, В. П. Ефанова, Н. П. Христенко, Б. В. Иогансона, П. П. Соколова-Скаля, В. В. Крайнева и других, прибыл в столицу Крыма [36]. Спустя месяц по завершении монтажа панорама и диорамы открылись для осмотра в Симферопольской картинной галерее [37].

22 июля 1939 года Керченский горисполком вынес решение обратиться в Крымнаркомпрос с ходатайством о превращении Аджимушкайских каменоломен в историко-революционный музей

героической борьбы партизан с белогвардейцами в 1919 году [38].

Тотальная идеологизация культуры наряду со всем присущим ей негативом имела и некоторые положительные последствия для провинциальных музеев. В соответствии с решениями Первого Всероссийского съезда музейных работников активизируется процесс перестройки экспозиций центральных музеев. Их осевшие в запасниках и неиспользуемые для демонстрации коллекции пополняли, как правило, фонды местных музейных учреждений. К началу 1930-х годов такой своего рода симбиоз из произведений искусства, изъятых из национализированных южнобережных дворцов и дач, а также поступивших из Третьяковской галереи и Русского музея, представляло художественное собрание Центрального краеведческого музея Крымской АССР. Оно состояло из 800 полотен известных русских и зарубежных мастеров живописи, свыше 800 экземпляров фарфора, фаянса, терракоты (с конца XVI в. по советский период) и около 400 предметов из хрусталя, стекла и бронзы венского, французского, русского производства [39].

В 1930 году одно из музейных помещений на улице К. Либкнехта, 35, где размещались археологический, художественный отделы, отдел революции и библиотека, было передано Комуниверситету. Музей вынужден был сосредоточить все свои фонды в одном здании бывшего приюта графини Адлерберг на углу улиц Пушкинской и Гоголевской. В нём не нашлось места для коллекций художественного отдела, и все они оказались сваленными в тесном сарае, что могло повлечь их гибель. Поднимался даже вопрос о целесообразности перевоза этих ценностей в Алушкинский и Ялтинский музеи или Феодосийскую картинную галерею [40]. Пытаясь решить данную проблему, президиум КрымЦИК 22 апреля 1935 года принял постановление о предоставлении Центральному краеведческому музею Крымской АССР под картинную галерею здания клуба Нацмен Запада (бывшего католического костёла) на улице Кирова, 8 [41]. Площадь выделенного помещения дала возможность экспонировать лишь пятую часть всего художественного собрания. С приобретением в 1936 году Симферопольской картинной галереей самостоятельного статуса вновь возник вопрос о поиске достойного помещения для демонстрации всех коллекций. Решением президиума Симферопольского городского совета от 13 сентября 1937 года галерее было возвращено прежнее здание на улице К. Либкнехта, 35 [42]. 7 ноября 1937 года состоялось её торжественное открытие.

Музеефикации объектов в значительной мере способствовало празднование различных памятных

дат. В 1937 году в СССР широко отмечалось столетие со дня смерти А. С. Пушкина. Постановлением президиума КрымЦИК от 4 апреля 1937 года его имя было присвоено Керченскому историко-археологическому музею [43]. Именно с этим юбилеем связано создание, а точнее, воссоздание мемориального музея великого русского поэта в Гурзуфе, ликвидированного в 1924 году. Инициатива его восстановления принадлежала местному колхозу им. Осоавиахима.

8 мая 1936 года президиум КрымЦИК на своём заседании постановил: *«Ходатайство колхозников... о создании в ознаменование 100-летия со дня смерти А. С. Пушкина Дома-музея в доме, где жил в 1820 году великий русский поэт, поддержать. Просить президиум ВЦИК «Домик Пушкина» в Гурзуфе, ныне находящийся в ведении ВОК (Всероссийское объединение курортов. — Авт.) РСФСР и занятый под пансионат, передать в распоряжение Пушкинского комитета при ЦИК Крымской АССР для устройства в нём Дома — музея имени великого поэта»* [44].

Музей А. С. Пушкина в Гурзуфе открылся 1 июля 1938 года [45]. Первоначально основу экспозиции составила демонстрировавшаяся в Центральном краеведческом музее Крымской АССР Всекрымская Пушкинская юбилейная выставка, состоявшая преимущественно из плоскостного фотоиллюстративного материала, размещённого на 70 щитах. Совершенно отсутствовала обстановка и реликвии первой половины XIX века. Дело в том, что накануне передачи дома музею курортное ведомство полностью его опустошило. Научному сотруднику музея Сатирову путём опроса старожилов и личного осмотра корпусов и складов, расположенных рядом санаториев колхозной молодёжи и Рабоче-крестьянской Красной армии удалось разыскать 39 предметов из интерьера Пушкинского домика, в том числе мраморные бюсты античных философов и писателей Демосфена, Сократа, Солона, Вергилия, бронзовый бюст Екатерины II, скульптуру «Скачущий горец», бронзовые часы в оправе Ришелье, два бронзовых семисвечных канделябра, бронзовый столик со знаками зодиака на крышке, две японские вазы, диваны, кресла, картину маслом Фрике «Гора Аю-Даг и Пушкин» и т. д. [46]. Попытки музея при посредничестве Гурзуфского поселкового совета заставить руководителей здравниц безвозмездно вернуть изъятые культурные ценности не увенчались успехом, и их пришлось выкупать по балансовой стоимости.

Таким образом, к 1940 году в Крыму сформировалась разветвлённая музейная сеть. В неё вошли 25 разнопрофильных музеев, сосредоточив-

ших в своих фондах культурные ценности не только местного, но и союзного значения.

В 1930-е годы особую актуальность приобретает проблема кадрового обеспечения музеев, порождённая в значительной мере репрессивными действиями в отношении старой творческой интеллигенции. 13 февраля 1934 года на совещании при отделе культуры и пропаганды Крымского обкома ВКП(б) обсуждался план мероприятий по борьбе с чуждыми элементами в системе Крымнаркомпроса. По итогам его рассмотрения сразу же были сделаны соответствующие оргвыводы. За слабое руководство и допущенное «засорение аппарата классово чуждыми элементами» лишились работы директор Ялтинского объединённого музея Меситский и его заместитель Якуб Кемаль [47]. За слабую перестройку работы был уволен директор Центрального музея Крымской АССР Филонов. С формулировкой «за необеспеченность руководства и допущенные извращения» был освобождён от занимаемой должности директор Бахчисарайского музея У. А. Боданинский. На самом деле извращения состояли в том, что в водной части музейной экспозиции были «особо выпячены» материалы о деятельности национальной партии крымских татар «Милли Фирка» и отсутствовала критика, как тогда выражались, её контрреволюционной сущности [48].

Одними увольнениями дело не ограничилось. 10 июля 1934 года в Днепропетровске при получении визы на выезд с семьёй в Турцию органами НКВД был арестован и направлен в Москву Якуб Кемаль. Пять месяцев продолжалось следствие. 28 декабря 1934 года Особое совещание при НКВД СССР приговорило его к пяти годам лишения свободы за ведение националистической пропаганды и шпионаж в пользу Турции [49]. Наказание он отбывал в Прорвинском исправительно-трудовом лагере в Казахстане.

В 1937 году органами НКВД было сфабриковано дело о контрреволюционной панисламистской шпионско-повстанческой организации, фигурантами по которому проходили и бывшие крымские музейные работники.

12 апреля 1937 года в Баку подвергся аресту находившийся в гостях у родственников археолог и языковед О. Н. Акчокраклы [50]. 27 августа того же года в Тбилиси арестовывается У. А. Боданинский, занимавшийся оформлением одного из домов культуры. После ареста они были этапированы в Симферополь и помещены во внутреннюю тюрьму НКВД Крымской АССР. Сюда же в феврале 1938 года доставили отбывавшего лагерный срок Якуба Кемалья. Основополагающий тезис обвинительного заключения формулировался следующим

образом: «...контрреволюционная пантюркистская и шпионско-террористическая организация, существовавшая в Крыму, ставила задачей насильственное свержение советской власти, отторжение Крыма от СССР и установление буржуазно-националистического строя» [51]. Под него путём измышлений, передёргивания фактов из жизни и деятельности арестованных следователи подвели соответствующую доказательную базу.

Прежде всего им напомнили об участии в крымскотатарском национальном движении периода 1917–1920 годов, в том числе об избрании членами Временного мусульманского исполнительного комитета и Курултая. Английский колледж в Бейруте, который в 1914 году окончил Якуб Кемаль, в протоколе допроса другого обвиняемого по этому делу, А. С. Айвазова, фигурировал не иначе как «школа подготовки английских разведчиков». Командировка Якуба Кемалья и У. А. Боданинского в Турцию в 1918 году по заданию правительства М. А. Сулькевича с целью привлечь в Крым педагогические и музейные кадры трактовалась как факт установления связей с турецкой разведкой. О. Н. Акчокраклы и У. А. Боданинскому вменялось в вину организация по поручению партии «Милли Фирка» музея И. Гаспринского для пропаганды пантюркистских национальных идей, то есть необходимости объединения всех тюрко-татар в единое государство под протекторатом Турции. 17 апреля 1938 года выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР приговорила О. Н. Акчокраклы и У. А. Боданинского к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего личного имущества [53]. В тот же день приговор был приведён в исполнение. Дело по обвинению Якуба Кемалья пришлось закрыть, так как 12 сентября 1938 года тюремный врач констатировал его смерть, последовавшую от склероза сердца [54].

25 января постановлением бюро Крымского обкома ВКП(б) за бездействие, приведшее к развалу работы Бахчисарайского музея, лишился директорского поста В. Л. Дашевский [55]. 18 февраля он уже оказался в симферопольской тюрьме по обвинению ещё и в принадлежности к троцкистской террористической организации. На суде В. Л. Дашевский это обвинение полностью отрицал, но признался только в обмане партии, выразившимся в приписке себе лишних двух лет партстажа и сокрытии своей национальности. 8 января 1938 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к пяти годам тюремного заключения [56].

Такое же довольно стандартное обвинение — участие в троцкистской организации, правда окрашенной в национальный, латышский оттенок, —

было предъявлено директору Алушкинского дворца-музея Я. П. Бирзгалу, арестованному 2 января 1938 года [57]. На момент ареста никаких убедительных компрометирующих материалов на него не имелось. Они фальсифицировались по ходу дела. Следователь прежде всего стремился доказать связь Я. П. Бирзгала с расстрелянными врагами народа троцкистом Ю. П. Гавеном и националистом Вели Ибраимовым, а также «разоблачённым» ранее органами НКВД латышским обществом «Прометей», по заданию которого он рисовал картины. Необходимое признание было в буквальном смысле слова выбито из подсудимого. Однако на допросе 20 июля 1939 года Я. П. Бирзгал заявил: «Данные мною показания 11 и 13 февраля 1938 года о якобы моей принадлежности к контрреволюционной национальной латышской организации не соответствуют действительности. Они были даны в результате применения ко мне незаконных методов ведения следствия» [58]. Приход в ноябре 1938 года к руководству НКВД СССР вместо Н. Н. Ежова Л. П. Берии обусловил кадровую чистку карательного ведомства. Некоторые одиозные следователи сами оказались в тюремных застенках, а дела, которые они вели, подверглись пересмотру. 9 сентября 1939 года дело по обвинению Я. П. Бирзгала ввиду отсутствия достаточных данных для предания его суду было производством прекращено, а он сам освобожден из-под стражи после двадцатимесячного заключения.

Почти пятнадцать месяцев, с 25 февраля 1938 по 10 мая 1939 года, за свои в прошлом меньшевистские идеологические воззрения пришлось провести в симферопольской тюрьме одному из организаторов музейного строительства в Крыму А. И. Полканову [59]. Жертвой политических репрессий стал научный сотрудник Центрального краеведческого музея Крымской АССР Н. Л. Эрнст, арестованный 15 февраля 1938 года как немецкий шпион. Два года длилось следствие с применением методов физического и психологического воздействия, прежде чем от него добились нужных показаний о том, что он в 1911 году, будучи студентом Берлинского университета, был завербован германской разведкой. Дело в том, что при подготовке докторской диссертации «Отношение Москвы к крымским татарам при Иване III и Василии III» Н. Л. Эрнсту понадобилась карта нижнего течения реки Днепр. Научный руководитель профессор Шиман порекомендовал ему обратиться за ней в общедоступную библиотеку Академии германского Генерального штаба. Данный факт интерпретировался следователем как специальное изучение военных топографических карт Крыма и свидетельство о прямой возможности

связи с немецкой разведкой. Шпионская деятельность, согласно протоколам допросов, выражалась в сборе и передаче с использованием даже специального шифра сведений о рельефе Крыма и его топографии, промышленном строительстве, экономике и объектах военного назначения, а также в проведении фашистской германофильской пропаганды, то есть популяризации теории о крымских готах [60]. Впоследствии Н. Л. Эрнст от своих показаний отказался. Тем не менее постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 21 сентября 1940 года он как «социально опасный элемент» был осуждён на восемь лет заключения в исправительно-трудовом лагере, считая срок с момента ареста.

Для идеологического линчевания деятелей культуры широко использовалась периодическая печать. В газете Крымского обкома ВКП(б) «Красный Крым» от 28 июня 1937 года была помещена заметка «Враждебные дела в Херсонесском музее», в которой сообщалось: *«В некоторых музеях Крыма до сих пор стоит затхлая атмосфера. Враги троцкисты и буржуазные националисты, пользуясь беспечностью партийных руководителей, немало навредили на этом участке...Троцкисты, их пособники использовали в своих целях и известный Херсонесский музей. В частности в музее работал директором враг народа Гриневич. До года все музеи Севастополя возглавлял ныне разоблачённый враг — Даян, который грубо извращал марксистско-ленинские принципы...»* [61].

30 июля 1938 года севастопольская газета «Маяк Коммуны» опубликовала отзыв руководителя кружка по изучению истории СССР при горкоме ВКП(б) о посещении Херсонесского музея, в котором его научный сотрудник А. К. Тахтай, проводивший экскурсию, был назван сомнительным лектором, *«пытающимся выхолостить политическое содержание раскопок и материалов, собранных в музее»* [62]. «Для начала заглянем в Ялтинский музей, — писала 8 января 1939 года газета «Красный Крым». — *Все экспонаты музея в течение всего лета скромно ютились в трёх комнатах нижнего этажа бывшего дворца эмира Бухарского. И чего только не натаскано было в эти комнаты. Роскошные бухарские ковры, вычурные китайские фарфоровые безделушки, неуклюжий гарнитур мебели... Посетитель музея имел удовольствие созерцать аляповатые, безвкусовые портреты всей династии эмиров... Очередной директор Ялтинского музея тов. Пейсахович принял музей совершенно разорённый врагами народа...»* [63].

Таким образом, к концу 30-х годов XX века музейеведы старшего поколения оказались, что называется, не у дел, а молодые кадры ещё не вполне

сформировались, что не могло не наложить свой отпечаток на все виды музейной работы.

Сохранившиеся в фондах Госархива Республики Крым докладные записки представителей музейного отдела Наркомпроса РСФСР, обследовавших в 1930-е годы крымские музеи, годовые отчёты о работе крымских музеев самого Крымнаркомпроса, свидетельствуют о наличии существенных проблем в музейном строительстве того времени. Прежде всего указывалось на совершенно не отвечающее потребностям музеев финансирование, не позволявшее развивать их материальную базу. Почти все музеи финансировались либо из городского, либо из районного бюджета. Исключение составляли лишь Бахчисарайский музей, состоявший на бюджете Крымской АССР, и Херсонесский музей, финансируемый из бюджета РСФСР [64].

В протоколе заседания президиума Евпаторийского райисполкома от 27 января 1933 года констатировалось: *«...установленную контрольную цифру по местному бюджету на 1933 г. в сумме 12 600 рублей считать совершенно не обеспечивающей содержание музея и открытых в разных частях города и отдельных зданиях двух самостоятельных отделений музея — отделения экономики края и антирелигиозного»* [65].

По смете 1937 года на научную работу и пополнение экспозиции Центральному краеведческому музею Крымской АССР было утверждено всего 7 тыс. рублей, а Ялтинскому — до 1 тыс. рублей [66].

В письме ГАИМК в Наркомпрос РСФСР от 2 января 1937 года сообщалось: *«...положение, в котором находится сейчас Керченский музей, совершенно не соответствует тому значению, которое он имеет и тем задачам, которые перед ним стоят... с 1930 г. музей был переведён на местный бюджет Керченского горсовета, и рост материальной базы в связи с этим совершенно приостановился, что поставило Керченский музей в исключительно трудные условия и лишило его возможности стать крупным историческим музеем на юге СССР. Совершенно недостаточны в количественном отношении научные и технические кадры музея, музей абсолютно лишён возможности обновить и расширить своё оборудование, музей не имеет транспортных средств, ведя охрану обширной территории, насыщенной археологическими памятниками. Музей не имеет возможности экспонировать замечательные памятники, которыми он обладает...Более того, например, ценнейшие античные скульптурные рельефы, первоклассные архитектурные фрагменты, мраморные саркофаги... лежат и фактически гибнут под открытым небом на так наз. [ываемом] «Царском кургане», куда они были свезены ещё в до-*

революционное время вследствие преступного недомыслия чиновников царской Археологической комиссии...» [67].

Лишь в 1940 году из государственного бюджета Керченскому музею было выделено 100 тысяч рублей на строительство лапидария, которое фактически оказалось сорванным ввиду отсутствия качественной древесины [68].

Следовало также учитывать и то обстоятельство, что некоторые музейные здания сами по себе являлись замечательными памятниками архитектуры и требовали необходимого поддержания.

В докладной записке, датированной 20 сентября 1934 года, директор Бахчисарайского дворца-музея Б. И. Файков информировал председателя КрымСНК А. А. Самедина: «...Только в 1937 г. посетило Бахчисарайский дворец-музей свыше 10 000 человек, из них огромный процент составляют ударники-рабочие из промышленных центров нашего Союза, колхозники, а также и представители Центральной власти и высший начальный состав Красной Армии. Особенно характерным является то, что большинство иностранцев, приезжающих в СССР, специально приезжают в Бахчисарай для осмотра дворца. Почти все посетители оставляют в книге записи впечатлений сожаление по поводу плачевного состояния, в котором находится дворец-музей и прилегающие к нему памятники. Товарищи Молотов, Блюхер и др. при посещении дворца-музея вынесли неудовлетворительное впечатление состоянием Бахчисарайского дворца-музея...» [69].

Визит высокопоставленных посетителей, по видимому, возымел действие. В 1935 году СНК РСФСР выделил на реставрацию Бахчисарайского дворца 100 тысяч рублей [70]. Реставрационные работы, производившиеся под руководством архитектора П. И. Голландского, в основном свелись к починке черепичной крыши, оштукатуриванию и побелке стен. Причём ошибочное стремление восстановить дворец только в стиле одной эпохи, хотя он существенно изменялся на протяжении двух веков, привело к тому, что многие росписи, представлявшие художественные наслоения поздних лет и придававшие зданию восточный колорит, оказались либо полностью уничтоженными, либо погребёнными под толстым слоем извести.

Само дворцовое здание нуждалось в капитальном ремонте, что нашло отражение в составленном в ноябре 1937 года комиссией Комитета по делам искусств при СНК СССР акте об аварийном состоянии музея [71].

Давно назрела необходимость проведения капитального ремонта Алушкинского дворца. След-

ствие оползней здание во многих местах дало неравномерную осадку, приведшую к появлению трещин на стенах и потолках, к осыпанию штукатурки, а в Голубой гостиной — лепных украшений. Протекание крыши создавало угрозу порчи музейных экспонатов. Стоимость ремонтных работ согласно акту технического осмотра здания музея, составленного 5 октября 1935 года, определялась в сумму 206 908 рублей [72]. Финансирование же осуществлялось частями, вследствие чего ремонт растянулся на ряд лет. Отсутствие необходимых строительных материалов, а также практика выделения средств в конце года не давали возможности использовать их в полном объёме. Так, в 1938 году из ассигнованных 8000 рублей были освоены 5274 рубля, а в 1939-м из 35 000 рублей только 20 015 [73].

Ограниченность экспозиционных площадей не давала возможности в должной мере представить всё богатство коллекций, которыми располагали крымские музеи. Из находившихся на хранении в Центральном краеведческом музее Крымской АССР в 1937 году 145 000 экспонатов в экспозиции всего было выставлено 23 500 предметов [74]. Музей революции в Севастополе ввиду отсутствия собственного помещения занимал совершенно непригодные комнаты в подвальном этаже музея Крымской войны. В связи с вынужденной передачей в 1938 году Ялтинскому горкому ВКП(б) одного из музейных зданий на улице Гоголя, 10, Ялтинскому музею довелось полностью свернуть экспозицию Восточного музея как не относящуюся к прошлому местного края. Вместо неё в бывшем дворце эмира Бухарского заново были развёрнуты отделы природы и древней истории Южного берега Крыма, а также выставка по истории города Ялты за 100 лет. Изъятие здания создало немало трудностей для нормального хранения музейного имущества, так как ряд экспонатов пришлось складировать где попало за отсутствием места в фондах. Только благодаря вмешательству Наркомпроса РСФСР удалось пресечь попытки первого секретаря Евпаторийского райкома ВКП(б) Милюкова переселить Евпаторийский краеведческий музей в непригодное здание бывшей мечети из занимаемого им бывшего купеческого особняка Ю. М. Гелеловича, который планировалось передать под родильный дом.

В отчёте о работе Алуштинского краеведческого музея за 1939 год указывалось: «Музей остался в тех же пяти маленьких комнатах, нет двора, сарая, негде хранить музейное имущество... Экспозиции основных двух отделов — природы и социалистического строительства — и небольшого вводного отдела размещены в четырёх комнатах. В пятой комнате проводится вся текущая работа

музея, подготовка и ремонт экспонатов для экспонирования, оформление... выставок, здесь же хранятся фонды музея...» [75].

Решения Первого Всероссийского съезда музейных работников, а также последующие правительственные постановления не могли не отразиться на экспозиционной деятельности музеев. 11 февраля 1936 года заместителем наркома просвещения РСФСР Н. К. Крупской было утверждено «Типовое положение о местных музеях, краевых (областных) и районных, состоящих на местном бюджете».

Главным критерием ценности экспозиции становится её политическое содержание, на что в первую очередь обращалось внимание и в ходе проведённой в 1937 году Наркомпросом РСФСР проверки работы крымских музеев. Так, недостатками Музея революции в Севастополе являлись бедность экспозиции, которая представляла собой фактически только выставку, посвящённую восстаниям на броненосце «Потёмкин» и крейсере «Очаков»; обилие цитат и этикетаж, компенсировавших отсутствие объёмных экспонатов. Музей Крымской войны был признан аполитичным, не раскрывающим суть колониальной политики царской России. Кроме того, нуждались в реставрации выставленные в нём оружие, одежда на манекенах и подлинные картины Ф. А. Рубо и И. К. Айвазовского. Осмотр единственного несвёрнутого в связи с ремонтом отдела природы Центрального краеведческого музея Крымской АССР натолкнул инспектора музейного отдела Наркомпроса РСФСР К. А. Врочинскую на мысль о том, что его так такового, построенного по определённому тематическому и экспозиционному плану фактически нет, а есть лишь склад богатейших коллекций.

Довольно-таки нелестного отзыва в её отчёте удостоился Херсонесский историко-археологический музей: «Музей находится в состоянии развала, обстановка нездоровая, склочность не изжита. Кадры музея по-прежнему засорены. Руководство научной работой отсутствует. Массовая политико-просветительная... работа музеем не проводится. В экспозиции музея отсутствует политическая заостренность, историческая последовательность, хронология не соблюдается» [76].

Такая на первый взгляд общая неблагоприятная картина состояния осмотренных музеев не могла полностью перечеркнуть положительные моменты их деятельности. Коренная перестройка экспозиции произошла в сельскохозяйственном музее при Центральном доме крестьянина в Симферополе. Если ранее он был просто складом, где отсутствовала какая-либо методическая установка и где основное внимание зрителя привлекали всякие «уродства»

вроде заспиртованного двухголового телёнка и других подобных редкостей, то затем в нём появилось много ценного материала в области агротехники, ветеринарии, садоводства, плодоводства и табаководства. Феодосийский краеведческий музей, чтобы сделать свою экспозицию более доходчивой для посетителей, разнообразил её картинами и рисунками Н. С. Барсамова, отображающими историю города [77]. Пушкинскому музею в Гурзуфе за счёт приобретения новых экспонатов удалось не только расширить существующую экспозицию, но и открыть новый раздел «Пушкин в СССР».

Реэкспозиция музеев требовала широкого развития научно-исследовательской и собирательской работы. В 1936 году научная экспедиция Алушкинского дворца-музея занималась сбором фольклора татар Южного берега Крыма и выявлением сказителей. Результатом этой работы стало издание первого сборника сказок и легенд татар Крыма [78]. В том же году под руководством заведующего археологическим отделом Центрального краеведческого музея Крымской АССР Н. Л. Эрнста проводились раскопки средневекового греческого могильника у деревни Кучук-Кой Ялтинского района, трёх курганов у деревни Кара-Кият Симферопольского района и палеолитической стоянки Чокурча близ Симферополя. Научный сотрудник того же музея Аббасов, разрабатывая тему «Кустарные промыслы в Крымском ханстве», принял участие в экспедиции в деревне Биюк-Узенбаш Бахчисарайского района в целях изучения старого татарского быта и наречий крымскотатарского языка, а сотрудники историко-революционного отдела в Алуштинском районе исследовали обстоятельства расстрела членов правительства Республики Тавриды в 1918 года. Центральный антирелигиозный музей Крымской АССР совместно с Обществом по изучению Крыма принимал участие в археологических раскопках таврских поселений. Обнаруженные материалы после их научной обработки дополнили экспозицию отдела доклассового общества. В 1939 году научный сотрудник Алуштинского краеведческого музея Н. Ф. Полишук в составе бригады Крымрудуправления под руководством профессора П. А. Двойченко участвовал в разведке Шархинского месторождения каменного угля в Алуштинском районе.

Наиболее широкие экспедиционные работы велись в области археологии. С 1931 по 1940 год систематическими раскопками северной части Херсонеса, вскрывшими античные и средневековые городские кварталы с развалинами жилых домов, хозяйственных построек, цистерны, базилику VI века, некрополь, руководил научный сотрудник Херсонесского историко-археологического музея Г. Д. Белов [79].

В 1936 году в состав Херсонесской экспедиции вошли научный сотрудник музея А. К. Тахтаи и аспирант ГАИМК С. Ф. Стржелецкий.

Раскопки 1931 года Керченского историко-археологического музея на горе Митридат позволили обнаружить оборонительные стены античного города Пантикапея [80]. В связи с развернувшимся строительством железорудного металлургического комбината археологические изыскания были перенесены в район посёлка Камыш-Бурун. В 1933 году начала свою деятельность многолетняя Боспорская экспедиция ГАИМК и Керченского музея под руководством В. Ф. Гайдукевича. Она сосредоточилась на исследованиях древних городищ Тиритаки, Мирмекия, Нимфея. В 1938 году Керченский отряд Боспорской экспедиции в составе Ю. Ю. Марти, А. Ю. Марти, Кивокурцева и А. А. Шевелёва, работавший на Тиритаке, под фундаментом раннехристианского храма открыл рыбозасолочные ванны II века н. э. и хорошо сохранившуюся большую винодельню, состоявшую из трёх площадок, на которых давили виноград, и трёх бассейнов, куда по отливам стекал виноградный сок. В том же году Севастопольское музейное объединение организовало археологическую экспедицию на Мангуп. В ней приняли участие научные сотрудники Государственного исторического музея (Москва) Е. В. Веймарн, ГАИМК — А. Л. Якобсон и М. А. Тиханова. Экспедиция произвела зачистки раскопок Р. Х. Лепера 1912–1913 годов на месте базилики и «Дворца», пещерных сооружений на мысе Тешкли-Бурун, а также разведки в районе оборонительных стен, прикрывавших овраги Капу-Дере и Табана-Дере [81].

В это же время активизируется работа музеев по выявлению и паспортизации памятников старины, революционного движения и искусства. В 1935–1937 годах экспедиция Алушкинского дворца-музея в составе Я. П. Бирзгала, Н. Л. Эрнста, С. Д. Кацюбинского в связи с составлением археологической карты Южного берега Крыма провела обследование и учёт памятников от мыса Айя (у Балаклавы) до Алушты [82]. Помимо описания, производились обмеры, фотографирование, зарисовки, составлялись топографические планы. В 1936 году сотрудники Керченского историко-археологического музея К. Н. Никохристо и А. Ю. Марти в ходе разведочной экспедиции нанесли на карту и составили планы и описания одиннадцати античных поселений в районе древнего городища Китея и семи — вдоль первого оборонительного вала [83].

В 1939 году находившийся на отдыхе заместитель директора этого же музея Ю. Ю. Марти оказал помощь местному краеведческому музею в обследовании и составлении кратких характеристик исто-

рических памятников Алушты. В том же году Феодосийский краеведческий музей завершил описание археологических памятников Феодосии, Старого Крыма, Судака [84].

Значительное место в деятельности музеев отводилось проведению выставок, которые приурочивались к юбилейным датам и общественно-политическим кампаниям. В 1936 году состоялись 35 таких выставок. Музеями практиковались как обмен выставками, так и организация совместных выставок. В 1938 году в Ялтинском музее экспонировалась московская выставка народных художественных ремёсел [85]. В 1939 году в Керченском музее прошла выставка «Крымская война», подготовленная совместно с севастопольским музеем Крымской войны.

4 августа 1940 года газета «Красный Крым» сообщила: «В начале августа в Алушкинском дворце-музее открывается выставка советской живописи, организованная дворцом-музеем совместно с Симферопольской картинной галереей. На выставке будут показаны картины московских и крымских художников Богаевского, Самокиша, Гауша, Барсамова Бирзгала, Соколова Покаржевского, Савицкого, Рыбченко, Пичугина» [86].

Почти в то же время в Феодосийской картинной галерее открылась выставка русской живописи конца XIX — начала XX века (полотна И. И. Левитана, В. А. Серова, В. Д. Поленова, К. А. Коровина, К. Ф. Юона, Б. М. Кустодиева, И. И. Шишкина, И. И. Бродского) из собрания Симферопольской картинной галереи [87].

Рост культурных запросов населения сказался на посещаемости музеев. В 1936 году Центральный краеведческий музей Крымской АССР посетил 18 343 человека, музей Севастопольского музейного объединения — 343 332 человека, Ялтинский музей — 102 500 человек, Феодосийский историко-археологический музей — 16 092 человека, Евпаторийский краеведческий музей — 25 128 человек [88]. В 1939 году в связи с переводом Севастополя на особый режим сократилась посещаемость музеев города из-за оттока курортников и населения Крыма, проживавшего вне пограничной зоны. Для улучшения политико-просветительной работы было решено к проведению организованных экскурсий привлекать научных сотрудников музеев. Одиночные посетители имели возможность ознакомиться с музейными экспозициями с помощью изданных справочников, таких как «Музей и раскопки Херсонеса. Путеводитель» (1936) Г. Д. Белова, «Краткий путеводитель по античному отделу и раскопкам Херсонеса» (1939) В. Лисина, «Краткий путеводитель по феодальному отделу Херсонес-

ского музея» (1939) А. Тахтая, «Путеводитель по Керченскому историко-археологическому музею» (1937) Ю. Марти.

Активными посетителями музеев были школьники. 24 июня 1938 года Наркомпрос РСФСР издал инструкцию «Об укреплении работы и связи музеев со школами». Музеи осуществляли инструктирование преподавателей школ по проведению ими музейных экскурсий со своими учащимися. Занятия проходили в виде чтения циклов лекций и организации показательных экскурсий как в музеях, так и по памятным местам.

Большую работу в этом плане проводили музеи Керчи. В 1936 году Керченским историко-археологическим музеем при участии школьников были обследованы Аджимушкайские каменоломни — операционная база красных партизан в 1919 году и турецкая крепость Еникале с составлением планов и изготовлением фотоснимков [89]. Кружок

юных краеведов функционировал при Керченском краеведческом музее. В 1939 году были организованы кружки юных натуралистов и археологов при Алуштинском краеведческом музее [90].

Таким образом, в 1930-е годы коренным образом меняются основные направления деятельности музеев. В условиях усиления административного и идеологического давления они превращаются из культурно-образовательных центров в агитационные учреждения. Главным критерием экспозиции является не столько её историческое или художественное достоинство, сколько политическое содержание. На развитии музейного дела в Крыму, как и по всей стране, отрицательно сказались репрессии в отношении старых квалифицированных музейных кадров. Однако, несмотря на эти негативные моменты, музеи сыграли важную роль в сохранении культурных ценностей и приобщении к ним жителей и гостей Крыма.

1. Андросов С. А. Деятельность Центрального музея Крымской АССР в 1930-е годы // VII Таврические научные чтения. — Ч. 1. — Симферополь. — 2007. — С. 8–18 ; Петренко Л. В. Музей, который был (Восточный музей г. Ялты) // X Дмитриевские чтения. История Южного берега Крыма : сб. науч. ст. — Симферополь : Антиква, 2008. — С. 103–105.

2. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. Р-663, оп. 6, д. 104, л. 3–4.

3. Там же, л. 8–10.

4. Там же, оп. 8, д. 12, л. 14–16.

5. Там же, ф. Р-20, оп. 7, д. 1, л. 13–13 об.

6. Там же, л. 1.

7. Там же, д. 5, л. 276; ф. П-1, оп. 1, д. 1589, л. 55 об.

8. Там же, ф. Р-663, оп. 8, д. 4, л. 100.

9. Там же, ф. Р-20, оп. 7, д. 4, л. 18.

10. Там же, д. 14, л. 15.

11. Маяк Коммуны. — 1930. — 24 мая.

12. ГАРК, ф. Р-219, оп. 1, д. 1812, л. 29.

13. Там же, ф. Р-663, оп. 5, д. 101, л. 3.

14. Маяк Коммуны. — 1938. — 16 февр.

15. ГАРК, ф. Р-663, оп. 3, д. 439, л. 305.

16. Там же, д. 26, л. 5.

17. Там же, оп. 4, д. 1045, л. 30.

18. Там же, оп. 5, д. 101, л. 3.

19. Там же, ф. Р-652, оп. 15, д. 12, л. 63.

20. Там же, ф. Р-20, оп. 7, д. 5, л. 157.

21. Там же, д. 15, л. 49.

22. Там же, д. 1, л. 35.

23. Там же, ф. Р-663, оп. 6, д. 356, л. 112.

24. Там же, ф. П-35, оп. 1, д. 153, л. 20.

25. Там же, ф. Р-20, оп. 7, д. 15, л. 15.

26. Там же, д. 5, л. 243.

27. Андросов С. А. Охрана памятников истории и культуры Крыма в конце 1920-х — 1930-е годы // VI Таврические научные чтения : сб. материалов. — Симферополь, 2006. — С. 20–21.

28. Маяк Коммуны. — 1936. — 4 июля.

29. ГАРК, ф. Р-652, оп. 10, д. 141, л. 206.

30. Там же, оп. 11, д. 18, л. 14.

31. Там же, оп. 10, д. 58, л. 213.

32. Там же, ф. Р-219, оп. 1, д. 1775, л. 22.

33. Там же, ф. Р-20, оп. 7, д. 15, л. 47.

34. Там же, д. 1, л. 69.

35. Там же, ф. Р-652, оп. 7, д. 91, л. 1.

36. Красный Крым. — 1940. — 6 мая.

37. ГАРК, ф. Р-652, оп. 15, д. 576, л. 58.

38. Там же, ф. Р-20, оп. 7, д. 4, л. 48.

39. Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 1812, л. 82.

40. Там же, ф. Р-663, оп. 4, д. 492, л. 1.

41. Там же, оп. 7, д. 7, л. 9; д. 112, л. 2.

42. Там же, оп. 9, д. 730, л. 430.

43. Там же, д. 8, л. 10.

44. Там же, оп. 8, д. 108, л. 22.

45. Там же, ф. Р-20, оп. 7, д. 5, л. 179.

46. Там же, л. 110–110 об. ; ф. Р-652, оп. 15, д. 12, л. 29.

47. Там же, ф. П-1, оп. 1, д. 1363, л. 2.

48. Архив Управления Федеральной службы безопасности по Республике Крым и городу Севастополю (УФСБ по РК и Севастополю), д. 19442, л. 21 об.

49. УФСБ по РК и Севастополю, д. 012047, л. 158 ; ГАРК, ф. Р-4808, оп. 1, д. 0107142, л. 276.

50. УФСБ по РК и Севастополю, д. 19393, л. 16.

51. Там же, д. 19442.

52. ГАРК, ф. Р-4808, оп. 1, д. 010714а, л. 60.

53. УФСБ по РК и Севастополю, д. 19393, л. 154.

54. УФСБ по РК и Севастополю, д. 012047, л. 155, 157.
55. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 1746, л. 44–45; д. 1761, л. 122.
56. УФСБ по РК и Севастополю, д. 021167, л. 160.
57. Там же, д. 011255, л. 94.
58. Там же, л. 48.
59. ГАРК, ф. Р-4808, оп. 1, д. 03003, л. 1, 84; ф. Р-3814, оп. 1, д. 562, л. 1.
60. УФСБ по РК и Севастополю, д. 010598, т. 3, л. 238.
61. ГАРК, ф. Р-652, оп. 10, д. 36, л. 94.
62. Маяк Коммуны. — 1938. — 30 июля.
63. Красный Крым. — 1939. — 8 янв.
64. ГАРК, ф. Р-20, оп. 7, д. 5, л. 277.
65. Там же, ф. Р-663, оп. 5, д. 101, л. 2.
66. Там же, ф. Р-20, оп. 7, д. 5, л. 277.
67. Там же, ф. Р-652, оп. 10, д. 205, л. 125.
68. Там же, ф. Р-2055, оп. 4, д. 36, л. 32.
69. Там же, ф. Р-663, оп. 6, д. 104, л. 13.
70. Там же, ф. Р-663, оп. 7, д. 111, л. 3.
71. Красный Крым. — 1940. — 21 авг.
72. ГАРК, ф. Р-3076, оп. 1, д. 21а, л. 3 об.
73. Там же, д. 28, л. 176–176 об.; д. 31, л. 42 об.
74. ГАРК, ф. Р-663, оп. 16, д. 129, л. 10.
75. Там же, ф. Р-20, оп. 7, д. 15, л. 41.
76. Там же, ф. Р-663, оп. 16, д. 129, л. 21.
77. Там же, ф. Р-20, оп. 7, д. 15, л. 7.
78. Там же, л. 278.
79. Белов Г. Д. Раскопки Херсонеса в 1934 г. : отчёт. — Симферополь : Госиздат. Крымской АССР. — Симферополь, 1936 ; *Он же*. Отчёт о раскопках Херсонеса за 1935–36 гг. — Симферополь : Госиздат. Крымской АССР, 1938 ; Маяк Коммуны. — 1936. — 6 авг.
80. ГАРК, ф. Р-663, оп. 6, д. 356, л. 112.
81. Там же, ф. Р-20, оп. 7, д. 5, л. 154–155.
82. Там же, ф. Р-3283, оп. 1, д. 25, л. 2.
83. Там же, ф. Р-20, оп. 7, д. 5, л. 281.
84. Там же, л. 244–244 об.
85. Там же, д. 4, л. 168.
86. Красный Крым. — 1940. — 22 мая.
87. Там же. — 1940. — 10 авг.
88. ГАРК, ф. Р-20, оп. 7, д. 5, л. 282–283.
89. Там же, д. 5, л. 281.
90. Там же, д. 15, л. 42.

А. Д. Попов

Эволюция туристского сервиса в Крыму: страницы истории (1945–1991 гг.)

В последние годы на постсоветском пространстве, как и в странах Запада, значительный интерес исследователей привлекают вопросы становления и развития социокультурного сервиса. Так, в 2007 году коллективом московских авторов было издано учебное пособие «Введение в специальность: история сервиса», где впервые была концептуально рассмотрена эволюция отечественного сервиса с ретроспективной характеристикой самого широкого спектра услуг — от ресторанного бизнеса до похоронного дела. В частности, на страницах этого издания присутствует информация о туристском сервисе в СССР послевоенной эпохи [1, с. 333–340], однако исключительно на материале иностранного въездного туризма. Между тем в Советском Союзе внутренний туризм по своим масштабам намного превосходил международный. Поэтому для создания целостной картины истории туристского сервиса в СССР актуальным представляется ретроспективный анализ процесса предоставления туристских услуг именно для советских граждан. В данной статье это будет сделано на примере Крыма, который на протяжении всего периода существования Советского Союза являлся одним из наиболее популярных туристско-рекреационных регионов.

Накануне Великой Отечественной войны и в первые послевоенные десятилетия развитием внутреннего туризма в регионе занималось Крымское туристско-экскурсионное управление (КрымТЭУ) ВЦСПС [2]. С 1962 года оно было реорганизовано в Крымский областной совет по туризму (КОСТ), который на рубеже 1960–1970-х годов получил новое название — Крымский областной совет по туризму и экскурсиям (КОСТЭ). При этом КОСТЭ находился в прямом подчинении Украинского республиканского совета по туризму и экскурсиям (УкрРСТЭ), который в свою очередь подчинялся Центральному совету по туризму и экскурсиям (ЦСТЭ) ВЦСПС.

Туристско-экскурсионное управление ВЦСПС возобновило свою работу в апреле 1945 года, ещё до окончания Великой Отечественной войны. Первостепенное внимание решено было обратить на возрождение туристско-экскурсионного дела в Москве и Московской области, Ленинграде и Ленинградской области, Грузинской ССР, Краснодарском крае и на Северном Кавказе, а также в Крыму. Для этого ТЭУ ВЦСПС должно было организовать деятельность в следующих направлениях:

1) восстановление инфраструктуры (ремонт домов туриста, подготовка необходимого инвентаря, организация подсобных хозяйств для снабжения туристов продовольствием);

2) методическая подготовка к туристско-экскурсионной работе (уточнение маршрутов, определение новых экскурсионных объектов, разработка материалов для проведения экскурсий);

3) подбор и подготовка кадров как для туристско-экскурсионной, так и для административно-хозяйственной работы [3, л. 4–5].

Для реализации этих задач в Крыму создаётся ТЭУ ВЦСПС по Крымской области, которому в 1945 году было выделено 24,4 тыс. руб. на административно-управленческие расходы (в том числе зарплата на 11 штатных единиц), а также 15 тыс. руб. для приобретения различного инвентаря [4, л. 1–3].

12 апреля 1946 года директором КрымТЭУ было утверждено «Положение о домах туриста, туристских лагерях и туристско-экскурсионных бюро», в котором их главной задачей называлось «ознакомление трудящихся с героикой Великой Отечественной войны, социалистическим строительством... ростом культуры народов СССР, экономикой, географией, природными богатствами страны...» [5, л. 1–1об.].

Уже к 1946 году в Крыму была возобновлена деятельность Алушкинского, Алуштинского, Симфе-

ропольского и Ялтинского домов туриста (вскоре в официальных документах они вновь стали именоваться турбазами). Для этого пришлось вернуть часть земельных участков и зданий, которые до июня 1941 года принадлежали КрымТЭУ, однако после начала Великой Отечественной войны были переданы Управлению госпиталями ВЦСПС. Кроме того, в Алушке и Ялте начали функционировать экскурсионные бюро [4, л. 4–5].

Примечательно, что в условиях сложной продовольственной ситуации на протяжении 1945–1946 годов дома туриста Крыма и Краснодарского края обеспечивали туристов только местом для ночлега, экскурсионной и культурно-массовой программой. Что же касалось питания, то туристы вынуждены были самостоятельно покупать продукты и готовить пищу, а в функции домов туриста входило лишь предоставление им для этого кипячёной воды, кухонной и столовой посуды. Кроме того, относительно небольшое количество плановых туристов в первые послевоенные годы позволяло за определённую плату организовывать размещение в домах туриста практически всех желающих — участников спортивных соревнований, учебных курсов и научных конференций, членов гастролирующих творческих коллективов [6, л. 5].

О роли Крымского региона в планах организаторов туристско-экскурсионного дела в Советском Союзе можно судить по данным таблицы 1.

К 1950 году в Крыму уже действовало семь турбаз общей вместимостью около 700 человек. Они располагались в Алуште (150 мест), Алушке (40 мест),

на Ай-Петри (30 мест), в Бахчисарае (60 мест), Симферополе (100 мест), Соколином (40 мест) и Ялте (300 мест). Впрочем, практически все они (за исключением Симферопольской турбазы) имели сезонный, а не круглогодичный характер работы. Оборудование их было весьма примитивным. Например, в 1950 году Соколинская турбаза всё ещё не была электрифицирована, здесь отсутствовали душевые, спортплощадка, радиоприемник и другие «блага цивилизации» [8, л. 5].

К середине 1950-х годов появилась новая турбаза на Чёрной речке (50 мест), а общее количество мест на турбазах Крыма достигло 1110. Однако этот рост достигался не столько за счёт постройки капитальных зданий, сколько за счёт развёртывания на территориях турбаз сезонных палаточных лагерей, в которых и приходилось ночевать значительной части туристов (в 1956 году в таких палатках размещалось до 60% плановых туристов). Турбазы, находившиеся вдали от моря (Ай-Петринская, Бахчисарайская, Соколинская, Чернореченская), считались учебно-тренировочными. Посещавшие их туристы участвовали в специальных занятиях, необходимых для получения значка «Турист СССР» [9, л. 17].

В то же время уже в 1950 году на совещании руководящих работников КрымТЭУ был поставлен вопрос о создании условий для размещения на турбазах самостоятельных туристов, приезжавших в Крым на собственном автотранспорте. Для этих целей предлагалось оборудовать гаражи, стоянки и мастерские непосредственно на территории существующих турбаз [10, л. 10].

Пребывание плановых и самостоятельных туристов на всех турбазах страны, находившихся в ведении ТЭУ ВЦСПС, строго регламентировалось «Правилами внутреннего распорядка», условия которых были довольно суровыми. Например, «Правила» образца 1954 года категорически запрещали туристам:

- 1) появляться в столовой, туристском кабинете или других местах общего пользования в трусах и майках, пижамах, халатах;
- 2) выносить из комнат и палаток мебель, постельные принадлежности;
- 3) разводить костры вне отведённых для этого мест;
- 4) нарушать покой отдыхающих в часы послеобеденного отдыха, а также после вечернего отбоя;
- 5) ходить по газонам, рвать цветы и фрукты;
- 6) находиться на турбазе в нетрезвом виде, играть в азартные игры.

Нарушители этих правил снимались с маршрута и удалялись с турбазы без всякой компенсации за неиспользованные дни. Кроме того, категорически запрещено было размещение на турбазах лиц

Таблица 1

**Плановые показатели
Центрального туристско-экскурсионного
управления ВЦСПС на 1946 г. [7, л. 5–6]**

Территориальное управление	Кол-во объектов размещения	Кол-во мест	Доля от общего кол-ва, %	Кол-во дней обслуживания туристов	Доля от общего кол-ва, %
Московское	5	850	19,5	58 300	18,8
Ленинградское	1	250	5,7	10 000	3,2
Крымское	4	290	6,7	35 800	11,5
Краснодарское	10	1210	27,7	87 600	28,2
Северокавказское	8	560	12,8	42 900	13,8
Грузинское	8	955	21,9	63 400	20,4
Круиз по Волге	–	250	5,7	12 500	4,1
ВСЕГО	36	4365	100	310 500	100

моложе шестнадцати лет, даже если они прибыли с родителями [11, л. 1].

Проблему дефицита продуктов питания в тяжёлые послевоенные годы на Алуштинской и Бахчисарайской турбазах пытались смягчить путём создания подсобных хозяйств, общая площадь которых составляла около 8 га. На этих землях выращивали зелень и ранние овощи, здесь же находились сады и виноградники. Однако труд в этих хозяйствах не был механизирован и должным образом организован. В 1955 году, например, убыток от деятельности подсобных хозяйств КрымТЭУ составил 31,4 тыс. руб. [12, л. 1].

Основные плановые показатели работы турбаз Крыма в послевоенные годы представлены в таблице 2. Её данные свидетельствуют о том, что с 1948 по 1955 год объёмы обслуживания КрымТЭУ плановых и самодельных туристов увеличились более чем в 2,6 раза.

Постепенно восстанавливалась и развивалась разрушенная войной сеть плановых туристских маршрутов по Крыму общесоюзного значения. На рубеже 1940–1950-х годов по территории Крымского полуострова проходило три всесоюзных туристских маршрута:

- № 21 «Крымский автомобильный» (продолжительность — 18 дней): Симферополь — Алушта — Ялта;
- № 22 «Крымский горный» (продолжительность — 21 день): Симферополь — Бахчисарай — Мангуп-Кале — Соколиное — Ай-Петри — Алушка — Ялта;
- № 23 «Ялтинский радиальный» (продолжительность — 10 дней) [14, л. 26–28].

К 1956 году в Крыму уже действовало пять маршрутов плановых путешествий всесоюзного значения. Кроме названных выше, начал функционировать ещё один маршрут по горному Крыму (Симферополь — Бахчисарай — Чёрная речка — Алушта) и Алуштинский радиальный маршрут продолжительностью 20 дней [9, л. 18].

Одним из направлений деятельности КрымТЭУ в рассматриваемый период являлась организация музейных, городских и загородных экскурсий для курортников, неорганизованных отдыхающих, а также местных жителей. Например, Ялтинская экскурсионная база (как в те годы называли

Таблица 2

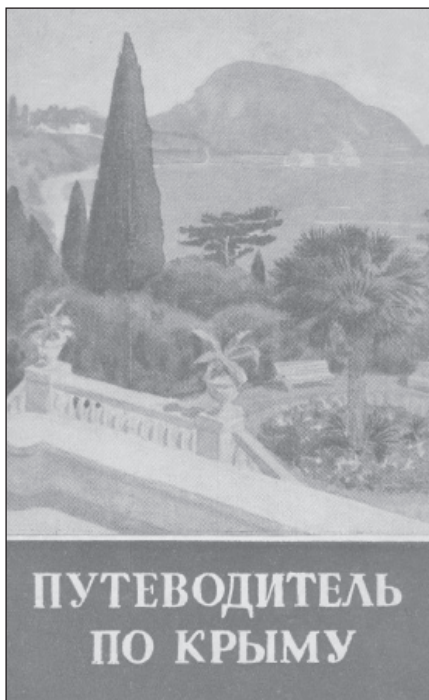
Плановые показатели КрымТЭУ по обслуживанию туристов в послевоенные годы [13]

Год	Объёмы обслуживания туристов				
	Плановые туристы		Самодельные туристы (чел./дней)		Всего (чел./дней)
	Чел.	Чел./дней	Размещение	Питание	
1948	3 440	48 400	10 600	5 600	64 600
1950	4 650	76 700	16 300	6 300	99 300
1953	6 300	111 400	28 600	12 600	152 600
1955	7 050	132 600	27 400	9 900	169 900

экскурсионные бюро) к 1951 году имела в своём распоряжении 5 автобусов и 13 экскурсоводов. Однако все они привлекались к проведению экскурсий почти исключительно в летнее время, из-за чего рассматривали экскурсионную работу лишь как возможность сезонного заработка. Отсутствие в штате на постоянной основе экскурсоводов и методистов приводило к снижению качества обслуживания экскурсантов. А в методических разработках экскурсионных текстов можно было встретить такие курьезные фразы: «...в Гурзуф приезжали представители русского народа — польский писатель Адам Мицкевич, который воспевал свою родину — Литву» [15, л. 3–5].

Несмотря на это, из года в год число участников экскурсий по Крыму возрастало. Если в 1947 году количество экскурсантов, обслуженных КрымТЭУ, составило 70,7 тыс. человек, то в 1953-м оно достигло 276,2 тыс. Таким образом, с 1947 по 1953 год фактическое количество экскурсантов увеличилось почти в четыре раза [6, л. 5; 16, л. 5].

Постоянный рост количества туристов и экскурсантов вызвал потребность в появлении новой туристско-экскурсионной литературы по Крыму. Однако только в 1956 году был издан первый послевоенный «Путеводитель по Крыму», подготовленный большим коллективом крымских авторов и отпечатанный тиражом 50 тыс. экземпляров [17]. С начала Великой Отечественной войны и до середины 1950-х годов в Советском Союзе практически перестали издаваться

Первый послевоенный «Путеводитель по Крыму» (1956)

туристские карты и схемы. Согласно данным историко-библиографического исследования В. Ф. Северинова, первыми послевоенными изданиями подобного рода по Крыму были туристские карты «Южный Крым» (1956), «По Южному Крыму» (1956) и «Крым» (1957) [18, с. 270, 277, 280, 282].

Период 1960–1980-х годов в Советском Союзе характеризовался как эпоха «массового туризма». За два десятилетия многократно увеличилось число туристов и экскурсантов, заметно возросла ёмкость объектов туристско-рекреационной инфраструктуры. Созданный в 1962 году КОСТ (затем КОСТЭ) являлся одним из лидеров среди аналогичных организаций других областей Украинской ССР как по количеству обслуженных советских граждан, так и по финансовым показателям деятельности. Соответственно, наблюдался и рост материально-технической базы профсоюзного туризма в Крыму. Как уже говорилось выше, в 1950 году на территории области располагалось семь турбаз, способных одновременно принять немногим более 700 человек, а к 1990 году КОСТЭ уже имел в своём распоряжении 18 туристских гостиниц и турбаз, общее количество мест на которых превышало 7000 [19, с. 138]. Таким образом, общая ёмкость туристских учреждений Крыма за 40 лет возросла в 10 раз. Однако ещё более впечатляющими являются цифры, характеризующие рост количества туристов, обслуженных на турбазах Крыма. Если в 1949 году их было 13 тыс. человек, то в 1989-м их количество (с учётом обслуженных на арендованных базах) составило 946 тыс. человек, то есть увеличилось более чем в 72 раза [19, с. 52–53; 20, л. 133].

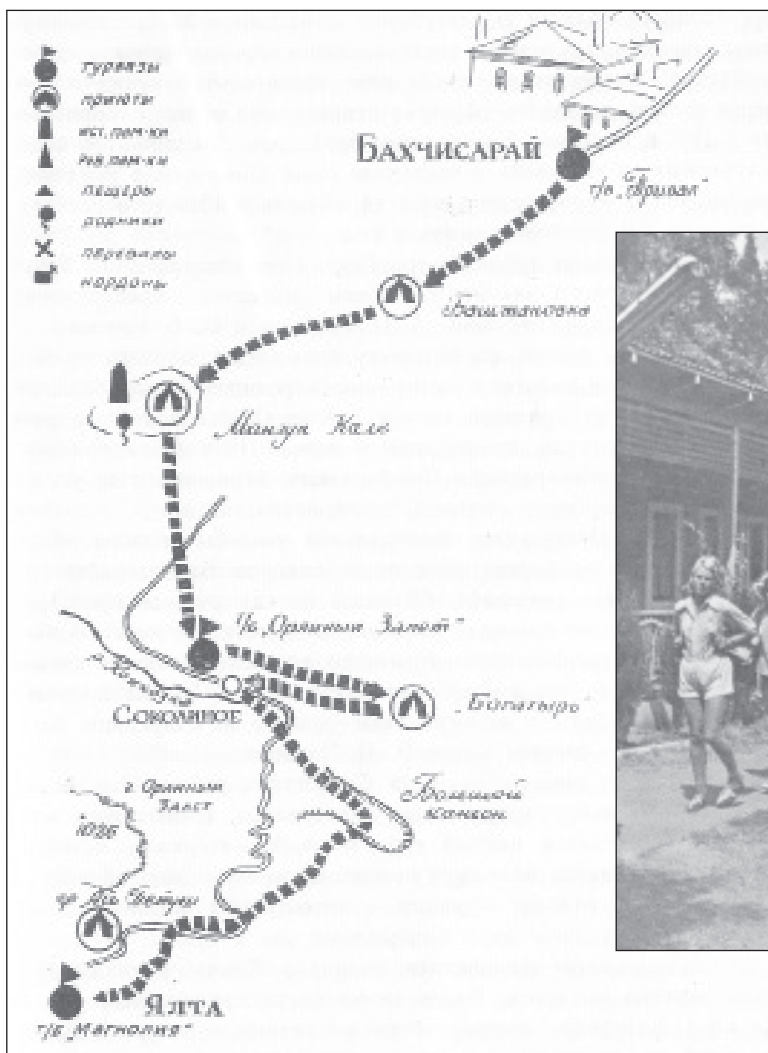
Анализируя вышеприведённые данные, следует учитывать не только количественные, но и качественные показатели. Несомненно, за четыре послевоенных десятилетия уровень комфорта на турбазах Крыма кардинальным образом изменился. В 40–50-е годы XX века значительная часть туристов размещалась в стационарных брезентовых палатках армейского образца, которые в лучшем случае были электрифицированы и радиофицированы — о других удобствах говорить не приходилось. Постепенно все они были заменены сборными домиками летнего типа или капитальными зданиями. Однако и эти постройки со временем устарели и перестали отвечать представлениям советских граждан о качественном сервисе. Во второй половине 1980-х годов был проведён капитальный ремонт на турбазах «Гавриия» и «Ялта», после чего имевшиеся здесь комнаты, в которых ранее размещалось 8–10 туристов, были переоборудованы в двух-трёхместные номера, пригодные в том числе для семейного отдыха [19, с. 61].

Большое значение для увеличения ежегодной пропускной способности крымских турбаз имел по-

стоянный рост числа койко-мест, на которые туристы принимались в течение всего года. В 1950 году на турбазах Крыма имелось 720 мест, из них лишь 100 мест (менее 14%) круглогодичного действия [14, л. 10]. Впоследствии через крымские турбазы начинают прокладываться плановые туристские маршруты, функционирующие и в период межсезонья. К 1989 году общая ёмкость туристских гостиниц и турбаз КОСТЭ составила 7160 мест, из которых 4181 место (58,4%) действовало круглогодично [19, с. 54–55].

Характеризуя географию размещения крымских турбаз в послевоенный период, следует отметить, что к 1950 году они располагались в Алушке, Алуште, Бахчисарае, Симферополе, Соколином, Ялте и на горе Ай-Петри. В 1952 году было принято решение «Об установлении медицинских зон на курортах Крыма», после чего была прекращена деятельность Алушкинской турбазы, поскольку она оказалась на территории, определённой для размещения противотуберкулёзных санаториев [21, с. 118–119]. Однако с начала 1960-х годов география сети турбаз Крыма постепенно расширяется. Рядом решений вышестоящих инстанций в распоряжение профсоюзов было передано несколько объектов туристской инфраструктуры, первоначально принадлежавших другим организациям. В 1960 году на баланс КрымТЭУ перешла расположенная возле Алушты учебно-спортивная база «Карабах», которая до этого принадлежала добровольному спортивному обществу «Локомотив». Огромное значение имела осуществлённая весной 1965 года по распоряжению Совета министров УССР передача в ведение КОСТ семь пансионатов для автотуристов, ранее принадлежавших Крымской конторе Укркурортторга. Расположены они были на Южном берегу Крыма, в Евпатории, Феодосии и Планерском (Коктебеле), а их общая вместимость превышала 3 тыс. койко-мест [22, л. 56–57]. Только после этого активизировалось использование туристских ресурсов Восточного и Западного Крыма.

В дальнейшем строительство новых турбаз и туристских гостиниц (так с 1970-х годов стали называть наиболее комфортабельные объекты в системе профсоюзного туризма) затруднялось тем, что даже реально выделяемые из централизованных фондов на эти цели средства чрезвычайно медленно осваивались проектными и строительными организациями области. Так, строительство туристской гостиницы «Горизонт» в Судаке продолжалось 11 лет — с 1968 по 1979 год. В этих условиях к работе по модернизации имеющихся турбаз в конце 1970-х — начале 1980-х годов начали привлекаться так называемые дольщики. На условиях долевого участия крупных промышленных предприятий удалось осуществить

← Схема всесоюзного туристского маршрута № 22 «Крымский горный». 1970-е гг.

Подготовка к туристскому походу на ялтинской турбазе «Магнолия». 1970-е гг.

частичную реконструкцию на алуштинской турбазе «Восход» и феодосийской турбазе «Маяк» [23].

Подавляющее большинство турбаз Крыма располагалось в приморских городах и посёлках. Например, в 1960–1970-е годы из 16 крымских турбаз лишь четыре объекта находились вдали от моря — в Симферополе, Бахчисарае, Соколином и на Ангарском перевале [24, с. 3]. При этом руководство КОСТЭ всегда пыталось в «пиковые» летние месяцы несколько разгрузить от плановых туристов крымское побережье, направляя их вглубь территории полуострова. Своеобразным компромиссом между интересами любителей походной романтики и поклонников пляжного отдыха были маршруты по схеме «горы — море». Классическим примером может являться маршрут № 22 «Крымский горный», где турист, прежде чем провести семь дней на ялтинской турбазе «Магнолия», должен был совершить два двухдневных пеших перехода по горному Крыму общей протяжённостью 140 километров [25, с. 14].

Интересно, что с путёвками на пешеходные маршруты нередко приезжали беременные женщины, пожилые люди с серьёзными заболеваниями сердечно-сосудистой системы, больные астмой и даже инвалиды [26]. В результате врачам тех турбаз, через которые проходили пешеходные маршруты, ежегодно приходилось освобождать по состоянию здоровья от участия в многодневных походах сотни таких туристов.

В то же время большой популярностью пользовались так называемые радиальные туристские маршруты. Они предусматривали 10-дневное или 20-дневное пребывание туристов на одной из приморских турбаз, откуда совершалось несколько краеведческих экскурсий и непродолжительных походов. Всё остальное время посвящалось перемещению по «маршруту»: спальня — столовая — пляж, что, по сути, превращало турбазу в дом отдыха [27]. Так, в середине 1960-х годов из 24 проходивших по Крыму плановых туристских маршрутов четыре являлись автомобильными, шесть — пешеходными, а остальные четырнадцать — радиальными [28, л. 9].

Руководителям крымских турбаз приходилось прикладывать колоссальные усилия для того, чтобы обеспечить надлежащее материально-техническое состояние вверенных им объектов, а также организовать их снабжение всем необходимым для обслуживания туристов. Так, в начале 1950-х годов на совещании работников турбаз Крыма констатировалось практически полное отсутствие в обстановке комнат таких «предметов роскоши», как зеркала, шкафы и вешалки для одежды, прикроватные тумбочки и ночные столики. Директор Ялтинской турбазы сетовал, что меблировка комнат весьма разнородная, имеются «стулья всех видов и типов», но их не хватает, а «бельевое хозяйство не обновлялось уже четыре года» [10, л. 3]. В последующие десятилетия ситуация не намного улучшилась. Главной причиной этого была несовершенная централизованная система снабжения турбаз Крыма всем необходимым, начиная от продуктов питания и заканчивая строительными материалами для проведения ремонта. Нередки были случаи, когда запланированные на текущий год ремонтные работы срывались из-за неритмичных поставок стройматериалов, когда «фанера поступала в августе, бачки сливные в сентябре-октябре, а чугунные трубы в декабре» [29, л. 48].

На хозяйственных совещаниях областного уровня директора турбаз постоянно вынуждены были жаловаться на недостаточное обеспечение постельным бельем, полотенцами, салфетками и туалетной бумагой. Именно из-за централизации снабжения туристам часто приходилось пользоваться рваными простынями, застиранными полотенцами, битой посудой и старыми столовыми приборами. И всё это на фоне призывов к кардинальному улучшению обслуживания советских туристов, когда руководство КОСТЭ публично заявляло: «...нам, наконец, надо ликвидировать... старое, но ещё живучее вредное мнение, будто сервис и гигиена противоречат туризму» [30, л. 87–88].

Что же мешало директорам турбаз самостоятельно купить туалетную бумагу или новую столовую посуду? Проблема заключалась в том, что вплоть до периода «перестройки» руководство КОСТЭ и его турбаз практически было лишено права реализовывать путёвки на крымские маршруты — эта функция была возложена на УкрРСТЭ и ЦСТЭ. Вышестоящие организации не вносили за путёвки никакой предоплаты, единолично утверждали планы обслуживания и размеры финансирования крымских туристских учреждений. При этом плановые показатели практически всегда были завышенными, а выделяемые средства — недостаточными. В центре устанавливались и цены на путёвки всесоюзных туристских маршрутов, проходивших по территории Крымской области, причём ценовая политика была слабо диф-

ференцирована в зависимости от времени года. Как правило, стоимость путёвки в межсезонье была лишь на 15–20 руб. дешевле летней цены, что не способствовало равномерной загрузке крымских турбаз и зачастую приводило к «недоездам» туристов поздней осенью, зимой и ранней весной [31, с. 89].

Зато в летние месяцы с путёвками, оформленными УкрРСТЭ и ЦСТЭ, в Крым приезжало на 10–20% больше плановых туристов, нежели могли вместить местные турбазы. Это приводило к чрезмерной перегрузке турбаз, из-за чего их руководители прибегали к «уплотнению» гостей. Для этого использовались раскладушки и топчаны, которые размещались на балконах и верандах, в различных помещениях общего пользования. Например, на одном из хозяйственных совещаний 1968 года директор Севастопольской турбазы имени А. В. Мокроусова откровенно говорил о том, что «когда на базе перегрузка, то туристов приходится укладывать в туристском кабинете, в биллиардной, а ведь разные люди попадают, некоторых такое размещение не устраивает и отсюда жалобы» [32, л. 12]. Однако на претензии гостей Крыма персонал турбаз отвечал традиционно: «Турбаза — не санаторий и не дом отдыха. Надо переживать трудности» [33, с. 19].

Согласно условиям путешествий по плановым маршрутам, находящиеся на турбазах туристы должны были получать не только место для ночлега, но и трёхразовое питание, экскурсионное и культурно-массовое обслуживание. В 1975 году система КОСТЭ включала 15 столовых на 4530 посадочных мест, пять буфетов, бар и ресторан «Эллада» в Планерском. При этом в разных столовых применялись различные системы организации питания туристов: самообслуживание, обслуживание по талонам, обслуживание с официантами [34, л. 22]. С 1960-х годов стандартной считалась работа по семидневному или десятидневному меню, что позволяло избежать частого повторения подаваемых блюд. Приветствовалось, когда повара системы КОСТЭ совершенствовали своё профессиональное мастерство, участвовали в кулинарных конкурсах под девизом «Подари туристам радость!», брали на себя различные социалистические обязательства, например по экономному использованию хлеба или разработке фирменных блюд. Так, поварами турбазы «Ялта» было создано восемь фирменных блюд (биточки «Турист», котлеты «Ялта», жареная рыба «Атлантика» и др.) [35]. Несмотря на это, побывавшие на крымских турбазах советские граждане не всегда были довольны качеством приготовления и ассортиментом блюд, а также общей культурой обслуживания в столовых. Традиционными были жалобы на недостаток в рационе свежих овощей и фруктов, зелени, приправ.

В программу любого маршрута обязательно входила серия краеведческих экскурсий, которые должны были знакомить гостей Крыма с его достопримечательностями. Например, в 1968 году для пребывающих на турбазах КОСТЭ туристов было проведено 14,7 тыс. различных экскурсий. Так, гости алуштинской турбазы «Мир» в плановом порядке совершали восемь различных экскурсий, посещая не только ближайшие окрестности Алушты, но и Алупку, Севастополь [36, л. 22]. Значительная часть свободного времени туристов занималась различными культурно-массовыми мероприятиями, которые зачастую имели идеологическую направленность. Это могли быть встречи с передовиками производства, «вечера дружбы» с участием иностранных туристов, а также лекции и беседы на актуальные темы, например: «Возрастание роли КПСС в строительстве коммунизма», «О международном положении», «О событиях в Китае», «Промышленность городов Крыма к XXIII съезду КПСС» [37, л. 45].

Меньшую идеологическую нагрузку несли такие культурно-массовые мероприятия, как танцевальные вечера, киносеансы, самодеятельные концерты, «огоньки» и КВНы, встречи с деятелями науки, культуры и искусства. Слабость собственной материально-технической базы в большинстве случаев заставляла туристские учреждения КОСТЭ ограничивать физкультурную работу традиционной утренней физзарядкой, а также соревнованиями по волейболу, настольному теннису, шахматам и шашкам.

Следует отметить, что в Советском Союзе, где всегда декларировалось особое социальное значение семьи, как «ячейки общества», существовали серьёзные проблемы в организации семейного туризма,

путешествий родителей с детьми. В системе КОСТЭ последовательная работа по приёму туристов с детьми велась лишь туристской гостиницей «Евпатория» и была сопряжена с огромным количеством организационных и материально-технических проблем. В первую очередь сложно было наладить процесс питания большого количества разновозрастных детей, а также обеспечить им полноценный досуг. С огромным трудом решались вопросы о финансировании строительства детских площадок, приобретении спортивного инвентаря и игрушек. Когда туристская гостиница «Евпатория» только начинала принимать родителей с детьми, то из необходимого для этого инвентаря она была обеспечена *«только портретами пионеров-героев Павлика Морозова и Вали Котика»* [32, л. 40–41]. Несмотря на это, в работе по приёму туристов с детьми в Евпатории имелись явные достижения. В частности, специально для юных гостей устраивались походы в район Большого каньона Крыма, в то время как их родители проводили время на евпаторийских пляжах [38].

В истории крымского туризма особое значение имел период «перестройки». Именно тогда органы советской власти допустили определённую децентрализацию системы туристско-экскурсионных учреждений Крымской области и санкционировали появление в этой сфере частной предпринимательской инициативы.

Показатели развития внутреннего туризма и экскурсионного дела системы КОСТЭ на протяжении 1970–1980-х годов продолжали неуклонно возрастать. Если за годы IX пятилетки (1971–1975 гг.) в Крыму было обслужено 1,3 млн туристов и 27,7 млн экскурсантов, то за X пятилетку (1976–1980 гг.) —

Два «полюса» туристского сервиса: туристская гостиница «Крым» (Севастополь) и туристская стоянка «Карагач». 1980-е гг.

2,7 млн туристов и 46 млн экскурсантов, за XI пятилетку (1981–1985 гг.) — 3,5 млн туристов и 55 млн экскурсантов [19, с. 52–53, 138–139; 39, л. 2–3]. Тенденция к росту количества обслуженных КОСТЭ туристов и экскурсантов имела место и в первые годы «перестройки», однако к началу 1990-х годов в отрасли наметилась определённая стагнация (табл. 3).

Таблица 3

Основные показатели деятельности КОСТЭ в 1980–1990 гг. [19, с. 138–139]

Год	Показатели деятельности		
	Кол-во туристов, тыс. чел.	Кол-во экскурсантов, тыс. чел.	Прибыль, тыс. руб.
1980	591	9 862	4 849
1985	766	12 002	7 146
1986	872	12 281	6 408
1987	931	13 076	8 529
1988	945	12 884	10 115
1989	946	12 094	12 204
1990	835	12 264	12 117

Замедление темпов роста и даже некоторый спад 1988–1990 годов объясняется несколькими причинами. Именно в годы «перестройки» был проведён капитальный ремонт турбаз «Ангарский перевал», «Таврия», «Ялта» и имени А. В. Мокроусова, из-за чего они некоторое время не функционировали вообще, а затем стали принимать меньшее количество гостей, нежели ранее, за счёт повышения комфортности номеров. Например, в результате реконструкции число мест на симферопольской турбазе «Таврия» сократилось с 490 до 390, поскольку имевшиеся там ранее пяти-восьмиместные комнаты были переоборудованы в двух-трёхместные. Что же касается некоторого снижения количества экскурсантов, то руководство КОСТЭ объясняло его упорядочением учёта в крымских бюро путешествий и экскурсий (БПиЭ), а также появлением конкуренции со стороны кооперативов, оказывавших экскурсионные услуги [19, с. 56, 61].

На волне происходивших в стране социально-экономических реформ с 1 июля 1988 года все предприятия и организации системы КОСТЭ перешли на работу в условиях полного хозрасчёта и самофинансирования. Это позволило им самостоятельно распоряжаться значительной частью получаемой прибыли. К 1990 году, после внедрения новых методов хозяйствования, отчисления КОСТЭ в местный бюджет и вышестоящим организациям сократились до 35% от полученной прибыли. За счёт плановой и сверхплановой прибыли на каждом предприятии создавался фонд экономического стимулирования.

В новых условиях хозяйствования стало очевидно, что многие из действующих на тот момент плановых туристских маршрутов устарели и не пользуются популярностью. Это повлекло за собой их постепенное сокращение. Так, если в 1985 году через Крым проходило 44 туристских маршрута всесоюзного значения и 25 маршрутов республиканского значения, то к 1990 году их количество сократилось соответственно до 34 и 17 [40, с. 131].

Серьёзных изменений требовал и сам механизм реализации путёвок, о несовершенстве которого уже говорилось выше. В начале 1990 года состоялась первая всесоюзная оптовая туристская ярмарка. Кроме руководства КОСТЭ, в её работе приняли непосредственное участие представители всех 11 крымских БПиЭ, а также турбаз «Привал» и «Таврия». Ими были заключены прямые договоры на общую сумму 14 млн руб., из них на 8 млн руб. — по приёму туристов в Крыму и на 6 млн руб. — по путешествиям крымчан за пределы области [41].

В период «перестройки» структурные подразделения КОСТЭ стали внедрять новые формы организации обслуживания туристов и экскурсантов. Среди них можно назвать, например, организацию поездок крымских болельщиков на футбольные матчи за пределы области, экскурсии в заповедно-охотничьи хозяйства горного Крыма с правом ловли рыбы в озёрах и ставках, молодёжные дискотеки в открытом море на арендованных пассажирских судах [42].

Начиная ещё с 1960-х годов на туристских базах Крыма постепенно увеличивалось количество предоставляемых услуг, которые не входили в стоимость путёвки и оплачивались туристами дополнительно. На территории практически всех туристских учреждений появились почтовые отделения, пункты междугородных телефонных переговоров, киоски Союзпечати и сувенирные ларьки, а также автоматы по продаже газированной воды. В годы «перестройки» расширению спектра дополнительных платных услуг на турбазах уделялось особое внимание. Именно после перехода на хозрасчёт на турбазах и в туристских гостиницах Крыма начали активно действовать платные тренажёрные залы, дискотеки, видеотеки, сауны, парикмахерские, салоны игровых автоматов, массажные и зубоврачебные кабинеты [43]. В результате объёмы дополнительных услуг турбаз, туристских гостиниц и БПиЭ КОСТЭ за 1986–1989 годы составили свыше 3,5 млн руб. [19, с. 69]. Отдельные турбазы, стремясь к увеличению прибыли, стали организовывать различные производства, не имеющие никакого отношения к их профильной деятельности. Например, на крупнейшей крымской турбазе «Приморье» было налажено швейное производство, изготавливались бижутерия и даже надгробные плиты [44].

Для периода «перестройки» было характерно внедрение новых, более эффективных форм организации труда, в частности бригадного и арендного подряда. В качестве эксперимента бригадные формы организации труда применялись рядом туристских учреждений Крымской области ещё с начала 1980-х годов. Однако только в годы «перестройки» данная практика приобрела широкие масштабы. Так, в 1989 году общее количество бригад, действовавших в системе КОСТЭ, достигло 93. Из них на турбазах и в туристских гостиницах действовало 59 бригад, на автобазе «Турист» — 22 бригады, в БПиЭ — 12. В туристской гостинице «Евпатория», на турбазах «Приморье», «Чайка» и «Таврия», применение бригадного подряда в таких сферах обслуживания, как уборка помещений и организация питания туристов, привело к повышению эффективности труда и увеличению заработной платы работников. Трудовые коллективы кафе «Мороженое», бара «Шоколадный» и ресторана-бара «Эллада», принадлежавших турбазе «Приморье», стали работать на условиях арендного подряда [19, с. 112–115].

Наиболее активное распространение элементов «рыночной экономики» за годы «перестройки» наблюдалось в деятельности по оказанию экскурсионных услуг гостям и жителям Крыма. Как уже было сказано выше, во второй половине 1980-х годов входящие в систему КОСТЭ бюро путешествий и экскурсий ежегодно обслуживали около 12 млн экскурсантов. Это неудивительно, если учесть, что в те годы Крымскую область ежегодно посещало 7–8 млн организованных и неорганизованных рекреантов из всего Советского Союза. Именно в экскурсионной сфере, где не требовалось больших затрат на развитие собственной материально-технической базы и вложенные средства быстро давали отдачу, начала активно распространяться частная предпринимательская инициатива. Например, в Евпатории к 1990 году проведением экскурсий занимались кооперативы «Эдельвейс» и «Мотор». При этом значительная часть организаторов экскурсий Евпаторийского БПиЭ одновременно сотрудничала с этими кооперативами, стремясь направить именно туда потенциальных экскурсантов, поскольку это приноси-

ло им большую материальную отдачу. Получившие экскурсионный билет клиенты зачастую даже не понимали, что их будет обслуживать не БПиЭ, а кооперативная организация [45].

Конкуренция между БПиЭ и экскурсионными кооперативами наблюдалась также в Алуште, Судаче, Ялте и других городах Крыма. Преимущество кооперативов заключалось в том, что они располагали «живыми» деньгами и могли быстро расплачиваться со своими партнёрами без свойственной для системы КОСТЭ бюрократической волокиты. Поэтому кооператоры даже в самые «горячие» летние месяцы и во время школьных каникул получали от транспортных предприятий наиболее комфортабельные автобусы марки «Икарус» с мягкими сиденьями и микрофонами для экскурсоводов. В то же время транспорт для экскурсий БПиЭ подавался с большими перебоями, автобусы часто были старыми и технически неисправными [46].

Таким образом, на протяжении 1940–1980-х годов наблюдался рост сети туристских учреждений Крыма и расширялась география их размещения. Многократно увеличилась их ёмкость и объёмы обслуживания, улучшалась материально-техническая база профсоюзного туризма. Однако нормальное функционирование туристских учреждений КОСТЭ затруднялось рядом системных проблем, влиявших на снижение качества предоставляемого сервиса. В первую очередь среди них следует назвать чрезмерную централизацию системы управления туризмом, снабжения турбаз и реализации туристских путёвок, а также неравномерную загрузку туристских учреждений на протяжении года. Новации периода «перестройки» несколько повысили экономическую самостоятельность туристско-экскурсионных учреждений, способствовали внедрению более прогрессивных форм организации труда, была проведена частичная модернизация материально-технической базы туризма. Однако реформы 1985–1991 годов в сфере туризма и экскурсионного дела полностью не ликвидировали многоступенчатую систему администрирования (турбазы, туристские гостиницы и БПиЭ — КОСТЭ — УкрРСТЭ — ЦСТЭ), что свидетельствовало об их ограниченном характере.

1. Введение в специальность : история сервиса : учеб. пособие / Д. А. Аманджолова, В. Э. Багдасарян, В. Н. Горлов и др. — М. : Альфа-М : ИНФРА-М, 2007. — 384 с.

2. Подробнее о развитии туристского сервиса для советских граждан в довоенном Крыму см.: Попов А. Д. Роль органов народного просвещения в становлении туризма и экскурсионного дела в Крымской АССР (1923–

1928 гг.) // Культура народов Причерноморья. — 2002. — № 36. — С. 102–105; Его же. Крымское направление в деятельности общества «Советский турист» (1928–1930 гг.) // Культура народов Причерноморья. — 2003. — № 43. — С. 194–197; Его же. Деятельность в Крыму Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий (1930–1936 гг.) // Учёные записки Таврического на-

- ционального университета им. В. И. Вернадского. Серия «История». — 2003. — Т. 16, № 2. — С. 54–63. Его же. Развитие туристской отрасли Крымской АССР под руководством советских профсоюзов (1936–1941 гг.) // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «История». — 2005. — Т. 18 (57), № 1. — С. 31–36.
3. Государственный архив Российской Федерации, ф. Р-9520, оп. 1, д. 21.
 4. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. Р-3512, оп. 1, д. 1.
 5. ГАРК, ф. Р-3512, оп. 1, д. 5.
 6. Там же, д. 13.
 7. Там же, д. 3.
 8. Там же, д. 29.
 9. Там же, д. 66.
 10. Там же, д. 25.
 11. Там же, д. 56.
 12. Там же, д. 65.
 13. Источники для составления таблицы: ГАРК, ф. Р-3512, оп. 1, д. 15, л. 2; д. 26, л. 2; д. 49, л. 2; д. 61, л. 1.
 14. ГАРК, ф. Р-3512, оп. 1, д. 26.
 15. Там же, д. 36.
 16. Там же, д. 59.
 17. Путеводитель по Крыму / под ред. Я. Д. Козина, П. Н. Надинского, М. Я. Олинского и др. — Симферополь : Крымиздат, 1956. — 456 с.
 18. *Северинов В. Ф.* Картографія туризму в Україні (історико-бібліографічний огляд : 1918–1990 рр.) // Туристично-краєзнавчі дослідження. — Вип. 3. — Київ, 2000. — С. 267–282.
 19. Туризм и экскурсии, их влияние на воспроизводство рабочей силы : справочно-аналитический обзор. — Симферополь : Таврида, 1991. — 160 с.
 20. ГАРК, ф. Р-3512, оп. 1, д. 23.
 21. По декрету Ильича: Курортное строительство в Крыму, 1920–1989 : сб. док. и материалов. — Симферополь : Таврия, 1989. — 240 с.
 22. ГАРК, ф. Р-3512, оп. 1, д. 182.
 23. *Михайлов Е.* По пути обновления // Советский Крым. — 1985. — 23 авг.
 24. *Солоха В. Д.* Туристские базы Крыма: Справочник. — Симферополь : Таврия, 1977. — 112 с.
 25. *Темиров Г., Федосеев Г.* Туристские маршруты Крыма : справочник-путеводитель. — Симферополь : Таврия, 1976. — 157 с.
 26. *Новиков Н.* Ухабы туристской тропы // Курортная газета. — 1971. — 26 ноября.
 27. *Ведерников Е.* В отставке ... муза странствий // Комсомольская правда. — 1962. — 7 июня.
 28. ГАРК, ф. Р-3512, оп. 1, д. 239.
 29. Там же, д. 90.
 30. Там же, д. 545.
 31. *Квартальнов В. А., Федорченко В. К.* Туризм социальный: история и современность. — Киев : Вища школа, 1989. — 342 с.
 32. ГАРК, ф. Р-3512, оп. 1, д. 260.
 33. *Агапова В.* О хорошем настроении: Размышляя над письмами // Турист. — 1966. — № 2. — С. 19.
 34. ГАРК, ф. Р-3512, оп. 1, д. 527.
 35. *Мезенев М.* Расскажу о товарищах // Турист. — 1975. — № 9. — С. 4.
 36. ГАРК, ф. Р-3512, оп. 1, д. 264.
 37. Там же, д. 209.
 38. *Роцин В.* А мамы остаются на турбазе // Турист. — 1976. — № 3. — С. 7.
 39. ГАРК, ф. Р-3512, оп. 1, д. 597.
 40. *Багров М. В., Багрова С. А., Михайлов С. А., Підгородецький П. Д.* Розвиток туризму в Криму у 70-х — 90-х рр. ХХ ст. (Соціально-економічні та ландшафтно-екологічні аспекти) // З історії вітчизняного туризму : зб. наук. ст. — Київ, 1997. — С. 127–142.
 41. *Смольговская Р.* «Ухабы» на туристских маршрутах // Крымская правда. — 1990. — 14 марта.
 42. *Менкес В.* Все флаги к нам // Крымский комсомолец. — 1988. — 24 сент.
 43. *Кашиц В.* Хозрасчет в рамках инструкций // Советский Крым. — 1989. — 25 окт.
 44. *Олин Л., Меркушева Л.* Проблемы туризма. Со старым багажом (начало) // Советский Крым. — 1989. — 15 сент.
 45. *Олин Л.* Легко устроились // Советский Крым. — 1990. — 13 мая.
 46. *Олин Л., Меркушева Л.* Проблемы туризма. Со старым багажом (продолжение) // Советский Крым. — 1989. — 16 сент.

Археологические и полевые исследования в Крыму

С. Б. Ланцов, В. П. Власов, С. Л. Смекалов, М. С. Шапцев

Археологические исследования на некрополе городища Джан-Баба¹

Донузлавская экспедиция Крымского филиала Института археологии (начальник С. Б. Ланцов) впервые предприняла археологические полевые исследования на территории предполагаемого некрополя, принадлежащего греко-варварскому городищу Марьинское (Джан-Баба) и примыкающим к нему селищам вблизи села Марьино Окунёвского сельсовета Черноморского района Республики Крым.

Ранее существование здесь некрополя предполагалось на основании случайно обнаруженной надгробной стелы, переданной в 1958 году в Симферопольский областной краеведческий музей, наличия вблизи села курганов, а также большого количества камней на поверхности поля, вывернутых при вспашке, которые могли служить забутовкой могил. Как показали магнитометрические исследования прежних лет, версия курганов не подтвердилась. Это были античные зольники. В результате раскопок вблизи от них установлено отсутствие здесь и грунтовых могил.

В 2014 году С. Л. Смекаловым была предпринята магнитометрическая съёмка другого участка, где выявлены четыре геомагнитных аномалии, которые, предположительно, имели археологический характер. В целях проверки данных магнитометрии на месте одной из аномалий осенью был заложен шурф.

Первоначальный шурф, размером 2 × 2 м, был впоследствии (при определении границ развалов камней) расширен до 20 кв. м. Разбор встреченных в культурном слое каменных завалов показал, что камни лежали на разных уровнях беспорядочно и не образовывали кладок. Не являлись они и забутовками могильных ям. Культурные отложения, в которых залегали камни, достигали 0,5 м и состояли из двух культурно-хронологических горизонтов. Верхний горизонт имел вид гумусированного суглинка с примесью золы, в котором

встречены немногочисленные фрагменты стенок раннесредневековых амфор и мелкие обломки костей животных. Верхний горизонт датируется VIII–X веками и связан с салтово-маяцкой археологической культурой.

Нижний горизонт представлял собой слой серого суглинка, включавшего в отдельных местах практически чистую золу. В нём содержался обильный керамический материал (фрагменты амфор, простой гончарной, краснолаковой, а также лепной посуды) и фаунистические остатки. Единичные находки относятся к эпохе эллинизма, а основной их массив — к рубежу эр и к I–II векам н. э. Нижний горизонт соотносится с позднескифской археологической культурой.

На уровне предматерикового суглинка, в северо-западном углу шурфа, обнаружено скопление камней, оказавшееся забутовкой входной ямы детской подбойной могилы № 1. Входная яма могилы ориентирована с севера на юг. Её размер 1,25 × 0,75–1,05 м, глубина 0,25–0,4 м. Подбой размером 1,06 × 0,42 м вырублен в восточной стенке входной ямы. Ориентирован он по линии северо-запад — юго-восток. Пол подбоя располагался на 0,15 м ниже дна входной ямы, а переход между ними оформлен в виде ступеньки. В камере обнаружены три погребения (младенец и подростки), расположенных одно над другим и обрамлённых черепами на юго-восток. Инвентарь погребённых — фибулы, браслеты, витая гривна и проволочные серьги из бронзы, а также бусы, пронизи и подвески. Предварительно время совершения захоронений определяется рубежом эр или I веком н. э.

Местными жителями села Окунёвка нам была передана найденная на территории сельсовета нижняя часть половецкого надгробного изваяния XII века, которая сдана в фонды заповедника Калос Лимен в пгт Черноморское.

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 14-06-90403 «Исследование грунтовых античных некрополей Западного и Восточного Крыма при помощи магниторазведки».

С. Ю. Внуков, С. Б. Ланцов, В. П. Власов, С. Л. Смекалов, М. С. Шапцев

Раскопки на территории Кульчукского и Беляусского городищ и некрополей¹

В 2014 году Донузлавский отряд (руководитель С. Б. Ланцов) Западнокрымской археологической экспедиции Института археологии РАН (начальник С. Ю. Внуков) провёл работы на территории Кульчукского и Беляусского городищ и некрополей IV века до н. э. — I века н. э., VIII–X веков н. э., на черноморском степном побережье Северо-Западного Крыма, расположенных в 4 км друг от друга, соответственно в 2 км к югу от села Громово и в 1,5 км к юго-востоку от села Знаменского Черноморского района.

Работы на территории Кульчукского городища и некрополя осуществлялись волонтерами, в основном студентами и выпускниками Российского государственного гуманитарного университета (руководители группы Л. И. Грацианская и М. А. Алонцев), а также ряда вузов Симферополя и Красноярской духовной семинарии.

На Кульчукском городище археологические раскопки проводились девятый сезон подряд. Основные задачи — исследование южного и восточного фасадов пирамидального пояса башни Геракла и раскрытие помещений позднескифского времени, расположенных к западу от неё. Общая исследованная в 2013 году площадь составила 108 кв. м, а мощность снятого слоя — от 0,6 м до 1,8 м.

На участке к юго-востоку от башни был снят слой золистого суглинка мощностью 0,4 м, залегавший под каменным развалом, разобранным в 2013 году. Участок сильно повреждён перекопами салтовомаяцкого времени. Раскоп доведён до глубины 1,4 м от современной дневной поверхности. Вдоль южной части восточного пирамидального пояса хорошо со-

хранился участок верхнего уровня каменной отмостки шириной 1 м.

Вплотную к восточному наружному фасаду башни (вдоль него), ниже двух уровней вымостки въезда в усадьбу № 2 митридатовского времени, располагается более ранняя мощная стена херсонесского периода существования поселения. Её участок открыт в прежние годы.

Стена трёхслойная, однорядная, двухпанцирная, с забутовкой, в основном из бута, длиной открытой части 4 м, шириной до 1,50 м, высотой до 0,55 м, в три-пять рядов кладки из рваных по слою и вторично использованных обработанных камней, среди которых обнаружен фрагмент известнякового карниза, возможно, ордерной постройки.

Раскопки к западу от башни Геракла усадьбы № 2 велись на территории усадьбы № 3, как и в прежние годы на месте глубоких, разветвлённых траншей времён Второй мировой войны, что предопределило плохую сохранность построек в верхней части культурного слоя. Здесь были разобраны две старые стратиграфические бровки. В результате в юго-западном углу помещения № 2, относящегося ко второму строительному периоду позднескифского времени, была выявлена прямоугольная хозяйственная загородка из установленных вертикально известняковых плит и остатки глинобитного пола с частично сохранившейся каменной вымосткой помещения. На полу была обнаружена свинцовая гиря цилиндрической формы с железным крючком для подвешивания. Под этим полом располагался слой рушенного рыжего сырца, перекрывший остатки этого же помещения первого, позднескифского строительного периода.

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 14–06–90403. «Исследование грунтовых античных некрополей Западного и Восточного Крыма при помощи магниторазведки».

Ярких находок на Кульчукском городище в прошедшем сезоне не было. Преобладают фрагменты стандартной керамики. Кроме упомянутой свинцовой гири, можно отметить фрагмент ручки, очевидно, сарматского лощёного лепного сосуда с вертикальным конусовидным налепом и целое известняковое антропоморфное надгробие.

На территории Кульчукского некрополя продолжены раскопки, возобновлённые нами в 2011 году. В 2007, 2009 и 2014 годах проводилась магнитометрическая съёмка отдельных участков могильника Кульчук. На одном из них выявлены шесть геомагнитных аномалий, которые, предположительно, имели археологический характер. В 2011 году на месте самой обширной аномалии 6 провели раскопки, которые подтвердили результаты проведённого геомагнитного исследования: здесь обнаружено несколько структур археологического характера.

В 2014 году, в рамках работ по проверке данных магнитометрической разведки, археологические исследования на территории некрополя Кульчук были продолжены. На месте некоторых аномалий заложили 1 раскоп и 3 шурфа. Общая площадь раскопанных участков, включая прирезки, составила 75,75 кв. м.

В одном из раскопов, на уровне материка, открыта яма № 1 с глиняной обмазкой стенок и дна, округлая в плане, расширяющаяся ко дну. Диаметр её верхней части — 1,3–1,35 м, диаметр дна — 2,5–2,6 м, глубина — 1,4–1,45 м. В центре ямы, на глубине около 1 м, залегал развал камней, под которым открыто захоронение собаки. В области ещё одной аномалии, также выявлена яма (№ 2) с тёмным гуммированным суглинком и небольшим скоплением камней, которые, очевидно, и создавали аномалию. Она отличалась неправильной овальной в плане формой, располагалась по линии северо-восток — юго-запад. Судя по размерам (1,5 × 0,75–0,9 м), предполагалось, что это детская могила, однако на глубине 0,2 м её заполнение закончилось — ниже залежала материковая глина без артефактов.

Объекты, создававшиеся ещё двумя аномалиями, раскопками обнаружить не удалось.

Основную группу находок из надматериковых слоёв раскопа, шурфов и хозяйственных ям составляли фрагменты амфор. В меньшем количестве обна-

ружены гончарная (простая, чернолаковая и краснолаковая) посуда. Ещё более редки обломки пифосов, черепицы и лепных сосудов. Из индивидуальных находок назовём железный поясной крюк, каменное орудие со следами потёртостей и заглаженностей, а также мелкий кусок диоритовой зернотёрки. Основная масса материала датируется концом IV — первой половиной III века до н. э. Редкие находки относятся к рубежу эр, а единичные, например фрагмент ручки светло-ангобириванной амфоры с граффити в виде креста, — к XII–XIII векам. Фаунистические материалы, помимо захоронения собаки в яме № 1, представлены костями птиц и мелкого рогатого скота.

На территории Беляусского городища и некрополя проведены небольшие работы, поскольку впервые с 1962 года не приехала постоянная группа волонтеров из Москвы, Санкт-Петербурга, Донецка и других мест. Раскопки и уборку территории городища проводили авторы статьи и несколько местных жителей, добровольные помощники из Крымского филиала Института археологии и заповедника Калос Лимен.

Одна прирезка, размером 5 × 3 м, была сделана с восточной стороны раскопа на восточном предмете Беляуса, где в прежние годы в результате магнитной и визуальной разведок был обнаружен большой, отдельно стоящий каменный строительный комплекс, предварительно датированный концом II века до н. э. — началом новой эры. В результате раскопок 2009–2010 и 2014 годов раскрыта и регулярная застройка на площади около 100 кв. м. Глубина прямоугольного раскопа до 1 м. Границы сооружения пока точно не определены. Открыты нижних ряды кладок стен не менее 5 помещений многокамерной постройки и каменные развалы вокруг них. Стены двухслойные, сложены из бута на глине. Ширина кладок — 0,45–0,6 м, сохранившаяся высота — до 0,50 м.

Большая часть позднескифского могильника Беляуса монографически опубликована в этом году О. Д. Дашевской. За границами территории исследованной её экспедицией была проведена магниторазведка, выявившая ряд аномалий. К сожалению, шурфовка одной из них не выявила антропогенных объектов.

А. А. Масленников, А. А. Супренков, А. В. Ковальчук, Н. В. Кузина

Работы Восточно-Крымской археологической экспедиции Института археологии РАН

В истекшем сезоне продолжены раскопки трёх «базовых» поселений (городищ) эллинистического времени в районе Караларского побережья. Основные усилия, как и прежде, были сосредоточены на исследованиях поселения «Полянка». (Вскрытая площадь при мощности культурного слоя от 1,5 до 5 м составила около 250 кв. м.) Как и все последние годы, работы велись на трёх отдельных участках в восточной и юго-восточной частях памятника, у подножия и на склоне господствующей скалистой возвышенности, ограничивающей долину с городищем в данном направлении. Таким образом, основной раскоп продолжался к востоку, юго-востоку и югу. Именно здесь мощность культурных напластований наибольшая, поскольку основу его (кроме южного участка) составляет достаточно долговременный зольно-мусорный сброс. Он сформировался за период существования некоего поселения III–II веков до н. э., фактически не сохранившегося до нашего времени.

Отсюда происходит основная масса находок сезона. Это преимущественно обломки импортной керамической тары центров, характерных для указанного времени: Синопа, Родос, Колхида, Книд, Косс и некоторых неизвестных. Среди них — 32 амфорных клейма. Затем по численности следуют фрагменты простой красноглиняной столовой и кухонной посуды (кувшины, чашки-миски, горшки, лягиносы, тарелки, реже — рыбные блюда, светильники). Надо упомянуть обломки лепной керамики (горшки, миски, реже — кувшины или кружки). Ещё реже встречались фрагменты поздней чернолаковой и буролаковой столовой посуды (чашки, канфары, рыбные блюда) и нескольких обломков «мегарских» чаш, глиняные пирамидальные грузила, пряслица

и большое количество костей, главным образом мелкого рогатого скота. Особо отметим двухстрочное граффито на обломке чернолакового канфара конца IV века до н. э.

Сами напластования этого времени, при их общей характеристике как зольно-мусорные, не были однородными. По степени насыщенности золой, раковинами мидий, битой посудой, мелким щебнем, кусками пачины, камнями или при почти полном отсутствии таковых (слоёв и прослоек) выделяется несколько напластований. Причём, как это фиксировалось и прежде, такое «разнообразие», как и мощность, меняется в зависимости от расположения по отношению к упомянутому склону холма. Более ярко представлены они на юго-восточном участке раскопанной площади, менее, но зато с большим числом камней — на восточном и почти отсутствуют на «южном» участке. Кроме того, на юго-восточном участке исследованной площади (практически повсеместно за остатками южной оборонительной стены) поверх упомянутых слоёв прослежен достаточно солидный «горизонт» почти стерильного супесчаного грунта — следствие долговременных эоловых процессов. Находок относительно более позднего времени (I в. до н. э. и особенно позднеантично-раннесредневековые), да и то в самых верхних слоях, на исследованной площади немного.

Напомним, что, как и прежде, практически все выявленные строительные остатки относились к последнему периоду существования поселения, то есть к I веку до н. э. При этом они представлены двумя-тремя строительными периодами. Из них первые два (на юго-восточном участке) существенно отличаются основными характеристиками планировочных решений. А последующие характеризуются пере-

менами в размерах, назначении и деталях «интерьера» помещений. По большей части в разной степени все они были впущены в вышеупомянутые ранние напластования и фактически заполнены этим же грунтом, продолжавшим сползать по склону холма. Собственно находок I века до н. э. в них встречено немного. Разумеется, на участках раскопа, расположенных в более ровной части памятника (условно к западу) эти особенности прослеживаются в меньшей степени. Тем не менее культурные напластования — а это в основном заполнения помещений и пространства между ними (на вымостках и иных древних «дневных» поверхностях) — содержали немало находок предшествовавшего времени наряду с артефактами именно I века до н. э. Причём в основном (что и следовало ожидать) второй его половины. Это также в основном обломки амфорной тары, среди которой наиболее примечательны фрагменты условно светлоглиняных, двустольных, реже светлоглиняных узкогорлых (раннего типа) или с воронковидным горлом амфор. Далее идут обломки красно- и реже сероглиняной столовой и кухонной посуды (кувшины, миски, блюда, тарелки, канфаро-кубки, горшки) нередко с лощёной поверхностью. Затем лепные горшки, миски, кувшины и кружки, кастрюли, изредка подражавшие гончарной керамики и, наконец, отдельные фрагменты ранней краснолаковой керамики (кубки, чашки) и сероглиняных «мегарских» чашей. Упомянем также рыболовные грузила из ручек амфор, пряслица и снова, хотя и в меньшем количестве, кости домашних животных.

Строительные остатки, в целом неплохой сохранности, представлены следующими объектами. На восточном участке открыты, хотя и не полностью, два больших сообщавшихся между собой прямоугольных помещения, располагавшихся на самой высокой (восточной) террасе застройки поселения. Подпорная стена террасы, кстати, самая высокая из всех аналогичных стен, открытая ещё несколько лет назад, ограничивала их с запада. Ширина первого из них (южного) с севера на юг составляла 6 м. А длина (на востоке «границы» не раскопаны) — не менее 10 м. Скорее всего, это был значительный по площади и вымощенный плитами двор. Второе помещение (или два помещения) располагалось к северу и также отчасти вымощено, отчасти имело глиняный, слегка обгорелый пол. Их разделяла солидная и довольно аккуратно сложенная стена (шириной около 0,9 м и длиной не менее 10 м), в которой имелись два столь же тщательно оформленных прохода шириной около 1 м. На последнем этапе функционирования данной постройки западный проход был, по-видимому, заложен. О размерах и назначении обоих (или одного?) из

этих помещений судить преждевременно. Но их (его) ширина была никак не меньше 5 м.

На юго-восточном участке к первому строительному периоду, несомненно, относился вновь выявленный «отрезок» стены, начало (и восточный угол с другой стеной) которой были раскопаны в прошлом сезоне. По всей видимости, это была изначально солидная постройка, сохранившаяся, правда, на исследованной в 2014 году площади на незначительную высоту. Ширина её — не менее 0,8 м, а в основании использованы большие известняковые глыбы. Непосредственно над ней во втором строительном периоде было построено помещение. Общая же раскопанная длина этой стены (в направлении с северо-востока на юго-запад) — 8,5 м. Скорее всего, это была некая ограда или внешняя стена очень значительного по площади строения. Второй строительный период представлен здесь же большим, почти полностью (кроме юго-западного угла) открытым прямоугольным (8,3 × 5,6 м снаружи) помещением со стенами 0,6–0,7 м шириной и до 1 м высотой. Ориентация стен: север, северо-восток — юг, юго-запад и перпендикулярно ей. В южной части помещения частично уцелел довольно качественный пол (толщиной до 0,08 м) из плотного слоя светлой известняковой крошки. Вход в помещение располагался в центре «западной» стены, но также был заложен (в третьем строительном периоде?), в том числе большой, но относительно тонкой плитой, сильно завалившейся внутрь. Заполнение ничем не привлекательно. А вот «восточная» стена явно деформирована наклонном внутрь.

По-видимому, к этому же строительно-хронологическому этапу можно отнести и частично (продолжается почти точно как к востоку, так и к западу) раскопанную стену, располагавшуюся примерно в 4 м южнее только что упомянутого помещения. Её ширина 0,8 м, сохранившаяся высота — около 1 м. Кладка аккуратная, назначение стены пока неясно, но, вероятнее всего, это была ограда на краю поселения, возможно, на востоке уходящая вверх по склону холма.

На юго-западном участке было доследовано довольно большое, почти квадратное (4,5 × 4,6 м изнутри) помещение, частично открытое несколько лет назад. Являясь частью примыкавшего с севера к оборонительной стене блока-квартала строений (дома?), оно, судя по интерьеру и глиняному полу, было скорее жилым, нежели дворовым. В юго-восточном его углу находилась «сегментовидная» конструкция, ограниченная плоскими, поставленными на ребро камнями и забутованная камнями же изнутри. Назначение её неясно. Столь же неопределённо и подпрямоугольное, плотное скопление средних по размеру камней в северо-восточном углу.

В районе северо-западного участка, видимо, находился «ларь» из также поставленных на ребро плит, а вблизи юго-западного угла — порог перед, опять-таки, заложённым на каком-то этапе функционирования «дома» проходом в соседнее с «юга» помещение. Ширина прохода около 1,5 м. Непосредственно к востоку от порога расчищены остатки почти квадратной (0,8 × 0,86 м) печи плохой сохранности. Все находки из данного помещения довольно ординарны.

К западу от описанного помещения, отделённый от неё весьма тонкой (0,45–0,5 м) и небрежно сложенной стеной (к тому же плохо сохранившейся), располагался тщательно вымощенный двор размером 4,3 × 3 м. Проход, соединявший его с помещением, по крайней мере дважды менял свою ширину (от 1,4 до 0,8 м). На плитах двора лежала часть верхнего камня квадратной зернотёрки. А к югу находилось ещё одно помещение данного дома, уже непосредственно примыкавшее к оборонительной стене. Собственно, первоначально здесь было одно большое (8 × 4,8 м) прямоугольное помещение, почти всё вымощенное большими относительно плоскими камнями. Затем, в его юго-западной части из двух относительно тонких (до 0,45–0,5 м) и не очень основательных стенок было «выделено» небольшое (2,5 × 2,6 м) пространство, также частично вымощенное. Вероятно, здесь в оборонительной стене городища изначально существовал проход (калитка?) шириной около 2 м, впоследствии небрежно заложённый. От «него» частично сохранился грубый порог, сложенный из средних и небольших камней. К западу от порога (в юго-западном углу нового помещения) расчищен плохо сохранившийся прямоугольный очаг. Не исключено, что вход в эту «секцию» рассматриваемого блока помещений (квартала, дома?) был, хотя и не сразу, устроен в его западной стене, как раз перед только что описанным «превратным» помещением-коморкой с очагом. Но и он, кажется, в конце концов был заложён. Снаружи весь вышеописанный блок строений ограничивался весьма качественными стенами и в своём первоначальном варианте имел в плане подтрапециевидную форму при общей площади примерно 135 кв. м (13,5 × 10 м). Помимо прочего, на данном участке была раскопана на протяжении 5 м и сама оборонительная стена с частично заложённым «отрезком-проходом».

Далее, в 3,5–4 м к западу, через неровное (естественное понижение уровня материковой глины и щебня к западу и в меньшей степени — к северу), но незастроенное пространство располагался ещё один примыкавший к оборонительной стене блок-квартал строений, имевший, видимо, такую же ширину. От него пока раскопан всего лишь северо-восточный

угол одного из помещений. Ясно, что частично (на втором этапе существования) оно было вымощено, а внешние стены имели толщину 0,7–0,8 м. Скорее всего, к северу проходила узенькая улочка, также через какое-то время частично вымощенная. А вот непосредственно к востоку, вдоль восточной стены всего этого блока строений, чуть выше её основания и отступив от неё на 0,2–0,3 м, была расчищена ровная однорядная стенка из небольших камней. Она являлась своего рода укреплённым бортом неглубокой канавки, скорее всего служившей водостоком. Из находок в данном помещении отметим редкую медную монетку Амиса времени Митридата Евпатора.

Наконец, почти в двух десятках метров к востоку от юго-восточного угла раскопанной площади, почти у вершины холма, была доследована солидная, вероятно, подпорная стена, выявленная ещё в 2010 году. Оказалось, что она сохранилась в длину, в направлении север — юг, при максимальной высоте 2,1 м и ширине — около 0,6 м. Северный участок её был разрушен в 1944 году карьером, а южный примыкал к слабо выраженному выступу материковой скалы. У основания стены (к западу), в нескольких местах, но на достаточно большой площади зачищен хорошо сохранившийся, практически горизонтальный, ровный слой частично обгорелого пола (плотный слой глины толщиной до 0,04 м). А почти у краёв стены, но не соединяясь с ней, было обнаружено два ряда (почти перпендикулярных стене) средних необработанных камней — некое подобие плохо сохранившихся и небрежно сложенных кладок. Находок отсюда совсем немного, да и те происходят лишь из нижнего (предпольного) горизонта золистого грунта. Среди них: фрагменты дна сероглиняного, лощёного блюда, глиняное же пряслице. Не исключено, что в I веке до н. э. к ранней подпорной стене некоей платформы на вершине холма были пристроены стены жилого помещения самой верхней террасы застройки поселения I века до н. э. на первом этапе (I СП) его существования.

В 2014 году работы на поселении «Крутой берег» велись на общей площади 200 кв. м и преследовали две цели. Во-первых, продолжение исследования оборонительной системы. Новые квадраты были заложены к западу от раскопа 2013 года по направлению южной стены городища в целях выяснения соотношения линии укреплений и расположенных к северу от неё жилых кварталов, а также уточнения датировки самой стены и поиска главных въездных ворот. Установлено, что эта застройка появилась по крайней мере не одновременно с внешними укреплениями: стены домов пристраивались непосредственно к оборонительной стене некоторое время спустя, и, как правило, кладки их были в этом месте однорядными. Ориентация кварталов, вернее, стен

строений как бы зависела от направления линии обороны: в среднем с отклонением на 15 градусов к северу (и, соответственно, к западу) от сторон света. Жилые постройки были возведены на слое золистой супеси толщиной около 25 см, который подстилала прослойка горелого грунта (до 1–2 см), лежащая непосредственно на относительно более плотной материковой супеси. Характерно, что эта прослойка фиксируется только в помещениях, примыкавших к оборонительной стене. Возможно, она появилась в связи с событиями, приведшими к разрушению, перестройке и укреплению оборонительной стены с юга дополнительным рядом камней, что было выявлено раскопками 2012–2013 годов. Отметим также наличие горелого слоя с внешней стороны от линии укреплений. Кроме того, в этом году в северной части раскопа было найдено довольно крупное (весом около 1 кг) каменное ядро от метательной машины. Предварительная датировка оборонительной стены была установлена ещё в 2009 году на основании материала, полученного из траншей, прокопанных ниже её основания вдоль северного и южного фасов. находка здесь, помимо амфорных обломков синопского клейма астинома Эпиэпа, позволила отнести сооружение стены ко времени сразу после 300–280 годов до н. э. Анализ же находок из упомянутого слоя золистой супеси подтверждает эту дату. Основная часть материала — это фрагменты амфор Синопы, а также отдельные обломки чернолаковой керамики конца IV — первой трети — половины III века до н. э. Общая протяжённость открытой раскопками оборонительной стены на сегодняшний момент составляет 47 м. Однако, несмотря на это, до сих пор остаётся неизвестным месторасположение ворот. Без сомнения, эту функцию не могла выполнять открытая ещё в 1980-е годы в восточной части стены небольшая, заложённая камнями позднее, вылазная калитка. С учётом площади, вскрытой в этом году, до раскопа 80-х годов, расположенного у западного края берегового обрыва, остаётся неисследованным участок шириной всего 5 м.

К северу от границы укреплений в истекшем сезоне были открыты остатки пяти условных помещений с имевшимися в них очагами и хозяйственными ямами. Анализ строительных остатков позволяет говорить по меньшей мере о трёх строительных периодах на протяжении их бытования. Наибольшей сохранностью отличаются постройки, расположенные в северо-восточной части раскопанной площади, где высота стен достигала 1 м. При этом стены помещений первого строительного периода были ориентированы, как уже отмечалось, с учётом направления оборонительной стены. А их основания находились на слое известняковой крошки-тырсы, лежавшей непосредственно на погребенной почве.

Образование этого слоя было связано, по всей видимости, с некоей нивелировкой древней поверхности, что косвенно подтверждается различной толщиной этого слоя (от 2 до 30 см). Ко второму строительному периоду относится большое помещение в северо-западной части раскопа. Открытая в 2014 году юго-восточная часть его занимала площадь 47,31 кв. м (8,3 × 55,7 м). Стены этого помещения были уже ориентированы несколько иначе: точно по сторонам света. Пространство внутри них вымощено известняковыми плитами, а рядом с одной из стен открыт очаг, сооружённый из пяти плоских, поставленных на ребро камней. Основание его также было выложено небольшими плоскими камнями, а в центре оставлено небольшое отверстие диаметром и глубиной около 30 см.

Основная масса находок относится ко времени с 280 по 220 год до н. э. Несколько более ранний материал фиксируется в основном в хозяйственных ямах, заглублённых в материковый грунт. Отметим находки обломков терракотовых статуэток: головки Деметры, частей статуэтки Кибелы со львёнком и фрагмент — со складками одежды. Эти находки, так же как и статуэтка Кибелы с тимпаном и чашей, обнаруженная в 2013 году на соседнем участке, вместе с миниатюрными (вотивными) сосудиками и пряслицем, скорее всего, связаны с неким домашним святилищем, которое может быть датировано второй половиной III века до н. э. Из прочих индивидуальных находок упомянем восемнадцать в основном синопских амфорных клейм и фрагментированную массивную лепную курильницу с лощёной поверхностью.

Археологические работы проводились также на зольном холме, расположенном у бухты Сиреневая. Здесь на глубину в два штыка (до 0,4 м) был прокопан юго-восточный сектор холма, работы на котором начаты в прошлом году, а также исследовался северо-восточный сектор. В крайней южной части юго-восточного сектора удалось выйти на слой жёлтого плотного сырца, в который была заглублена стена, идущая с северо-востока на юго-запад. Сырец, по всей вероятности, является некоторой подушкой-основанием, на которую насыпалась зола, а открытая стена должна была ограничивать холм с южного края и препятствовать сползанию золы.

Работы в северо-восточном секторе были остановлены на глубине 1,1 м от вершины холма. В центральной части были зафиксированы остатки постройки, которая, судя по совокупности находок — гильзы, куски рубероида, железные гвозди и накладки — относилась ко времени Великой Отечественной войны. Эта «врезка» выделялась по характеру грунта (коричневая супесь с небольшим количеством золы). В остальной части этого сектора какие-либо строения не обнаружены, а грунт пред-

ставлял собой золистую супесь с большим количеством измельчённых раковин, горелыми прослойками и кусками печнины.

Как и в прошлом году, фрагменты керамики фиксировались на плане при помощи тахеометра. Кроме того, была организована просевка всего грунта из раскопа через мелкую сетку. В результате было получено 95% от всей коллекции стекла и в общей сложности 12 189 единиц так называемого массового материала, из которых на плане было отмечено 2360 точек, что составило 19% от этого числа. Статистический анализ этих находок дал следующее процентное соотношение: доля лепной керамики составила 46%, амфоры — 38% (из них только 5% — профильные части), 10% приходится на костный материал, 4% — краснолаковая керамика, 2% — тонкостенная посуда, менее 1% — стекло и индивидуальные находки.

Амфорный материал представлен фрагментами боспорских широкогорлых амфор, амфорами типа Делакеу (№ 100 по И. Б. Зеест), светлоглиняными узкогорлыми амфорами типа D и F и светлоглиняными типа «набегающей волны» (узкогорлые). В целом амфорная тара датируется II — первой половиной VI века. Среди краснолаковой керамики отметим форму третьей группы «Поздний римский C», четыре донца с клеймами третьей хронологической группы — в виде креста с двумя орнаментальными подвесками и креста с двойной линией контура (третья четверть V в.), а также африканскую краснолаковую — формы 62B (конец IV — третья четверть VI в.). Особо следует выделить предметы, которые связаны, по-видимому, с некими сакральными действиями: фрагменты лепных светильников в виде ладьи или конуса на высокой ножке, ручку краснолакового светильника в виде листа, а также большое количество небольших лепных сосудов с носиками-сливами, которые могли использоваться при возлияниях. Характерной чертой северо-восточного сектора является концентрация здесь большого числа глиняных пряслиц (20 экземпляров), часть из которых имела точечный орнамент, а также лепных сосудов с зооморфно украшенными ручками.

В совокупности материал из зольника относится ко времени с конца II до середины VI века н. э. и соотносится с финальным этапом существования расположенных рядом городища и некрополя.

На городище Сююрташ (Золотое Восточное) в истекшем сезоне работы продолжались к югу и востоку от раскопа 2013 года. Общая вскрытая площадь

составила 150 кв. м. Стратиграфия на южном участке была представлена двумя основными слоями: светло-жёлтой супесью и светло-серой золистой супесью. Общая мощность культурных напластований (вместе со слоем гумуса) достигала 1 м.

На восточном участке материковая скала находилась недалеко от дневной поверхности и мощность культурного слоя (в основном гумуса) не превышала 0,3 м.

На южном участке строительные остатки — это в основном заглублённые в материк ямы. Так была докопана яма № 21, северная часть которой исследована ещё в прошлом году, а также доследована большая яма № 15. Её глубина не превышала 0,5 м, зато параметры горловины составили 2,8 м с севера на юг и 2 м с запада на восток. В северной части дна этой ямы были прослежены четыре небольших (диаметр до 0,3 м) костровых или столбовых ямки. Вновь выявленная яма № 28, расположенная в центральной части участка, имела круглую в плане форму. Диаметр её горловины составлял около 1,2 м, а глубина — 0,5 м. Каменные конструкции представлены двумя невыразительными стенами № 23 и 24, образовывавшими (в переплёт) почти прямой угол. Первая из них, ориентированная по линии: запад — восток, имела длину 2,6 м и ширину около 0,5 м. Её высота не превышала 0,4 м. Стена № 24, ориентированная с севера на юг, сохранилась в длину на 2,2 м при ширине около 0,4 м и высоте не более 0,4 м. К северу и востоку от этих стен был зафиксирован завал средних и мелких камней, площадь которого составляла 3,2 кв. м (2 × 1,6 м).

На восточном участке из строений выявлен лишь небольшим отрезок стены (№ 25), расположенной в северной части. Длина отрезка составляла 1,3 м, ширина — 0,5 м, а высота не превышала 0,6 м.

Коллекция индивидуальных находок пополнилась всего 31 предметом. Среди них: медная пантикапейская монета III века до н. э., амфорная стенка с граффити, фрагмент терракотовой статуэтки, несколько обломков «мегарских» чаш, фрагментированный чернолаковый канфар, более двух десятков синопских и родосских амфорных клейм.

Массовый материал, как обычно, представлен фрагментами амфор, красноглиняных и сероглиняных сосудов, немногочисленными обломками чернолаковой керамики и довольно значительным количеством обломков лепных мисок и горшков. Как и прежде, очень много костей домашних животных.

М. С. Шапцев

Археологические разведки в Сакском и Черноморском районах в 2013–2014 годах

В 2013 году автором был обследован ряд памятников различных эпох в Сакском и Черноморском районах Крыма.

В Сакском районе исследованию подверглось многослойное поселение Тузлы, расположенное в 1 км к югу от города Саки, на берегу Сакского озера. Поверхность поселения повреждена плантажной вспашкой. В центральной части фиксируются две свежие грабительские ямы. В подъёмном материале содержались фрагменты разновременной керамики (эпоха бронзы, античность, Средневековье, как раннее, так и позднее).

Для уточнения границ памятника, в его восточной части, был заложен шурф 2 × 2 м. Культурного слоя в нём не выявлено, только в дёрне встречены единичные находки фрагментов керамики античного и раннесредневекового времени. Таким образом, была установлена восточная граница распространения культурного слоя.

В Сакском районе небольшие работы проведены и на поселении Кара-Тобе 2, по-видимому открытым в 1934 году П. Н. Шульцем. Оно расположено в 7 км к северу от Сак и в 1 км к востоку от железнодорожной станции Техникум, на берегу озера Сасык-Сиваш. На территории памятника расположены остатки стрелкового тира Прибрежненского сельскохозяйственного техникума.

Часть поселения, видимо, была срезана техникой в конце XIX века для сооружения поблизости дамбы через озеро Сасык-Сиваш. Об этом свидетельствует обнаружение в её насыпи многочисленных фрагментов античной керамики. Через поселение проходит заплывший ров времён Великой Отечественной войны. Вся территория повреждена многочисленными перекопами.

В северо-восточной части обнаружены современные грабительские ямы. Размер сохранившейся части поселения составляет приблизительно 60 × 80 м. Вероятно, здесь располагалась отдельно стоящая эллинистическая херсонесская усадьба с башней.

Для выяснения стратиграфии памятника в его прибрежной части был заложен шурф 2 × 2 м. В результате раскопок выявлено следующее: под дёрном залегал слой рушенного сырца мощностью до 0,8 м, его подстилал горелый слой с золой, углями и пережжённой керамикой (слой пожара), мощностью от 0,8 до 1,0 м. Слой пожара располагался непосредственно на материке, представляющем собой тёмно-красную глину с вкраплениями гипса.

Находки из шурфа позволяют датировать поселение концом IV—первой половиной III века до н. э. Первой половиной III века до н. э. можно датировать и пожар, в результате которого поселение погибло и больше не восстанавливалось.

В Черноморском районе, в 2,5 км к северу от села Окунёвка, при обследовании средневековой татарской деревни Чокрак были обнаружены две монеты XVII века, времён Крымского ханства, из белого металла.

В 2014 году на поселении Кара-Тобе 2, в 40 м к юго-востоку от шурфа 2013 года, был заложен разведочный шурф 2 × 2 м, в котором выявлен незначительный выход золы мощностью 0,2 м, залегающей на бурой материковой глине. Это позволяет предположить, что здесь проходила юго-восточная граница памятника.

В результате работ 2013–2014 годов получены новые материалы к археологической карте Крыма.

С. В. Ушаков

О раскопках в северо-восточном районе Херсонеса

В отчётном полевом сезоне совместная археологическая экспедиция Крымского филиала Института археологии, Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Филиала МГУ в Севастополе продолжила свои плановые исследования в северо-восточном районе Херсонесского городища. Они были сосредоточены на раскопках базилики «Крузе» (№ 7) (рис. 1) и городского квартала № ХСVII (рис. 2).

Новый современный этап изучения территории базилики (после краткого полевого сезона 1998 года, проведённого с австрийскими коллегами) начался регулярными раскопками в 2005 году. К сегодняшнему дню в ходе археологических работ удалось выявить основные этапы строительной истории этого участка городской территории. В ходе нынешнего полевого сезона мы завершили или продолжили раскопки нескольких объектов. Среди них — рыбозасолочная цистерна (та её часть, которая располагалась под полом центрального нефа) (рис. 1Б, Ц-2). Её глубина достигала 4,85 м. Она была заполнена грунтом, насыщенным бутовым камнем и многочисленными керамическими материалами. Основная масса находок (строительная керамика, тарная, кухонная и столовая, в том числе краснолаковая, посуда) может быть датирована в хронологических пределах V — начала VI века н. э. Присутствовали материалы более раннего времени. Самый верхний ярус засыпи по характеру и набору находок составляет одно целое с подсыпкой под пол базилики, совершенной, очевидно, строителями храма. В этом полевом сезоне удалось полностью удалить всё её заполнение.

Важно также отметить, что в полевом сезоне 2013 года мы обнаружили помещение (I), пристроенное снаружи к северному «плечу» храма (рис. 2А, 1). Это помещение (5,6 × 6,8 м) было вы-

строено в единой технике с самим храмом (двухпанцирные стены из полуобработанного известняка на цемянковом растворе), что позволяет предположить единовременное строительство всего комплекса. В углах здания сохранились массивные каменные блоки, выступающие внутрь помещения, возможно служившие опорами арочных конструкций. В нынешнем полевом сезоне мы продолжили и завершили здесь раскопки (рис. 2А, 2) и выяснили, что под полом этого помещения до скалы располагалось два основных горизонта культурного слоя. Нижний (мощность 0,20–0,25 м) относился к римскому (позднеантичному) времени (II–IV вв.), верхний сохранил материалы типологически и хронологически не отличающиеся от находок из-под пола нефа и заполнения цистерны (V — начало — середина VI в.). Этот второй (верхний) слой относится ко времени строительства здания. Данное обстоятельство позволяет утверждать о единовременном возведении всего храмового комплекса в эпоху Юстиниана Великого. Мы провели исследования на участках к югу от этого помещения и к северу от северной стены базилики (на месте так называемого проулка). Было исследовано также заполнение колодца эллинистического времени, обнаруженного недалеко от входа в храм.

Таким образом, за последние годы раскопок участка, где была построена базилика «Крузе», были получены новые важные материалы, которые позволяют внести существенные коррективы в научные представления как о хронологии всего комплекса построек, так и особенностей планировочной схемы его главного культового здания.

На территории квартала ХСVII мы продолжили и завершили исследования на месте средневековых помещений 20 и 21А (рис. 2Б). В помещении 20 (его

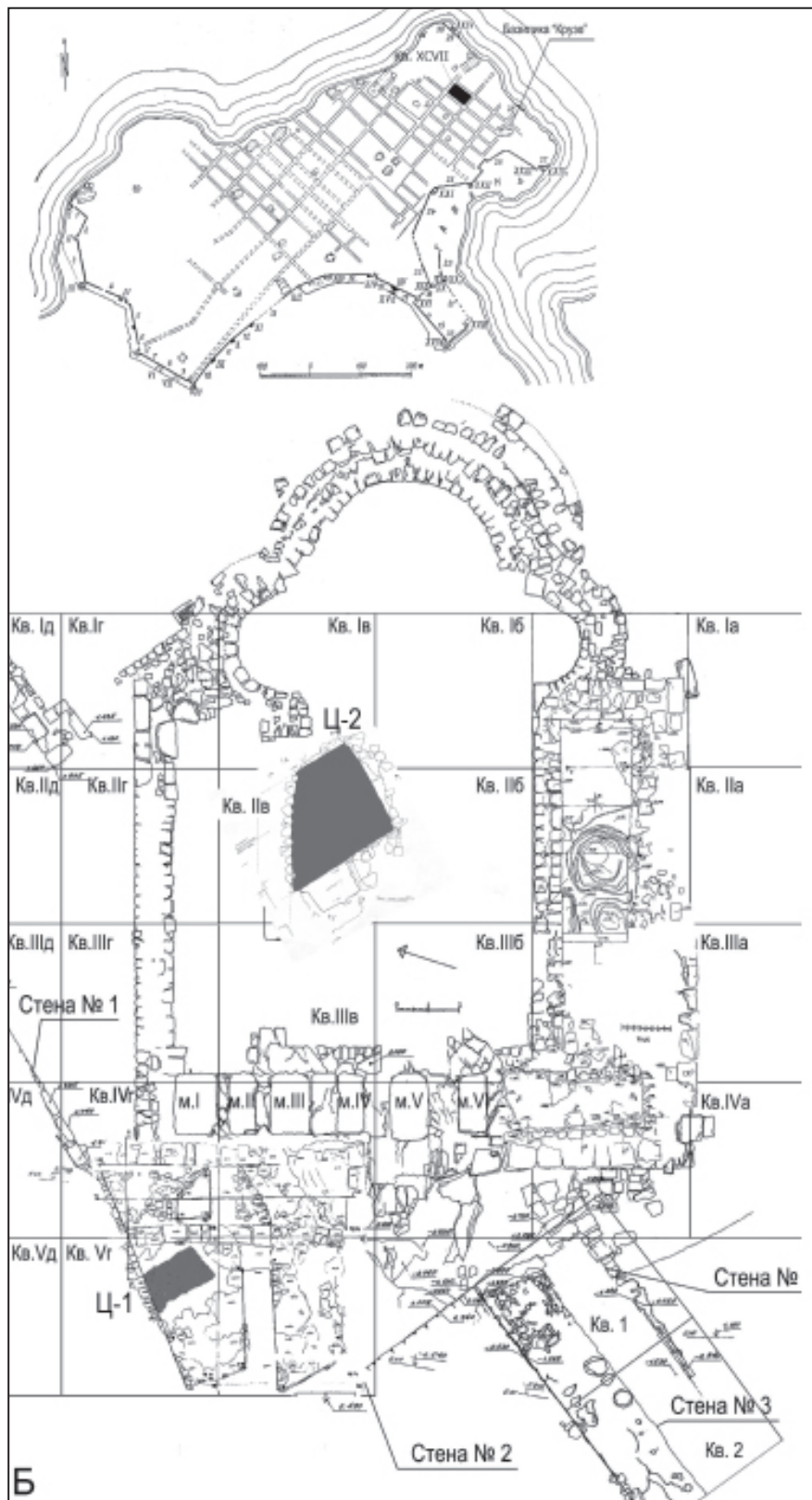

Рис. 1

А — схематический план Херсонесского городища с указанием места расположения базилики «Крузе» и квартала ХСVII;
Б — базилика «Крузе», генеральный план раскопок

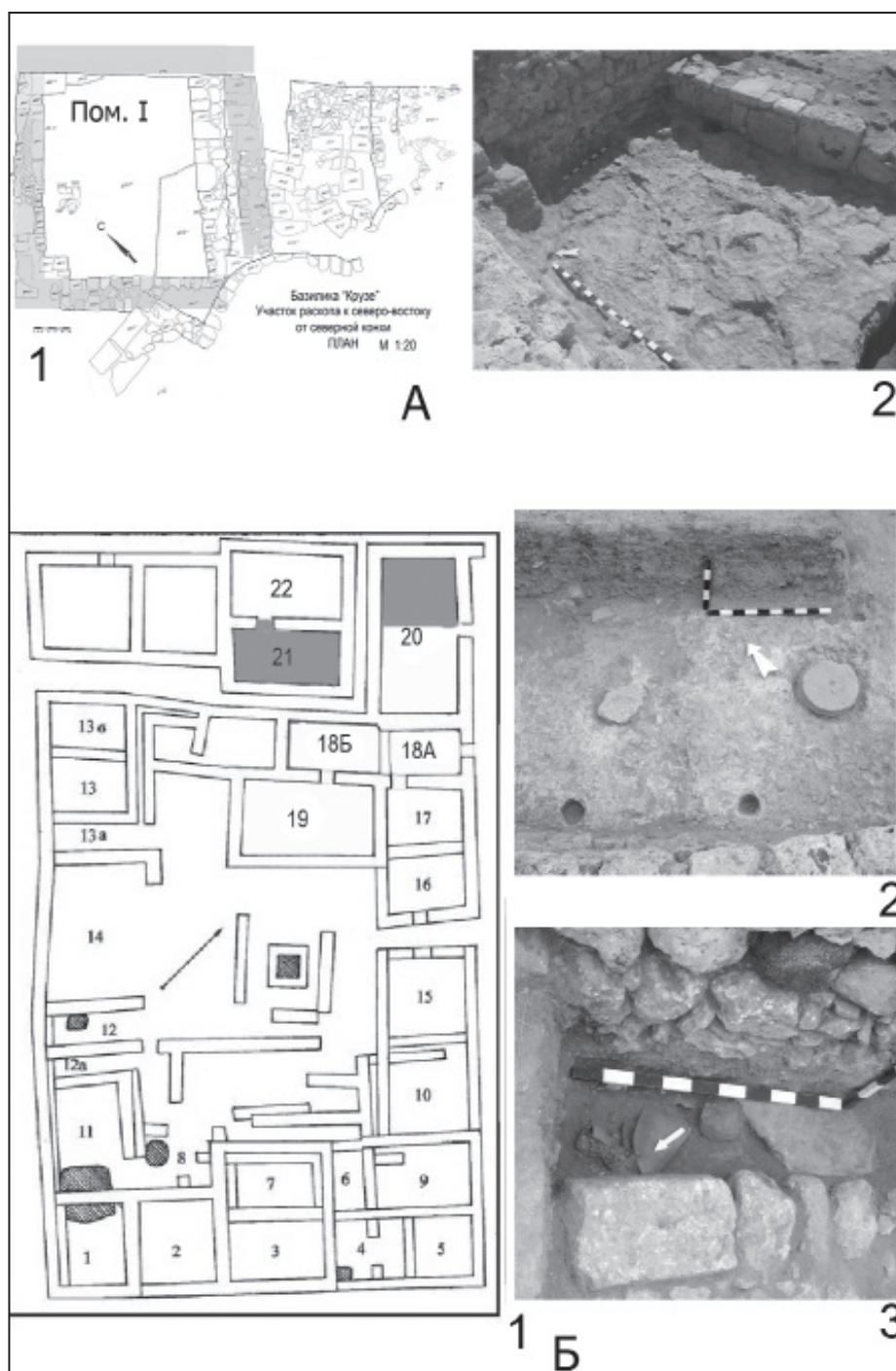

Рис. 2

А — помещение I у северной конхи базилики;

Б: 1 — схематический план квартала ХСVII;

2 — помещение 20 в процессе работ;

3 — клад монет в помещении 21

северо-западной половине) *in situ* на скале обнаружена нижняя часть известняковой колонны дорического ордера, а рядом — ямки округлой формы (рис. 2Б, 2), предназначенные, вероятно, для установки деревянных столбов навеса. На месте поме-

щения 21А найдены ямы для установки пифосов и кладка стены античного времени. Между этой стеной и юго-восточной стеной помещения был обнаружен небольшой клад средневековых медных монет (92 экземпляра) (рис. 2Б, 3).

А. Г. Герцен, В. Е. Науменко, А. А. Душенко, В. В. Лавров

Археологические раскопки Мангупского городища

В 2014 году археологическая экспедиция Таврического национального университета имени В. И. Вернадского продолжила планомерные исследования Мангупского городища. Основными объектами раскопок этого года стали дворец правителей княжества Феодоро и укрепление А-XIV главной линии обороны крепости на западном склоне балки Гамам-Дере.

Дворцовый комплекс в центральной части Мангупского плато является на сегодняшний день единственным сохранившимся примером средневекового дворцового зодчества в Крыму. Его масштабность (предполагаемая площадь не менее 3 тыс. кв. м), узкая дата функционирования (в пределах 1425–1475 гг.), наличие нескольких строительных периодов, в том числе застройки, непосредственно предшествующей возведению дворцового ансамбля, — всё это превращает памятник в эталонный архитектурно-археологический объект при изучении истории Крыма XIV–XV веков.

К сожалению, в отличие от других архитектурно-топографических доминант Мангупского городища (цитадели, базилики, синагоги, церквей Св. Константина и Св. Георгия), дворец прямо не упоминается авторами средневекового и Нового времени. Открытие памятника фактически произошло только в 1912 году, когда проводивший в тот момент раскопки на Мангупе Р. Х. Лепер обратил внимание на высокий земляной холм в центральной части плато, к юго-востоку от Большой трехнефной базилики. С помощью неглубоких траншей и шурфов-зондажей ему в течение 1912–1913 годов удалось открыть контуры ряда крупных архитектурных объектов, составляющих ныне центральную часть дворцового комплекса — северную башню-донжон (помещение А), западную галерею с двойной колоннадой

(помещение В), нижний (подвальный) этаж большой постройки из тёсаного камня (помещение С), к которой с севера примыкают два подлестничных помещения (Д и Е), с востока — ещё одна галерея F, с юго-востока — помещение G, которое Р. Х. Лепер обозначил в своём отчёте как «ретирад», то есть отхожее место для обитателей помещения С. С юга дворец ограничивали помещения Н и I, назначения которых остались неясными для автора раскопок (рис. 1).

В дальнейшем открытые архитектурные компоненты дворца доследовались археологическими экспедициями ИИМК РАН (А. Л. Якобсон, 1938), Уральского государственного университета (Е. Г. Суров, 1968) и Бахчисарайского заповедника (Е. В. Веймарн, 1974). Лишь Е. В. Веймарн попытался расширить площадь раскопок за счёт участка к югу от центральной части памятника, однако работы здесь были приостановлены сразу после снятия дернового (верхнего) культурного слоя, на уровне каменного раската из мелкого бутового камня, принятого за поверхность дорожного полотна к югу от дворца. Тем не менее ряд высказанных Е. В. Веймарном наблюдений, в частности об использовании данного участка Мангупского плато в раннесредневековое и «турецкое» время, имеют важное значение для понимания исторической топографии городища в целом. Несмотря на небольшую площадь исследований дворца в XX веке, они позволили сформулировать гипотезу о правильной прямоугольной планировке комплекса, архитектурными доминантами которого выступали симметрично расположенные северная оборонительная башня и два южных двухэтажных здания, связанные между собой открытыми галереями (А. Л. Якобсон, Е. Г. Суров) [1].

Слабая опубликованность результатов работ 1912–1913, 1938, 1968 и 1974 годов, депаспортизация

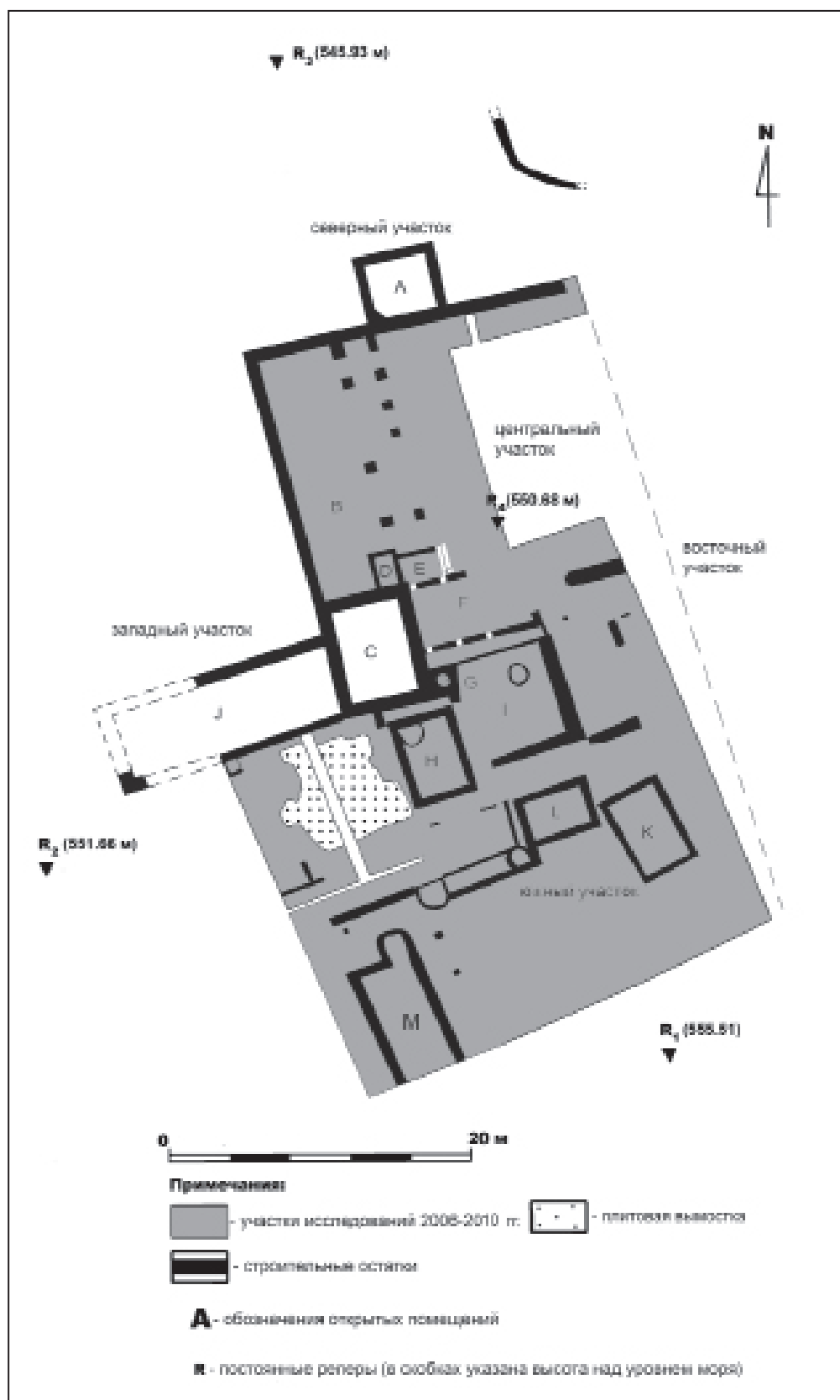

Рис. 1. Мангупское городище. Дворец.
Общий план участков исследований к началу раскопок 2010 г.

в значительной степени вещественных находок из раскопок в музейных собраниях полуострова, сомнения в правомерности реконструкции композиционно-художественного облика памятника стали причинами возобновления его археологических раскопок экспедицией Таврического национального университета. В течение 2006–2010 годов были не только окончательно доследованы все известные прежде архитектурные комплексы дворца (помещения А, В, С, Д, Е, F, G, Н, I) на общей площади более 1000 кв. м, но и сделаны важные заключения об общей хронологии памятника (в пределах 1425–1475 гг.), наличии нескольких строительных периодов в его истории, выявлены ряд новых объектов (помещения К, L, М), определяющих, вместе с уже известными помещениями Н и I, трассу так называемой южной дворцовой улицы (см. рис. 1) [2].

Возобновлённые археологические раскопки дворца правителей княжества Феодоро в 2014 году были сосредоточены на территории вокруг так называемого **помещения J** на западном участке исследований комплекса. Необходимо отметить, что планировка этого объекта, непосредственно пристроенного к западной стене помещения С, обратила наше внимание ещё в процессе полной расчистки памятника в

2006 году, так как в случае синхронности обоих помещений существующие представления о границах и композиционно-планировочном решении дворца, следуя гипотезе А. Л. Якобсона и Е. Г. Сурова, необходимо было признать преждевременными [3].

В текущем полевом сезоне работы велись на трёх объектах западного участка исследований дворцового комплекса.

Площадь к югу от помещения J (рис. 2) ограничена южными стенами помещений С и J, западной стеной помещения Н и трассой «южной дворцовой улицы». По итогам работ, которые велись здесь в пределах восьми археологических квадратов общей площадью более 200 кв. м, сохранился лишь восточный участок вымостки 9,20 × 9,70 м. В западном направлении она полностью разобрана, вероятно, в «турецкий» период истории Мангупа. По структуре представляет собой участок «дневной поверхности» времени функционирования дворца, вымощенный крупными (массивными) известняковыми и мергелевыми плитами с максимально реконструируемыми размерами 1,00 × 1,00 м и 1,20 × 0,80 м. Часть плит сильно разрушена. На отдельных участках сохранилась лишь субструкция под вымостку — прослойка известкового раствора с плотной забивкой из мелкого

Рис. 2. Мангупское городище. Дворец. Площадь к югу от помещения J. Общий вид с северо-востока

бутового камня, под которой фиксируется поверхность «слоя функционирования» дворца. Исходя из стратиграфических наблюдений и хронологии датированных находок, время функционирования площади укладывается, скорее всего, в пределах позднего периода истории дворца (ок. 1454–1475 гг. или 1462–1475 гг.). Особо отметим находку целой красноглиняной поливной миски под монохромной зелёной глазурью, с монограммой в виде греческих букв «тау» и «хи» третьей четверти XV века, происходящей из заполнения хозяйственной ямы № 41, синхронной площади. В «турецкое» время на участке фиксируются следы хозяйственной застройки, от которой сохранились фрагменты отдельных стен. Среди находок из слоя этого времени выделим железный нож с костяной обкладкой рукояти, украшенной золотой обоймой с выправленной арабскографичной надписью.

Помещение J (рис. 3). Общая площадь постройки около 100 кв. м (предположительно, 16,0 × 7,0 м). Как уже отмечалось, составляет единый с одним из центральных сооружений дворца (помещением С) многокамерный комплекс, будучи пристроенным к его западной стене. В 2014 году работы велись в восточной части постройки, где исследовано полностью, до уровня «пола», помещение J-1 и частично поме-

щение J-2. **Помещение J-1** имеет подпрямоугольную в плане форму, с внутренним размером 5,70 × 7,00 м. Стены сложены из среднего бутового камня с лицевой подтёской, с использованием обработанных блоков в углах постройки, на известковом растворе, в технике трёхслойной, двупанцирной с забутовкой кладки. Ширина стен — от 0,65 до 0,85 м, сохранность в высоту — до 0,85 м (до четырёх рядов кладки). На «полу» постройки, серо-коричневом плотном грунте с остатками плотной известковой обмазки, фиксируется «слой пожара» и горизонт деструктурированной штукатурки и обмазки стен общей мощностью до 0,55 м. В юго-западном углу помещения открыто неясное по назначению известковое пятно Т-образной формы (2,30 × 2,40 м) с прокалённой поверхностью, в котором зачищены выступающие контуры двух кладок шириной до 0,50 м и горизонтально лежащие фрагменты керамики, в том числе крупный фрагмент водоотводной керамической трубы. Вещественный комплекс находок из помещения J-1 датируется в пределах 1425–1475 годов. Постройка погибла в пожаре, очевидно, во время штурма 1475 года, на что указывают находки пушечных ядер, свинцовых пуль и железных наконечников стрел из горизонтов её разрушения.

Рис. 3. Мангупское городище. Дворец. Помещение J.
Общий вид раскопа 2014 г. с юга

Стратиграфическая траншея 1938 года (рис. 4). Для получения полной информации о стратиграфии на западном участке исследований дворца, за пределами помещения J, в 2014 году была предпринята повторная зачистка раскопа 1938 года в месте стыка помещений С, J и западной стены-ограды дворца (общий размер 7,70 × 2,00 м). Главным результатом работ стало открытие дневной поверхности двух строительных горизонтов на этом участке Мангупского плато — периода строительства и функционирования дворца, что закономерно, и горизонт явно додворцового времени. Уровень последнего отмечается остатками плитовой вымостки и крупными фрагментами строительной и тарной керамики IX–X веков.

Ещё один объект раскопок текущего полевого сезона — **укрепление А-ХIV**, также ключевой в изучении главной линии обороны Мангупской крепости начиная с 70-х годов XX века. В последние годы (2007, 2009–2011), после обнаружения новых свидетельств интенсивного обстрела укрепления турецкой артиллерией во время осады 1475 года, здесь проводились исследования эспланады и внутрисканного пространства на широкой площади. По сути, раскоп 2014 года (4,00 × 8,40 м), заложенный у тыльной стороны куртины, завершил программу многолетних раскопок, позволив соединиться с участком работ 1970-х годов и сделать ряд важных уточнений относительно периодизации данного участка оборонительной системы крепости (рис. 5).

Общая площадь исследований 2007, 2009–2011, 2014 годов составила более 200 кв. м, что чрезвычайно много, учитывая характер объекта раскопок. В результате проведённых работ на протяжении почти 18 м открыты две линии оборонительных стен, проложенных под углом относительно друг друга. Первоначальная оборонительная стена (**кладка № 1**) сложена из крупных, хорошо обработанных и подогнанных между собой известняковых квадратов, поставленных на тщательно подтёсанную поверхность скалы, очевидно, на известковом растворе, в технике трёхслойной, двупанцирной с забутовкой кладки. Несмотря на то что в нынешнем виде стена перекрыта более поздней куртиной, её видимая часть в ширину достигает местами 2,10 м. Сохранность в высоту — 1–5 рядов кладки (до 1,70 м). По строительной технике напоминает кладки византийской крепости, возведённой на Мангупском плато, скорее всего, в начале второй половины VI века. Если учесть обилие материалов IX–X веков

Рис. 4. Мангупское городище. Дворец. Стратиграфическая траншея 1938 г. Общий вид с юго-востока по уровню горизонта додворцового времени

в археологическом комплексе находок из культурных горизонтов, накопившихся у тыльной стороны укрепления, не исключено, что в таком виде курт на функционировала вплоть до конца X века, после чего пришла в запустение.

В конце XIV — начале XV века возводится новая оборонительная стена (**кладка № 3**), сложенная из крупных известковых блоков в технике трёхслойной двупанцирной с забутовкой кладки, на известковом растворе. Основанием послужила поверхность скалы или накопившегося к этому времени пристенного культурного слоя. Ширина стены — до 1,90 м, сохранность в высоту — до пяти рядов (до 2,00 м). Следует отметить, что трасса новой куртины не повторяет линию ранневизантийского укрепления, будучи пристроенной к последнему под значитель-

Рис. 5. Мангупское городище. Укрепление А-ХІV. Общий вид с северо-запада после зачистки поверхности «валганга» на площади раскопа 2014 г.

ным углом. Пространство между стенами забутовано крупным и средним камнем, иногда в качестве забутовки использовались блоки стены VI века, очевидно разрушенной к этому времени. Таким образом, стена первоначального укрепления была превращена в своеобразный бруствер новой оборонительной линии, значительно увеличив её толщину (до 4,00 м). Об этом свидетельствует тот факт, что практически все известные случаи попадания пушечных ядер зафиксированы именно во внешней стене укрепления.

Стратиграфические наблюдения в ходе работ на площади раскопов у тыльной стороны укрепления показали, что при сооружении куртины периода княжества Феодоро в накопившемся здесь культурном слое была выкопана **строительная траншея**, которая фиксируется на ширину от 0,40 до 1,30 м и глубину до 0,80 м, заполненная строительным раствором, отёсом, щебнем и бутовым камнем. Правда, на площади раскопа 2014 года контуры траншеи не столь выразительны. Фактически здесь мы имеем дело со строительной «площадкой» шириной до 2,00 м при возведении стены укрепления. В процессе выборки заполнения траншеи в 2010 и в 2011 годах в ней были обнаружены два безынвентарных погре-

бения (детское и взрослое), назначения которых требует дополнительного обсуждения.

Куртина XV века несёт следы ремонтов и перекладок отдельных участков стены. Наиболее выразительный ремонт связан с сооружением **«валганга»** (каменно-земляной насыпи) вдоль тыльной стороны укрепления накануне или скорее в период осады 1475 года. Мощность насыпи из мелкого и среднего бутового камня, смешанного с грунтом и щебнем, достигала в целом 1,00–1,30 м на участке исследований.

Проведённые в 2014 году раскопки Мангупского городища стали важным этапом археологического изучения памятника. Они позволили завершить многолетние исследования одного из наиболее важных фортификационных узлов обороны крепости — укрепления А-ХІV и возобновить после некоторого перерыва работы на дворце правителей княжества Феодоро в центральной части плато. Важно отметить, что раскопки дворца сосредоточены на новом участке исследований, практически не затронутом работами наших предшественников, что позволяет рассчитывать на высокую степень сохранности объектов, необходимую для их качественных исследований и дальнейшую музеефикацию.

1. Справедливости ради нужно сказать, что гипотезы о двух южных зданиях в комплексе дворца придерживался только Е. Г. Суров, в то время как А. Л. Якобсон настаивал на существовании одного (юго-западного) здания (помещения С). Подробно об истории изучения памятника см.: *Герцен А. Г., Науменко В. Е.* Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. LI : Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвящённой памяти А. В. Банк (1906–1984). — СПб., 2010. — С. 388–395.

2. Отдельные материалы исследований уже введены в научный оборот либо стали предметом обсуждений в рамках докладов на научных конференциях: *Герцен А. Г.* Сасанидский перстень из раскопок Мангупа // IX Международная Крымская конференция по религиоведению «Небесные патроны и земные служители культа». Тезисы докладов и сообщений. — Севастополь, 2007. — С. 18–19 ; *Герцен А. Г., Науменко В. Е.* Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. LI : Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвящённой памяти А. В. Банк (1906–1984). — СПб., 2010. — С. 387–419 ; *Герцен А. Г.* Золотоордынское зеркало из раскопок княжеского дворца Мангупа // Откровения древнего Солхата. — Керчь, 2010. — С. 96–105 ; *Моисеев Д. А.* Средневековая плинфа Мангупского городища // Древности-2013. — Харьков,

2013. — С. 184–189 ; *Душенко А. А.* Детали вооружения из кости и рога из раскопок Мангупа (по материалам 1990–2010 гг.) // Древности-2013. — Харьков, 2013. — С. 294–296 ; *Науменко В. Е., Душенко А. А.* Византийская глазурованная керамика из раскопок Дворца правителей княжества Феодоро (Мангуп) : по материалам исследований 2006–2010 гг. // Поливная керамика Причерноморья — Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации. Тезисы докладов международного научного семинара. — Севастополь, 2014. — С. 93–95.

3. Среди графических материалов к отчёту Е. В. Веймарна о раскопках на Мангупе в 1974 г., который так и остался незавершённым, а сами материалы ныне хранятся в архиве Бахчисарайского историко-культурного заповедника и археологическом музее КФУ им. В. И. Вернадского, сохранился план постройки к западу от помещения С, которая получила в 2006 г. нашу аббревиатуру «помещение J». Очевидно, что постройка была открыта и контуры её стен подчеркнуты снаружи неглубокой траншеей во время экспедиции 1974 г., что удалось зафиксировать стратиграфически работами 2014 г.

4. *Герцен А. Г.* Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. — Симферополь, 1990. — Вып. 1. — С. 138–155.

5. Некоторые результаты этих работ уже опубликованы: *Герцен А. Г., Руев В. Л.* Свинцовые пули из раскопок Мангупа // МАИЭТ. — Симферополь, 2008. — Вып. 14. — С. 385–395 ; *Руев В. Л.* Турецкое вторжение в Крым в 1475 г. — Симферополь, 2014. — С. 33–56.

А. В. Лысенко, В. И. Мордвинцева, Н. И. Сударев, В. Ю. Юрочкин

Исследования могильника римского времени Лучистое-II в Южном Крыму

Впервые объект был выявлен и частично изучен в 2013 году Алуштинским отрядом Горно-Крымской экспедиции Крымского филиала Института археологии НАН Украины (руководитель — кандидат исторических наук И. Б. Тесленко). Объект расположен в северной части Алуштинской долины, на северо-восточной окраине села Лучистого Алуштинского горсовета, на улице Смешной. Собран подъёмный материал I — первой половины III века н. э. и исследована гробница второй половины I века н. э., предварительно соотнесённая со «скифо-таврами» античной нарративной традиции и «позднескифской» археологической культурой. Установлена высокая научная ценность объекта, обусловленная, в частности, тем, что это пока единственный известный в районе Южного берега Крыма археологический объект с закрытыми комплексами раннеримского времени [Тесленко, Лысенко, Масыкин, 2014]. Информация об объекте представлена в органы охраны культурного наследия Республики Крым.

В 2014 году сотрудниками КФ ИА и ИА РАН был проведён осмотр территории объекта археологического наследия. В результате зафиксирован факт повреждения земляными работами двух могил с урновыми захоронениями остатков кремаций. Погребальные комплексы располагались в пределах земельного участка по улице Смешной, 3, в 1 м друг от друга, на глубине не менее 0,4 м от современной дневной поверхности и были вскрыты в процессе прокладки траншеи под установку ограды. Один из них визуальным образом зафиксирован в борту траншеи как хорошо выраженная сегментовидная в сечении линза (длина — около 0,35 м, мощность — не менее 0,10 м) пережжённых и, видимо, очищенных от остатков костра обломков костей, подстилаемых фрагментами крупного обломка амфоры.

Вторая могила — грунтовая яма, перекрытая наброской из плиток мелкоструктурного песчаника (ширина перекрытия — не менее 0,9 м, глубина ямы под ним — не менее 0,4 м). В нижней части углубления — линза рыхлого тёмного серо-коричневого золистого грунта (мощность — до 0,25 м). У дна и по контуру ямы — фрагменты стенок амфоры. Вероятно, урны ориентированы горловиной на юго-восток. Залегавшие здесь же отвалы вынуженного из траншеи грунта содержали элементы пере-

Бронзовая фибула

крытия одного из комплексов (плитки песчаника), обломки пережжённых костей, фрагменты нескольких керамических сосудов, а также изделия из металла. Собраны обломки двух амфор «с воронковидным горлом», двух буролоковых чашек, лепного сосуда, нескольких железных предметов и бронзового браслета, а также бронзовая лучковая подвязная фибула с продетой в неё пряжкой без щитка с прогнутым язычком (см. рисунок). По этим предметам могилы предварительно могут быть датированы первой половиной — второй третью III века. По хронологической позиции и особенностям погребального обряда они сопоставимы с некоторыми комплексами широко известного Чатырдагского некрополя [Мыц, Лысенко, Шукин, Шаров, 2006], расположенного в 4 км к западу-юго-западу от могильника Лучистое-II.

Проведение научно-спасательных работ на данном объекте, находящемся в зоне индивидуальной застройки, позволит получить новые данные по этнической истории варварского населения региона в римскую эпоху.

Мыц В. Л., Лысенко А. В., Шукин М. Б., Шаров О. В. Чатырдаг — некрополь римской эпохи в Крыму. — СПб., 2006. — 208 с.

Тесленко И. Б., Лысенко А. В., Масыкин В. В. Новый могильник римского времени в центре Южной части Горного Крыма // Археологічні дослідження в Україні 2013. — Киев, 2014. — С. 84–85.

Т. В. Егорова

Исследования Крымской археологической экспедиции МГУ на городище Чайка

Работы Крымской археологической экспедиции исторического факультета Московского государственного университета летом 2014 года были сосредоточены в северо-западной и северной частях городища Чайка, близ Евпатории.

В северной части поселения на площади здания III века до н. э. проводилось исследование стен первого греческого периода (вторая половина IV века до н. э.) в целях уточнения ранней планировки внутренней застройки северного участка крепости. В результате выявлено продолжение первой линии помещений у западной оборонительной стены. Из-за высоких грунтовых вод стены удалось зачистить только по верху.

Второй раскоп заложен на северо-западной окраине поселения, в 30 метрах к западу — северо-западу от северо-западной башни херсонесской крепости и здания III века до н. э., на месте разрушенной части северного позднескифского квартала.

Основная задача — выявление и фиксация греческих слоёв и строительных остатков, которые, вероятно, могли располагаться за пределами основного греческого поселения.

Ниже уровня ранней позднескифской вымостки под слоем чистого песка, аналогичного слою, разделявшему греческие и позднескифские слои на большей части территории поселения, обнаружено отдельно стоявшее помещение, ориентированное по линии север — юг с незначительным отклонением к западу, в отличие от прочих греческих строительных объектов, ориентированных на север.

Северная часть помещения уходила под борт раскопа, восточная — уничтожена позднейшим перекопом.

Исследованная площадь помещения составила около 17 кв. м. Западная стена сложена на два лица — из средних и мелких необработанных и слегка подтёсанных камней.

Выявленная по выборке южная стена располагалась полукругом, огибая округлую в плане каменно-сырцовую конструкцию, расположенную в 0,7 м от неё (см. рисунок).

Каменно-сырцовая конструкция, диаметром у основания 2,0 м, высотой около 1,0 м, сужалась в верхней части до диаметра 1,5 м.

Нижняя часть её стенок, до 0,5 м в высоту, была сложена из мелких плоских необработанных камней, обмазанных глиной, верхняя — из сырца. Толщина стенок — от 0,40 до 0,20 м.

Изнутри конструкция была обмазана глиной и заполнена слоем чистого песка практически без находок.

Пол внутри помещения представлял собой золисто-глинистые намазки, поднимался к стенам помещения и намазан на 0,1–0,2 м от основного уровня на внешнюю поверхность стенок конструкции.

Пока не удалось найти аналогии подобному сооружению, но можно предположить, что оно выполняло некие функции, связанные с производством. Судя по конструкции, это могла быть печь. Однако отсутствие следов огня на внутренней поверхности не позволяет сделать определённых выводов.

Отсутствие же вообще каких-либо следов использования этого сооружения позволяет выдвинуть гипотезу о том, что оно построено непосредственно перед гибелью поселения и им просто не успели воспользоваться.

Помещение с каменно-сырцовою конструкцией. Вид с севера

Датирующих находок в заполнении помещения, равно как и вокруг него, обнаружено не было. По стратиграфическому расположению это помещение можно отнести не позднее чем к середине II века до н. э.

На остальной площади раскопа зафиксирова-

но несколько уровней дневной поверхности различных хронологических периодов с отдельными фрагментами вымосток.

Здесь на уровне, соответствовавшем уровню бытования помещения, найден фрагмент ручки херсонесской фляги с отпечатком перстня.

С. Ю. Внуков

Исследования греко-скифского городища Кара-Тобе

В 2014 году продолжены раскопки греко-скифского городища Кара-Тобе у города Саки¹. Как и все прошлые годы, работы велись на двух участках в центре памятника к северу и югу от центральной башни греческой крепости. Общая исследованная за сезон площадь составила около 230 кв. м при толщине снятого слоя до 1,2 м.

На Южном раскопе исследованы слои, отложившиеся при функционировании и разрушении центрального строительного комплекса греческой крепости конца II — первой трети I века до н. э., и раскрыты помещения его внутреннего южного ряда. Полностью или частично открыты три помещения (75, 86, 87), которые ограничивали центральный двор комплекса с юга.

Обнаруженные конструкции принадлежат двум строительным горизонтам. От помещений раннего горизонта сохранились только вымостки, границы которых указывают местоположение почти полностью разобранных стен (см. рисунок). Кладки следующего горизонта (первая треть I в. до н. э.) также сохранились плохо. В это время здесь, на месте среднего помещения 85, видимо, располагался вход в центральный комплекс. Сохранился порожный камень с конструктивными вырубками и обрывки кладок, оформлявших вход. К этому же горизонту относятся раскрытые на участке две глинобитные печи.

Находки из помещений случайны. В целом их можно датировать второй половиной II — первой половиной I века до н. э. Примечательны обожжё-

ная глиняная поделка в форме шестиконечной звезды (игрушка?), фрагмент терракотовой полуфигуры Деметры (?) и среднелатенская фибула зарубинецкого типа.

В северо-восточной части северного раскопа исследованы два помещения (76 и 77) внешнего восточного ряда центрального комплекса. Их стены были целиком разобраны в древности; планировка прослеживалась по границам глиняных полов и траншеям выборок стен. Помещения почти квадратные, около 3 × 3 метра. В них также открыто два строительных горизонта.

Помещения обоих горизонтов погибли в пожарах. Пол нижнего горизонта намазан на материк, верхнего — на слой горелого завала. Находок на них мало. Только в нижнем завале обнаружена амфора неизвестного центра.

В северо-западной части северного раскопа продолжалось исследование северо-западного жилищно-хозяйственного комплекса «цитадели» позднескифского посёлка. Она была построена на месте крепости Митридатовского времени (строительный период II, середина I в. до н. э. — первая четверть I в. н. э.).

Доследованы четыре его восточных помещения. Полностью выявлены конструкции строительного горизонта 2б, начато раскрытие более ранних помещений горизонта 2а. Их планировка лишь в деталях отличалась от планировки построек верхнего горизонта. Так, на площади помещения 81 первоначально находились два небольших сооружения.

¹ Работы велись при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Исследования археологических памятников округа Евпатории» № 14-01-18079.

*Кара-Тобе. Южный раскоп, помещения южного ряда
центрального строительного комплекса греческой крепости. Вид с востока*

Было полностью раскрыто помещение 82, пристроенное снаружи к северной стене «цитадели». Кроме того, раскрыт крайний западный отрезок скифской северной улицы. Как и на других участках, последний её уровень представлял собой прослойку мелкой морской гальки с большим количеством би-

той керамики и костей. Также на обоих раскопах выбрано 12 зерновых ям. В одной из них найдена целая синопская амфора редкого типа Син V.

Работы 2014 года дали новую важную информацию о планировке памятника на разных этапах его истории.

О. В. Шаров, В. Ю. Юрочкин

Разведки в Бахчисарайском районе

В результате археологических разведок, проведённых в 2014 году сотрудниками Института истории материальной культуры и Крымского филиала Института археологии, выявлены следующие объекты.

1. В 1,7–2,3 км к юго-западу от села Скалистого, в балке Балта-Чокрак, некогда занимаемой село Балта-Чокрак (Алёшино), обнаружен неизвестный ранее некрополь римского времени.

Объект археологического наследия расположен на северо-западном склоне безымянной возвышенности, в 0,3 км к северу от заброшенного карьера. Поверхность задернована, частично поросла кустарником и небольшими деревьями. На поверхности отмечены следы грабительских шурфов глубиной 1–2,5 м, повредивших погребальные сооружения. На грунтовой дороге зафиксированы просадки, образовавшиеся вследствие провалов погребальных сооружений. Площадь объекта 2,5 га. Судя по глубине грабительских шурфов, часть повреждённых погребальных сооружений представляет собой грунтовые склепы, что характерно для могильников данного региона III–IV веков н. э.

2. На территории Красномакского сельсовета, в 3,2–4,4 км к юго-западу от юго-западной окраины села Красный Мак, между платом горы Эски-Кермен и платом горы Тапшан, в балке Джурла зафик-

сировано поселение с выраженным культурным слоем. Площадь его 36 га. Шурфовка, проведённая в северной части поселения, выявила культурные напластования мощностью до 1 м. В слое обнаружены фрагменты керамической посуды и черепицы X–XIII веков. Вероятно поселение связано с близлежащим пещерным городом Эски-Кермен и укреплением Кыз-Куле.

Кроме того, проведена шурфовка в Баглинской долине (район села Скалистого), на территории средневекового поселения, расположенного между юго-восточным подножием горы (на плато которой находятся остатки средневекового пещерного города Бакла) и северо-западным склоном горы Биюк-Сырт (на склонах которой локализуется раннесредневековый могильник «Дурной яр»).

В 1978–1980 годах на территории поселения экспедицией Уральского государственного университета (руководитель В. Е. Рудаков) были обнаружены христианские храмы VIII–IX и X–XIII веков с прилегающими некрополями, а в 1993 году зафиксирована часть постройки на каменном цоколе VIII–X веков, в руины которой впущен могильник X–XIII веков.

Шурфовка, проведённая в 2014 году, выявила наличие культурного слоя на поселении. В одном из шурфов зафиксированы участок кладки и культурный слой VIII–X веков.

Ю. П. Зайцев, И. И. Шкрибляк

Археологические исследования на территории Белогорского района

В июле — сентябре 2014 года Крымская Предгорная археологическая экспедиция Крымского филиала Института археологии и КРУ «Историко-археологический заповедник «Неаполь Скифский» проводила археологические работы на позднескифском городище Ак-Кая/Вишенное, курганных некрополях Чигирник и Беш-Оба (к востоку от села Вишенного), Тагай (к западу от села Павловка) и Азамат (к востоку от села Малиновка).

В октябре 2014 года на территории всего Белогорского района в связи с предполагаемым строительством линии электропередач по проекту «Сооружение электросетевого энергомоста Российская Федерация — полуостров Крым» от села Добролюбовка на восточной его окраине до села Мазанка на западной были проведены масштабные разведки. В результате выявлены ранее неизвестные памятники археологии: средневековое поселение и некрополь Тобек-Сарай близ села Добролюбовка, позднескифское городище Мелек близ села Некрасово, многочисленные курганы эпохи бронзы и раннего железного века.

Позднескифское городище Ак-Кая/Вишенное

Исследованная площадь — 150 кв. м.

В 2014 году в секторе 8Е был доследован культурный слой в границах квадратов 36/37/38/56/57/58. Открыт новый строительный комплекс — землянка с каменной обкладкой бортов. В заполнении встречен керамический материал II–III веков н. э., что позволяет в целом датировать сооружение римским временем.

Также в границах указанных квадратов доследован зольник I–II веков н. э.

В квадрате 56, ниже подошвы оборонительной стены VIII–IX веков, зафиксирован участок более

ранней оборонительной стены с откосом калитки. Проём калитки имел многослойную вымостку, в плотном заполнении которой встречен керамический материал I века н. э.

Существование в этом месте стены с калиткой позволяет окончательно решить вопрос существования на этом месте в римское время небольшого (площадью 1 га) укрепленного городища, сменившего большую крепость на рубеже эр.

После окончания раскопок на участке 8Е проведены большие по объёму работы по консервации строительных остатков и благоустройству раскопа.

Группа Чигирник, курган 9

Во время одного из разведочных выездов экспедиции на плато Беш-Оба, между сёлами Вишенное и Васильевка, была осмотрена курганная насыпь с грабительской ямой. Исследование ямы показало, что современными грабителями проломлена плита перекрытия вырубленного в мшанковом известняке склепа и прокопана часть его заполнения.

В целях получения научной информации и сохранения погребального сооружения склеп полностью доследован.

Параметры сооружения:

- высота насыпи — 1,4 м;
- диаметр насыпи — 16,5 м;
- параметры камеры склепа — 2,8 × 1,6 м;
- высота — около 1,7 м;
- камера ориентирована по оси запад — восток с незначительным отклонением;
- площадь раскопа — 16 кв. м.

Сооружение представляло собой котлован, полностью вырубленный в известняковой скале и перекрытый четырьмя большими плитами. Входное отверстие находилось с восточной стороны и обрам-

лялось двумя крупными камнями. Закладная плита была повалена в древности.

Детальное изучение объекта показало, что в течение III–II веков до н. э. в склепе было захоронено около 50 человек, причём часть костных останков была зафиксирована в перемешанном состоянии у западной стенки склепа, а в восточной его части (приходовой) прослежены относительно целые костяки. Примечательным является тот факт, что отдельные части скелета (стопы, сочленения руки) в навалу у западной стенки сохранили анатомический порядок.

Среди индивидуальных находок из склепа следует отметить унгентарий с лаковым покрытием, железные портупейные крюки и наконечники стрел, бронзовые браслеты и фибулы-сюльгамы, многочисленные бусы.

В восточной части курганной насыпи был разбит раскоп 4 × 4 м для исследования дромоса и подкурганного пространства перед ним. Работы на этом месте показали, что склеп был окружён каменной кольцевой крепидой, внутри которой был сконцентрирован скальный грунт, добытый во время вырубки котлована. Под одним из камней найдены железные предметы конской упряжи — пластинчатый налобник с крючком и удила с крестовидной насадкой.

После окончания работ курганная насыпь полностью восстановлена, а склеп надёжно законсервирован.

Беш-Оба. Курган IV/5

До начала работ в центре кургана отмечена современная грабительская яма, осмотр которой показал, что под насыпью находится прямоугольный в плане каменный склеп. Грабителями была пробита крайняя западная плита перекрытия, удалена большая часть затечного грунта и перекопан слой костей на дне камеры.

В целях предотвращения дальнейшего разрушения камеры склеп исследован полностью.

Параметры сооружения:

- высота курганной насыпи — 1 м;
- диаметр насыпи — 28 м;
- размер камеры склепа — 2 × 1,4 м;
- ориентация по линии запад — восток, входное отверстие расположено с восточной стороны;
- площадь раскопа — 8 кв. м.

Зачистка нетронутой, восточной части заполнения камеры выявила костные останки 10 человек, черепа которых уложены близ восточной стенки камеры, непосредственно перед дромосом. Индивидуальные находки — нижняя часть лепной реберчатой курильницы, гончарная чашка, глазчатые бусины — позволяют датировать захоронения в камере III–II веками до н. э.

В целях открытия входной ямы в восточном поле кургана был разбит раскоп размером 3 × 2 м. Дромоса в традиционном представлении здесь обнаружено не было, пространство курганной насыпи перед закладной плитой было в древности забутовано крупными и средними известняковыми камнями. Среди камней обнаружено компактное скопление костей взрослого человека.

После окончания работ склеп полностью законсервирован, а курганная насыпь восстановлена в прежнем объёме.

Азамат. Курган 7

Исследование подкурганного каменного склепа обусловлено многократными грабительскими раскопками, в результате которых был разрушен его потолок и прокопана верхняя часть заполнения.

Параметры сооружения:

- высота насыпи кургана — 3,2 м;
- диаметр — около 46 м;
- внутренний размер камеры склепа — 3,1 × 2,5 м;
- высота — около 2,5 м;
- камера ориентирована по линии запад — восток, вход и дромос находились с восточной стороны;
- площадь раскопа — 16 кв. м.

Как показали исследования, склеп был впущен в восточную часть насыпи кургана и по отношению к основному погребению являлся вторичным. Он сооружён из хорошо обработанных и тщательно подогнанных известняковых блоков. В плане камера прямоугольной формы, все четыре стены имеют отрицательный наклон. Частично сохранившееся купольное многогранное перекрытие состояло из массивных обработанных плит, также тщательно подогнанных одна к одной. Исследование камеры показало, что она подверглась ограблению как минимум трижды. Первый раз это произошло в позднескифское время при совершении вторичных захоронений. Второй раз, вероятно, в Средневековье, когда была вскрыта большая часть плит пола и сдвинуты в юго-восточный угол все костные останки. В третий раз верхняя часть склепа разрушена современными грабителями.

Раскопки дромоса показали, что он сооружён в совершенно другой технике. Его стены сложены из необработанных известняковых камней на глиняном и грязевом растворе. Массивная закладная плита состояла из двух частей, верхняя из которых была отвалена, вероятно, во время совершения вторичных захоронений. В камере, среди разрозненных костей примерно 10 человек, найден фрагментированный унгентарий III века до н. э. и бронзовый трёхгранный наконечник стрелы.

После окончания работ сооружение полностью законсервировано отработанным грунтом.

Тагай. Курган 7

Спасательные раскопки на этом кургане были организованы для исследования сильно разрушенного и ограбленного каменного склепа с плитовым перекрытием, в отвалах вокруг которого было обнаружено большое количество человеческих костей.

Параметры сооружения:

- высота насыпи — 0,6 м;
- диаметр насыпи — 18 м;
- размер камеры — 3,1 × 1,2 м;
- высота — 1,8 м;
- ориентация по линии запад — восток;
- размер дромоса — 1,3 × 0,7 м;
- площадь раскопа — 18 кв. м.

Согласно устному сообщению учителя истории из села Васильевка, склеп был вскрыт в конце 1980-х годов и оттуда извлекли фрагменты железной сабли и стремян.

Заполнение камеры полностью перекопано и, как показали исследования 2014 года, в некоторых

местах в поисках тайников был прокопан материковый пол склепа.

В перекопанном грабителями грунте внутри камеры и на отвалах собраны кости двух взрослых человек, а во время зачистки поверхности плит перекрытия в пределах раскопа был обнаружен ещё один отдельно лежащий человеческий череп.

В перемешанном заполнении склепа среди фрагментов костей также обнаружен железный нож с остатками деревянной рукояти.

Заложенный в восточном поле кургана раскоп показал, что дромос склепа оформлен в виде узкого (шириной 0,7 м) коридора, ограниченного с двух сторон кладками из необработанного известняка на грязевом растворе. Закладная плита в древности была отвалена.

Исходя из полученных данных, в скифском склепе совершено вторичное парное захоронение половецкого времени.

После окончания исследований склеп законсервирован, а насыпь кургана полностью восстановлена.

А. А. Супренков

К проблемам сохранения памятников археологии Керченского полуострова (предварительные итоги работ 2014 г.)

В мае — сентябре 2014 года отрядом отдела охранных раскопок Института археологии РАН, совместно с сотрудниками КРУ «Керченский историко-культурный заповедник» под руководством автора проводились охранно-спасательные археологические работы (разведки) на территории Ленинского района и города Керчи. Исследования осуществлялись в трёхкилометровой прибрежной зоне проектирования Жуковского варианта строительства транспортного перехода через Керченский пролив (см. рисунок).

Керченский полуостров — уникальный по насыщенности археологическими объектами регион. Его освоение началось ещё в первобытную эпоху и не прерывалось вплоть до новейшего времени. Даже по самым обобщённым данным на территории полуострова расположено несколько сотен археологических памятников разных культур и эпох¹. Это богатейшее культурное наследие требует особой ответственности в деле обеспечения его сохранности.

Согласно предоставленному проектировщиками варианту, трасса моста начиналась на востоке, севернее порта Крым, проходила через Красную улицу, затем её южная ветвь шла на юго-запад, параллельно Киммерийскому шоссе, к северу от него, а северная имела направление на северо-запад, к пруду на юге от села Глазовка.

Данный район (к слову, самое узкое место Керченского пролива) начал заселяться не позднее эпохи бронзы. Здесь известно несколько поселений

этого периода, в частности памятник археологии федерального значения Каменка (гос. № 01021-Н), который дал наименование соответствующей археологической культуре. С началом же античной эпохи данный участок приобрёл особое стратегическое значение, связывая между собой греческие полисы, которые начиная с VII века до н. э. основывались колонистами на обоих берегах Боспора Киммерийского.

К античной эпохе на данном участке относятся городища Порфмий (гос. № 312) и Парфений (гос. № 010023-Н)², их некрополи, а также множество разного размера поселений, усадеб и погребальных комплексов. Не прекращалась здесь жизнедеятельность и в византийскую, и в средневековую эпоху. Всего в обследуемом районе, согласно архивным данным, известно не менее двух десятков памятников археологии.

В связи с тем, что предоставленный проект трассы имел предположительный, не утверждённый характер, задачей отряда была не сплошная археологическая разведка территории, а в первую очередь мониторинг уже известных памятников и осмотр наиболее перспективных участков в целях выявления новых.

В ходе работы обследовано 27 объектов археологического наследия. Описано их современное состояние и осуществлена локализация по отношению к варианту трассы. На распаханных участках собран подъёмный материал. Для определения и уточнения границ памятников археологии на не-

¹ См., например, «Археологическая карта Крыма» С. Л. Смекалова <http://www.archmap.ru/>

² Отметим, что по современному законодательству (ст. 4 Федерального закона № 73-ФЗ) все памятники археологии имеют федеральное значение.

Рис. 1. Археологические объекты в 3 км прибрежной зоне на космическом снимке.

Керченский мост. Жуковский вариант. Археологические объекты в трёхкилометровой прибрежной зоне на космическом снимке

которых участках проводились земляные работы. Всего было заложено 26 шурфов размером, как правило, 1 × 2 и 2 × 2 м. На части памятников снят топографический план, границы остальных были нанесены на спутниковые снимки. Собрана археологическая коллекция из 11 коллекционных артефактов и нескольких десятков предметов массового материала.

Отметим, что 15 памятников археологии (более половины) либо не обследовались ранее, либо данные об этом отсутствуют, следовательно, они фактически являются вновь выявленными. Среди них восемь единичных курганов, могильник из трёх курганов, некрополь римского времени, две античные усадьбы, античное поселение, средневековое

поселение, а также пункт скопления средневековой керамики.

По сегодняшним сведениям, Жуковский вариант не является предпочтительным для строительства транспортного перехода. Тем не менее обследованные участки могут попасть в проекты других строительных объектов. В связи с этим, на наш взгляд, крайне актуальна задача оперативной постановки выявленных объектов на государственный учёт (на сегодняшний день из вышеуказанных зарегистрировано только несколько).

Не менее важно своевременно публиковать результаты исследований и популяризировать ценности уникального крымского археологического наследия.

Н. Ф. Федосеев

Археологические исследования в районе Царского кургана в Керчи

В 2013 году экспедиция КРУ «Керченский историко-культурный заповедник» проводила охранные исследования под благоустройство территории вокруг Царского кургана. Предполагается использовать территорию к западу от дромоса в качестве площадки для размещения погребальных объектов.

На этом месте в конце XIX — начале XX века находился павильон для хранения надгробных памятников, но был разрушен во время Второй мировой войны. Он изображён на одной из фотографий, хранящихся в архиве керченского музея.

В настоящее время дневная поверхность в этом месте заросла кустарником. Микрорельеф — сложный, с воронками, траншеями выборки. В рельефе местности выделялось небольшое всхолмление, предположительно, на месте разрушенного павильона. Он представлял собой крытый навес в плане П-образной формы, с длинной стеной, вытянутой по оси северо-восток — юго-запад.

В 27 м к юго-востоку от дромоса кургана был заложен раскоп I (два квадрата по 5 × 5 м) вдоль предполагаемого расположения павильона.

Верхние слои на всей площади раскопа представляли собой развал каменных стен павильона и ямы выборки. Основные находки были сделаны в верхних слоях, в то время как в нижележащих слоях, практически представляющих собой плотный суглинок, в который были впущены фундаменты, вещественные находки не обнаружены. Раскопками открыт фундамент стены, а весь камень, пригодный для строительства, был выбран ранее.

Фундамент павильона обнаружен на глубине около 1 м от условного нуля раскопа. Удалось расчислить центральную часть длинной стены павильона и внутреннее пространство, в котором находились лапидарные памятники.

Кладка регулярная, орфостатная, трёхслойная (два лицевых панциря, соединённых каменными перемычками и глинисто-бутовое заполнение), сохранилась на высоту двух рядов камней. Строительный материал — пилёный камень семерик (0,70 × 0,20 × 0,20 м). Ряды кладки сложены насухо вразбежку. Павильон был построен из камня, стены сложены насухо, крыша черепичная из «татарки» с использованием известкового раствора.

К сожалению, выборки камня повредили полы павильона, поэтому конструкцию проследить не удалось. Нами был зафиксирован шурф 3 × 3 м, который, предположительно, был выкопан в 1980-е годы сотрудниками керченского музея С. А. Шестаковым и В. Н. Холодковым в целях поиска лапидарных памятников. Тогда на глубине 0,2–0,6 м было найдено и извлечено 47 фрагментов памятников [Архив КИКЗ, оп. 2, д. 880, т. 2, л. 110–115].

При расчистке территории на дневной поверхности были обнаружены фрагменты каменной скульптуры, тарапан, мраморный архитрав. Во время расчистки завала из битого камня найдены фрагменты надгробных стел, саркофагов, архитектурных деталей, мраморные фрагменты надписей, а также многочисленные мелкие фрагменты чернолаковой керамики, античной черепицы, гильзы, изделий из железа, фарфоровые фрагменты посуды XIX — первой половины XX века (см. рисунок).

Для установления местонахождения колодца, изображённого на одном из рисунков, с западной стороны насыпи, в 50 м от раскопа I, заложен раскоп II (квадрат 5 × 5 м, который по мере производства работ был расширен до площади 7,00 × 5,50 м).

Под слоем мусора второй половины XX века (печной шлак, сбросы бытового мусора) открыто круглое в плане сооружение, устье которого перекрыто листами железа, спинками кроватей.

Археологические находки, обнаруженные при проведении исследований в районе Царского кургана

Устье оформлено мощной трёхслойной кладкой сложной конструкции: внутренний фас сложен из пиленых клиновидных штучных камней шестириков (0,60 × 20 × 20 м), уложенных радиально, внешний фас — из шестириков по кругу длинными сторонами, внутреннее пространство заполнено колотым мелким и средним бутом.

Колодец представляет собой вертикальную шахту с вертикальными стенками, вырубленную в материковой породе, глубиной приблизительно 25 м. Устье шахты на глубину 2 м обложено иррегулярной бутовой кладкой.

Время сооружения колодца можно установить только приблизительно. Оформление обкладки колодца из штучного камня шестирика датируется концом XIX — началом XX века, оформление устья колодца может относиться к эпохе позднего Средневековья. В то же время, по мнению В. П. Толстикова, древнейшая часть колодца может относиться к античному периоду.

В любом случае открытие колодца представляет большое значение для этого памятника.

После завершения полевых работ раскопы были засыпаны.

Н. В. Кармазина, А. В. Хливнюк

Общественные инициативы в охране культурного наследия Республики Крым

Президент Российской Федерации В. В. Путин в выступлении на совместном заседании президиума Госсовета и президиума Совета по культуре и искусству отмечал: *«Для нашей страны культурное наследие — это не только богатство, но и огромный ресурс, и поэтому задача сохранения культурного наследия является общенациональной задачей»*.

Руководствуясь заданным президентом стратегическим курсом, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) в апреле 2014 года открыло в Крыму и Севастополе два новых отделения организации. Учитывая общее историческое прошлое, сложившиеся культурные связи Крыма и России, общие цели и задачи, московские и крымские памятникоохранители разработали план совместных действий в деле охраны, сохранения, использования и популяризации памятников истории и культуры Крыма, а также провели в Симферополе и Севастополе серию научно-практических семинаров, направленных на решение ключевых проблем в сфере исторического и культурного наследия Крыма.

Первый заместитель председателя Центрального совета ВООПИиК Артём Демидов при подписании в Симферополе соглашения о создании отделений отмечал: *«Сегодня актуально для Республики Крым определение практических алгоритмов охраны культурного наследия в рамках законодательства Российской Федерации, а новые отделения будут следить за соблюдением закона в этой области»*.

Одним из первых совместных мероприятий московских и крымских активистов стал мониторинг состояния памятников истории и культуры Крыма в

целях проведения первоочередных противоаварийных и реставрационных работ. Были обследованы объекты культурного наследия Симферополя, Севастополя, Евпатории, Алушты и Ялты. Полученная в ходе мониторинга информация составила основу так называемой дорожной карты по сохранению культурного наследия Крымского полуострова на ближайшие годы: создание компьютеризированной базы данных объектов культурного наследия; проведение государственной историко-культурной экспертизы; организация первоочередных противоаварийных и ремонтно-реставрационных работ на памятниках архитектуры; геодезические и топографические работы по установлению границ территорий памятников и их охранных зон с установлением охранных знаков и охранных досок; паспортизация объектов культурного наследия и заключение на них охранных договоров; занесение всех объектов культурного наследия к концу 2018 года в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации, обретение ими статуса памятников федерального, регионального и местного значения.

30 июня 2014 года в Научной библиотеке «Таврика» Центрального музея Тавриды состоялась научно-практическая конференция «Актуальные проблемы охраны и использования культурного наследия в Крыму», которая была организована Крымским отделением ВООПИиК при содействии Всероссийского общественного общества охраны памятников истории и культуры, КРУ «Научно-исследовательский центр памятникоохранительных исследований Республики Крым».

Главной целью мероприятия стала популяризация историко-культурного наследия Крыма, привлечение учёных, представителей органов государственной власти, общественности к проблемам охраны и эффективного использования памятников истории и культуры полуострова. Участникам была презентована фотовыставка объектов культурного наследия Крыма.

В конференции приняли участие памятниковохранители, краеведы, работники музейных учреждений, аспиранты и студенты Москвы, Санкт-Петербурга, Крыма и Севастополя. Участники представили свои исследования в следующих направлениях: современное состояние охраны и использования объектов культурного наследия в Крыму; памятники архитектуры Крыма; увековечение страниц истории Крыма; вклад выдающихся деятелей науки и культуры Крыма в дело сбережения культурного наследия, история памятниковохранительной деятельности в Крыму.

В рамках конференции были презентованы новые секции, созданные в структуре Крымского республиканского отделения ВООПИиК: памятников археологии (руководитель — кандидат исторических наук, главный специалист отдела по сохранению и использованию объектов культурного наследия Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым В. Л. Руев), памятников архитектуры (руководитель — старший научный сотрудник КРУ «Научно-исследовательский центр памятниковохранительных исследований Республики Крым» Т. Э. Саргсян, а также секция эффективного использования культурного наследия (руководитель — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика предприятия» Университета экономики и управления О. Ю. Пироженко).

Представленные на мероприятии научные изыскания, опыт практической деятельности помогли участникам выработать совместные направления деятельности, запланировать конкретные мероприятия по сохранению, популяризации, эффективному использованию культурного наследия Республики Крым. Прежде всего это сохранение объектов археологического наследия от разграбления и проведение первоочередных охранно-археологических исследований на памятниках археологии, наиболее подвергающихся разграблению и разрушению, определение практических алгоритмов охраны культурного наследия в рамках законодательства Российской Федерации.

Сегодня активно решается одна из приоритетных задач — вовлечение в члены организации подвижников охраны культурного наследия в городах и районах Крыма. Созданы ячейки в Алуште, Евпатории, Керчи, Саках, Ялте.

По инициативе Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры 7 июня 2014 года

в Алуште в рамках Конгресса профессиональных работников и лидеров некоммерческих организаций в сфере культуры состоялся круглый стол на тему «Актуальные проблемы сохранения культурно-исторического наследия. Роль профессиональных сообществ и гражданских инициатив». В нём приняли участие учёные, работники учреждений культуры, представители общественных организаций, научная и практическая деятельность которых связана с памятниковохранительными вопросами. Председатель Центрального совета ВООПИиК Г. И. Маланичева осветила многолетнюю работу Общества по сохранению культурного наследия России.

Особое внимание было уделено обсуждению сегодняшнего состояния объектов культурного наследия Крыма и возможных путей решения проблем охраны и эффективного использования памятников истории и культуры полуострова. Крымские памятниковохранители ознакомились с опытом российских коллег, что очень важно в условиях адаптации памятниковохранительной сферы к российским стандартам.

Вопросы охраны культурного наследия Крыма в контексте российского опыта стали темой для обсуждения в рамках круглого стола региональных организаций ВООПИиК, который состоялся в Великом Новгороде 26 июля 2014 года в рамках мероприятий по случаю вручения всероссийской премии профессионального сообщества искусствоведов, реставраторов и меценатов «Хранители наследия». В презентации организаций Крыма и Севастополя председателем Центрального совета ВООПИиК были отмечены высокий научный уровень развития памятниковедения в Крыму, доскональность истории воссоздания памятниковохранительного процесса, сохранение традиций памятниковохранения на полуострове.

В 2014 году среди лауреатов премии «Хранители наследия» впервые были названы имена двух священнослужителей из Крыма — игумена Ореста, наместника Инкерманского Свято-Климентовского монастыря, и протоиерея Николая Доненко, настоятеля храма в посёлке Нижняя Ореанда. Их вклад в сохранение культурного наследия отмечен в номинации «Служение».

Крымское отделение совместно с ВООПИиК подготовило обращение в Министерство культуры Российской Федерации об уничтожении под видом реставрационных работ старой росписи, выполненной в конце XIX века в Евпатории, в Свято-Николаевском соборе, где была сбита штукатурка, заново расписаны стены в новодельном стиле, имитирующем древнерусскую живопись.

Крымское отделение обращалось в Центральный совет ВООПИиК за содействием в определении судьбы усадьбы Арндтов. Для решения вопроса

принадлежности дома Н. Арндта в российском правовом поле было рекомендовано подготовить акт государственной историко-культурной экспертизы комплекса строений усадьбы Арндтов-Ребец как обладающего признаками объекта культурного наследия для постановки под государственную охрану в качестве объекта культурного наследия регионального значения.

Совместно с ВООПИиК крымским отделением был взят курс на переход от охраны только выдающихся памятников к охране исторической застройки. Мониторинг её состояния показал множество проблем. Активно застраиваются центральные улицы крымских городов, уничтожается исторический облик Алушты, Ялты. В генеральных планах практически ни один населённый пункт не имеет полноценных разделов, отражающих наличие объектов культурного наследия.

Совместно с Общественным советом при Государственном комитете по охране культурного наследия Республики Крым выработаны предложения по координации и повышению эффективности охраны объектов культурного наследия. Среди них — обращение к главе Республики Крым, председателю Совета министров С. В. Аксёнову с просьбой провести обследование крымских городов в целях установления в их планировочной структуре границ территорий, обладающих объектами культурного наследия, ценной исторической застройкой и другими объектами охраны; устранить практику кулуарного формирования перспективных программ и планов, реализации задач в области охраны памятников, разработки генеральных планов городов без при-

влечения специалистов в этой сфере — архитекторов, реставраторов, экспертов; ускорить работы по подготовке генеральных планов крымских городов, разработке новых историко-архитектурных опорных планов, а также созданию специальной службы, осуществляющей управление в сфере архитектуры и градостроительства — службы главного архитектора Республики Крым, в компетенцию которой войдут вопросы комплексного и эффективного градостроительного планирования с учётом сохранения исторического и культурного наследия, природных ландшафтов, повышения уровня архитектурно-художественной выразительности застройки городов и других поселений, развития социальной, производственной и инженерно-транспортной инфраструктур, создания безопасной, экологически чистой, благоприятной и комфортной среды жизнедеятельности.

В планах Крымского отделения ВООПИиК — вовлечение в свои члены подвижников охраны культурного наследия в городах и районах Крыма, создание там ячеек, содействие органам государственной власти в реализации единой памятникоохранной политики, совершенствовании законодательства, в государственной охране, контроле и надзоре, популяризации объектов культурного наследия. Обществу предстоит завоёвывать позиции регионального центра, консолидирующего общественно-профессиональные силы в сфере охраны памятников, выработать формы сотрудничества с ведущими общественными и политическими движениями региона для консолидации и координации общественных усилий по сохранению наследия.

**Желающие вступить в Крымское республиканское отделение ВООПИиК
могут обращаться по адресу: Симферополь, ул. Гоголя, 14, кабинет 16
Контактный телефон +7 (978) 721-37-09**

Поздравляем с 70-летним юбилеем!

Владимир Николаевич Гуркович

Родился 2 января 1945 года в городе Куйбышеве (Самара) в семье генерал-майора инженерно-авиационной службы. В 1949 году его семья переезжает в Симферополь, где находился штаб Таврического военного округа, в котором служил главным инженером ВВС его отец, Николай Артёмович Гуркович. В 1963 году окончил среднюю школу № 14, в 1967-м — исторический факультет Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе.

Владимир Николаевич навсегда остался благодарен своим родителям, которые были далеки от науки под названием история, но, прожив тяжёлое, сложное время, правдиво рассказывали ему о нём, общались к подлинной истории.

В. Н. Гуркович работал инструктором пешеходного туризма, преподавателем истории и обществоведения в школе, научным сотрудником в ряде му-

зеев Крыма, в Симферопольском государственном университете имени М. В. Фрунзе. Большую часть трудовой жизни посвятил изучению памятников истории и культуры Крыма, их защите, восстановлению и популяризации. При этом трудовая гамма была широчайшей — от шофёра грузового автомобиля Крымского хозрасчётного строительного участка Украинского общества охраны памятников истории и культуры до начальника научного отдела Республиканского комитета по охране и использованию памятников истории и культуры Автономной Республики Крым. Ныне работает старшим научным сотрудником в КРУ «Научно-исследовательский центр памятниковоохранных исследований Республики Крым».

В начале 1980-х годов В. Н. Гуркович был одним из первых энтузиастов в деле возрождения руинированных и забытых памятников эпохи Крымской

войны 1853–1856 годов (Братское кладбище в Симферополе, кладбище на поле боя Альминского сражения, памятник русским воинам в Евпатории, Французское военное кладбище в Севастополе и другие аналогичные объекты). Является автором идеи (1994 г.) проведения республиканского Дня памяти воинов, павших в Крымской войне.

Автор нескольких книг и многих научных и научно-популярных журнальных и газетных публикаций об историко-культурных и военно-исторических памятниках Тавриды (от Екатерининской эпохи до наших дней), в том числе очерков о памятниках Российской Тавриды в книге «Русские».

Лауреат Государственной премии Республики Крым (1997 г.), премии имени Александра Бертье-Делагарда Крымского республиканского фонда культуры (2000 г.), Международного открытого рейтинга популярности «Золотая Фортуна» (2001 г.),

заслуженный работник культуры Автономной Республики Крым (2005 г.).

Награждён памятным знаком «70 лет партизанскому движению в Крыму» и памятной медалью «Юбилей Всенародного Подвига. 1613–2013» (от имени главы Российского императорского дома великой княгини Марии Владимировны).

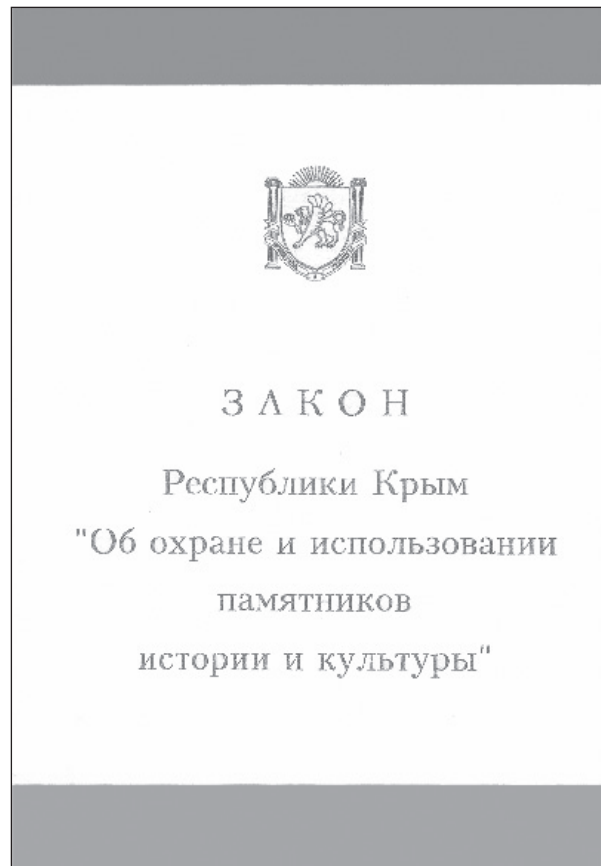
Интересы: крымская и всемирная история, отечественная и мировая литература (был знаком с Олесем Адамовичем, любит прозу Василя Быкова и Светланы Алексиевич), туризм (был в Венгрии, Чехии, Словении, Польше, Германии, Голландии, Люксембурге, Бельгии, Франции, Монако, Испании, Португалии и Турции).

Крымчане знают Владимира Николаевича Гурковича как замечательного, интересного публициста, принципиального и бесстрашного в отстаивании правды.

*Редакционная коллегия «Исторического наследия Крыма»
и вся научная и культурная общественность республики
поздравляют Владимира Николаевича с юбилеем
и желают ему долгой, плодотворной и интересной жизни!*

*Новое В законодательстве
Республики Крым
по охране культурного наследия*

*Первый в Крыму закон об охране памятников
(ВВСК, 1993 г., № 3, ст. 122). Принят постановлением
Верховного совета Крыма от 26 марта 1993 г. № 280-1*

**Государственный комитет
по охране культурного наследия Республики Крым
просит всех крымчан, неравнодушных к проблемам охраны
и сохранения памятников Крыма, высказать своё мнение
о Законе Республики Крым от 11 сентября 2014 года № 68-ЗРК
«Об объектах культурного наследия в Республике Крым»,
принятом Государственным советом РК 8 августа 2014 года**

**Ваши замечания и предложения
направляйте по адресу:
ул. Гоголя, 14, г. Симферополь, Республика Крым, 295011
e-mail: rk.okn@yandex.ru**

ЗАКОН РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Об объектах культурного наследия в Республике Крым

*Принят Государственным Советом Республики Крым
8 августа 2014 года*

(с изменениями, внесёнными Законом Республики Крым
от 06.11.2014 № 4-ЗРК «О внесении изменений в Закон Республики Крым
«Об объектах культурного наследия в Республике Крым»
(Крымские известия, 2014, 12 ноября, № 223(5634)
<http://crimiz.ru/index.php/2014-04-03-07-29-46/16836-2014-11-12-07-12-33>)

Оbjectы культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации (далее — объекты культурного наследия) — это объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) в Республике Крым являются неотъемлемой частью национального богатства и достоянием народов Российской Федерации, частью всемирного культурного наследия и находятся под охраной государства в интересах настоящего и будущих поколений народов, проживающих в Республике Крым.

Государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в Республике Крым является одной из приоритетных задач органов государственной власти Республики Крым и органов местного самоуправления.

Глава 1. Общие положения

Статья 1. Предмет регулирования настоящего Закона

Предметом регулирования настоящего Закона являются отношения, возникающие в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регионального значения, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения и выявленных объектов культурного наследия в Республике Крым.

Отношения, возникающие в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения в Республике Крым, регулируются законодательством Российской Федерации.

Статья 2. Правовое регулирование отношений в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регионального значения, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения и выявленных объектов культурного наследия в Республике Крым

1. Правовое регулирование отношений в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регионального значения, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения и выявленных объектов культурного наследия в Республике Крым осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Гражданским кодексом Российской Федерации, Основами законодательства Российской Федерации о культуре, Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также Конституцией Республики Крым, настоящим Законом, иными законами Республики Крым и нормативными правовыми актами.

2. Отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), связанные с землепользованием и (или) градостроительной деятельностью, регулируются

земельным законодательством Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о градостроительной и об архитектурной деятельности, законодательством Российской Федерации об охране окружающей среды, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также принимаемыми в соответствии с ними законами Республики Крым.

3. Имущественные отношения, возникающие при сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, регулируются гражданским законодательством Российской Федерации с учётом особенностей, установленных Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и настоящим Законом.

Статья 3. Действие настоящего Закона

Установленный настоящим Законом порядок сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия применяется в отношении всех объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регионального значения, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения и выявленных объектов культурного наследия в Республике Крым, независимо от форм собственности, характера использования, а также от степени их сохранности.

Статья 4. Понятия и термины, используемые в настоящем Законе

Понятия и термины, используемые в настоящем Законе, применяются в том значении, в котором они используются в Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Статья 5. Содействие общественных и религиозных объединений в сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия

Общественные и религиозные объединения вправе оказывать содействие в сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами Республики Крым.

**Глава 2. Полномочия Главы Республики Крым,
Государственного Совета Республики Крым,
Совета министров Республики Крым
и органов местного самоуправления
в области сохранения, использования, популяризации
и государственной охраны объектов культурного наследия**

Статья 6. Полномочия Главы Республики Крым, Государственного Совета Республики Крым, Совета министров Республики Крым в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия

1. К полномочиям Главы Республики Крым в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия относятся:

1) организация деятельности по осуществлению полномочий Российской Федерации в области государственной охраны объектов культурного наследия, переданных органам государственной власти Республики Крым;

2) определение исполнительного органа государственной власти Республики Крым в сфере охраны культурного наследия;

3) осуществление иных полномочий в соответствии с законодательством.

2. К полномочиям Государственного Совета Республики Крым в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия относятся:

1) принятие законов и иных нормативных правовых актов Республики Крым в пределах предоставленных полномочий в сфере культурного наследия и контроль за их исполнением;

(Пункт 2 исключён в соответствии с Законом Республики Крым от 06.11.2014 № 4-ЗРК)

(Пункт 3 исключён в соответствии с Законом Республики Крым от 06.11.2014 № 4-ЗРК)

4) осуществление иных полномочий в соответствии с законодательством Российской Федерации.

3. К полномочиям Совета министров Республики Крым в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия относятся:

1) принятие нормативных правовых актов Республики Крым в пределах предоставленных полномочий в сфере культурного наследия и контроль за их исполнением;

2) реализация в Республике Крым государственной политики в области государственной охраны объектов культурного наследия, обеспечивающей доступ граждан к культурным ценностям и направ-

ленной на сохранение, использование и популяризацию исторического и культурного наследия;

3) организация сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия в Республике Крым;

4) установление перечня не подлежащих отчуждению объектов культурного наследия, находящихся в государственной собственности Республики Крым;

5) разработка и утверждение государственных программ Республики Крым по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия в Республике Крым (в редакции Закона Республики Крым от 06.11.2014 № 4-ЗРК);

6) финансирование мероприятий по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия;

7) определение порядка принятия решения о включении объекта культурного наследия регионального значения или объекта культурного наследия местного (муниципального) значения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;

8) обращение об исключении объекта культурного наследия регионального значения или объекта культурного наследия местного (муниципального) значения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;

9) утверждение перечня исторических поселений, имеющих особое значение для истории и культуры Республики Крым (далее — историческое поселение регионального значения), предмета охраны исторического поселения регионального значения, границ территории исторического поселения регионального значения;

10) принятие решения об изменении категории историко-культурного значения объекта культурного наследия регионального значения или объекта культурного наследия местного (муниципального) значения на основании заключения государственной историко-культурной экспертизы;

11) определение порядка организации историко-культурного заповедника регионального значения;

12) установление льготной арендной платы и её размеров в отношении объектов культурного наследия, находящихся в государственной собственности Республики Крым;

13) установление форм документов, составляемых в ходе и по результатам проведения проверок исполнительным органом государственной власти Республики Крым, уполномоченным в сфере сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (далее — орган охраны объектов культурного наследия Республики Крым), порядка их заполнения и учёта;

14) согласование представления федерального органа исполнительной власти, уполномоченного Правительством Российской Федерации в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (далее — федеральный орган охраны объектов культурного наследия), о воссоздании утраченного объекта культурного наследия за счёт средств федерального бюджета;

15) принятие решения о воссоздании утраченного объекта культурного наследия регионального значения и объекта культурного наследия местного (муниципального) значения за счёт средств бюджета Республики Крым;

16) иные полномочия в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Статья 7. Полномочия органа охраны объектов культурного наследия Республики Крым

1. К полномочиям органа охраны объектов культурного наследия Республики Крым относятся:

1) принятие нормативных правовых актов в пределах предоставленных полномочий и контроль за их исполнением;

2) осуществление государственного контроля в области сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия в установленном порядке;

3) осуществление государственной охраны объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия в Республике Крым;

4) установление требований к сохранению, содержанию и использованию объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия, обеспечение доступа к объекту культурного наследия, особого режима использования земельного участка и утверждение градостроительных регламентов в границах территорий исторических поселений регионального значения, объектов культурного наследия и их зон охраны в соответствии с законодательством Российской Федерации;

5) утверждение границ зон охраны объектов культурного наследия, режимов их использования;

6) согласование задания на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия;

7) согласование проектирования и проведения землеустроительных, земляных, строительных, мелiorативных, хозяйственных и иных работ на территории объектов культурного наследия, в границах зон их охраны, выявленных объектов культурного наследия либо на земельных участках или водных объектах, в пределах которых располагаются объекты археологического наследия;

8) выдача и продление разрешения на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия и возобновление действия разрешения на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия;

9) осуществление и организация работы по выявлению и учёту объектов, представляющих собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии и антропологии, социальной культуры (далее — объекты, представляющие историко-культурную ценность) и рекомендуемых для включения в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;

10) осуществление документационного обеспечения для формирования и ведения федерального органа охраны объектов культурного наследия Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;

11) оформление охранных обязательств собственников и пользователей объектов культурного наследия в пределах предоставленных полномочий;

12) организация разработки проектов зон охраны объектов культурного наследия;

13) организация проведения государственной историко-культурной экспертизы в порядке и случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации;

14) определение характера использования территории достопримечательного места, ограничений на использование данной территории и требований к хозяйственной деятельности, проектированию и строительству на территории достопримечательного места в отношении объектов культурного наследия регионального значения и объектов культурного наследия местного (муниципального) значения;

15) согласование проектов генеральных планов, проектов правил землепользования и застройки, под-

готовленных применительно к территориям исторических поселений регионального значения;

16) установление границы территории объекта культурного наследия регионального значения как объекта градостроительной деятельности особого регулирования;

17) контроль за состоянием объектов культурного наследия регионального значения, включенных в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, и выявленных объектов культурного наследия;

18) обращение в суд с иском об изъятии у собственника бесхозяйственно содержащегося объекта культурного наследия регионального значения, включенного в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленного объекта культурного наследия либо земельного участка или водного объекта, в пределах которого располагается объект археологического наследия;

19) разработка и реализация региональных программ Республики Крым по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия;

20) приостановление земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ, проведение которых может ухудшить состояние объекта культурного наследия, нарушить его целостность и сохранность;

21) согласование решений государственных органов и органов местного самоуправления о предоставлении земельных участков под хозяйственную деятельность;

22) согласование размещения и (или) установки рекламных конструкций, афиш, вывесок, телевизионных антенн, электрических и телефонных кабелей, вентиляционных систем, систем кондиционирования в границах территорий исторических поселений регионального значения и объектов культурного наследия, а также зон их охраны;

23) согласование установки информационных надписей и обозначений на объекты культурного наследия;

24) выдача предписаний об устранении причин и условий нарушений законодательства в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия, а также причин повреждения или разрушения объектов культурного наследия;

25) осуществление контроля за проведением археологических исследований в Республике Крым в порядке, установленном федеральным законодательством;

26) выдача справок о принадлежности объектов недвижимости к объектам культурного наследия и выявленным объектам культурного наследия, предоставление иной информации об объектах культурного наследия;

27) предоставление информации о наличии (отсутствии) объектов археологического наследия и выявленных объектов археологического наследия на земельных участках, а также о проведенных ранее на указанных земельных участках археологических обследований;

28) выдача заключений о наличии (отсутствии) объектов, обладающих признаками объектов археологического наследия, в пределах земельных участков или водных объектов, подпадающих под хозяйственное освоение;

29) привлечение общественности к сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия;

30) осуществление иных полномочий в соответствии с законодательством Российской Федерации.

2. Распорядительные документы органа охраны объектов культурного наследия Республики Крым, изданные в пределах его полномочий, обязательны для исполнения всеми юридическими и физическими лицами, осуществляющими деятельность, связанную с сохранением, использованием и популяризацией объектов культурного наследия.

3. В целях оказания содействия органу охраны объектов культурного наследия Республики Крым при нём может быть образован научно-методический совет по вопросам сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия. Положение о научно-методическом совете по вопросам сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия и его состав утверждаются руководителем органа охраны объектов культурного наследия Республики Крым.

Статья 8. Полномочия органов местного самоуправления в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия

К полномочиям органов местного самоуправления в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия относятся:

1) сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия, находящихся в собственности поселений или городских округов;

2) государственная охрана объектов культурного наследия местного (муниципального) значения;

3) определение порядка организации историко-культурного заповедника местного (муниципального) значения.

Глава 3. Финансирование мероприятий по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия

Статья 9. Источники и порядок финансирования мероприятий по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия

1. Сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в государственной собственности Республики Крым, государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регионального значения и выявленных объектов культурного наследия являются расходными обязательствами средств бюджета Республики Крым и внебюджетных средств.

2. Источниками финансирования мероприятий по сохранению, использованию и популяризации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в государственной собственности Республики Крым, государственной охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регионального значения и выявленных объектов культурного наследия являются средства бюджета Республики Крым и внебюджетные средства.

3. Средства, получаемые от использования объектов культурного наследия, находящихся в государственной собственности Республики Крым, включенных в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, и выявленных объектов культурного наследия, зачисляются в полном объеме в бюджет Республики Крым.

4. Органы государственной власти Республики Крым вправе за счёт средств бюджета Республики Крым принимать участие в финансировании мероприятий по сохранению, использованию и популяризации объектов культурного наследия, находящихся в федеральной собственности, муниципальной

собственности, и государственной охране объектов культурного наследия федерального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения.

Статья 10. Внебюджетные средства сохранения, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия

1. Внебюджетные средства сохранения, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (далее — внебюджетные средства) образуются в виде доходов от реализации отдельных мероприятий по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия, благотворительных взносов, которые не отнесены законодательством к доходам федерального бюджета, бюджета Республики Крым или бюджетов соответствующих муниципальных образований.

2. Внебюджетные средства привлекаются органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым, а также иными юридическими и физическими лицами в порядке, определённом федеральным законодательством и законодательством Республики Крым, с учётом особенностей, установленных настоящим Законом.

3. Внебюджетные средства, привлечённые органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым в пределах его компетенции, не относятся к доходам от предпринимательской деятельности, зачисляются в установленном порядке на специальные счета органа охраны объектов культурного наследия Республики Крым и расходуются исключительно на мероприятия по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия.

Глава 4. Государственный учёт объектов, представляющих историко-культурную ценность, объектов культурного наследия и формирование Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации

Статья 11. Государственный учёт объектов, представляющих историко-культурную ценность, и объектов культурного наследия

1. Государственный учёт объектов, представляющих историко-культурную ценность, и объектов культурного наследия включает в себя работы:

1) по выявлению, обследованию и учёту объектов, представляющих ценность с точки зрения исто-

рии, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры в соответствии с государственными целевыми программами;

2) по подготовке документов на объекты, представляющие историко-культурную ценность, рекомендуемые для включения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памят-

ников истории и культуры) народов Российской Федерации, и представлению их на рассмотрение государственной историко-культурной экспертизы;

3) по формированию по результатам государственной историко-культурной экспертизы перечня выявленных объектов культурного наследия;

4) по сбору сведений, подготовке документов, необходимых для включения выявленных объектов культурного наследия в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации как объектов культурного наследия регионального значения или объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, а также по их фотофиксации;

5) по внесению документов, указанных в статье 17 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», в Совет министров Республики Крым для принятия решения о включении выявленных объектов культурного наследия в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации как объектов культурного наследия регионального значения или объектов культурного наследия местного (муниципального) значения.

Статья 12. Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации

1. Органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым совместно с федеральным органом охраны объектов культурного наследия формируется Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (далее — реестр), содержащий сведения об объектах культурного наследия.

2. Реестр формируется в порядке, установленном Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», посредством включения в него объектов культурного наследия, в отношении которых было принято решение о включении их в реестр, а также посредством исключения из реестра объектов культурного наследия, в отношении которых было принято решение об исключении их из реестра, в порядке, установленном федеральным законодательством.

3. В целях формирования реестра объектов культурного наследия орган охраны объектов культурного наследия Республики Крым осуществляет:

1) мониторинг данных об объектах культурного наследия;

2) документационное обеспечение реестра.

Статья 13. Порядок принятия решения о включении объекта культурного наследия, выявленного объекта культурного наследия в реестр как объекта культурного наследия регионального значения или объекта культурного наследия местного (муниципального) значения

1. Решение о включении объекта культурного наследия в реестр как объекта культурного наследия регионального значения или объекта культурного наследия местного (муниципального) значения принимается Советом министров Республики Крым на основании документов, указанных в статье 17 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

В отношении объекта культурного наследия местного (муниципального) значения данное решение должно быть также согласовано с органом местного самоуправления соответствующего муниципального образования.

2. Совет министров Республики Крым в месячный срок со дня принятия решения о включении объекта культурного наследия в реестр как объекта культурного наследия регионального значения или объекта культурного наследия местного (муниципального) значения направляет представление о принятом решении в федеральный орган охраны объектов культурного наследия для включения данного объекта культурного наследия в реестр.

3. Принятие решения о включении выявленного объекта культурного наследия как объекта культурного наследия регионального значения или объекта культурного наследия местного (муниципального) значения в реестр осуществляется в порядке, установленном частями 1 и 2 настоящей статьи.

4. Орган охраны объектов культурного наследия Республики Крым уведомляет собственника выявленного объекта культурного наследия или пользователя им о решении Совета министров Республики Крым о включении данного объекта культурного наследия в реестр как объекта культурного наследия регионального значения или объекта культурного наследия местного (муниципального) значения либо об отказе включить данный объект в реестр в течение 30 дней со дня принятия такого решения Советом министров Республики Крым.

Статья 14. Выявление объектов, представляющих собой историко-культурную ценность

1. Орган охраны объектов культурного наследия Республики Крым организывает и осуществляет работы по выявлению и учёту объектов, представляющих собой историко-культурную ценность, собирает сведения, предусмотренные статьёй 1 Федерального закона «Об объектах культурного наследия

(памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» в соответствии с государственными целевыми программами, и представляет их на рассмотрение государственной историко-культурной экспертизы.

При обнаружении объекта, представляющего собой историко-культурную ценность, орган охраны объектов культурного наследия Республики Крым в течение 30 дней уведомляет об обнаружении такого объекта собственника и органы местного самоуправления муниципального образования, на территории которого он расположен.

2. Физические и юридические лица оказывают содействие органу охраны объектов культурного наследия Республики Крым в сборе сведений, предусмотренных статьёй 17 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

3. Органы местного самоуправления обязаны обеспечить на территории соответствующего муниципального образования условия для выявления и обследования объектов, представляющих собой историко-культурную ценность, и получения сведений, указанных в статье 17 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

4. Объекты, которые представляют собой историко-культурную ценность и в отношении которых вынесено заключение государственной историко-культурной экспертизы о включении их в реестр как объектов культурного наследия, относятся к выявленным объектам культурного наследия со дня поступления в орган охраны объектов культурного наследия Республики Крым документов, указанных в статье 17 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

5. Орган охраны объектов культурного наследия Республики Крым направляет письменное уведомление собственнику выявленного объекта культурного наследия и (или) пользователю им о дате поступления в орган охраны объектов культурного наследия Республики Крым документов, указанных в статье 17 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», в течение семи дней со дня их поступления.

6. Объекты археологического наследия считаются выявленными объектами культурного наследия со дня их обнаружения. Информация о выявленном объекте археологического наследия направляется органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым собственнику земельного участка и (или) пользователю земельным участком или во-

дным объектом, на котором (или в котором) обнаружен объект археологического наследия, в орган местного самоуправления муниципального образования, на территории которого обнаружен данный объект археологического наследия, в течение 30 дней со дня поступления в указанный орган охраны объектов культурного наследия информации, предусмотренной пунктом 11 статьи 45.1 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

7. Выявленные объекты культурного наследия до принятия решения о включении их в реестр либо об отказе во включении их в реестр подлежат государственной охране в соответствии с Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и настоящим Законом.

Статья 15. Исключение объекта культурного наследия регионального значения или объекта культурного наследия местного (муниципального) значения из реестра

1. Исключение объекта культурного наследия из реестра осуществляется в случае полной физической утраты объекта культурного наследия регионального или местного (муниципального) значения или утраты им историко-культурного значения.

2. С инициативой исключения объекта культурного наследия регионального значения или объекта культурного наследия местного (муниципального) значения из реестра могут выступать органы государственной власти Республики Крым, органы местного самоуправления муниципальных образований Республики Крым, собственники объектов культурного наследия, а также иные заинтересованные лица (далее — инициаторы).

3. В случае исключения объекта культурного наследия из реестра инициатор обеспечивает проведение историко-культурной экспертизы.

4. Совет министров Республики Крым на основании заключения государственной историко-культурной экспертизы принимает решение об обращении в федеральный орган охраны объектов культурного наследия об исключении объекта культурного наследия регионального или местного (муниципального) значения из реестра (в отношении объектов культурного наследия местного (муниципального) значения — по согласованию с органом местного самоуправления).

5. Подготовка обращения об исключении из реестра объектов культурного наследия регионального и местного (муниципального) значения осуществляется по представлению органа охраны объектов культурного наследия Республики Крым.

Статья 16. Паспорт объекта культурного наследия

1. На объект культурного наследия регионального значения и объект культурного наследия местного (муниципального) значения, включенные в реестр, собственнику данного объекта органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым выдается паспорт объекта культурного наследия. В указанный паспорт вносятся сведения, составляющие предмет охраны данного объекта культурного наследия, и иные сведения, содержащиеся в реестре.

2. Паспорт объекта культурного наследия (сведения, содержащиеся в нем) является одним из обязательных документов, представляемых в орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, при осуществлении сделок с объектом культурного наследия либо земельным участком, в пределах которого располагается объект археологического наследия. Паспорт объекта культурного наследия (сведения, содержащиеся в нем) предоставляется соответствующим органом охраны объектов культурного наследия по межведомственному запросу органа, осуществляющего государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, при регистрации сделок с объектом культурного наследия либо земельным участком, в пределах которого располагается объект археологического наследия. При этом лицо, обратившееся за государственной регистрацией сделки с объектом культурного наследия либо земельным участком, в пределах которого располагается объект археологического наследия, вправе представить паспорт объекта культурного наследия по собственной инициативе.

Статья 17. Порядок изменения категории историко-культурного значения объекта культурного наследия регионального значения и объекта культурного наследия местного (муниципального) значения

1. Изменение категории историко-культурного значения объекта культурного наследия регионального значения или объекта культурного наследия местного (муниципального) значения осуществляется Советом министров Республики Крым на основании заключения государственной историко-культурной экспертизы.

2. Объект культурного наследия, признанный не отвечающим требованиям, предъявляемым к объектам культурного наследия регионального значения, учитывается в реестре как объект культурного наследия местного (муниципального) значения по согласованию с представительным органом местного самоуправления муниципального образования, на территории которого находится данный объект

культурного наследия, на основании заключения государственной историко-культурной экспертизы.

3. Объект культурного наследия местного (муниципального) значения, отвечающий требованиям, предъявляемым к объектам культурного наследия регионального значения, по представлению органа местного самоуправления муниципального образования, на территории которого находится данный объект культурного наследия, может быть рекомендован органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым для включения в реестр как объект культурного наследия регионального значения на основании заключения государственной историко-культурной экспертизы.

4. Сведения об изменении категории историко-культурного значения объекта культурного наследия регионального значения или объекта культурного наследия местного (муниципального) значения направляются органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым в федеральный орган охраны объектов культурного наследия для внесения соответствующих изменений в реестр.

Статья 18. Право на пользование информацией об объекте культурного наследия

1. Физические или юридические лица вправе получить в органе охраны объектов культурного наследия Республики Крым информацию, содержащуюся в реестре.

2. Перечень информационных услуг, предоставляемых бесплатно или за плату, не возмещающую в полном объеме расходов на оказание соответствующих информационных услуг, определяется Положением о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Статья 19. Порядок установки информационных надписей и обозначений на объекты культурного наследия регионального значения

1. На объекты культурного наследия регионального значения устанавливаются надписи и обозначения, содержащие информацию об этих объектах. Надписи выполняются на русском, украинском, крымскотатарском языках — государственных языках Республики Крым.

2. Информационные надписи и обозначения на объекты культурного наследия регионального значения устанавливаются за счёт средств собственников данных объектов.

Порядок установки и образцы информационных надписей и обозначений на объекты культурного наследия регионального значения устанавливаются органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым.

Глава 5. Государственная историко-культурная экспертиза

Статья 20. Государственная историко-культурная экспертиза

1. Цели, принципы, порядок проведения государственной историко-культурной экспертизы, а также объекты государственной историко-культурной экспертизы определяются законодательством Российской Федерации.

2. Историко-культурная экспертиза проводится до начала землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ, осуществление которых может оказывать прямое или косвенное воздействие на объект культурного наследия и (или) до утверждения градостроительных регламентов.

3. Заказчик работ, подлежащих историко-культурной экспертизе, оплачивает её проведение.

4. Порядок определения размера оплаты историко-культурной экспертизы в отношении объектов культурного наследия регионального значения, объ-

ектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия, объектов, представляющих историко-культурную ценность, а также земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению, устанавливается исполнительным органом государственной власти Республики Крым в области государственного регулирования тарифов.

5. Заключение историко-культурной экспертизы оформляется в виде акта, в котором содержатся результаты исследований, проведённых экспертами в порядке, установленном федеральным законом.

6. В случае несогласия с заключением историко-культурной экспертизы орган охраны объектов культурного наследия Республики Крым по собственной инициативе либо по заявлению заинтересованного лица вправе назначить повторную экспертизу в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Глава 6. Государственная охрана объектов культурного наследия в Республике Крым

Статья 21. Зоны охраны объектов культурного наследия

1. В целях обеспечения сохранности объекта культурного наследия в его исторической среде на сопряженной с ним территории устанавливаются зоны охраны объекта культурного наследия: охранная зона, зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности, зона охраняемого природного ландшафта.

Необходимый состав зон охраны объекта культурного наследия определяется проектом зон охраны объекта культурного наследия.

2. Определение границ зон охраны объектов культурного наследия, режимов использования земель в границах данных зон и утверждение градостроительных регламентов в границах зон охраны объектов культурного наследия осуществляются в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

3. Границы зон охраны объекта культурного наследия (за исключением границ зон охраны особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации и объектов культурного наследия, включенных в Список всемирного наследия), режимы использования земель и градостроительные регламенты в границах данных зон утверждаются органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым на основании проекта зон охраны объекта культурного наследия и положительного заключения государственной историко-культурной экспертизы:

а) в отношении объектов культурного наследия федерального значения — по согласованию с федеральным органом охраны объектов культурного наследия;

б) в отношении объектов культурного наследия регионального значения;

в) в отношении объектов культурного наследия местного (муниципального) значения — по согласованию с органом местного самоуправления муниципального образования, на территории которого находится объект культурного наследия.

Статья 22. Особенности проектирования и проведения землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ на территории объекта культурного наследия и в зонах охраны объекта культурного наследия

1. Проектирование и проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ на территории памятника или ансамбля запрещаются, за исключением работ по сохранению данного памятника или ансамбля и (или) их территорий, а также хозяйственной деятельности, не нарушающей целостности памятника или ансамбля и не создающей угрозы их повреждения, разрушения или уничтожения.

2. Характер использования территории достопримечательного места, ограничения на использование данной территории и требования к хозяйственной

деятельности, проектированию и строительству на территории достопримечательного места определяются органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым и вносятся в правила застройки и схемы зонирования территорий.

3. Размещение и (или) установка рекламных конструкций, афиш, вывесок, телевизионных антенн, электрических и телефонных кабелей, вентиляционных систем, систем кондиционирования в границах территорий исторических поселений регионального значения и объектов культурного наследия, а также зон их охраны осуществляются по согласованию с органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым.

При установке рекламных конструкций, афиш, вывесок, телевизионных антенн, электрических и телефонных кабелей, вентиляционных систем, систем кондиционирования на объектах культурного наследия, выявленных объектах культурного наследия необходимо соблюдать требования федерального законодательства и законодательства Республики Крым об охране объектов культурного наследия, не допускающие изменения внешнего облика объекта культурного наследия, выявленного объекта культурного наследия и оказание на них негативного воздействия.

Не допускается размещение любых видов рекламных конструкций, афиш, вывесок, телевизионных антенн, электрических и телефонных кабелей, вентиляционных систем, систем кондиционирования на архитектурно-декоративных элементах объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия.

Рекламные конструкции, афиши, вывески, телевизионные антенны, электрические и телефонные кабели, вентиляционные системы, системы кондиционирования, размещаемые на конструктивных элементах фасадов зданий и сооружений (композиционно и функционально связанных с фасадом), в том числе маркизах, навесах и козырьках, должны быть привязаны к композиционным осям конструктивного элемента фасадов зданий и сооружений и соответствовать стилистике архитектурного решения фасада.

Статья 23. Меры по обеспечению сохранности объектов культурного наследия при проектировании и проведении землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ

1. Согласование проектирования и проведения землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ на территории объектов культурного наследия, в границах зон их охраны, на территории выявленных объектов

культурного наследия либо на земельных участках или водных объектах, в пределах которых располагаются объекты археологического наследия, осуществляется органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым в порядке, установленном Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

2. Финансирование работ по обеспечению сохранности объектов культурного наследия при проектировании и проведении землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ осуществляется в порядке, установленном Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Статья 24. Приостановление земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ, проведение которых может причинить вред объектам культурного наследия

1. Земляные, строительные, мелиоративные, хозяйственные и иные работы в соответствии с Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» должны быть немедленно приостановлены исполнителем работ в случае обнаружения объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия.

Исполнитель работ обязан проинформировать орган охраны объектов культурного наследия Республики Крым об обнаруженном объекте.

2. Работы, указанные в части 1 настоящей статьи, а также работы, проведение которых может ухудшить состояние объекта культурного наследия, нарушить его целостность и сохранность, должны быть немедленно приостановлены заказчиком и исполнителем работ после получения письменного предписания органа охраны объектов культурного наследия Республики Крым либо федерального органа охраны объектов культурного наследия.

3. После принятия мер по ликвидации опасности разрушения обнаруженного объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, или после устранения угрозы нарушения целостности и сохранности объекта культурного наследия приостановленные работы могут быть возобновлены по письменному разрешению соответствующего органа охраны объектов культурного наследия, по предписанию которого работы были приостановлены.

Работы по ликвидации опасности разрушения обнаруженного объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, а также изменение проектных решений, представлявших собой угрозу нарушения целостности и сохранности объекта

культурного наследия, либо изменение характера указанных работ проводятся за счёт средств заказчика работ, указанных в части 1 настоящей статьи.

Статья 25. Поощрение физических и юридических лиц за участие в мероприятиях по сохранению и (или) спасению объектов культурного наследия

За участие в мероприятиях по сохранению и (или) спасению объектов культурного наследия, подвергшихся повреждению или разрушению в результате незаконных действий по организации и проведению земляных, строительных, хозяйственных и иных работ, а также за сообщение о грабительских раскопках, об археологических находках и (или) сдачу археологических находок в государственную часть музейного фонда устанавливаются меры поощрения, предусмотренные действующим законодательством Республики Крым.

Статья 26. Ограничение движения транспортных средств по автомобильным дорогам в границах территорий исторических поселений, объектов культурного наследия и в зонах их охраны

1. В случае угрозы нарушения целостности и сохранности объектов культурного наследия движение транспортных средств по автомобильным дорогам в границах территорий исторических поселений, объектов культурного наследия и в зонах их охраны ограничивается или запрещается.

Ограничение или запрещение движения транспортных средств по автомобильным дорогам в границах территорий исторических поселений, объектов культурного наследия и в зонах их охраны осуществляется в порядке, установленном федеральным законодательством.

2. Представление об ограничении или запрещении движения транспортных средств по автомобильным дорогам в границах территорий исторических поселений, объектов культурного наследия и в зонах их охраны вносится органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым:

- в отношении автомобильной дороги общего пользования местного значения — в орган местного самоуправления муниципального образования, на территории которого находится историческое поселение и (или) объекты культурного наследия и зоны их охраны;
- в отношении автомобильной дороги регионального или межмуниципального значения — в исполнительный орган государственной власти Республики Крым, уполномоченный принимать решения об ограничении или запрещении движения транспортных средств;

• в отношении автомобильной дороги общего пользования федерального значения — в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный принимать решения об ограничении или запрещении движения транспортных средств;

• в отношении частной автомобильной дороги общего пользования — собственнику частной автомобильной дороги.

3. Исполнительный орган государственной власти Республики Крым, орган местного самоуправления, уполномоченные принимать решения об ограничении или запрещении движения транспортных средств, федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный принимать решения об ограничении или запрещении движения транспортных средств, собственник частной автомобильной дороги общего пользования в течение месяца со дня внесения представления органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым обязаны принять решение об ограничении или запрещении движения транспортных средств по автомобильным дорогам в границах территорий исторических поселений, объектов культурного наследия и в зонах их охраны и сообщить о принятых мерах в орган охраны объектов культурного наследия Республики Крым.

Непринятие решения об ограничении или запрещении движения транспортных средств по автомобильным дорогам в границах территорий исторических поселений, объектов культурного наследия и в зонах их охраны органом местного самоуправления муниципального образования, исполнительным органом государственной власти Республики Крым, уполномоченным принимать решения об ограничении или запрещении движения транспортных средств, федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным принимать решения об ограничении или запрещении движения транспортных средств, собственником частной автомобильной дороги общего пользования является основанием для обращения органа охраны объектов культурного наследия Республики Крым в суд.

Статья 27. Контроль за состоянием объектов культурного наследия

Орган охраны объектов культурного наследия Республики Крым обязан осуществлять контроль за состоянием объектов культурного наследия регионального значения и объектов культурного наследия местного (муниципального) значения и организовывать один раз в пять лет их обследование и фотофиксацию (мониторинг) в целях разработки ежегодных и государственных программ Республики Крым в сфере сохранения объектов культурного наследия.

Глава 7. Сохранение объектов культурного наследия регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия

Статья 28. Порядок проведения работ по сохранению объектов культурного наследия регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия

1. Работы по сохранению объектов культурного наследия регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия проводятся на основании письменного разрешения, выданного органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым, и научно-проектной или проектно-сметной документации, согласованной им, и при условии осуществления данным органом контроля за проведением работ.

Выдача задания на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия и разрешений на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия, а также согласование проектной документации на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия осуществляется в порядке, установленном органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым.

Задание на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия составляется с учётом мнения собственника объекта культурного наследия либо пользователя объектом культурного наследия.

Прием документов, необходимых для получения разрешения и задания на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия, и выдача разрешения и задания на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия могут осуществляться через многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг.

2. К проведению работ по сохранению объекта культурного наследия допускаются юридические лица и индивидуальные предприниматели, имеющие лицензии на осуществление деятельности по реставрации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры).

3. Работы по сохранению объекта культурного наследия проводятся в соответствии с реставрационными нормами и правилами, утверждаемыми федеральным органом охраны объектов культурного наследия. Строительные нормы и правила применяются при проведении работ по сохранению объекта культурного наследия только в случаях, не противоречащих интересам сохранения данного объекта культурного наследия.

4. Физические и юридические лица, ведущие разработку проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия, осуществляют научное руководство проведением работ по сохранению данного объекта, технический и авторский надзор за проведением работ на объекте культурного наследия до дня выполнения указанных работ.

5. В случае если при проведении работ по сохранению объекта культурного наследия затрагиваются конструктивные и другие характеристики надежности и безопасности данного объекта культурного наследия, такие работы проводятся в соответствии с требованиями Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и Градостроительного кодекса Российской Федерации.

6. Приемка завершённых работ по сохранению объектов культурного наследия регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия осуществляется по акту органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым одновременно со сдачей руководителем работ отчётной документации в порядке, установленном федеральным органом охраны объектов культурного наследия.

Статья 29. Обязанности физических и юридических лиц по соблюдению режима использования территории объекта культурного наследия

Физические и юридические лица, осуществляющие хозяйственную и иную деятельность на территории объекта культурного наследия, обязаны

соблюдать режим использования данной территории, установленный в соответствии с федеральным законодательством и законодательством Республики Крым, и обеспечивать сохранность объекта культурного наследия, находящегося на земельном участке, предоставленном им в пользование или собственность.

Статья 30. Воссоздание утраченного объекта культурного наследия

1. Воссоздание утраченного объекта культурного наследия осуществляется в исключительных случаях посредством его реставрации при особой исторической, архитектурной, научной, художественной, градостроительной, эстетической или иной значимости указанного объекта и при наличии

достаточных научных данных, необходимых для его воссоздания.

2. Решение о воссоздании утраченного объекта культурного наследия за счёт средств бюджета Республики Крым принимается Советом министров Республики Крым по представлению органа охраны объектов культурного наследия Республики Крым, основанному на заключении государственной историко-культурной экспертизы и согласованному с органом местного самоуправления муниципального образования, на территории которого предполагается воссоздание утраченного объекта культурного наследия, с учётом общественного мнения, а в случае воссоздания памятника или ансамбля религиозного назначения — также с учётом мнения религиозных организаций.

Глава 8. Особенности владения, пользования и распоряжения объектами культурного наследия регионального значения, выявленными объектами культурного наследия

Статья 31. Особенности владения, пользования и распоряжения объектами культурного наследия регионального значения, включенными в реестр, и выявленными объектами культурного наследия

1. Особенности владения, пользования и распоряжения объектом культурного наследия регионального значения, включенным в реестр, и выявленным объектом культурного наследия определяются гражданским законодательством Российской Федерации, градостроительным законодательством Российской Федерации, земельным законодательством Российской Федерации и Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

2. При государственной регистрации права собственности на объект культурного наследия регионального значения, выявленный объект культурного наследия собственник принимает на себя являющиеся ограничениями (обременениями) права собственности на данный объект и указываемые в охранном обязательстве собственника объекта культурного наследия регионального значения, выявленного объекта культурного наследия обязательства по содержанию объекта культурного наследия регионального значения, выявленного объекта культурного наследия, по его сохранению (включая требования к порядку и срокам проведения реставрационных, ремонтных и иных работ, требования к условиям доступа к нему граждан, иные обеспечивающие его сохранность.

Статья 32. Прекращение права собственности на объект культурного наследия регионального значения

1. В случае если собственник объекта культурного наследия регионального значения, включенного в реестр, либо земельного участка или участка водного объекта, в пределах которого располагается объект археологического наследия, не выполняет требований к сохранению объекта культурного наследия или совершает действия, угрожающие сохранности данного объекта и влекущие утрату им своего значения, орган охраны объектов культурного наследия Республики Крым обращается в суд с иском об изъятии у собственника бесхозяйственно содержимого объекта культурного наследия регионального значения, включенного в реестр, либо земельного участка или участка водного объекта, в пределах которого располагается объект археологического наследия.

2. В случае принятия судом решения об изъятии объекта культурного наследия регионального значения, включенного в реестр, либо земельного участка или участка водного объекта, в пределах которого располагается объект археологического наследия, орган охраны объектов культурного наследия Республики Крым вносит представление в исполнительный орган государственной власти Республики Крым в области имущественных отношений о выкупе данного объекта либо данного участка или о продаже с публичных торгов.

Собственнику объекта культурного наследия возмещается стоимость выкупленного объекта в порядке, установленном Гражданским кодексом Российской Федерации.

Глава 9. Использование объектов культурного наследия

Статья 33. Порядок и условия использования объектов культурного наследия

1. Порядок и условия использования объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия, земельных участков, в пределах которых расположен объект археологического наследия, устанавливаются органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым в соответствии с федеральным законодательством и законодательством Республики Крым и определяются для каждого памятника, находящегося в пользовании или собственности физических и юридических лиц, государственной или муниципальной собственности, соответствующим охранным документом: охранным обязательством собственника объекта культурного наследия, охранным обязательством пользователя объектом культурного наследия.

2. Охранное обязательство собственника объекта культурного наследия или охранное обязательство пользователя объектом культурного наследия оформляется:

- органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым — в отношении объектов культурного наследия федерального значения (по согласованию с федеральным органом охраны объектов культурного наследия) и объектов культурного наследия регионального значения;

- органами местного самоуправления — в отношении объектов культурного наследия местного (муниципального) значения.

3. Охранное обязательство собственника объекта культурного наследия, охранное обязательство пользователя объектом культурного наследия должны включать в себя требования к содержанию объекта культурного наследия, условиям доступа к нему граждан, порядку и срокам проведения реставрационных, ремонтных и иных работ по его сохранению, а также иные требования, которые обеспечивают сохранность данного объекта и являются ограничениями (обременениями) права пользования данным объектом.

4. В случае принятия акта Правительством Российской Федерации об исключении объекта культурного наследия из реестра охранное обязательство собственника объекта культурного наследия прекращает своё действие со дня вступления в силу такого решения.

5. Объекты культурного наследия используются с обязательным оформлением их собственниками и (или) пользователями в органе охраны объектов культурного наследия Республики Крым соответствующих охранных документов, указанных в ча-

сти 1 настоящей статьи, а также с обязательным выполнением требований, предусмотренных Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Статья 34. Особенности сохранения объектов культурного наследия, находящихся в долевой собственности физических и (или) юридических лиц

1. Нахождение объекта культурного наследия в долевой собственности двух или нескольких физических и (или) юридических лиц порождает обязательную солидарную ответственность собственников по содержанию и сохранению приобретенного объекта культурного наследия, что должно быть отражено в договоре купли-продажи.

2. Каждый участник долевой собственности на объект культурного наследия обязан соразмерно со своей долей участвовать в издержках по содержанию и сохранению общего имущества, в том числе общих помещений дома, несущих конструкций, архитектурно-художественных элементов интерьеров объекта культурного наследия, являющихся предметом охраны объекта культурного наследия, за пределами своих помещений в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Статья 35. Предоставление объекта культурного наследия, находящегося в государственной собственности Республики Крым, в безвозмездное пользование

1. Объекты культурного наследия, находящиеся в государственной собственности Республики Крым, предоставляются в безвозмездное пользование на основании договора безвозмездного пользования объектом культурного наследия следующим юридическим лицам:

общественным объединениям, уставной целью деятельности которых является сохранение объектов культурного наследия;

- детским общественным объединениям;
- общественным организациям инвалидов;
- благотворительным организациям;
- религиозным организациям;
- общероссийским творческим союзам;
- государственным учреждениям, осуществляющим свою деятельность в сфере культуры.

2. Договор безвозмездного пользования объектом культурного наследия, находящимся в государственной собственности Республики Крым, заключается в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации с согласия органа охраны объектов куль-

турного наследия Республики Крым и должен содержать сведения об особенностях, составляющих предмет охраны данного объекта культурного наследия, а также требования к сохранению объекта культурного наследия.

3. Обязательным условием заключения договора безвозмездного пользования объектом культурного наследия является охранное обязательство пользователя объектом культурного наследия в соответствии со статьёй 33 настоящего Закона.

Статья 36. Условия договора аренды объекта культурного наследия

1. Договор аренды объекта культурного наследия заключается в соответствии с правилами, предусмотренными Гражданским кодексом Российской Федерации для заключения договоров аренды зданий и сооружений, и с учётом требований Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

2. В договоре аренды объекта культурного наследия обязательно указываются сведения об особенностях, составляющих предмет охраны данного объекта культурного наследия, и требования к сохранению объекта культурного наследия в соответствии с федеральным законодательством независимо от формы собственности данного объекта.

3. Договор аренды объекта культурного наследия подлежит государственной регистрации в соответствии с федеральным законодательством.

4. Обязательным условием заключения договора аренды объекта культурного наследия является охранное обязательство пользователя объектом культурного наследия в соответствии с федеральным законодательством.

5. Арендатору, осуществившему ремонтные и реставрационные работы на объекте культурного наследия, находящемся в неудовлетворительном состоянии, может быть установлена льготная арендная плата в порядке, определённом Советом министров Республики Крым.

Глава 10. Историко-культурные заповедники

Статья 37. Порядок организации историко-культурного заповедника регионального значения и определение его границ

1. Порядок организации историко-культурного заповедника регионального значения, его границы и режим содержания устанавливаются в соответствии с законодательством Республики Крым.

2. Границы историко-культурного заповедника ре-

гионального значения определяются органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым на основании историко-культурного опорного плана и (или) иных документов и материалов, в которых обосновываются предлагаемые границы.

3. Границы историко-культурного заповедника регионального значения могут не совпадать с границами достопримечательного места.

Глава 11. Исторические поселения

Статья 38. Понятие и предмет охраны исторического поселения регионального значения

1. Историческим поселением регионального значения в целях настоящего Закона являются включённый в перечень исторических поселений регионального значения населённый пункт или его часть, в границах которого расположены объекты культурного наследия, включённые в реестр, выявленные объекты культурного наследия и объекты, составляющие предмет охраны исторического поселения.

2. Предмет охраны исторического поселения регионального значения включает в себя:

1) исторически ценные градоформирующие объекты — здания и сооружения, формирующие историческую застройку и объединённые в том числе масштабом, объёмом, структурой, стилем, конструктивными материалами, цветовым решением и декоративными элементами;

2) планировочную структуру, включая её элементы;

3) объёмно-пространственную структуру;

4) композицию и силуэт застройки — соотношение вертикальных и горизонтальных доминант и акцентов;

5) соотношение между различными городскими пространствами (свободными, застроенными, озеленёнными);

6) композиционно-видовые связи (панорамы), соотношение природного и созданного человеком окружения.

3. Перечень исторических поселений регионального значения, предмет охраны исторического поселения регионального значения, границы территории исторического поселения регионального значения утверждаются Советом министров Республики Крым.

Статья 39. Градостроительная, хозяйственная и иная деятельность в историческом поселении регионального значения

1. Градостроительная, хозяйственная и иная деятельность в историческом поселении регионального значения должна осуществляться при условии обеспечения сохранности объектов культурного наследия, включенных в реестр, выявленных объектов культурного наследия, предмета охраны исторического поселения в соответствии с Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и законодательством Республики Крым.

2. В целях обеспечения сохранности объектов культурного наследия, включенных в реестр, выявленных объектов культурного наследия, предмета охраны исторического поселения градостроительная деятельность в таком поселении подлежит особому регулированию в соответствии с Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», Градостроительным кодексом Российской Федерации и законодательством Республики Крым.

3. Проекты генеральных планов, подготовленные применительно к территориям исторических поселений регионального значения, подлежат согласованию с органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым в соответствии с Градостроительным кодексом Российской Федерации в порядке, установленном уполномоченным Прави-

тельством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

4. Проекты правил землепользования и застройки, подготовленные применительно к территориям исторических поселений регионального значения, подлежат согласованию с органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым в порядке, установленном Советом министров Республики Крым.

5. Предметом согласования проектов генеральных планов, проектов правил землепользования и застройки, подготовленных применительно к территориям исторических поселений регионального значения, является соответствие указанных проектов утвержденному предмету охраны исторического поселения.

6. До утверждения правил землепользования и застройки, подготовленных применительно к территориям исторических поселений регионального значения, проекты планировки территорий и проекты межевания территорий в границах территории такого исторического поселения подлежат согласованию с органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым в установленном им порядке.

7. Физические и юридические лица по согласованию с органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым могут обозначать своё присутствие в историческом поселении при помощи вывесок, выполненных в манере, соответствующей стилю и облику объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия исторического поселения.

Глава 12. Изучение объектов культурного наследия

Статья 40. Изучение объектов культурного наследия

Изучение объектов культурного наследия в Республике Крым осуществляется в порядке, установленном федеральным законодательством.

Глава 13. Популяризация объектов культурного наследия в Республике Крым

Статья 41. Популяризация объектов культурного наследия в Республике Крым

1. Органы государственной власти Республики Крым и органы местного самоуправления, учитывая социальную и экономическую значимость объектов культурного наследия в Республике Крым, принимают меры по обеспечению сохранности данных объектов, воспитанию у населения, проживающего в Республике Крым, уважения к историческому прошлому и традициям.

2. В целях привлечения внимания широкой общественности к важности сохранения и охраны объектов культурного наследия, а также учитывая социально-экономическую значимость данных объектов для Республики Крым, органы государственной власти Республики Крым, органы местного самоуправления могут проводить различные конкурсы и мероприятия.

3. Орган охраны объектов культурного наследия Республики Крым в целях популяризации объектов культурного наследия:

- предоставляет средства массовой информации информацию, необходимую для специализированных публикаций в прессе, радио- и телевизионных программах;
- оказывает содействие физическим и юридическим лицам в подготовке и финансировании издания краеведческой, публицистической и научной литературы об объектах культурного наследия в Республике Крым, истории Крыма;
- организует научные и научно-практические конференции или принимает участие в научных и научно-практических конференциях, посвящённых вопросам сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия и зон их охраны, издаёт или публикует материалы научных конференций;
- издаёт и распространяет книги, журналы, буклеты, открытки, календари и другую печатную продукцию по истории Крыма, об объектах культурного наследия в Республике Крым;
- оказывает содействие учебным заведениям, историческим и культурным обществам, молодежным организациям, исполнительному органу государственной власти Республики Крым, уполномоченному в области туризма, в разработке программ популяризации объектов культурного наследия;

• участвует в разработке совместно с исполнительным органом государственной власти Республики Крым, уполномоченным в области туризма, экскурсионных маршрутов по объектам культурного наследия Республики Крым;

- создаёт в порядке, установленном федеральным законодательством и законодательством Республики Крым, специализированный центр подготовки и повышения квалификации кадров в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия, организует и контролирует его деятельность.

4. Орган охраны объектов культурного наследия Республики Крым оказывает содействие музеям, просветительным учреждениям и другим заинтересованным организациям в подготовке специальных выставок, иллюстрирующих достижения в области сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия и негативные последствия, которые возникают для объектов культурного наследия в результате невыполнения законодательства в области сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия, бесконтрольных земляных, строительных, мелиоративных и иных хозяйственных работ, а также меры, принятые для сохранения или спасения объектов культурного наследия, которым угрожает опасность.

Глава 14. Заключительные и переходные положения

Статья 42

Совету министров Республики Крым, исполнительным органам государственной власти Республики Крым и органам местного самоуправления в Республике Крым привести свои нормативные правовые акты в соответствие с настоящим Законом в течение шести месяцев со дня вступления в силу настоящего Закона.

Статья 43

Объекты, занесенные в соответствии с законодательством Украинской ССР и Украины в списки (перечни) памятников истории и культуры (культурного наследия), Государственный реестр недвижимых памятников Украины, включая выявленные, вместе с их зонами охраны, расположенные в Республике Крым, принимаются под государственную охрану в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации.

Статья 44

До утверждения перечня исторических поселений, достопримечательных мест в Республике Крым

и определения предмета их охраны сохраняются границы и действуют режимы исторических ареалов населённых мест, определённые научно-проектной документацией, утверждённой в соответствии с законодательством, действовавшим на день принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов.

Статья 45

Предусмотренные законодательством Российской Федерации об охране объектов культурного наследия согласования и разрешения в отношении расположенных в Республике Крым памятников, занесенных в соответствии с законодательством Украинской ССР и Украины в списки (перечни) памятников истории и культуры (культурного наследия), Государственный реестр недвижимых памятников Украины по категории местного значения, их зон охраны, исторических ареалов населённых мест, установленных в соответствии с законодательством, действовавшим на день принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе

Российской Федерации новых субъектов, выдаются органом охраны объектов культурного наследия Республики Крым.

Статья 46. Вступление в силу настоящего Закона
Настоящий Закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Временно исполняющий обязанности Главы Республики Крым С. АКСЁНОВ

г. Симферополь,
11 сентября 2014 года,
№ 68-ЗРК

Постановление Государственного Совета Республики Крым

О Законе Республики Крым «Об объектах культурного наследия в Республике Крым»

В соответствии с пунктом 1 статьи 75, частью 1 статьи 76, частью 4 статьи 78 Конституции Республики Крым Государственный Совет Республики Крым

постановляет:

1. Принять Закон Республики Крым «Об объектах культурного наследия в Республике Крым».
2. Направить данный Закон временно исполняющему обязанности Главы Республики Крым Аксёнову С. В. для подписания и обнародования.
3. Настоящее постановление вступает в силу со дня принятия.

Председатель Государственного Совета Республики Крым В. КОНСТАНТИНОВ

г. Симферополь,
8 августа 2014 года,
№ 2422-6/14

«Крымские известия», 2014, 23 сентября, № 191(5602)

<http://crimiz.ru/index.php/2014-04-03-07-29-46/16267-2014-09-23-05-16-05>

Научно-популярное издание

Историческое Наследие Крыма

Сборник статей

Редактор *Г. Н. Гржибовская*
Корректор *Т. Н. Юкало*
Вёрстка *А. В. Климашенок*

Адрес редакции:
295011, г. Симферополь, ул. Гоголя, 14,
тел./факс: (0652) 24-76-62
Сайт: www.commonuments.crimea-portal.gov.ua
e-mail: monuments@ark.gov.ua

Подписано в печать 24.12.2014
Формат 60 × 84 ¹/₈. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 28,9. Тираж 500 экз.
